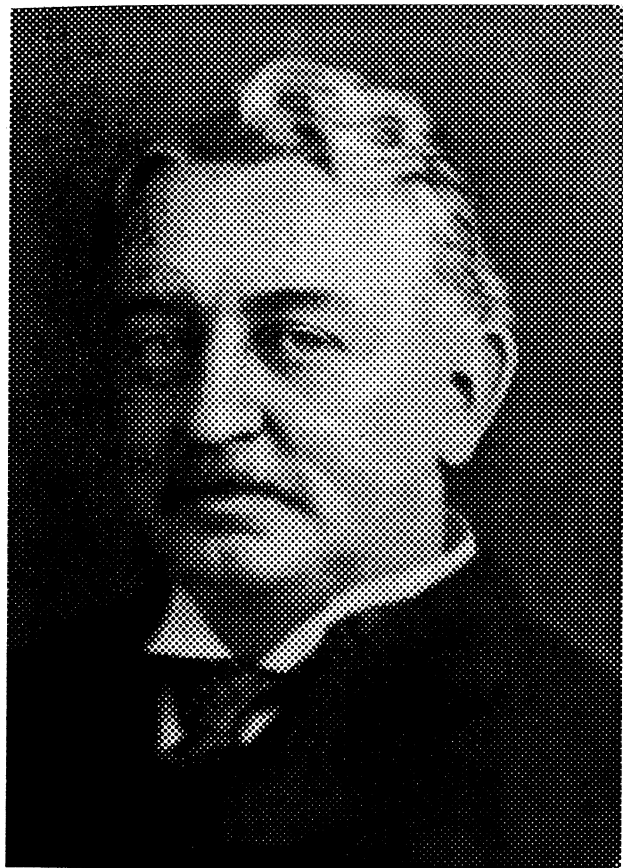

ЧЕЛОВЕК * ЛЕГЕНДА

СЕСИЛ РОДС СТРОИТЕЛЬ ИМПЕРИИ

АПОЛЛОН ДАВИДСОН

— СЕСИЛ РОДС —

ЧЕЛОВЕК - ЛЕГЕНДА

АПОЛЛОН ДАВИДСОН

**СЕСИЛ
РОДС**

СТРОИТЕЛЬ ИМПЕРИИ

**«ОЛИМП» Москва
«РУСИЧ» Смоленск
1998**

УДК 882
ББК 63.3(0)
Д 13

Серия основана в 1997 году

Давидсон А. Б.

Д 13 Сесил Родс — строитель империи. — М.. Олимп;
Смоленск: Русич, 1998.— 448 с.— («Человек-легенда»).

ISBN 5—7390—0573—6 («Олимп»)

ISBN 5—88590—838—9 («Русич»)

Африка Киплинга, Буссенара, Хаггарда Неизведанные дебри, невиданные звери Богатейшие в мире алмазные копи, золотые прииски

Все это связано с именем Сесила Родса, который создавал в Африке Британскую империю. Его имя носили две страны — Южная и северная Родезия. Через основанную Родсом компанию «Де Бирс» и сейчас идут на мировой рынок российские алмазы.

Что же это за человек, который по словам М. Твена, был «архангелом с крыльями — для одной половины мира и дьяволом с рогами — для другой»? Об этом пойдет рассказ в книге.

УДК 882
ББК 63 3(0)

ISBN 5—7390—0573—6 («Олимп»)
ISBN 5—88590—838—9 («Русич»)

© «Олимп», 1998
© Разработка серии,
оформление «Русич», 1998

Я стремился не смеяться
над деяниями людей, не
рыдать над ними, не нена-
видеть, а понимать

Спиноза

В КЕЙПТАУНЕ И В ЛЕНИНГРАДЕ

Каждый день, идя на лекции в Кейптаунский университет, я прохожу мимо памятника Сесилу Родсу. Он сидит, задумчиво устремив взгляд на север, к странам, которые носили его имя, — к двум Родезиям, Южной и Северной. К тем местам, где он основал мировую алмазную монополию «Де Бирс».

Возвращаюсь по Родс-стрит и Сесил-авеню. Справа — красивый белый дом. Родс велел построить его для писателей и поэтов, но успел воспользоваться им только Киплинг. Сюда он уезжал от хмурых лондонских зим, тут написал многое из того, что его прославило.

Сам университет, его факультеты, службы, многочисленные спортивные стадионы — все это стоит на земле Родса, подаренной университету его душеприказчиками. В центре университета — здание, где проводятся официальные церемонии, концерты, самые многолюдные собрания. Это Джемсон-холл, по имени доктора Джемсона, ближайшего друга и единомышленника Сесила Родса. А чуть поодаль, на высоком склоне горы, — огромный мраморный памятник:

«Мемориал Родса». На мраморе выбита строфа из кипплинговского «Надгробного слова» Сесилу Родсу.

...В старинном здании в центре города раз в месяц собирается Клуб совы — старейший клуб Кейптауна (сова — символ мудрости). Здесь выступали Марк Твен, Киплинг, да, пожалуй, все знаменитости, бывавшие на юге Африки. В клубе до сих пор царствуют традиции викторианской Англии. Только мужчины. Только черный костюм. И не галстук, а бабочка. Члены клуба — кейптаунская интеллигенция. Они подтрунивают над своими правилами, но свято их чтут. При входе в клуб, в вестибюле, — большой портрет Сесила Родса, по соседству — мраморный бюст королевы Виктории.

Когда мне предложили быть братом совой, я растерялся: у меня ведь и бабочки-то нет! Бабочку тут же подарили. Так что теперь и я в третий вторник каждого месяца (такова традиция) прохожу мимо портрета Сесила Родса, поднимаясь в клубный зал.

Все это: прогулки по старому Кейптауну, лекции в университете, Клуб совы — стало возможным лишь в последние годы. Несколько десятилетий, вплоть до конца 1980-х, этот край света был для нас заказан. У нашей страны с Южно-Африканской Республикой не было никаких отношений: ни дипломатических, ни торговых, ни научных.

...Теперь, встречая тут на каждом шагу имя Родса, я вспоминаю, когда же услышал о нем впервые. Было это еще до войны. Конечно, не в Кейптауне, а в Ленинграде.

Мы, школьники младших классов, читали книжки про челюскинцев, папанинцев, бесстрашных парашютистов и зорких пограничников.

Но с этими новенькими книжками уживались и совсем другие — те, которыми были полны старые

петербургские квартиры. Тянуло нас не к толстым томам с золотым тиснением, а к ободраным и зачитанным, нередко без начала или без конца. Тогда я и углядел растрепанную книгу «Роза Бургер, бурская героиня, или Золотоискатели в Трансваале. Роман из англо-бурской войны».

Там-то и встретил это имя: Сесил Родс. Чего только о нем не говорилось! Английский лорд, красавец, в центре светского общества, в окружении прекрасных дам. Некоронованный король Кейптауна. Злой гений Южной Африки. Зачинщик и вдохновитель войны англичан с бурами. А Роза Бургер, героиня буров в той войне, — его падчерица, дочь его жены. Есть в романе и своя «миледи». Она соблазняет Родса, уводит его от жены. Действие разворачивается на фоне «бриллиантовых копеек», сражений с бурами, схваток с зулусами...

Такую литературу называли бульварной. Но ведь она так похожа на мексиканские, индийские, американские и прочие телесериалы, которыми сейчас увлекаемся мы или, во всяком случае, многие из нас. Для нас, мальчишек, многие события «Розы Бургер» были уже знакомы по Райдеру Хаггарду, Луи Буссенару и Майн Риду. И эта книга мне казалась куда интересней, чем скучноватый роман Жюль Верна «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке».

По-настоящему я понял ценность «Розы Бургер» много лет спустя, когда захотел узнать, какую же массовую литературу читали в России в начале нашего столетия. «Нат Пинкертон, король сыщиков», «Ник Картер — американский Шерлок Холмс», «Русский сыщик Кобылкин». Они выходили тоненькими брошюрками, по два-три раза в неделю. На плохонькой бумаге, в пестрых обложках. Продава-

лись в лавках, где торговали спичками, папиросами и всякой мелочью. Мальчишки прибегали со своими пятаками в день выхода очередной книжицы.

И вот, представьте себе, в Российской государственной библиотеке, крупнейшей библиотеке страны, из миллионов этих брошюрок осталась только одна — о Нате Пинкертоне. Все остальные когда-то зачитали. Что-то могло сохраниться в старых петербургских квартирах. Но в страшные блокадные месяцы сорок первого и сорок второго мои сверстники, как и я, топили буржуйки своими любимыми книжками.

Так что громадный поток пинкертонов и картеров исчез без следа. Вот я и вспомнил о читанной в детстве «Розе Бургер». Она выходила в те же времена (в 1902-м — в год смерти Родса и окончания англо-бурской войны). Предназначалась тому же кругу читателей, но оказалась все же не столь ходкой. В Российской государственной библиотеке нашлись первые сорок три выпуска «Розы Бургер», а в Петербурге, в Публичной библиотеке, — еще больше: со второго по пятьдесят первый. Ни много ни мало 1224 страницы. В конце пятьдесят первого выпуска читаем: «Выпуск 52-й выйдет в четверг 12 декабря». Но и он, и следующие не сохранились.

Заголовки выпусков чудо как завлекательны: «Остров смерти», «Тайна мумии», «Человек-зверь», «Вдова мертвеца», «Драма под землей», «Береговой шинок под Капштадтом». В выпуске «Король Капштадта в опасности» буры взрывают поезд, на котором Родс едет со своей возлюбленной. Ему приходится драться, в буквальном смысле кулаками, то с зулусами, то со своим соотечественником, англичанином. И не где-нибудь, а возле своих сундуков с сокровищами.

Кто был автором или авторами — неизвестно. Имена на таких изданиях не указывались. Но интрига закручена умело — авторы многих нынешних подобных книжек и фильмов вполне могут позавидовать. К тому же автор (или авторы) знал много южноафриканских событий и имен.

Грубейшие ляпы? Что ж, они случались и у неизмеримо более уважаемых авторов. Любимый всеми нами Паустовский в воспоминаниях «Далекие годы» рассказал, как его дядя сопровождал по России президента Трансвааля Поля Крюгера. А Крюгер в России никогда не был.

Та детская встреча с именем Сесила Родса оказалась для меня лишь началом. Чем бы я ни занимался, время от времени события, связанные с Родсом, напоминали о себе. И дело тут не только в личности Родса, но и в той эпохе. В последние десятилетия прошлого века завершалось создание крупнейших империй: Британской, Французской и нашей, Российской. Сесила Родса называли «строителем империи» и даже «отцом Британской империи», «африканским Наполеоном». Его личность и связанные с ним события — окно в эпоху империй, когда железом и кровью соединялись воедино судьбы народов всех континентов нашей планеты. Одни страны становились объектами имперской политики, другие выступали ее носителями. Отпечаток тех событий лежит на нынешнем облике государств, континентов, на судьбах и характерах их жителей.

Когда-то я написал книгу «Сесил Родс и его время». Она вышла в Москве на русском языке в 1984-м, а чуть позже — и в переводе на английский. Но тогда я еще не видел своими глазами стран юга Африки, не бывал в хранилище архивных документов — Доме Родса в Оксфорде. С тех пор это удалось, повезло.

Бродил по тем дорогам, дышал воздухом тех мест. Роясь в стогах архивного сена, отыскивал былинки тех трав, что удержали запах былого. Пытался ощутить приметы той жизни, мир тех людей, их надежд и страхов, их представлений и предрассудков — ведь предрассудки тогда, как и теперь, влияли на жизнь, да и на политику, не меньше, чем знания. В Зимбабве и Замбии — не так давно еще Южной и Северной Родезии — смотрел на пьедесталы, с которых уже убраны памятники Сесилу Родсу, и гадал, когда же их уберут и в Кейптауне. Или все-таки не уберут?

Но где бы я ни собирал свидетельства, книга «Строитель империи — Сесил Родс» — это взгляд из России.

Еще совсем недавно, буквально несколько лет назад, политики, да и историки, в нашей стране с завидной легкостью рассуждали о великих империях. Проблемы выглядели чужими, а о чужих судить всегда легче. Британская империя, Французская, Португальская, Германская, Итальянская, Испанская... В их истории виделись две силы: имперская и национально-освободительная. Первая — ужасна, отвратительна, вторая — безусловно прогрессивна.

Как же поразительно просто все это выглядело. И как еще недавно! А сейчас?

Распался Советский Союз, наследник Российской империи. И сразу же — цепь непредвиденных событий. Чеченская трагедия — лишь одно из звеньев. Может быть, еще не настало время давать оценки той империи, в которой жили мы, но не думать о ее судьбе мы не можем. А задумавшись — все больше видишь, какой же непростой она была.

Теперь, когда мы все, кажется, можем говорить и писать то, что думаем, — как теперь будут на Кав-

казе относиться к генералу Ермолову? В Средней Азии — к «белому генералу» Скобелеву? В Сибири — к Ермаку? «Смирись, Кавказ, идет Ермолов!» — эти слова на Кавказе помнят. А памятник Ермаку демонтировали в Северном Казахстане уже несколько лет назад.

Что ж, те, кто крушат памятники прошлого — в Африке ли, в Азии или в Европе, — может быть, они и будут лучше и гуманнее тех, чьи памятники они свергают. Такое в истории тоже бывало, но редко. Чаще происходило прямо противоположное.

Главное же, разве, убрав памятники, можно избавиться от противоречивого и многогранного наследия империй? С этим наследием большинство народов мира будет жить и в начале того тысячелетия, к которому мы все так быстро несемся, и еще очень долго. Отмахнуться от этого наследия, зачеркнуть его никому не удастся. К нему не стоит относиться с легкостью. Еще не раз придется нам вспоминать слова Байрона:

Ты топчешь прах империи — смотри!

О том, как создавалась Российская империя, мы знаем меньше, чем о создании Британской. Нас учили, что Российская в корне отлична от всех других, а Советская — тем более. И правда, отличия очень большие. Но что ж, не было ничего сходного? Никаких параллелей?

Об империях нового и новейшего времени, об их наследии, а значит, и об их создателях будут спорить еще долгие годы. Дать ответы, с которыми согласятся все, увы, невозможно. Эта книга ни на что подобное не претендует. Ее цель, как говорилось в известном фильме, — лишь дать информацию к размышлению.

В ЧЕМ ТАЙНА ЕГО МОГУЩЕСТВА?

«Как разбогател Сесил Родс». Под таким заголовком петербургский журнал «Нива» 20 апреля 1902 года поведал российским читателям необычную историю.

В 1870 году из далеких краев в Сидней приехал юноша. Знакомых здесь у него не было, и он долго не мог нигде устроиться. Как-то ночью бродил он по улицам, мечтал о куске хлеба и о крыше над головой. А на рассвете оказался далеко от города, на берегу океана. Там встретил ловца акул. Взял у него удочку да и закинул на счастье. И сразу же вытащил шестиметровую акулу.

Вспороли ей брюхо, и оказался там номер газеты «Таймс» всего десятидневной давности — куда более свежий, чем газеты, прибывавшие с пароходами. Юноша узнал, что в Европе началась франко-прусская война и потому резко подскочили цены на шерсть. Сообразив, как дорого стоит эта вещь в Австралии, он явился к самому богатому в Сиднее торговцу шерстью. Сперва его, оборванца, слуга даже не хотел пускать. Но юноша оказался настойчив.

Уговорил купца скупить весь настриг шерсти. И при этом сумел выторговать себе половину барыша.

Заклучив сделку, купец обратился к неожиданно-му компаньону:

— Позвольте еще раз спросить ваше имя?

— Сесил Родс.

— Постараюсь запомнить. Если вам суждено жить долго, Вы-то уж сумеете сделать его известным всему миру.

Повествование завершалось словами: «Спекуляция блестяще удалась и доставила молодому Родсу первый, легко им приобретенный капитал».

Напечатанная в популярном журнале, история привлекла внимание российской читательской публики. Ведь Сесилом Родсом тогда интересовались. Еще шла англо-бурская война, а его считали главным ее зачинщиком. Даже в глухих уголках Сибири, в деревнях, на крылечках разглядывали тогда фотографии бородатых буров и карикатуры на Сесила Родса. По всей бескрайней России пели:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Шарманки разнесли эту песню повсюду. Паустовский вспоминал, как мальчишкой вместе с друзьями просил шарманщиков еще и еще раз сыграть «Трансвааль», отдавая заветные медяки, припрятанные на мороженое.

Историю с акулой «Нива» не сопровождала никакими пояснениями. Не было и подписи. Прочитал — хочешь верь, хочешь не верь.

Почему Австралия? И что это за «ловцы акул» с удочками? Поймать на удочку шестиметровую акулу и вытащить ее на берег, словно плотвичку или ерша? Прочесть запросто бумаги, совершившие пу-

тешество в акульем брюхе? Даже буйная рыбацкая фантазия такого, пожалуй, не выдумает.

Гротеск этот вышел из-под пера Марка Твена. Может быть, великий американец вспомнил легенду, как когда-то не столь еще известный человек по фамилии Ротшильд использовал весть о битве при Ватерлоо? В «Ниве», ничего не объяснив читателям, просто привели главу из книги Марка Твена «По экватору», которая вышла в 1897 году, а в русском переводе появилась только-только, в 1901-м, под заголовком «Кругосветное путешествие».

Что ж, в «Ниве» ничего не знали о Родсе? Не ведали, что он никогда не был в Австралии? И что состояние он создал совсем другим путем? Отлично знали. Родс умер несколькими неделями раньше, и в «Ниве» был большой некролог с его биографией — разумеется, без Австралии, без акулы и без шерсти. И со своим взглядом на него:

«Теперь, когда Сесил Родс стал прошлым, когда роль его сыграна, можно откровенно сказать, что это была редкая по силе и энергии фигура, редкая даже среди закаленных борцов за идею, созданных и создаваемых Великобританией. Враги Родса, — а их было очень много, — не признавали в нем ничего, кроме порока, корыстолюбия и эгоизма, но они были не правы... Это был горячий патриот, а патриотизм вещь обоюдоострая. Принося добро своей стране, приходится невольно творить зло иноземцам».

Нашлись у «Нивы» и весьма добрые слова: «Все свое колоссальное состояние в 150 миллионов рублей он завещал на английские школы и университеты, или, как он выразился, на «поднятие уровня умственного развития Британской империи». Вот с чем пожелал Родс перед смертью связать свое имя, и в светлом ореоле этого неслыханного пожертвования

на истинно добрые дела должны померкнуть все черные тени его прошлого».

Так что история с акулой не требовала объяснений для читателей «Нивы». Они воспринимали ее как шутку, помня недавний некролог. Да и в других русских журналах и газетах было тогда полно сведений и мнений о Родсе.

Устроить бы, как говорят теперь, «круглый стол» современников Сесила Родса с повесткой дня: что вы думаете об этом человеке?

— Мы живем еще в веке, когда возможны герои. Один из наиболее славных героев живет среди нас. Наши внуки с завистью будут говорить про нас: «Как они счастливы! Они были современниками великого Сесила Родса!»

Так говорил лорд Солсбери, английский премьер-министр. Он был современником Родса, жил во времена наших дедов и прадедов. А внуки, о которых он думал, это мы. Те поколения, что живут сейчас.

— Именно таким людям, как Сесил Родс, Англия обязана величием своей империи.

Это вторил лорду Солсбери Джозеф Чемберлен. А королева Виктория считала Родса человеком «совершенно замечательным» и горевала, что ее министры не похожи на него.

Да и за пределами Англии у него нашлось немало поклонников. Даже кайзер Вильгельм II, такой вроде бы ненавистник всего британского, сказал Родсу:

— Если бы у меня был такой премьер-министр, как вы, я стал бы величайшим государем на свете.

И только ли короли, императоры, министры? Родс был и кумиром толпы, во всяком случае у себя на родине, в Англии. Его «каждое движение служит предметом наблюдения и обсуждения во всем мире» и «каждое слово передается по телеграфу во все ча-

сти земного шара». Так писал Марк Твен. Он тоже восхищался Родсом, но по-своему.

— Откровенно признаюсь, я восхищаюсь им; и, когда пробьет его час, я непременно куплю на память о нем кусок веревки, на которой его повесят.

И вместе с тем, подобно многим, он считал Родса загадкой.

— На его месте десятка полтора великих мира сего рухнуло бы со своих пьедесталов, а он и по сей день стоит на головокружительной высоте, под самым куполом неба, оставаясь чудом своего времени, загадкой нынешнего века, архангелом с крыльями — для одной половины мира и дьяволом с рогами — для другой... Родс сохраняет свою популярность и огромное число приверженцев, несмотря на все свои преступления — это несомненно... В чем же тайна его могущества?

И правда, в чем же эта тайна?

В «Ниве» было приведено мнение «английской газеты из враждебного Родсу лагеря»: «Это был человек удивительной энергии и решимости, делавший при помощи денег все, что только можно сделать за деньги».

Значит, умел делать при помощи денег все, что только можно сделать за деньги. Пусть так. Но ведь встает следующий вопрос: как же он смог получить такие деньги?

О таинственном обогащении Родса ходило великое множество рассказов и слухов. В основе их зачастую лежал домысел о необыкновенном, чудесном везении. Бернард Шоу в пьесе «Простачок с Нежданных островов» довел его до гротеска. Клерк-англичанин клянет свою судьбу в таких словах:

«Что я такое по природе? Сесил Родс — вот кто я такой. А почему же я всего-навсего клерк?.. Да по-

тому что жизнь никогда не давалась мне, как какому-нибудь Сесилу Родсу. Вот он нашел у себя на заднем дворе алмазные россыпи — ничего ему и делать не надо было: смыл с них глину и стал тут же миллионером».

И он сам себе пишет эпитафию: «Здесь лежит человек, который мог бы стать Сесилом Родсом, если бы ему везло так, как Родсу».

Так в чем же на самом деле секрет обогащения Сесила Родса? Откуда вдруг, как черт из табакерки, выскочил этот миллионщик?

ЧТО НАС ТОЛКАЕТ В ПУТЬ?

В июне 1870 года юноша по имени Сесил Родс взошел на палубу корабля «Эудора», который, отплыв от берегов Британии, должен был обогнуть Африку, миновать Кейптаун и прийти в порт Дурбан, в захваченную англичанами страну зулусов.

Был ли это уже тот Сесил Родс, которого знаем мы? Должно быть, нет. Голубоглазый, хорошего роста. Говорил фальцетом, но уверенно. Наверно, уверенность придавали деньги, что дал отец, и еще две тысячи фунтов — подарок тети Софи, сестры матери.

На корабле Родс встретил свое семнадцатилетие. «Нет рассудительных людей в семнадцать лет», — уверял его сверстник Артур Рембо. Через несколько лет он — тоже в Африке. А Шарль Бодлер, обогнувший мыс Доброй Надежды тремя десятилетиями раньше, писал:

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом — даль, за каждой далью — вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
А в памяти очах — как бесконечно мал!

Влекла ли Родса та Муза Дальних Странствий, что манила в Африку несколько поколений юношей-европейцев?

Сколько подростков бежало в Африку с мечтами о необычайных приключениях, грезя экзотической природой, охотой на сказочных зверей в буйных зарослях тропических лесов. Родс плыл как раз на заре той поры. Сразу же вслед за ним, в 1871-м, начал свои странствия Фредерик Силус. Он стал самым известным из европейских охотников в Африке, прототипом Алана Куотермена, героя «Копей царя Соломона» и других романов Райдера Хаггарда. Таких, как Фредерик Силус, в те времена было еще не много. Африканские сафари еще не стали модой для европейских охотников и искателей приключений. И еще только зарождался тот приключенческо-колониальный жанр, который, чуть позднее заполнив книжные рынки, стал рекламой колониальной романтики. Близились события, которые мы теперь называем разделом мира. 1870 год был их кануном. Вот-вот... Современникам это было невдомек.

Родса, видно, влекла не одна романтика. Недаром кто-то из его школьных учителей вспоминал, что ему не была свойственна мечтательность. Что же еще?

Что нас толкает в путь? Тех — ненависть к отчизне,
Тех — скука очага, еще иных — в тени
Цирцеиных ресниц оставивших полжизни —
Надежда отстоять оставшиеся дни

Родс еще не испытал глубоких разочарований, а ненависти к отчизне, кажется, не познал никогда. Юношеская неразделенная любовь? Об этом мы ничего не знаем.

Наверно, Родсу ближе были те чувства, с которыми, в надежде стать миллионером, отправился в Аф-

рику Артур Рембо: «Мой день подошел к концу, я покидаю Европу. Морской воздух прожжет мои легкие, солнце неведомых стран выдубит кожу. Я буду плавать, валяться на траве, охотиться и, само собой, курить; буду хлестать крепкие, словно расплавленный металл, напитки — так это делали, сидя у костра, дражайшие мои пращурсы.

Когда я вернусь, у меня будут стальные мышцы, загорелая кожа, неистовый взор. Взглянув на меня, всякий сразу поймет, что я из породы сильных. У меня будет золото; я буду праздным и жестоким. Женщины любят носиться с такими вот свирепыми калеками, возвратившимися из жарких стран. Я ввяжусь в политические интриги. Буду спасен».

Рембо и вернулся на родину калекой — не в переносном, романтическом, а в прямом смысле этого слова. Не стал героем с таинственным прошлым. Возвратился умирать. И когда в марсельском госпитале бредил расписками и счетами, африканскими пустынями и торговыми караванами, у его кровати дежурила только его младшая сестра. Даже мать не пожелала проститься с блудным сыном. Слава пришла к нему уже посмертно и совсем не в связи с его странствиями.

А Родса в Африке ожидали и миллионы, и власть, и мировая известность.

...Далекое странствие Родса, его беспредельно авантюрный дух и всю его стремительную карьеру — можно ли это объяснить традициями семьи?

Первый из его биографов, Льюис Мичел, проследил историю его семьи до середины XVII столетия. Это были жители небольших селений и городков глубинной Англии. Зачастую они рождались и умирали в одной и той же местности. Отец Сесила Родса не был ни моряком, ни офицером, ни купцом. Он не

пускался в дальние путешествия, никогда не болел ни золотой, ни алмазной лихорадкой. Вел спокойную патриархальную жизнь приходского священника. И даже не на побережье, где все жители, независимо от их занятий, постоянно связаны с морем, а в Центральной Англии, в городке Бишопс Стортфорд графства Хертфордшир.

Там 5 июля 1853 года, за три дня до начала Крымской войны, и родился Сесил Джон Родс. Он стал пятым сыном в немалой даже по тем временам семье: двенадцать сыновей и дочерей (правда, двое умерли еще в детстве).

Родсы пользовались влиянием в тех местах. Они были довольно зажиточны, да и место викария, которое отец Родса занимал почти три десятилетия, давало заметное положение в поселке.

Хорошего здоровья Сесилу от родителей не досталось. Как утверждают многие биографы, он с детства страдал чахоткой (а в те времена туберкулез был болезнью неизлечимой, косил людей, наводил ужас). С ранней молодости давала о себе знать и болезнь сердца.

В отличие от старших братьев Сесил не попал ни в одно из привилегированных учебных заведений Англии. Отцу не по средствам оказалось отправить его ни в Итон, ни в Харроу. Образование Родса ограничилось местной гимназией.

Как важны школьные годы для становления человека! Увлечения тех лет, мечты, даже полюбившаяся тогда музыка — все это остается до последних дней жизни, многое объясняет в поведении, стремлениях, во всей личности. Но как трудно уловить, понять глубинный пласт характера! А уж когда пишешь о человеке, жившем в другой стране, в другом веке, разглядеть его формирование еще сложнее.

Как понять, к чему он стремился, о чем думал, выслушивая наставления учителей?

Большинство его биографий написаны в те времена, когда еще не принято было изучать влияние детских впечатлений на дальнейшую жизнь. «Немного известно о его школьных годах», — писал Льюис Мичел, близко знавший своего героя.

Андре Моруа в книге о Родсе утверждал, что тот еще в детстве мечтал о великих свершениях и о власти. Моруа приводит запись из семейного альбома Родсов. На вопрос «Каков ваш девиз?» тринадцатилетний Сесил ответил: «Совершить или умереть!» Но можно ли считать эту детскую патетику ключом к образу Сесила Родса? У скольких мальчиков в таком возрасте были подобные помыслы!

Известно, что Родс пошел в школу в 1861-м, что он увлекался античностью, что любимыми его предметами были история и география, что он хорошо знал Библию, любил Плутарха и Платона, Гомера и Аристотеля.

Тогда книги влияли на сознание школьника больше, чем сейчас. Не было ведь ни кино, ни радио, ни телевизора. Осип Мандельштам писал: «Книжный шкаф раннего детства — спутник человека на всю жизнь. Расположение его полок, подбор книг, цвет корешков воспринимаются как цвет, высота, расположение самой мировой литературы. Да, уж тем книгам, что не стояли в первом книжном шкапу, никогда не протиснуться в мировую литературу, в мирозданье. Волей-неволей, а в первом книжном шкапу всякая книга классична, и не выкинуть ни одного корешка».

Что могли читать английские школьники в шестидесятых годах прошлого века? Романы Вальтера Скотта уже немного старомодны. «Том Соьер» появится только в 1876-м. А с ровесником Сесила Род-

са — Шерлоком Холмсом — можно будет познакомиться лишь в 1887-м.

Во всех слоях читающей публики знали «Оливера Твиста» и «Дэвида Копперфилда». «Пиквикский клуб» издавался громадными для тех времен тиражами — десятками тысяч экземпляров. Были даже облегченные издания для простонародья, как сказали бы в России — лубочные. Из соотечественников читали Булвера-Литтона, Чарлза Кингсли, Энтони Треллопа, Уилки Коллинза, Теннисона, Мэри Энн Эванс, писавшую под псевдонимом Джордж Элиот.

Из переводных молодежь предпочитала Дюма-отца, виконта Понсона дю Террайля — автора бесконечных томов «Похождений Рокамболя», морские приключения капитана Мариетта, первые романы Жюль Верна. Многим нравились арабские сказки и только что переведенные на английский язык рубаи Омара Хайяма.

Находила себе поклонников зарождавшаяся детективная литература. Да и рукописной эротики тоже, кажется, немало ходило по рукам в той чопорной викторианской Англии. Но самыми распространенными среди молодежи все же оставались исторические и псевдоисторические романы, морские приключения и охотничье-спортивная литература.

Что из этого могло привлекать юного Сесила Родса? Может быть, исторические романы о конкистадорах, о завоевании Нового Света, об адмирале Дрейке и других пиратах королевы Елизаветы? Мы знаем, что впоследствии, уже в Африке, Родс не расставался с томиком «Мыслей» римского императора Марка Аврелия, считал эту книгу кладом мудрости.

Он мечтал об Оксфорде. Но мечта была недостижимой, и, закончив в 1869-м гимназию, он оказался на распутье. В следующем году решено было, что Сесил

отправится на юг Африки, где уже обосновался один из его старших братьев, двадцатипятилетний Герберт.

Почему судьба его решилась именно так? Одни биографы видят причину в слабом здоровье Родса, для которого якобы был полезен южноафриканский климат. Другие напоминают, что в тогдашних английских семьях многие сыновья отправлялись в колонии: там, конечно, куда больше неожиданностей, опасностей, риска, но зато легче пробить себе дорогу, сделать карьеру, разбогатеть. Так разлетелись по свету и братья Сесила Родса — уехали в колонии, служили в армии. Никто из них не захотел пойти по стопам отца. Верх взяли не семейные традиции, а дух времени. И если отец окончил свои дни дома, в Англии, то трое из его сыновей — в Африке.

Сесил Родс впоследствии говорил так:

— Почему я отправился в Африку? Ну, вам могут сказать, что для поправки здоровья или из-за тяги к приключениям — в какой-то мере и то и другое верно. Подлинная же причина в том, что я не мог больше сидеть без дела.

Так объяснял свое прошлое зрелый политик, король алмазов и золота. Но так ли ясно это было тому семнадцатилетнему юноше?

В СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Он плыл на паруснике. Деревянный корабль «Эудора» шел по тем временам не так уж медленно, путешествие заняло всего только... семьдесят два дня. Два с половиной месяца!

Было время подумать, вспомнить туманные берега удалявшейся родины, помечтать о приближавшихся жарких краях. Что еще делать длинными днями,

вглядываясь в бесконечное однообразие морских далей? Хорошо думалось и вечерами, при тусклом свете раскачивающихся масляных ламп, и ночью, после десяти, когда лампы гасили. Во избежание пожаров пассажирам строго-настрого запрещалось зажигать в каютах не только свечи, но даже тогдашнюю новинку — спички. Так он и коротал время — в разговорах со спутниками, в размышлениях о будущем.

Среди пассажиров многие, если не большинство, — переселенцы, люди, решившие начать новую жизнь вдали от родины, далеко не ко всем милостивой. Да и те, кто не хотел окончательно переселяться, ехали на долго. Если одна только дорога туда и обратно занимает почти полгода, вряд ли кто отправится в путь просто для развлечения. Больше всего, конечно, говорили о Южной Африке. Припоминали газетные сообщения, обсуждали слухи. Родс внимательно слушал, изредка вставлял свое слово, ведь он тоже знал кое-что о Южной Африке — из писем Герберта.

Вспоминали и рассказы путешественников. Тогда по всей Европе говорили о Ливингстоне. Его «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке», изданные в Лондоне в 1857 году, были переведены на многие языки. А в 1870-м тревога о судьбе Ливингстона, затерявшегося где-то в дебрях Тропической Африки, глубоко взволновала людей во многих странах мира. Журналист Стенли по поручению газеты «Нью-Йорк геральд» готовился отправиться на поиски.

За кормой корабля полыхала одна из самых больших европейских войн второй половины прошлого столетия — между Францией и Пруссией. Она началась, когда корабль плыл по Атлантике. Но телеграфа еще не было, и вести шли долго, так что обсуждать ход этой войны было трудно. Поминали и другие войны. Ведь и за короткую жизнь юного Родса

редкий год английских солдат не посылали сражаться и умирать. В России — Крымская война, в Индии — восстание сипаев, в Китае — вторая опиумная война, в Японии — бомбардировка портов, в Эфиопии — война против крупнейшего африканского государства. Одно время носилась в воздухе даже угроза войны с Соединенными Штатами.

Вот они, красные мундиры, — и в портах, и на судах. Среди тех, кто плыл с Родсом на одном корабле, многим придется отправиться потом в разные концы света расширять пределы Британской империи, где «никогда не заходит солнце». И не все, далеко не все вернутся домой. Об этом, конечно, говорили и на палубе, и в салоне, и в каютах: кто — с тревогой, кто — с патриотической напыщенностью.

Пассажиры из состоятельных обсуждали и светские новости, а кто-то и литературные. Смерть Диккенса — он умер за несколько дней до отплытия их корабля (о смерти Проспера Мериме не знали — он скончался, когда они были уже у берегов Южной Африки). Новинки — «Лунный камень» Уилки Коллинза и «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Романы модного тогда Энтони Троллопа. Сам Троллоп через несколько лет тоже сядет на корабль, чтобы повидать юг Черного материка и написать двухтомник «Южная Африка». Романы Жюль Верна. Герои одного из них — «Пять недель на воздушном шаре» — летали над той самой Африкой, откуда сейчас пышет жаром на просмоленные борта парусника. А герои другого — «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке» — изучали как раз те места, куда теперь направляются Родс и его спутники.

Любимый сверстниками Родса Эмиль Габорио сам служил в Африке, был кавалеристом. Да и Дюма трудно не вспомнить. Он отправил своего виконта

де Бражелона «в Африку, где умирают». И сам побывал в Африке, и издал, как после каждого своего путешествия, несколько томов путевых впечатлений. Теперь ему шестьдесят восемь, уж не до путешествий и не до сражений, жить осталось несколько месяцев. А Понсон дю Террайль, почти столь же плодовитый, как Дюма, уже сражается против пруссаков, вторгшихся на французскую землю.

Литературные реминисценции занимают немногих. Элиту. Большинству не до светских бесед. Книг некоторые из переселенцев и раньше не читали. А уж тут — до того ли? Ведь едут они на чужбину не просто так, а от злой судьбы. Что-то там, впереди? Да и на корабле уже начались несчастья — кто-то тяжело заболел, а лечить нечем, другой, изрядно выпив, устроил скандал...

Чего только не посмотрелся, не наслушался он за эти два с половиной месяца, за шесть тысяч миль пути, и на корабле, и в портах. Близко увидел жизнь бедняков, и выглядела она куда страшнее и непригляднее, чем из окон дома стортфордского викария. Изможденные женщины, грязные дети, беспомощные старики. Пьяницы, шулеры, проститутки...

Родс не оставил воспоминаний об этом пути, как и вообще о своей жизни. Но вот впечатления другого человека. Тоже семнадцатилетним, он вслед за Родсом проплыл тем же самым путем несколькими годами позднее. С этого плавания, писал он в старости, «началось мое воспитание; моими учителями были игроки, авантюристы и женщины свободных нравов — те, кто составили большинство в списке пассажиров старого, изъеденного ржавчиной «Мавра». Я буквально ощущал, как отрочество покидает меня. Помню, как на пятую ночь, вконец истерзанный морской болезнью, я стоял на корме «Мавра»

и мысленно возвращался домой, в Англию, по другую сторону этой черной воды. В каюте позади меня кричали женщины, неистовствовали игроки, дрались пьяные. У меня так щемило сердце, что я зарыдал тогда. Но это были мои последние слезы. Кожа моя начала грубеть».

Юношеские впечатления врезаются в память на всю жизнь. Не стояли ли перед глазами Родса картины, виденные им на корабле и в портах, когда он, уже зрелый политик, думал захватом колоний при-тушить социальные конфликты в метрополии?

В СТРАНЕ ЗУЛУСОВ

Первого сентября 1870 года, миновав мыс Доброй Надежды, Сесил Родс высадился в порту Дурбан в английской колонии Наталь. Эта населенная зулусами страна была не столь давним приобретением англичан — ее захватили в сороковых годах.

Старший брат не встретил Родса. Герберт уехал в район только что найденных алмазных месторождений. Они еще не считались крупнейшими в мире — никто, вероятно, и не предвидел тогда такого оборота событий, — но алмазная лихорадка уже началась.

Сесил Родс заразился ею не сразу. Свою южно-африканскую жизнь он начал в Питермарицбурге, административном центре Наталья. Там он остановился у друзей брата. Когда Герберт вернулся, братья попытались выращивать хлопок на ферме Герберта в долине Умкомаас. Правда, старший брат больше бывал на алмазных копиях, чем на ферме, и Сесил, в сущности, вел хозяйство один, управляя работой тридцати зулусов.

Сам Родс вспоминал потом о жизни на ферме как о времени почти идиллическом. Жили они с братом в хижине: две кровати и стол. Цветущая долина, лазурное свежeweымытое небо, сверкающее солнце...

«Чувствуешь, что каждый глоток этого воздуха есть прибавка запасу здоровья, он освежает грудь и нервы, как купанье в свежей воде». Так писал из Южной Африки, «этого тихого и счастливого уголка», И. А. Гончаров, побывав там на фрегате «Паллада» в год рождения Сесила Родса. А не больно крепкому здоровьем Родсу здешняя природа казалась, наверно, особенно приветливой после хмурого неба туманной Англии.

Идиллия идиллией, но практическая жилка проявилась еще тогда — в отношении юного Родса к африканцам. «Я дал денег кафрам, поскольку наступило время уплаты налога на хижины, и они нуждаются в деньгах. Если вы ссужаете им деньги, они придут и будут работать, как только это вам понадобится. К тому же вы получите у них добрую славу. И, в сущности, кафры надежнее Английского банка», — писал он матери.

Была у Родса и цель: он хотел накопить денег для учебы в Оксфорде. Зачем? Ответ он дал сам: «Вы задумывались когда-нибудь, почему это во всех сферах общественной жизни так много выпускников Оксфорда? Оксфордская система выглядит, казалось бы, весьма непрактичной, но ведь вот, куда ни глянь, — кроме области научной — выпускник Оксфорда всегда на самом верху».

Дела между тем шли не так уж хорошо. Два урожая хлопка большого барыша не принесли. Цены на хлопок падали. Родс писал домой: «Здесь только и разговору, что об алмазах». Все больше колонистов Наталя покидали насиженные места и отправлялись в погоню за богатством.

Он прожил в Натале немногим больше года. В октябре 1871-го, оставив ферму, тоже пустился в путь к алмазным копям.

Вот, пожалуй, и все, что известно о начальном периоде его жизни в Африке.

Любимый Родсом Марк Аврелий писал: «Не все же разглагольствовать о том, каким должен быть человек, пора им стать».

Каким же человеком становился Родс? Его возмужание — это превращение в колониста. А колонист — это уже не просто европеец, не просто англичанин или француз. Это человек, чья психика, мораль, взгляды на жизнь формировались имперским мышлением. На европейца, приехавшего в колонию, сразу распространялись привилегии белого цвета кожи. По отношению к коренным жителям он сразу же становился существом высшего порядка, которому позволено если и не все, то очень многое.

В результате получалось, что зеленый, совсем еще не оперившийся, полный сомнений и колебаний юноша, приплыв из Европы, обретал вполне определенные и зачастую весьма жесткие взгляды. Сомнения слабели, им на смену приходила уверенная хватка. И если он через несколько лет приезжал на родину, в Европу, его отличие от оставшихся дома сверстников явно бросалось в глаза.

У многих эта перемена в сознании приводила к двойной морали: одна — для жизни в колонии, другая — для жизни в Европе.

Из романа французского писателя Жоржа Оне, изданного в конце прошлого века: «Меслер был прямодушен и добр на редкость. Но в Африке... он никогда не колебался выстрелить... В Трансваале это называлось быть энергичным. Во Франции это считалось бы преступлением. Вопрос географической

широты, среды и обстоятельств». Его жену умоляют: «Не показывайте мне ваш африканский облик... Покажите мне ваше парижское лицо. Ведь это же не мадам Меслер, грозная и решительная королева, что царствует над дикарями среди тигров. Не ее я пришел повидать. Нет, это же мадам Меслер, милостивая, благосклонная, та, что живет на Елисейских полях».

С возрастом нравственная раздвоенность нередко исчезала. На смену ей снова приходила цельность, но побеждало чаще всего благоприобретенное — то, что накопилось за время жизни в колониях. И получалось: в колониях, среди «дикарей» создавался тип людей с нравами иными, чем дома, в метрополии. А потом эти люди приезжали в Европу. Тут поражал непривычный «либерализм», и они стремились внедрить на родине свой колониальный опыт...

В конце прошлого века это хорошо подметил корреспондент русских либеральных журналов Иосиф Шкловский, дядя Виктора Шкловского. Он писал из Англии (под псевдонимом — Дионео): «Представителем нашего округа в парламенте с незапамятных времен был старый отставной генерал. Выслужился он где-то на западном берегу Африки; там с небольшим отрядом и пятью пушками он насадил европейскую культуру, т. е. выжег столько деревьев, вырубил столько плодовых деревьев и истребил столько негров и коров, что край этот пустынен до сих пор, хотя прошло уже много, много лет... В парламенте старик был раза два, но свое присутствие озаменовал. Послушав речи оппозиции, старик заявил, что, собственно говоря, с ней нужно было бы расправиться «по-африкански», т. е. впустить несколько солдат, вкатить пушечку и затем: «Раз, два! Направо коли, налево руби!»

Как появилось колониальное лицо Европы, мы в общем-то знаем, но именно в общем. А конкретно, зримо?

Пожалуй, мы куда лучше знакомы с выдуманными великим Дефо переживаниями Робинзона Крузо, который шаг за шагом в одиночку колонизовал необитаемый остров и подчинял себе единственного аборигена, Пятницу, чем с духовным формированием реальных колонистов.

Вот и о Родсе, о том, как шло становление его личности в новой, колониальной жизни, известно немного. По биографиям, по его письмам тех лет трудно понять, как он относится к большим событиям в Европе или в Африке. На африканский берег Родс сошел в день разгрома французской армии при Седане. Для современников само это слово долго потом было нарицательным. Тютчев на смертном одре, в 1873 году, грустно острил: «Это мой Седан». А Парижская коммуна! Сколько говорили и писали о ней! Но волновало ли это Родса?

Европа отдалялась от него, и, окажись Родс на каком-нибудь другом конце земли, кто знает, как пошло бы формирование его личности. Но в Южную Африку он попал в особые, переломные годы, когда тугой узел связал ее судьбу с Европой и всем миром.

Южная оконечность Черного материка и прежде не была уголком мира, забытым Европой. Даже Наполеон в своих глобальных планах поминал этот край земли: «Мы должны взять Египет, если уж не можем выгнать Англию с мыса Доброй Надежды». А после битвы при Трафальгаре, когда адмирал Нельсон сокрушил вместе с французским флотом и наполеоновские планы вторжения в заморские страны, «император французов» заявил: «На Эльбе и на

Одере мы получим нашу Индию, наши испанские колонии и наш мыс Доброй Надежды».

Но в конце шестидесятых годов прошлого века, как раз накануне приезда Родса в Южную Африку, современникам казалось, что этой окраине Старого Света предстоит забвение. Уходила в прошлое та роль, которую она играла в мировом хозяйстве, — роль главной заправочной стоянки на полпути между Европой и Востоком, у самого опасного участка этого пути, где сталкиваются течения двух океанов, Атлантического и Индийского. В течение нескольких столетий даже самые отчаянные шкиперы облегченно крестились, когда удавалось благополучно пройти до «морской таверны» — Кейптауна.

В ноябре 1869 года открылся Суэцкий канал. Караванам океанских кораблей уже не надо было огибать мыс Доброй Надежды и бросать якоря у южноафриканских причалов. Портам Южной Африки предстояло утратить свой космополитический облик. С улиц Кейптауна исчезали разноязыкие толпы матросов, которые прежде, растекаясь повсюду пестрыми потоками, приводили в движение всю городскую жизнь.

Надо ли теперь поставлять припасы сотням кораблей, нужны ли мастерские для бесчисленных ремонтных работ? С открытием Суэцкого канала юг Африки оказался в стороне от мировых торговых артерий. А сам по себе он не представлял такого уж интереса для Европы. Колонисты разводили тут крупный рогатый скот и овец, делали вино, отправляли в Европу и Америку шерсть и страусовые перья. Городов и поселков с населением больше тысячи человек в здешних колониях едва набиралось два десятка. Железных дорог — меньше шестидесяти миль.

Южная Африка, казалось, была обречена на то, чтобы о ней вскоре совершенно забыли — как о за-

холустье где-то на краю ойкумены. Автор романа «Обломов», побывав там в 1853-м, вынес приговор: «Здесь нет золота, и толпа не хлынет сюда, как в Калифорнию и Австралию». Но произошло непредвиденное — «второе открытие» Южной Африки. Именно там нашли крупнейшие в мире месторождения алмазов и золота, и притом очень близко друг от друга, на расстоянии каких-то двухсот пятидесяти миль.

И ринулись туда десятки тысяч людей. Южная Африка стала для них, по словам Киплинга, «чудо-женщиной», женщиной «прекрасней всех, всех боготворимей».

Куда там Калифорнии и Австралии! Разве находили в их недрах столько богатств? То, что произошло на юге Африки, превзошло самые фантастические мечтания прежних времен.

Вот этот бурлящий поток и стал формировать личность Сесиля Родса.

В ЧАДУ АЛМАЗНОЙ ЛИХОРАДКИ

Древние греки называли его «адамас» — несокрушимый, непобедимый, арабы — «ал-Мас» — наитвердейший. В Индии перед ним когда-то преклонялись как перед святыней. «Алмаз... Это свет солнца, сгустившийся в земле и охлажденный временем, он играет всеми цветами радуги, но сам остается прозрачным, словно капля», — писал Куприн.

Почти две тысячи лет мир знал только индийские алмазы. «Кохинор», сверкающий в британской короне; знаменитый бриллиант «Орлов», украшение скипетра русских царей; «Шах», подаренный Николаю I персидским шахом, чтобы задобрить царя после убийства Грибоедова, — все они родом из Индии.

Но вот уже сто с лишним лет слова «алмазы» и «бриллианты» больше ассоциируются с югом Африки. Там найден самый крупный в мире алмаз — «Куллинан». Там добывают теперь больше всего ювелирных алмазов. Даже бразильские алмазы ученые связывают сейчас с южноафриканскими. По гипотезе о суперматерике Гондвана, Южная Америка примыкала когда-то к Африке. Во всяком случае бразильские алмазы сходны с южноафриканскими.

Сколько преданий и историй рассказывали об индийских алмазах! «Лунный камень» Уилки Коллинза и «Алмаз раджи» Стивенсона. А теперь наступила очередь южноафриканских обрастать легендами. Так снова и снова возникала молва о бриллиантах, которые лежат в Атлантике на глубине почти четырех километров в сейфах «Титаника», затонувшего в 1912 году из-за столкновения с айсбергом. С конца 1985-го, когда франко-американская экспедиция обнаружила останки «Титаника», вокруг находящихся там алмазов поднялась новая волна ажиотажа.

Алмазы Южной Африки теперь и в приключенческих романах, начиная с Луи Буссенара, и в детективах, и в голливудских боевиках, и в популярных шлягерах.

Южноафриканские алмазы были открыты возле слияния рек Оранжевой и Вааль. Бурский фермер фан Никерк увидел однажды, как мальчик-готтентот на ферме его друга Якоба играет блестящим камешком. «Если хочешь, забирай его, пожалуйста», — сказал ему Якоб. После нескольких перепродаж этот алмаз приобрел за пятьсот фунтов стерлингов тогдашний губернатор Капской колонии. Было это в 1867-м.

Через два года фан Никерку снова повезло. Та-

кой же «камешек», только намного большего размера, углядел он у местного знахаря-африканца. Фан Никерк и тут не растерялся. В алмазе оказалось восемьдесят три карата. Фан Никерк продал его перекупщику за одиннадцать тысяч фунтов, а тот — лорду Дадли за двадцать пять. Алмаз получил название «Звезда Южной Африки».

Слух об алмазах распространился по всему свету. Уже со второй половины 1869-го, но особенно с 1870-го юг Африканского материка стал новым Эльдorado. В европейских и американских газетах замелькали названия трех бурских ферм: Де Бирс, Дютойтс-пан, Блумфонтейн. И еще чаще — холма Колсберг, вокруг которого вырос поселок старателей.

В памяти людей еще жива была калифорнийская золотая лихорадка — с тех времен прошло только двадцать лет. В одной из книг по истории Америки говорится: «Ремесленники побросали свои орудия труда, фермеры оставили урожай гнить на полях, а скот — околевать от голода, учителя забыли свои учебники, адвокаты покинули клиентов, служители церкви сбросили облачения, матросы дезертировали с кораблей — и все устремились в едином порыве к району золотых приисков. Деловая жизнь в городах замерла. Покинутые дома и магазины ветшали и приходили в упадок. Золотоискатели шли как саранча...»

В Южной Африке алмазной горячкой заразились раньше всего не те, кто жил поблизости от обнаруженных россыпей. Африканцы, обитавшие в тех местах, даже представить себе не могли, сколько платили в Европе за прозрачные камешки. Да и бурские фермеры не собирались утруждать себя изнурительной старательской работой. Они давно уже оторвались от Европы, от европейских вкусов и ценностей.

Фан Никерк со своим интересом к алмазам был исключением.

В район алмазных месторождений ринулись англичане, американцы, немцы, французы. Из Кейптауна и других обжитых европейцами мест Южной Африки. Издалека — из Европы, Америки, Австралии. Очень это пестрая оказалась публика. Были и люди, считавшиеся у себя на родине джентльменами. Они не видели для себя ничего зазорного в том, чтобы, окончив Оксфорд, взяться за кайло и бутарку, как лорд Солсбери, примкнувший к золотоискателям в Австралии. Это не помешало ему стать потом британским премьер-министром. Были и романтики.

Мы, мечтатели, мечтали, задыхаясь в городах,
О заморских светлых даях, о чужих морях...

Первым испытанием оказалась дорога. И даже не плавание через океан, а путь по самой Южной Африке.

Месторождения алмазов лежали далеко в глубине континента, за пределами Капской колонии и республик Оранжевое свободное государство и Трансвааль, основанных переселенцами-бурами. Пробижаться надо было сотни миль по пустынным землям, да еще с тяжелым багажом — на месте ведь ничего не купишь. Приходилось нанимать или покупать большие фургоны, в которые запрягались десятки волов, — дорога была трудная, со скалистыми подъемами и спусками. По пути и, главное, в самом районе алмазных копей почти не было леса, негде было укрыться от палящего солнца. Как выдержать все это? И многие не выдерживали. Сколько? Никто не считал.

Поначалу большинство старателей составляли не наемные рабочие, а владельцы участков. В стара-

тельских поселках — никаких законов, никакой власти, кроме власти кулака или оружия, оказавшегося под рукой. Район месторождений считался ничьей землей — ни одно из европейских государств еще не успело его захватить, а с правами африканцев Европа не склонна была считаться.

Старатели создали свою республику — Республику алмазных полей и свою власть — Комитет старателей. Его президентом избрали бывшего английского моряка Стаффорда Паркера, известного крепкими бицепсами. Недовольные избрали другой комитет с другим президентом. На вмешательство английских властей группа антибритански настроенных старателей ответила «восстанием черного флага» и подняла флибустьерский «Веселый Роджер».

Оранжевая республика объявила, что месторождение находится в пределах ее территории и является ее собственностью. Заявил свои претензии и Трансвааль. Но за дело взялась Великобритания, и развитие событий пошло по обычной схеме отношений крупных государств с малыми. Как это у Марка Твена в «Похищении белого слона»? «Между Великобританией и Сиамом возникли недоразумения по поводу пограничной линии, и, как сразу же выяснилось, Сиам был не прав». Вот и на юге Африки сразу же выяснилось, что бурские республики, конечно, были не правы.

В октябре 1871-го район алмазных копей оказался британским (а еще через пять лет был официально включен в Капскую колонию). Операцию эту провел английский министр колоний лорд Кимберли. По его имени назвали поселок старателей, а потом и возникший на том месте город. И тот алмазный бум зачастую называют кимберлийским, а породу, в которой оказались алмазы, — кимберлитом.

Как раз в октябрьские дни 1871-го в те места и отправился Сесил Родс, навсегда расставшись со своей плантацией у побережья Индийского океана.

Путь пролегал через Оранжевую республику. Родс впервые видел столько бурских ферм — в Натале он жил среди поселенцев-англичан. Начиналась весна, природа расцветала. Животный мир тех мест был еще очень богат: стада антилоп, зебры, жирафы, страусы, дикие кошки, гиены, шакалы. Встречались еще и львы, и слоны, и носороги.

Путь долог, даже по прямой — километров шестьсот, и пришлось ведь перебираться через Драконовы горы, самые высокие в Южной Африке, преодолевать глубокие ущелья, русла рек, и полноводных, и высохших. Дорог зачастую не было, а о мостах не могло быть и речи. На всем пути постоянный двор оказался только в Блумфонтейне, который был тогда маленьким неприметным поселком, столицей столь же неприметной бурской республики Оранжевое свободное государство.

В большом запряженном волами фургоне Родс вез продукты и вещи. Вместе с заступом и ведром для добычи алмазов — словарь древнегреческого языка и несколько книг античных авторов: не покидала мечта об университете. Сам Родс ехал впереди фургона верхом на пони. Пони не выдержал трудного пути, околел. Человек оказался выносливее. В ноябре добрался до холма Колсберг, крупнейшего лагеря старателей, когда вместо флагов независимой республики старателей уже развевался «Юнион Джек». Среди сотен участков (каждый по 31 квадратному футу) три принадлежали его брату Герберту.

В письме к матери Родс описал это место, которое и стало потом городом Кимберли. «Представьте себе небольшой холм. Самая высокая его точка поднимается всего лишь на тридцать футов над окружающей местностью; в ширину этот холм — сто восемьдесят ярдов, в длину — двести двадцать; все пространство вокруг холма занято белыми палатками, а за ними на милях и милях — плоская равнина с пологими возвышенностями здесь и там. А теперь взгляните на холм от входа в мою палатку. Перед Вами — словно бесчисленные муравейники, покрытые черными муравьями так густо, как только можно; это муравьи — человеческие существа. Вспомните, что на этом холме — шестьсот старательских заявок и каждая из них в свою очередь разделена обычно еще на четыре участка, и на каждом из них работает, как правило, шестеро черных и белых. Значит, десять тысяч человек возятся ежедневно на кусочке земли площадью в сто восемьдесят на двести двадцать ярдов.

...По всему холму — дорожки, по ним на тележках вывозится порода... Но перил у этих дорожек нигде нет, и мулы, тележки и все остальное то и дело летит вверх тормашками вниз, в уже глубоко вырытые ямы».

Видно, щадя мать, Родс не написал, что с висячих настилов летели вниз не только повозки и тачки, но и люди. Их изуродованные тела поднимали потом в тех же больших кожаных мешках, в которых из каждой ямы доставляли наверх породу. Чаще это была участь черных рабочих, выполнявших самую тяжелую работу, — старатели нередко нанимали их, оставляя за собой только роль надсмотрщиков. Но гибли и белые.

Алмазную лихорадку в Южной Африке мы представляем далеко не так отчетливо, как золотую в

Клондайке или Калифорнии. Но брет-гартовский «Ревущий стан» и джек-лондонская «Страна Белого Безмолвия» в какой-то мере дают представление о Кимберли.

Жара. Сушь. Нет свежих продуктов, не хватает самого необходимого. Страшная дороговизна — из-за дальности и трудности пути. Цены в Кимберли во много раз выше, чем в Кейптауне. Недостаток питьевой воды. Эпидемии.

Как найти хороший участок? И как защитить его? Постоянное нервное напряжение, мгновенная смена радости и отчаяния. Убийства. Самоубийства. Смерть — не событие, а будни. Болезни, даже самые страшные, — ничто. Мысли людей занимает одно — алмазы.

Ямы становятся все глубже и глубже, переборки между ними истончаются, обвалы происходят все чаще. Сам холм с каждым днем уменьшается, стесывается тысячами лопат. Усилиями старателей на месте холма Колсберг со временем возникло самое большое искусственное углубление в земной коре. Его называли Большой ямой. К 1914 году, когда разработка этих копей была прекращена, глубина кратера достигла 1098 метров и из него извлекли уже больше трех тонн алмазов. Место это до сих пор привлекает множество туристов.

Кажется, Родс предвидел такой оборот событий. «Когда-нибудь на месте этого холма я увижу большой водоем», — писал он. Вряд ли он понимал, что, когда такое время наступит, именно ему, Сесилу Родсу, и будет принадлежать все это.

Но как же это случилось? Включиться в число старателей, стать одним из десятков тысяч человеческих существ, копошившихся в этом муравейнике, — разве это уже все? Восемнадцатилетний моло-

дой человек без опыта старательского дела, да, в сущности, и вообще без жизненного опыта...

В самое ответственное время — на первых порах — Родс оказался предоставлен самому себе. Уже через две недели после приезда на прииски он оказался один: Герберт надолго уехал в Наталь, а оттуда в Англию. А ведь среди конкурентов Сесила были люди с большим опытом приискового дела.

Так как же все-таки он разбогател? В чем состоял, как сказали бы сейчас, феномен Сесила Родса?

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, ГОСПОЖА УДАЧА

Тайну быстрых обогащений нелегко понять (да что там говорить, признаюсь, мне сейчас трудно понять секрет появления «новых русских»). Не потому ли так широко бытовали в Америке легенды о мальчишках-чистильщиках сапог или разносчиках газет, вдруг становившихся миллионерами. Конечно, проще всего объяснить дело слепой удачей — *a little bit of luck*, как говорят англичане.

Веселый Бог Удачи
Умножил мой доход.

Вскоре же по приезде на копи Родс писал матери: «В субботу я нашел $17\frac{5}{8}$ каратов... Я надеюсь получить за них сто фунтов... Вчера я нашел отличный камешек в три с половиной карата, продал за тридцать фунтов... В среднем я нахожу тридцать каратов в неделю». Скоро он стал приобретать участки для самого себя, не довольствуясь теми, что уже имелись у брата. Когда Родсу было восемнадцать с половиной лет, его участки оценивались в пять тысяч фунтов.

Так что удачи были. Но разве этим все исчерпывается? Родс с самого появления своего на алмазных копях не входил в число беднейших старателей. Нужды он не знал. Ему не приходилось думать, что он будет есть завтра и будет ли у него крыша над головой. В случае неудачи на юге Африки он всегда мог вернуться в Англию.

Мы не знаем, с какой суммы он начинал: сколько дал ему отец, отправляя в дорогу, сколько он заработал в Натале продажей хлопка. Знаем только, что он получил две тысячи фунтов от тети Софи, сестры своей матери. Но даже эта сумма — только часть его достояния — разве она так уж мала? Многие из тех, кто разбогател в пору алмазной горячки, начинали с неизмеримо меньшего. Братья Родсы были среди тех весьма немногих старателей, которые владели целыми, неподеленными участками. Большинству это было не по карману.

Старший брат при всей своей непоседливости, а может быть, именно благодаря ей, оказал Родсу услугу. Он поспел на копи одним из первых. А потом часто уезжал с копей. То его манили слухи о золоте, найденном где-то в глубине континента, то он продавал оружие африканским вождям, за что был посажен португальцами в тюрьму в Лоренсу-Маркише... И как когда-то доверил младшему брату ферму, так доверил ему и работу на своих участках, а это была хорошая школа. В 1873-м Герберт уехал совсем и продал Сесилу свои участки. Еще через несколько лет, забравшись далеко в глубь Африки, он погиб где-то у озера Ньяса. Вроде бы сгорел в своей хижине во время пожара из-за взрыва бочонка рома. Смерть искателя приключений.

Итак, Сесил уже в 1873-м стал полновластным хозяином нескольких неподеленных участков. И у него

были деньги. Но и это еще не разгадка тайны его обогащения. Чтобы приумножить этот капитал, нужно было обладать определенными свойствами характера. Родс ими обладал. Прежде всего его отличала целеустремленность, поражавшая всех, кто его знал и в юности, и в зрелые годы. И способность быстро ориентироваться в сложной обстановке (потом она, бывало, изменяла ему, но в молодости, в решающие годы жизни, кажется, действовала безотказно).

Довольно рано развилось у него и умение оценивать конъюнктуру рынка. И стремление искать новые пути для решения своих задач. Даже чисто технические средства. К изумлению других старателей, он то привозил издалека паровую машину, то покупал насос для выкачивания воды из копей, то вдруг загорался новой неожиданной идеей. Производством льда, например. Организовал его продажу.

У Родса рано проявился талант, который считают залогом успеха предпринимателей и менеджеров: умение находить нужных людей, привлекать их к себе и использовать. Он говорил, что каждый человек имеет цену. Разбогатев, стал подкупать и покупать нужных людей. Поначалу таких возможностей у него не было, приходилось уговаривать, объяснять, сколь радужны перспективы сотрудничества, пускать в ход лесть...

Так он сумел найти незаменимого компаньона. Чарлз Радд был опытнее Родса, на девять лет старше, имел отличное образование — окончил Харроу и Кембридж, умело вел дела и обладал средствами. Одним словом, он стал для Родса тем же, чем Мак-Кулло — для киплингковского Энтони Глостера. И Родс так же сумел выжать все из своего компаньона, подмал его под себя, заставил служить своим целям.

На алмазных копиях Родс столкнулся с самыми разными людьми. Сколько оттенков кожи, сколько

социальных типов, характеров! Он постигал сложную науку — управлять. В первую очередь африканцами, теми, кто составлял основную человеческую массу на громадном материке, где ему предстояло прожить свою жизнь. Конечно, Родсу чем-то помог опыт, приобретенный в Натале на хлопковой плантации, хотя и был этот опыт невелик.

В сущности, только тут Родс увидел, сколь многолико население Южной Африки. Там, в Натале, он сталкивался только с соотечественниками — англичанами, а из коренного населения — с зулусами, это был их край. Представителей других африканских народов там почти не было. А тут, в Кимберли, кого только не увидишь. «Тут бушмены, коранна, готтентоты, гриква, ботлапинги, дамара, баролонг, барутсе, бакатла, баквена, бамангвату, бапели, магалака, батсветла, баганана, басуту, магваба, мазулу, масвази, матсветства, матонга, матебеле, мабаса, мампондо, мамфенгу, батембу, макоса и многие другие», — писал из Кимберли священник-африканец Гвайи Чамзаше. Европейцы обычно всех их именовали «кафрами» — «неверными», как их прозвали когда-то арабы. Это была разноязыкая, пестрая масса.

На алмазных копях, может быть, впервые в истории Африки со времени строительства египетских пирамид встретились в общем труде представители такого множества народов. Там начиналась первая промышленная революция в Африке. Это был и первый шаг к созданию африканского пролетариата. Там, в Кимберли, в 1882 году произошла забастовка рабочих-африканцев, наверно, первая на всем континенте

Межплеменная вражда, драки «ветеранов» с вновь прибывшими... К тому же африканцы видели жизнь белых старателей — с пьянством, поножовщиной, воровством. Гвайи Чамзаше писал:

«Жизнь — как цветных, так и белых, — была столь жестокой, что, как мне представлялось, это место подходило лишь для тех, кто решил продать свою душу за серебро, золото и драгоценные камни, или для тех, кто решил променять свою жизнь на проходящие удовольствия... Вы слышите только проклятья, божбу, стенанья и крики «ура» — по поводу встречи вновь прибывших, из-за драк, из-за появления женщины, из-за найденного алмаза...»

Принудительный труд в Кимберли еще не был введен. Как его введешь, когда многие народы по соседству еще независимы, не «покорены». Зачем же тогда африканцы шли на копи? Из уже завоеванных европейцами областей — за деньгами для уплаты налога. Из племен, еще сохранявших независимость, — чтобы купить оружие. Гвайи Чамзаше писал: «У тех, кто приходил из далеких глубинных районов: у баквена, бамангвату, мапели, матебеле и других, была одна-единственная цель — добыть ружья. Многие из них оставались здесь не дольше, чем это нужно было, чтобы заработать шесть или семь фунтов стерлингов для покупки ружья. Поэтому вы каждый день видите, как сотни людей покидают район алмазных россыпей и столько же других приходят сюда с севера».

Как тут управлять рабочими-африканцами? Не понравится им что-то — они просто уйдут! Но Родс справлялся — на зависть многим старателям.

ПАРАДОКС?

Поначалу в лагерях старателей не было белых женщин. Но зато когда они появились!.. Первую встречали как королеву. Толпа аплодировала ей,

люди влезали на повозки, на кучи мусора, чтобы лучше разглядеть ее. Потом женщин стало больше, и все же они еще долго оставались малодоступными, но бесконечно желанными. Когда в Кимберли начали открываться бары и гостиницы, их посетители и обитатели высыпали на улицу поглазеть на любую неплохо выглядевшую женщину.

Как-то в Кимберли появилась белокурая красотка. Каждому, кто захотел с ней познакомиться, она говорила: «Можете повидать меня вечером в баре Грейбиттеля». Новость быстро распространилась, и вечером бар был набит битком. Увидев такое, даже сама героиня растерялась. Кто-то предложил решить дело аукционом. Героиню водрузили на ящики с шампанским. И начался торг.

— Пять фунтов и ящик шампанского!

— Шесть фунтов и бочонок бренди!

— Десять фунтов!

— Двенадцать фунтов!

— Двадцать фунтов и два ящика шампанского!

Последнее слово осталось за старателем, который, потрясая над головой пачкой банкнот, закричал:

— Двадцать пять фунтов и три ящика шампанского!

По тем временам это было немало. Остальные отступились. Но победителя не оставили в покое. Его проводили всей толпой до палатки и устроили вокруг нее невообразимый гам...

Молодые, здоровые парни. Ринувшись сюда со всех концов света, они, конечно, давали себе тысячу зарок ни на что не отвлекаться от цели, ради которой бросили родной край и своих близких, проделали такой долгий и мучительный путь и теперь с утра до ночи, не видя света божьего, копошатся в

ямах этого ада. Клялись, стиснув зубы, до изнеможения рыть эту землю, чтобы поскорее разбогатеть и выбраться из проклятого места.

И все-таки, как бы тяжело им ни приходилось, молодая плоть брала свое.

..А Сесил Родс, что бы ни было тому причиной, не тратил так ни сил, ни времени, ни денег.

«Даже если бы толпы самых восхитительных женщин шли по улице, я сомневаюсь, чтобы он потруился выйти поглядеть на них», — писал современник, хорошо знавший его в те годы.

На прямые вопросы Родс обычно отвечал шутками. — Женщины! Разумеется, я не могу ненавидеть их. Они мне нравятся, но я не хочу, чтобы они все время мельтешили у меня перед глазами.

Как-то, уже много лет спустя, королева Виктория спросила:

— Мне говорили, мистер Родс, что вы женоненавистник.

Он ответил:

— Как мог бы я ненавидеть пол, к которому принадлежите Вы, Ваше Величество.

Он никогда не был женат. Никто из современников не поминает и его связей. Были женщины, которые, подобно польской княгине Екатерине Радзивилл, стремились расположить его к себе, но всех их постигла неудача. Из девяти его братьев и сестер только двое, сводная сестра и один из братьев, создали свои семьи.

Когда-то, кажется, совсем еще недавно, историки избегали писать об интимных сторонах жизни своих героев. Должно быть, это считалось чем-то недостойным. Не отголоски ли это викторианской чопорности? Академик Тарле в своем «Наполеоне» ограничился несколькими фразами в начале книги,

сказав: «...чтобы уже покончить с этим вопросом и больше к нему не возвращаться». Почему? «Никто вообще из женщин, с которыми на своем веку интимно сближался Наполеон, никогда сколько-нибудь заметного влияния на него не только не имели, но и не домогались...»

Никто... Никогда... Даже сколько-нибудь... Такая категоричность редко бывает верной. И как поверить, что эта сфера жизни, столь важная почти для каждого, может быть наглухо отрезана от всех остальных! Бывает такое? И разве влияют на нас только те, чье влияние мы сознаем сами?

Но даже если поверить, что так оно и было и что действительно никто из женщин влияния на Наполеона не оказал, разве не характеризует его уже то, каких женщин он выбирал? Так что «...покончить с этим вопросом и больше к нему не возвращаться» — вряд ли лучший метод исследования.

Большинство биографов Родса тоже обходили эту сторону его жизни. Зато впоследствии, когда писать о сексе стало модой, американец Роберт Родберг сделал ее центральной в своей объемистой книге о Родсе, изданной в 1988 году. Он даже привлек психоаналитика и сексолога. Однако никаких определенных выводов сделать им не удалось. Оперировали старыми общеизвестными фактами. Прежде всего — что в качестве прислуги Родс держал мужчин. А секретарями его всегда были неженатые молодые люди. Как только они женились, Родс отказывался от их услуг и передавал их своим компаньонам. Но это говорит лишь о латентных, скрытых гомосексуальных наклонностях. Для более далеко идущих заключений доказательств не нашлось.

С уверенностью можно утверждать лишь, что и

на исходе дней Родс не мог сказать ни одной женщине:

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья

Но и о нем никто не может сказать, как Жорж Сименон о Наполеоне:

«Мне отвратителен Наполеон. После одного из сражений, в котором погибло 30 тысяч французских солдат, он писал жене: «Все это ничто по сравнению с тем, что завтра я буду в твоих объятиях».

Кто может теперь понять, что чувствовал Родс? Казалось, ничто не отвлекало его от главной цели, а деньги, давая власть над людьми, заменяли ему успех у женщин и тепло семейного очага. Казалось... Так ли это было на самом деле?

Может быть, хоть это и звучит парадоксально, его подгоняло, делало целеустремленнее то, что сегодня называют комплексами. И, несомненно, болезни.

В 1872 году — первый острый сердечный приступ. На следующий год, впервые приехав из Южной Африки в Англию, выслушал приговор врача: жить осталось не больше шести месяцев. Родсу было тогда двадцать лет.

Он пытался убедить себя, что у его болезни есть и хорошая сторона.

— Во всяком случае, — говорил он, — от сердца умираешь пристойно и быстро. Тут нет ничего омерзительного. Это ведь опрятная смерть, не правда ли?

Дожил все-таки до сорока восьми. Но «миг расставания, час платежа» оказался мучительным и совсем не мгновенным. Перед смертью — недели удушья.

А сердечные приступы, которые преследовали его всю жизнь?

И главное, ведь предсказание ранней смерти никак не забудешь. Вряд ли хоть ненадолго сможешь отделаться от чувства обреченности, от сознания, что времени отмерено мало. Разве может это не сказаться на всем поведении, на характере? Одних оно доводит до состояния оцепенения, и они с остекленевшими от ужаса глазами ждут приближения смерти. Других, как Родса, наоборот, толкает вперед, заставляет лихорадочно выполнять свои замыслы.

Льюис Мичел, биограф Родса, вскользь упомянул, что его мучили кошмары. Однажды друзья обнаружили, что дверь его дома изнутри забаррикадирована тяжелой мебелью. Потом Родс, «помертвев от ужаса», уверял их, что ему явилось привидение. Мичел объяснил страхи своего героя тем, что нервы были расшатаны сердечными приступами.

Конечно, с годами у него накопилось много причин для кошмарных видений и помимо болезни сердца. Но, видимо, прав и Мичел — сказались и приступы, и вечное ожидание скорой смерти.

РОЖДЕНИЕ «ДЕ БИРС»

1873 год. Для скольких людей он стал трагедией всей жизни! Началась «великая депрессия», мировой экономический кризис. В середине 1873-го — крах австрийской биржи, затем банкротства уважаемых фирм и банков в Лондоне, Глазго, Эдинбурге, Нью-Йорке, Чикаго...

Кому было до бриллиантов в том рушившемся мире?

Вольное старательство с бесчисленными крошечными участками было обречено, хотя большинство старателей и не подозревали об этом. Отсутствие контроля над добычей и сбытом алмазов неизбежно вело к падению цен. К тому же верхние слои грунта в копиях были уже выработаны, приходилось идти вглубь, а это требовало больших затрат.

Неумолимо надвигались другие времена, приходили другие люди, другие нравы. Кризис, начавшийся в 1873-м, резко ускорил концентрацию производства, приблизил и усугубил трагедии мелких старателей.

...Совсем еще недавно, в конце 1869-го или в 1870-м, отправлялись эти люди на юг Африки из Англии, Америки или Австралии. Были полны радужных надежд, верили в свою звезду, в свои силы. И мир столько обещал...

Когда мир молод, Джеки,
Шумит зеленый лес,
И все девчонки, Джеки,
Похожи на принцесс.

Коня потребууй, Джеки,
И сапоги надень,
Кровь наша бродит, Джеки,
И ждет тебя твой день.

И вот прошло три года. Всего только три! Но словно вся жизнь позади. Кто-то разбогател, конечно, но большинство, пройдя чересполосицу успехов и неудач, потеряли и то небольшое, что привезли с собой. Надежды сменились отчаяньем, уверенность и воля — усталостью и опустошенностью.

За эти три года люди растратили запас жизненных сил. Их звездный час так и не наступил. Уезжали больными и разбитыми.

Когда мир старый, Джеки,
Молчаньем лес объят,
Стоят колеса, Джеки,
И солнцу ты не рад.

Плетись домой, найди того,
Кто стар, как ты, и хил,
Бог даст, найдешь и ту, кого
Ты смолоду любил.

Тогдашнее стихотворение — как будто о них. Те, кто возвращался домой, были еще не самыми обездоленными. Ведь для того чтобы выбраться отсюда, тоже нужны были деньги, и — увы! — немалые. И многие оставались — побежденными, униженными.

Кому-то повезло, посчастливилось сменить профессию, как канадцу Малькольму Тилу, незадачливому старателю. Оставшись в Южной Африке, он стал потом ее первым крупным историком. Но это исключение. Если денег для возвращения на родину взять неоткуда — нанимайся к тем, кто еще вчера был тебе ровней. Хотя бы к этому двадцатилетнему юнцу — Сесилу Родсу.

Люди продавали участки за бесценок, Родс вместе со своим компаньоном Чарлзом Раддом — скупал.

За эти три года он изменился. Плечи его опустились, он немного ссутулился, длинные руки висели как-то неуклюже, походка стала тяжеловатой. Во взгляде чувствовались — пока еще слегка — власть и жесткость.

В годину, роковую для старателей, он обрел себя, оказался на гребне волны. В конце 1872-го его капитал составлял пять тысяч фунтов, к августу — сентябрю 1873-го удвоился, а затем удваивался снова и снова. Если сначала Родс зарабатывал на копиях, как он писал матери, сто фунтов стерлингов в неделю, то

теперь игра пошла крупнее и ставки стали много выше.

В новых условиях надо было каким-то особым чувством улавливать законы мирового рынка, те законы, о существовании которых простые старатели даже не подозревали. Родс тоже сначала не был в них искушен. Не сразу ощутил себя как рыба в воде среди комбинаторов, каждый из которых стремился перехитрить, обойти других. Но учился быстро. Из всех сил старался понять механику биржевой игры, привлечь к себе сведущих людей, использовать их знания.

В нем все резче проявлялся предприниматель крупного масштаба — с умением идти на большие спекуляции, рискованные сделки, с обостренной интуицией ко всему, что может дать прибыль. Беспощадный к слабым соперникам и готовый на компромисс с теми, кого не удалось одолеть.

Главным делом Родса и Радда с 1873-го стала амальгамация — скупка и объединение множества мелких участков. Сначала они занимались амальгамацией не в масштабах всей алмазоносной территории, а лишь в районе фермы Де Бирс. Да и там далеко не сразу стали полновластными хозяевами. Что им действительно удалось, так это объединение всех здешних старателей в единую акционерную компанию.

Первого апреля 1880 года было провозглашено создание компании «Де Бирс даймонд майнинг компани». Доля Родса в ее капитале была не настолько велика, чтобы только ею объяснить то положение, которое он с самого начала занял в компании. Видно, снова помогли предпринимательские таланты. Благодаря им Родс стал секретарем компании, а это давало немалую власть.

1882 год — во многом повторение 1873-го. Новый мировой экономический кризис. На алмазных ко-

пях — удар по тем немногим мелким владельцам, которым посчастливилось пережить прежние трудности. Теперь им было еще труднее. На месте холма Колсберг образовалась огромная яма, впадина в триста футов. Да и в других районах работать надо было на такой глубине, что без дорогостоящей техники обойтись стало невозможно.

У мелких старателей не было ни денег, ни техники. Вот и не выдерживали они натиска компаний. Опять крах за крахом. Компании получили возможность новых амальгамаций. К концу 1885-го на том месте, где первоначально было 3600 участков, осталось уже только 98 владельцев. Но и эта цифра не дает верного представления, как далеко зашел процесс концентрации. Дело в том, что из 98 владельцев во всех четырех районах добычи алмазов — Колсберг-Кимберли, Де Бирс, Блумфонтейн и Дютойтс-пан — 67 имели участки в двух последних, менее значительных. В Кимберли же осталось всего девятнадцать владельцев, в районе Де Бирс — десять.

Деньги к деньгам. Капитал «Де Бирс» к 1885 году достиг 842 тысяч фунтов. Рос капитал, росло и влияние Родса. С 1883-го он уже не секретарь «Де Бирс», а президент. В тридцать лет Сесил Родс стал влиятельным в одной из самых многообещающих сфер мирового бизнеса тех лет. В 1885-м он говорил, что его ежегодный доход — пятьдесят тысяч фунтов.

Но это было только началом. Его устремления шли намного дальше.

ИМПЕРСКИЕ МЕЧТЫ

Ему нет еще и двадцати четырех, а он пишет завещание, и уже не первое. Обдумывает его под палящим солнцем Африки. В душные ночи, страдающая бессонницей и болями в сердце. Вечерами, придя с алмазных копей в трактир, среди гама старательской вольницы, игры в кости и карты, под стук кружек и хриплые проклятья, а то и под револьверные выстрелы. В дилижансах и фургонах, на тысячемильном пути из глубин Черного материка до океанского порта. В долгих плаваниях к берегам Европы, глядя на волны бескрайней Атлантики.

1877 год. Он чередует добычу алмазов в Кимберли с учебой в Оксфорде. Первозданную, казалось бы, природу Африки — с индустриальной Англией. Правда, выглядело как будто наоборот. После кипучей жизни алмазных копей — тихий Оксфорд с пейзажами сельской Англии, с зелеными лужайками, где паслись овцы, со средневековыми постройками, заросшими мхом и плющом. Тот Оксфорд, где, по словам Бальмонта,

С башен доносится бой колокольный,
Дремят колледжи в объятьях теней.

В Кимберли горняки давно распугали диких зверей, столь привычных для африканского пейзажа. Там и в помине не было уже не только львов, но даже диких коз. А по Оксфорду свободно разгуливали лани, и студенты кормили их прямо из окон.

Но эта смена впечатлений вряд ли особенно его занимала. В том счастливом возрасте, когда другие отдаются мечтам, любви, романам, он продумывал и уточнял текст своей последней воли. Не распределение имущества и денег — распорядиться ими было нетрудно. К тому же такое завещание он написал еще раньше, когда ему не было и двадцати, после того первого серьезного сердечного приступа и приговора врача.

Нет, теперь он хочет ни мало ни много распорядиться судьбами Африки и Европы, судьбами всего мира, всего человечества. В завещании намечает: «...распространение британского владычества во всем мире... колонизация британцами всех тех стран, где условия существования благоприятствуют их энергии, труду и предприимчивости, и особенно заселение колонистами всей Африки, Святой Земли, долины Евфрата, островов Кипр и Кандия, всей Южной Америки, островов Тихого океана, пока еще не занятых Великобританией, всего Малайского архипелага, береговой полосы Китая и Японии и возвращение Соединенных Штатов Америки в Британскую империю...»

Зачем? Для всеобщего мира. Под эгидой Англии. Для этого надо организовать имперский парламент, в котором были бы представлены «белые» поселенческие колонии. Цель парламента — «создание, наконец, настолько могущественной державы, что она

сделает войны невозможными и поможет осуществлению лучших чаяний человечества».

Своими душеприказчиками он выбрал английского колониального чиновника в Южной Африке Сиднея Шиппарда и министра колоний Великобритании — этот пост занимал тогда лорд Карнарвон. Выбор Шиппарда хоть как-то оправдан — тот жил на южноафриканских алмазных копях и был молодому человеку знаком. А Карнарвон даже догадываться не мог о чести, оказанной ему безвестным колонистом с окраины Британской империи...

Можно бы увидеть во всем этом курьез: помешался человек на сочинительстве завещаний. Кстати, за свою не очень долгую жизнь он составил их не одно и не два. За тем, вторым, под которым стоит дата 17 сентября 1877 года, последовало еще четыре.

Если бы Родс вдруг умер, никто и не вспомнил бы об этих бумагах. Но он выжил. И не остался безвестным, как множество других, кто тоже мечтал в молодости круто изменить судьбы мира.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Впервые он изложил свои идеи в документе, который назвал «Символ веры». Родс закончил его в том же 1877 году и поставил дату: 2 июня. «Символ веры» открывается рассуждением, что у каждого человека есть главная цель, которой он и посвящает свою жизнь. Для одного это счастливая семья, для другого — богатство. Для него же, Родса, это «дело служения родине».

Бог ты мой, как же люди с незапамятных времен любили клясться в верности своей родине и своему народу — и сколько же совсем разных значений

было у этих клятв! Для него — убеждение, что англичане — лучшие люди на земле. «Я утверждаю, что мы — лучшая нация в мире, и чем бóльшую часть мира мы заселим, тем лучше будет для человечества».

Он считал, что в человеческом обществе в борьбе за существование выживают и должны господствовать сильнейшие. А сильнейшие — это, разумеется, англичане. Английский журналист Уильям Стед писал: «Он был дарвинистом».

Мы сказали бы сейчас, что это социал-дарвинизм. Но известный английский африканист Роланд Оливер убеждал меня, что многие западноевропейцы в прошлом веке трактовали дарвинизм подобно Родсу. «Они думали, что если природа безжалостна, то и они должны быть такими же» по отношению к народам, считавшимся отсталыми. «Забывая это, — писал мне Роланд Оливер, — трудно понять Родса».

Кто же, по мнению юного Родса, мог осуществить его замысел? Отнюдь не те, кто правил тогда Британией. Родс еще только мечтал получить признание в политических сферах, а добиться этого ему, человеку без имени и связей, было нелегко. Кем же могли быть в его глазах парламентарии, как не обюрократившимися, своекорыстными политиками? Палату общин Родс в сердцах назвал «собранием людей, которые посвятили свою жизнь накоплению денег» и потому у них нет времени на изучение прошлого. А изучать прошлое необходимо. Например, историю католической церкви. «В чем главная причина успеха Римской церкви?» — спрашивал Родс. И отвечал: «В том, что каждый энтузиаст — если хотите, называйте его сумасшедшим — находит в ней применение своим силам».

Так вот, чтобы выполнить долг перед человечеством — захватить как можно больше земель для Британской империи, — надо создать организацию,

готовую взвалить на себя это бремя. «Почему бы нам не основать тайное общество с одной только целью — расширить пределы Британской империи, доставить весь нецивилизованный мир под британское управление, возвратить в нее Соединенные Штаты и объединить англосаксов в единой империи.. Давайте создадим своеобразное общество, церковь для расширения Британской империи».

В это общество, по мысли Родса, должны были войти те, кто не нашел себе иного применения в общественной жизни. Надо только заразить их идеей расширения пределов империи, добиться, чтобы они поняли «ее величие». Организация должна быть тайной и иметь своих резидентов в каждой части Британской империи. А поддерживать ее материально будут приверженные ее идее богатые люди. Этого нет в тексте, но явно подразумевается.

Ее представители должны работать в университетах и школах и отбирать, «может быть, одного из каждой тысячи, чьи помыслы и чувства соответствуют этой цели». Такого избранника следует тренировать, учить пренебрегать в жизни всем остальным, подвергать трудным испытаниям. И только если он прошел через все, удостоить его чести быть принятым в общество и связать клятвой на всю жизнь. Ну, а затем снабдить средствами и «послать в ту часть Империи, где в нем есть нужда».

Подходящий человеческий материал Родс видел в младших сыновьях английских аристократических, да и не только аристократических, семейств — в тех, кто не наследует ни титулов, ни сколько-нибудь крупной собственности. Он сам испытал участь младшего сына. У них, писал Родс, нет ни средств, ни возможности проявить себя. Тайное общество даст им и то, и другое.

Мысль о «младших сыновьях» приходила в голову не одному только Родсу. О той роли, которую сыграла для Британской империи английская система наследования имущества и титулов, писали многие. Рассуждения на эту тему встречаешь порой совершенно неожиданно.

«...Институт младших сыновей. Это были мальчики благородной крови, которых, однако, выбрасывали на улицу... Этим автоматически создавался класс «искателей приключений...» Так писал в 1926-м Шульгин, страстный защитник российского монархизма. Он увлекся сравнением судеб России и Англии в своей книге «Три столицы». Где только не искал Шульгин причин краха самодержавия... И завидовал Англии.

«Вот это они самые, «открыватели новых земель» — младшие сыновья и есть. От хорошей жизни, батенька, не полетишь. А вот когда ни гроша в кармане, а амбиции наследственной сколько угодно, тут тебе и станешь авантюристом. Так и росла Англия. Крепко держали ее, не давая сбиться с панталыку, старшие сыновья, и каждое столетие новый континент приносили ей младшие».

Увлёкся, конечно, Шульгин. Руками одних только бедных аристократов целые континенты не завоеуешь. Но лепту свою — и немалую! — в создание Британской империи они вносили. Вот юный Сесил Родс и связал с ними свои надежды.

...Полный текст «Символа веры» стал известен лишь через сто лет. До того публиковались только отдельные цитаты. Почему же этот документ не решались печатать так долго, почти сто лет? Вероятно, биографы Родса боялись принизить привычный для читателей образ Родса.

Первое политическое завещание Родса его биограф англичанин Бэзил Уильямс назвал «ребяческим

документом», «курьезным смещением ребячливости и пророчества, столь частым у великих людей».

Значит, наивность. И даже ребячество.

«Ребяческий империализм» — так озаглавил когда-то страничку своих воспоминаний о детстве Осип Мандельштам. Даже сама архитектура блистательно-чиновного Санкт-Петербурга, столицы великой империи, писал он, «внушала мне какой-то ребяческий империализм. Я бредил конногвардейскими латами и римскими шлемами кавалергардов, серебряными трубами Преображенского оркестра, и после майского парада любимым моим удовольствием был конногвардейский праздник на Благовещенье».

Так, может, и Родс пережил нечто подобное? И, став старше, недостаточно повзрослел?

В ДУХЕ МАСОНОВ И ИЕЗУИТОВ?

Это свое «ребячество» Родс пронес как знамя через всю жизнь. В 1891 году, познакомившись с известным английским журналистом Уильямом Стедом, Родс послал ему «Символ веры» с припиской: «Как Вы увидите, мои идеи мало изменились».

А ведь тогда Родсу было не двадцать четыре, а около сорока. И он уже был королем алмазов и золота, премьер-министром Капской колонии, героем дня в Англии.

Так что если ранние идеи Родса считать наивными, тогда уж логично признать таким же все его мировоззрение, а его дела — ребяческими забавами.

Что могло навести Родса на мысль о тайном обществе? В «Символе веры» есть слова: «Я знаком с историей, читал я и историю иезуитов». Дальше Родс сообщает: «Сегодня я стал членом масонского ордена».

Значит, 2 июня 1877 года, именно в тот день, когда Родс написал или, во всяком случае, закончил свой «Символ веры», он стал масоном.

Как мы знаем, в последние годы в нашей стране был острый интерес к масонству. Масонам приписывали самую зловещую роль даже в событиях XX века, и прежде всего в судьбе России. О Родсе как о масоне мало что известно, а само по себе его вступление в этот орден, в сущности, почти ни о чем не говорит. Масонами в разные времена были люди самых разных занятий и взглядов — от Вольтера, Дидро, Гете и Моцарта до Эйзенхауэра и Трумэна. В России — от декабриста Пестеля до октябриста Гучкова. А после революции, в эмиграции — там такие разные люди: князь Вяземский, граф Шереметев, генерал Половцев, миллионер Путилов, шахматист Алехин... К тому же далеко не все масоны были политически активны. Так и сейчас, среди нескольких миллионов нынешних масонов. Так было и во времена Родса.

Кто знает, может быть, когда-нибудь историкам откроются новые факты, но пока создается впечатление, что Родс, подобно многим, вступил в масонскую ложу, как вступают в привилегированные клубы. Конечно, у масонства уже не было того ореола, что столетием раньше, во времена, когда в Париже, Лондоне и Санкт-Петербурге блистал граф Калиостро, преподаватель магических наук и демонологии. Но оно было престижно. «Великим магистром» английских масонов в 1875-м избрали принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII.

Родс относился к масонству без трепета. После вступления в ложу рассказал за обедом все подробности тайной церемонии, шокировав своих новых собратьев. Да и в «Символе веры» отозвался о масонах свысока: «Я вижу богатства, которыми они вла-

деют, их могущество, влияние, каким они пользуются, и меня изумляет, как такая большая организация может посвятить себя тому, что в наше время выглядит смешными и абсурдными обрядами без сколько-либо ясной цели». Но вместе с тем, по словам человека, хорошо его знавшего, «он сохранил интерес к масонству до конца жизни».

Неоднозначным было отношение Родса и к иезуитам. «Я вижу, сколь много они сумели сделать, но во имя дурной цели и, осмелюсь сказать, под руководством плохих вождей». Но как бы строго ни судил Родс масонов и иезуитов, в облике тайной организации, которую он предлагал создать, проступают черты обоих орденов.

От способа осуществления своих идей — от создания тайного ордена — Родс впоследствии отказался. От самих идей — нет.

ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Был ли Родс чудаком-одиночкой, таким доморощенным философом с далеких алмазных копей, оторванным от активной политической жизни Англии?

В том-то и дело, что из англичан на юге Африки в те годы редко кто так часто дышал воздухом своей родины, как он. Редко кто имел возможность так внимательно прислушиваться к тому, что там происходило. Несмотря на дальность и трудность пути, он бывал в Англии чуть ли не каждый год. Не просто приезжал, а подолгу жил там. И не где-нибудь, а в Оксфорде и в Лондоне, где новейшие веяния времени ощущались раньше всего.

Оксфорд — не сам по себе, а с теми перспективами, которые он открывал, манил Родса с молодых

ногтей. И стоило ему накопить денег, как он бросился туда. В октябре 1873-го он был зачислен студентом. Правда, не в колледж, который назывался «Университетским», — знания греческого и латыни оказались недостаточными. Его приняли в другой, но тоже весьма известный — Ориел колледж. После Рождества Родс бросил учебу и вернулся в Южную Африку — с началом мирового кризиса открылись богатые возможности для амальгамации.

Зато 1876-й и 1877-й он провел в основном в Оксфорде, приезжая на алмазные копи только в большие каникулы. Своему компаньону Радду он помогал советами в письмах и информацией о положении на бирже. Почти так же прошел 1878-й. Степень бакалавра искусств Родс получил в декабре 1881-го, пробыв студентом больше восьми лет.

В Оксфорде ему было нелегко. Трудно снова привыкать к учебе после совсем иной жизни. К тому же, попав туда, он, скорее всего, чувствовал себя чужаком. Стоя на более низкой ступени социальной лестницы и стараясь проникнуть в «когорту джентльменов», он бравировал своими африканскими приключениями и картинным жестом швырял на стол алмазы.

Чтобы быть ближе к «золотой молодежи», он и вступил в Оксфорде в масонский орден, стал «братом Родсом». Документ оксфордской университетской ложи этого ордена сохранился в его архиве. Там сказано, что Родс прошел обряд посвящения, установленный Великим верховным советом, и что казначею ложи «получено от брата С. Дж. Родса 5 фунтов 10 шиллингов» в качестве «пожизненного взноса».

Разница в социальном положении давала о себе знать. У Родса, во всяком случае поначалу, не было ни связей, ни положения, да и капитал пришел не сразу. Разве могла считать его ровней «золотая мо-

лодежь» самого привилегированного университета — околосветская, светская, а нередко и титулованная.

И все же от Оксфорда он получил очень много. Не научных знаний, нет. На страницах «Таймса» один из его современников вспоминал, что Родс не слишком увлекался занятиями. А когда ему делали внушения за отсутствие на лекциях, он повторял:

— «Удовлетворительно» мне поставят, а больше и не надо!

Что же тогда получил он от Оксфорда? Кроме, разумеется, степени бакалавра. Как раз то, что поначалу было трудным и неприятным, — общение со светской молодежью, такой высокомерной и пренебрежительной.

Притягательная сила Оксфорда была настолько велика, что туда тянулась знать из самых разных стран. Оксфордскую выучку прошло немало и российских аристократов. В начале нашего столетия там учился, например, один из самых богатых русских дворян — князь Феликс Юсупов, женатый потом на племяннице Николая II и получивший известность участием в убийстве Распутина.

Родс встретил в Оксфорде интереснейших иностранцев. Но гораздо важнее были для него, конечно, его соотечественники, английская знать. Те, кто готовился управлять Британской империей, те, кого готовили к этому по праву рождения. Им были знакомы все коридоры власти, они были вхожи во все ведомства и, что важнее, в частные дома, где творилась «большая политика». Они, как губка, впитывали настроение верхов и приносили его в Оксфорд.

В Оксфорде читали лекции самые известные люди тогдашней Англии, с университетских кафедр звучали новейшие теории и идеи. Здесь спорили о

самых шумевших книгах. Сюда доходили мнения из самых разных сфер. Здесь можно было явственнее ощутить подземные толчки, предвестники новых общественных разломов и сдвигов.

Здесь Родс улавливал гул борьбы за раздел мира. Гул этот был еще не столь громopodobен, как в конце восьмидесятых годов и тем более в девяностых, но звучал все явственнее — и в политике, и в общественной жизни.

Правительство не догадывалось о планах и завещаниях безвестного человека по имени Сесил Родс, но тем не менее исправно их выполняло. В 1876 году премьер-министр Дизраэли провозгласил королеву Викторию «императрицей Индии». Через год после того, как Родс составил «Символ веры» и завещание, Англия захватила Кипр, а вскоре затем — многие «лакомые» области Африки и Азии.

В 1878-м, во время русско-турецкой войны, с подмостков лондонского мюзик-холла гремела песня, от которой публика приходила в неистовство. От слов «русские не получают Константинополя!» и еще больше от бравурного припева: «Мы не хотим войны, но если уж придется воевать, то именем джинго нам хватит людей, и кораблей, и денег, чтоб воевать!»

Словечко «джинго» было придумано, чтобы не поминать ни Бога, ни дьявола, не божиться и не чертыхаться. А песня настолько стала символом английского шовинизма, что с тех пор его и называют джингоизмом.

Перед студентами Оксфорда в 1870-м выступал Джон Рескин. Он говорил не о своих известных всей Европе книгах по искусству и эстетике, а в духе времени — о величии английской нации. Каков путь к такому величию? Силами своих «самых энергичных

и самых достойных людей» Англия «должна как можно скорее приобретать колонии, захватывать каждый клочок полезной незанятой территории и там внушать своим поселенцам, что главное для них — это верность родине и что их первейшая цель — распространение могущества Англии на земле и на море; и что они, хотя и живут на далеком краю земли, должны помнить, что они принадлежат ей, как моряки, посланные на ее кораблях в далекие моря».

Под этими-то влияниями Родс и писал в оксфордские годы свой «Символ веры».

МЫ, ЛЮДИ ПРАКТИЧНЫЕ...

— Мы, люди практичные, должны завершить то, что пытались сделать Александр, Камбиз и Наполеон, — говорил Родс. — Иными словами, надо объединить весь мир под одним господством. Не удалось это македонцам, персам, французам. Сделаем мы — британцы.

Значит, сам-то Родс считал себя реалистом в политике. И был тут, конечно, прав. Видно, знал себя лучше, чем некоторые его биографы, считавшие своего героя прежде всего мечтателем.

В начале восьмидесятых он еще только вступает на политическую арену. Но и тогда уже в его действиях виден трезвый расчет.

В 1880-м он стал членом парламента Капской колонии. Колония имела статус самоуправляющейся, и ее парламент обладал широкими правами в решении местных дел. В парламент Родс попал благодаря тому, что район алмазных копей получил там шесть мест. Выборы были открытыми, подкуп избирателей тоже велся вполне открыто. Двадцатисемилетний

Родс был к тому времени человеком богатым и на копиях весьма влиятельным. В ноябре 1880-го он баллотировался в избирательном округе Беркли Уэст и был избран. Депутатом от этого округа оставался до самой смерти, больше двадцати лет.

Свое место в капском парламенте занял в апреле 1881-го. Коллегам-депутатам он показался личностью экстравагантной. Категорически отказавшись надеть черный костюм и цилиндр, заявил:

— Я одет еще по-оксфордски, но думаю, что могу в этом костюме заниматься законодательством ничуть не хуже, чем в черном.

Потом Родс появлялся в парламенте, как и всюду, в своих неизменных хлопчатобумажных довольно мятых брюках. Привычную парламентскую процедуру он нарушал и тем, что в речах называл депутатов прямо по имени, а не по избирательному округу.

Красноречием он в парламенте не прославился. Зато выделился другим: видно было, что он знал, чего хочет. И всегда подчеркивал это.

Он увлекался яхтой — на просторах Столовой бухты, у подножия Кейптауна, было где погонять. И говорил о «почтенных депутатах»:

— Хотя они и имеют хорошо оснащенные яхты, но я осмелюсь бросить им вызов и заявить, что они не знают, к какой пристани плывут.

Себя же сравнивал с маленькой яхтой, которая имеет четкую цель.

Участие в работе капского парламента открыло перед Родсом широкие возможности. Постепенно он сумел обзавестись влиятельными союзниками. Сблизился с людьми, занимавшими ключевые посты, а затем и с самим Геркулесом Робинсоном, британским наместником на юге Африки. Робинсон (официально его пост именовался — губернатор

Капской колонии и верховный комиссар Южной Африки) заинтересовался молодым человеком с такими широкими замыслами. Позже он стал поддерживать Родса буквально во всем.

Кроме губернатора в Кейптауне было и свое правительство во главе с премьер-министром. Родс близко познакомился с капскими политиками. Чтобы оказывать влияние на здешнюю политическую жизнь, он купил акции кейптаунской газеты «Кейп аргус».

Одно время — в 1882—1884 годах — он подумывал, не стоит ли стать членом британского парламента от Консервативной партии. Имперские планы консерваторов были ему очень близки. Еще раньше, в оксфордские годы, он вместе с четырьмя единомышленниками написал Дизраэли письмо с идеями о расширении Британской империи.

В 1885-м, когда и в политике либералов отчетливо проявились имперские тенденции, Родс всерьез задумался, не стоит ли ему баллотироваться в английский парламент от Либеральной партии. Но потом решил, что делить время между Южной Африкой и Англией, как это было в оксфордские времена, ему не по силам. И занялся южноафриканскими делами.

Главным из них английские политики считали тогда «бурскую проблему». Буры составляли большинство белого населения Капской колонии и всей Южной Африки. А их республики преграждали путь английской экспансии.

Буквально накануне появления Родса в парламенте всю «белую» Южную Африку всколыхнула первая англо-бурская война. Не сумев добиться от бурских республик согласия на «объединение», «федерацию» с английскими колониями, Великобритания в апреле 1877 года ввела войска в столицу Трансвааля Преторию, которая в те времена была маленьким поселком.

Зойск было не слишком много — двадцать пять солдат, и их оказалось достаточно, чтобы поднять «Юнион Джек» и объявить Трансвааль аннексированным.

Трансваальские буры, жившие на фермах, разбросанных по обширной стране, не сразу узнали и тем более не сразу осознали свершившееся. Регулярной армии у республики не было. Фермеры должны были сами решать, как действовать.

Они собирались группами на просторах вельда (южноафриканской степи) и, посасывая длинные трубки, неторопливо обсуждали положение. Весьма неторопливо. Больше трех с половиной лет. Вспоминали свое первородство в «белой» Южной Африке, появление англичан и их непрестанные козни. Искали ответов в Библии, единственной книге, которую они привыкли читать.

В декабре 1880-го они наконец поднялись, выгнали англичан из страны и даже вторглись в британский Наталь. Завершило войну сражение на холме Маджуба 27 февраля 1881 года. Собственно, это трудно даже назвать сражением. Большой английский отряд во главе с генералом, ничего не подозревая, шел по дороге. Буры залегли по обочинам, и каждый взял на прицел офицера или солдата. Все было кончено в несколько минут. С тех пор и пошла по всему миру молва о бурах как о прекрасных стрелках.

Легко представить себе, какой накал страстей это вызвало в соседней Капской колонии, особенно среди тамошнего бурского населения.

Конечно, интересы буров, оставшихся в Капской колонии, не могли во всем совпадать с интересами их собратьев, тех, кто еще в тридцатые годы не захотели мириться с английским господством, ушли далеко на север и потом основали Трансвааль и Оранжевую республику. Но все же общность исто-

рических судебных и неприязнь к англичанам объединяли их. Поэтому битва при Маджубе и восстановление независимости Трансвааля вдохновили их. И сделали менее сговорчивыми.

В среде капских буров выдвинулись свои вожди. Наиболее популярным из них стал Ян Хофмейер. Буры называли его «наш Ян». Он был членом капского парламента, издавал самую крупную бурскую газету «Зюйд Африкаан» и основал в 1878 году Союз защиты фермеров. В 1879 году возникла первая крупная бурская политическая партия — «Африканер бонд», — и Хофмейер вскоре стал ее лидером. Одним словом, он был символом пробуждавшегося национализма капских буров, связавших себя не с прародиной — Голландией, а с Африкой. Подчеркивая эту связь, они все чаще называли себя африканерами, то есть африканцами, хотя в ходу были еще и старые названия — «голландцы» и «буры» (по-голландски — крестьяне, фермеры).

Родсу все это было в новинку. В первое десятилетие своей южноафриканской жизни он не так уж часто сталкивался с бурами. В Натале их было мало, а на алмазных коях — и того меньше. Жили они лишь на окрестных фермах.

Вступив на поприще реальной политики, Родс должен был определить свое отношение и к этому сложному политическому вопросу.

Как же он повел себя?

Он не стал навязывать Хофмейеру и его единомышленникам идеи «Символа веры». Не в пример тем, кто кричал «Помни Маджубу!» и призывал «наказать» буров, Родс понимал, что нужна кропотливая, долгая, осторожная работа, чтобы исподволь подготовить возможности для объединения «белой» Южной Африки в будущем. Он подчеркивал уважение к национальным

чувствам буров. Избирателям-бурам в своем округе говорил: «Голландцы — народ будущего в Южной Африке». В беседе с Хофмейером утверждал, что победа трансваальцев при Маджубе «должна заставить англичан уважать голландцев и оба этих народа — уважать друг друга». Он обещал, что его политика будет служить прежде всего интересам Южной Африки, а не Англии. Разумеется, «белой» Южной Африки.

Буры вообще-то не склонны были особенно доверять словам. Английских политиков они перевидали на своем веку немало. Сколько побывало тут, даже ч. п. — членов парламента! Приезжали, судили о чем угодно, обещали что угодно. Или говорили так, чтобы ничего не сказать.

Буры считали их бесполезными краснобаями, пустышками, у которых, как у киплингского Томлинсона, даже черти в аду не смогли бы найти за душой ничего своего, собственного.

А Родс производил впечатление человека, имеющего твердые убеждения, практичного, сильного, со своим, и очень трезвым, взглядом на мир. Одним словом, такого, с которым стоит иметь дело.

И он достиг своего. Его отношения с «Африканер бонд» и с вождями капских буров оставались близкими почти полтора десятилетия. Близкими настолько, что буры поддерживали его, когда он решил войти в капское правительство. И Родс вошел — правда, сначала ненадолго. С марта по май 1884 года он — казначей Капской колонии.

Одним словом, Родс сразу показал себя прагматиком в политике и, пусть не без промахов и провалов (у кого их не бывало), быстро сумел стать своим человеком в политических сферах Кейптауна. В полный круг идей своего «Символа веры» он никого не посвящал. Тем более — буров.

Еще в первой половине восьмидесятых годов он завоевал в «белой» Южной Африке славу практичного политика. Речь идет о первом завоевании, связанном с именем Родса, — о захвате обширных земель народа тсвана. Англичане называли тогда этот народ бечуанами, а их страну — Бечуаналендом. В наши дни это территория государства Ботсвана и прилегающей к нему с юга части Южно-Африканской Республики.

Сами по себе эти земли — каменистое плоскогорье и пустыня Калахари — большой ценности не представляли. Торговые связи европейцев с племенами тсванов ограничивались покупкой страусовых перьев и слоновой кости. Но их страна привлекала Родса тем, что по ней проходил самый удобный для англичан путь в глубь Африки, и прежде всего к бассейну Замбези. Родс называл ее «путем на Север», «Суэцким каналом, ведущим в глубь материка», «ключом от дороги во внутренние области» и даже «горлом бутылки».

Вскоре после того, как Трансвааль вернул себе независимость, трансваальские буры вторглись на земли тсванов. В 1882-м и 1883-м они основали там еще две свои республики: Стеллэленд и Госен. Раздражению Родса не было пределов. Но он не был еще столь всемогущим, чтобы начать захваты самому, он мог только убеждать лондонское правительство, и то лишь через посредничество кейптаунского. А Лондон, по мнению Родса, проявлял преступную нерешительность.

В Лондоне действительно колебались. Поражения в войнах с зулусами и бурами сделали южноафриканские авантюры не очень популярными в английском

общественном мнении. Положение в стране тсванов было крайне запутанным. Межплеменные распри осложнялись англо-трансваальскими противоречиями: англичане пытались использовать эти раздоры в своих интересах, буры — в своих. Одних вождей считали пробританскими, других — пробурскими.

В марте 1883-го английский парламент обсуждал вопрос о «флибустьерах», нарушивших права тсванов. В палате общин сразу же была внесена резолюция, что бурских «флибустьеров» надо изгнать, а тсванов «спасти от грозящего им уничтожения». Джозеф Чемберлен говорил, что надо послать военную экспедицию для изгнания буров:

— Горький плач бечуанов должен быть услышан.

Конечно, у Лондона было много и других хлопот во всех уголках земли. Кое-кто из лондонских политиков считал, что тут еще можно подождать — так ли уж срочно нужно решать «вопрос» о тсванах?

Но если и были в английском истеблишменте сомнения, надо ли присоединять к Британской империи еще одну, сотую или двухсотую страну, то в 1884-м они кончились. В том году в Африку ворвалась Германия. И сразу захватила большие куски этого материка — на западе, на востоке, на юге.

Заигрывать с бурами Германия начала еще раньше. Их стали называть «нижненемецкими братьями», вспомнили, что предки буров жили когда-то поблизости от Германии, в Нидерландах. Еще в конце семидесятых в Германии пошли разговоры об установлении немецкого патроната над Трансваалем, о германской южноафриканской империи, о создании там «второй Индии — под германским контролем».

В 1884-м, когда к западу от страны тсванов появилась обширная Германская Юго-Западная Африка, эти мечтания обрели вполне реальный характер.

Интересное свидетельство оставили моряки русского военного корвета «Скобелев». В конце 1884 года он возвращался из Тихого океана домой, в Кронштадт, и по дороге получил секретное распоряжение от Главного морского штаба — осмотреть новую колонию Германии. Корвет прошел вдоль всей ее береговой линии, и офицеры составили доклад «Некоторые сведения о новой Немецкой колонии на юго-западном берегу Африки, собранные при посещении корветом «Скобелев» этого берега в январе 1885 г.» Там говорилось:

«Теперь является вопрос, какие выгоды может ожидать Германия от колонии такой пустынной, лишенной путей сообщения, воды и всего необходимого, и в чем состоит ее значение? Дело в том, что Германия, по всей вероятности, не думает ограничиться только землею Людерица и надеется, при помощи покупки земель или каким-либо другим путем, проникнуть в Среднюю Африку, которая давно уже служит предметом внимания и стремлений других европейских народов, и там основать колонию».

В том же 1884-м Германия заключила торговый договор с Трансваалем. Мало того, немцы стали теснить англичан не только на атлантическом побережье, но, в союзе с бурами, и со стороны Индийского океана. В стране зулусов буры создали в августе 1884-го свою Новую республику, а в следующем месяце два немецких агента добились у зулусского правителя Динузулу «концессии» в шестьдесят тысяч акров и разрешения строить железную дорогу от Трансвааля к Индийскому океану.

Зачем бурам было создавать эти марионеточные республики? Разве не проще было прямо расширять границы Трансвааля? Дело в том, что, признав независимость Трансвааля после битвы у Маджубы, Ан-

глия запретила ему расширять свои границы как на запад, то есть в страну тсванов, так и на восток, на зулусские земли. Поэтому-то Трансвааль, не осмеливаясь прямо нарушить запрет, и создавал марионеточные республики.

В 1884-м идея захвата страны тсванов победила и в Капской колонии, и в Англии. При этом Родс, не желая портить отношения с бурами, старался не оскорблять их, не злоупотреблять прямой бранью. Зато верховный комиссар Южной Африки Геркулес Робинсон в своих донесениях в Лондон прямо называл буров, вторгшихся на земли тсванов, «мародерами», «грабителями» и «пиратами».

Что уж говорить о газетах, о массовой пропаганде. Простой англичанин и у себя на родине, и в Южной Африке изо дня в день читал, что худших разбойников, чем эти буры, свет еще не видывал. Отнимают у африканцев и скот и земли. Бандиты они. Очень плохие люди.

Одно утешение — живут там же, рядом с этими разбойниками, и по-настоящему достойные люди. Вот, например, шотландец Смит по прозвищу Скотти. Им восхищались тогда многие англичане. Да и в наши дни он — герой кинобоевиков. Чем заслужил такую славу? Как не заслужить — ведь он известнейший разбойник. В южноафриканском словаре национальных биографий сказано, что его имя «стало нарицательным для краж скота и других грабежей». Что же он — такой же, как бургские грабители? Ну, конечно, нет! Он, говорится в словаре, «по темпераментности напоминал легендарного Робин Гуда». Его грабежи были «сдобрены отменным юмором». Англичанам и в голову не пришло бы сравнивать Скотти Смита с бургскими «флибустьерами». Он, правда, позволял себе грабить и их, соотече-

ственников-англичан. И все же он — веселый Робин Гуд, а они — мрачные и коварные бандиты. Это может показаться странным только на первый взгляд: история и литература полны примеров возвеличивания «своих» разбойников. В стивенсоновском «Острове сокровищ» (роман вышел как раз тогда, в 1883-м) сквайр Трелони говорит о пирате Флинте:

— Я горжусь, что мы принадлежим к одной нации!

Может, и не стоило бы тут уделять Скотти Смиту столько внимания, но дело в том, что в 1884-м его назначили инспектором на землях тсванов — защищать закон и порядок. И он стал одним из помощников Родса, потому что Родса в августе того же года сделали заместителем верховного комиссара Южной Африки в Бечуаналенде. Функции Родса и его помощников не были четко определены. Да и как их определишь: английское правительство создало должности администраторов для территории, которая еще не была захвачена. Даже тогда, в эпоху «раздела мира», это выглядело как-то странно. Но в своем новом качестве Родс мог теперь вести переговоры с вождями Стеллэнда и Госена. Он говорил, что совсем не собирается изгонять их с земель тсванов. Пусть себе и дальше делают тут что хотят, но — под английским флагом. Буры — странно! — не соглашались.

В декабре 1884-го в Южной Африке высадились четыре тысячи английских солдат во главе с генералом Чарлзом Уорреном. Цель: «Изгнать флибустьеров из Бечуаналенда, установить мир в этой области, возвратив туземцам их земли, принять меры для предупреждения дальнейших грабежей и, наконец, удерживать страну до тех пор, пока ее дальнейшая судьба не будет определена».

Ликвидировав эти бурские республики, Англия предложила племенам тсванов покровительство ко-

ролевы Виктории, то есть протекторат. Те не выразили восторга. Вожди племени баквена ответили: «Мы хотим посмотреть, что дает королевский протекторат тем племенам, на которые он уже распространен... Если мы увидим, что королева им хорошо покровительствует, мы тогда согласимся без возражений». Это был вежливый отказ, но Уоррен доложил в Лондон, что «баквена искренне приняли протекторат».

Кама I, вождь племени бамангватов, предложил распространить британский протекторат на территорию в восемьдесят тысяч квадратных миль. Уоррен назвал это «беспрецедентным дружеским предложением». Но вскоре выяснилось, что Кама «дружески» уступил англичанам земли народа ндебеле, с которым он тогда враждовал.

Все это нисколько не помешало Англии гордиться результатами своих действий. Один военный корреспондент написал тогда, что Британия, «соединяя выгоду с филантропией», еще раз «защитила туземцев и от плодов их собственного невежества, и от вторжения грабителей извне».

В сентябре 1885-го Лондон вынес решение: южную часть земель тсванов объявить королевской колонией — территорией Бечуаналенд, а северную — протекторатом Бечуаналенд.

«Путь на Север» был открыт. Но чтобы сразу идти дальше, Родсу еще не хватало сил.

КОРОЛЕВСТВО АЛМАЗОВ И ЗОЛОТА

Раздвигать границы империи — для этого нужны деньги, много денег. И то могущество, которое они дают. К середине восьмидесятых Родс был очень богат, но все же недостаточно для осуществления своих планов.

В районе Де Бирс к 1887-му его компания стала уже единственной. Остальные она сумела поглотить. Родсу удалось снизить себестоимость добычи с 1882 по 1888 год в два с лишним раза, повысить дивиденды в восемь раз, а капитал компании — почти в двенадцать: с 200 тысяч фунтов до 2332 тысяч. В основном за счет механизации и ужесточения мер против кражи алмазов. Вводилась система компаундов — лагерей, обнесенных железной оградой или колючей проволокой. Там содержали рабочих-африканцев. За пределы компаундов они не могли выходить, их жизнь строго контролировалась. В последнюю неделю работы им давали слабительное, чтобы они не утаили алмаз, проглотив его.

Но амальгамацией занимался не только Родс, и она не ограничивалась районом Де Бирс. Появились

и другие крупные компании. Добыча росла, цена алмазов на мировом рынке падала. Только за пять лет она упала на тридцать процентов, и Родс понимал, что это только начало.

Рынок же был, по мнению Родса, ограничен. Рассуждал он так: крупные покупки совершаются не часто, а массовый потребитель — это женихи, которые перед свадьбой по традиции дарят невестам кольцо с маленьким бриллиантом. Таких свадеб в Европе и Америке бывает ежегодно около четырех миллионов. Значит, четыре миллиона бриллиантов. Далее Родс исходил из того, что зачастую бриллиант покупался недорогой, в один карат. Стоил он один фунт стерлингов. Значит, делал вывод Родс, четыре миллиона фунтов — это и есть ежегодная емкость мирового бриллиантового рынка.

У человека, который за всю жизнь, кажется, так и не подарил ни одной женщине кольца с бриллиантом, рассуждения о психологии жениха выглядели как-то забавно. Но рациональное зерно в них было. А это означало, что только монополизация добычи даст гарантию от падения цен.

СХВАТКА ЗА КОРОНУ

В 1887 году Родс начал последнюю, решающую схватку за власть — уже над всем алмазным рынком. К этому времени у него остался только один серьезный соперник — Барни Барнато, глава Компании кимберлийских копеей. В распоряжении Барнато были самые богатые копи, да и капитал его превышал все, что имелось у «Де Бирс».

Яркое, хотя и не во всем точное описание карьеры Барнато появилось через десять лет в петербург-

ском журнале «Русское богатство» — в корреспонденции из Лондона уже упомянутого выше Шкловского.

«Барней Барнато мог бы составить центральную фигуру в романе «Золото». Двадцать лет тому назад по улицам Уайтчепеля бродил клоун и акробат, который тут же на тротуаре, на дырявой попоне, показывал оборванной публике свое искусство. Но уайтчепельские нищие плохо оплачивали «искусство», а клоун был молод и честолюбив. Тогда он решил переехать в Южную Африку, попытать там счастья. В то время только что еще пронесся слух о бриллиантовых полях. Когда клоун высадился в Кейптауне, в кармане у него было пять шиллингов; но Барней Барнато, так звали акробата, не унывал. Он тотчас пристал к партии приискателей. Ей повезло, и через десять лет Барней Барнато ценили уже в миллион».

На самом деле, конечно, все было не так просто и легко, как это получилось у Шкловского. Разве просто «повезло»? Ведь кроме Родса только один такой Барнато и появился среди тысяч старателей. Сколько, должно быть, заложила в него природа талантов, чему его соперники люто завидовали. Шкловский признавал это: «Как ни успешны были тогда пашни алмазов, но молодой человек жаждал еще более быстрой наживы. И вот он становится во главе акционерной компании. Тут он очутился в своей сфере. Как полководец посылает на бой батальоны солдат, так Барней посылал на рынок тучи акций. В его руках они делали чудеса.

...На Лондонской бирже до сих пор помнят появление Барни Барнато в первый раз после того, как он оставил столицу. Это было появление князя; нет, слово «князь» слишком слабо: то явилось своему на-

роду индийское божество. И экзальтированные поклонники готовы были броситься под колесницу бурхана. Да на одной ли бирже произвел такое впечатление Барни Барнато! В роскошный дворец его близ Грин-парка считали за честь попасть на бал герцогини, насчитывавшие еще больше дюжин предков, чем тетушка мамзель Кунигунды («Кандид»).

Конечно, десятью годами раньше, во время схватки с Родсом, Барнато не добился еще всего этого, но все же и тогда, в 1887-м, он считался на южноафриканском горизонте одним из самых богатых людей.

Ожесточенная борьба с ним заняла у Родса почти целый год. Как писал Шкловский в другом своем очерке, лондонские биржевики долго потом вспоминали о ней «с таким восторгом, с каким, вероятно, солдаты наполеоновской гвардии рассказывали внукам о битвах при Йене, Аустерлице и Ваграме».

В этой схватке у Родса особенно проявились те черты, которые признает даже преклонявшийся перед ним биограф Бэзил Уильямс: «он умел быть безжалостным», «не церемонился с теми, кто становился ему поперек пути».

Правда, безжалостность бывает разная. Родс не нанимал киллеров, как это бывает в схватках между «новыми русскими». Он играл на повышение и понижение курса акций. Сложной биржевой игрой ставил соперников перед дилеммой: разориться или подчиниться «Де Бирс».

Он выбирал направления ударов, а методы ему подсказывал Альфред Бейт, выходец из Германии, которого в Южной Африке считали непревзойденным финансистом, финансовым гением. Сказалось и тут умение Родса находить и использовать нужных людей. Бейт был для Родса неоценим. Как только

возникала очередная трудная проблема, Родс говорил:

— Надо обратиться к маленькому Альфреду.

Считается, что от Бейта Сесил Родс получил совет, который помог ему заручиться поддержкой одной из самых влиятельных сил тогдашней Европы. Бейт посоветовал Родсу обратиться к английским Ротшильдам.

Дело было так. Родс хотел купить акции компании, которая в Кимберли была второй по значению — она уступала только компании Барни Барнато. Если бы Родсу это удалось, он стал бы победителем в борьбе с Барнато. Но владельцы этой компании — она называлась Французской компанией капских алмазных копей — потребовали за акции почти полтора миллиона фунтов.

Тогда-то Родс и обратился к Натаниэлю Ротшильду. Кажется, Ротшильд был приятно удивлен, увидев не того неотесанного старателя с дурными манерами и необузданным нравом, какие обычно приезжали с алмазных копей. Пригодилась Родсу оксфордская выучка.

Но дело, конечно, не в манерах. Ротшильд зорко следил за добычей алмазов, хотел вмешаться и, чтобы не упустить удобного момента, даже послал своего наблюдателя на алмазные копи. Так что он был осведомлен о ситуации и знал, с кем имеет дело.

Почему он решил помочь Родсу? Барнато — богаче. К тому же он, как и Ротшильд, — еврей. Но сказался, как бывает, отнюдь не голос крови.

Родс поделился с собеседником идеями о расширении влияния Англии по всему миру. Это должно было импонировать Ротшильду. Недаром его называли банкиром Британской империи. Отец Натаниэля, Лайонел Ротшильд, в 1875 году, даже отказавшись от

процентов, дал четыре миллиона фунтов премьер-министру Дизраэли на покупку акций Суэцкого канала. Если бы Ротшильд этого не сделал, Дизраэли пришлось бы просить денег у парламента. Процедура оказалась бы такой долгой, что весь план Дизраэли мог рухнуть. Еще через несколько лет уже Натаниэль Ротшильд дал очень нужный тогда для английской политики крупный заем Египту — восемь миллионов фунтов.

Родс просил у Ротшильда один миллион. Во время беседы тот не дал ответа, и Родс ушел, не зная, как будет решена его судьба. Но, вернувшись в гостиницу, почти сразу же получил от Ротшильда записку с согласием.

Так у Родса появился могущественный покровитель — не только финансист, но и политик. Именно он познакомил Родса с Джозефом Чемберленом, который с 1895 года стал министром колоний в правительстве лорда Солсбери. Да и когда Родс впервые явился к Солсбери, он сослался на покровительство Ротшильда.

Очевидно, Родс был уверен, что Ротшильд одобряет не только его финансовые планы, но и политические. Об этом можно судить по тому, что в третьем, четвертом и пятом политических завещаниях Родса первым душеприказчиком фигурировал Ротшильд. А в последнем, шестом, место Ротшильда занял его зять, лорд Розбери, лидер Либеральной партии и одно время английский премьер-министр.

Близость Ротшильда с Родсом так тщательно скрывалась от широкой публики, что даже после смерти Родса журналист Стед, один из его друзей и душеприказчиков, в книге о родсовских завещаниях назвал Ротшильда «мистером Икс».

После встречи Родса с Ротшильдом поражение Барнато было predetermined. В чисто денежном отношении он все еще мог потягаться с Родсом. Но поддержка Ротшильда означала нечто большее, чем одни только деньги. Его заем показал, что он принял сторону Родса. После этого Родсу было уже куда легче получать поддержку других финансистов. Важна и помощь политических кругов «белой» Южной Африки, которой Родс сумел заручиться за годы работы в парламенте. У Барнато ее не было.

Родс обложил Барнато буквально со всех сторон, и тому пришлось уступить. Можно представить глубину изумления, охватившего Барнато, когда его стиснул, словно клещами, человек, казалось бы во всех отношениях более слабый. Даже здоровьем, выносливостью. Барнато — спортсмен, борец и боксер, а тут — сердечник. И главное — денег-то у этого человека меньше.

Родс не собирался разорять Барнато — да и не мог бы. Он лишь предлагал объединиться, ограничить добычу (поначалу четырьмя миллионами фунтов стерлингов в год) и установить уровень рыночных цен.

13 марта 1888 года место соперничающих компаний заняла объединенная компания — «Де Бирс консолидейтед майнз компани». Большое влияние в ее руководстве приобрел представитель Ротшильдов. Во главе компании встал совет директоров, фактически же руководили компанией трое из них: Родс, Барнато и Бейт. Они получали учредительскую прибыль. Дивиденды по обычным акциям заранее ограничивались фиксированным доходом, и превышение над ним, которое было очень велико, потому что прибыль далеко превзошла ожидания, делилось между этими людьми.

На первом же собрании акционеров «Де Бирс», в мае 1888 года, Родс заявил:

— Мы возглавляем предприятие, которое, в сущности, является государством в государстве.

Не удержался он и от сцены, рассчитанной на эффект. На обеде в Кимберлийском клубе, где собиралась избранная публика, он попросил своего нового компаньона наполнить алмазами внушительную корзину. На глазах у всех Родс пригоршнями брал эти блестящие камни, и они струились у него между пальцами, подобно потокам волшебной сверкающей воды.

Объединенная «Де Бирс» сразу же уволила двести белых горняков и снизила себестоимость добычи. Добыча одного карата стоила теперь не больше десяти шиллингов. А на мировом рынке он стоил тридцать. В следующем, 1889 году «Де Бирс» поглотила копи Блумфонтейна и Дютойтспана, а затем еще несколько более молодых копей, открытых в других районах. Родс стал контролировать добычу алмазов в Южной Африке и девяносто процентов мировой добычи. Капитал «Де Бирс» уже в 1890-м оценивался громадной по тем временам суммой — 14,5 миллиона фунтов. В ее копиях работало двадцать тысяч африканцев.

Так возникло алмазное королевство. Оно монополизировало добычу алмазов не только в основном алмазном районе, на юге Африки, но распространило потом свою власть на другие страны и континенты. Став одним из первых в мире монополистических объединений, «Де Бирс» оказалась поразительно жизнеспособной. Она и в наши дни контролирует мировой алмазный рынок.

На южноафриканских алмазных копиях уже ко времени создания объединенной «Де Бирс» были

найлены такие известные на весь мир алмазы, как «Звезда Южной Африки», «Виктория» (или «Имперский»), «Дю Тойт», «Стюарт», «Де Бирс». А крупнейший в мире алмаз «Куллинан» нашли уже после смерти Родса, на руднике, названном его именем.

ПОЛМИЛИ АДА

Тем временем на юге Африки было найдено золото. Месторождение, которое стало крупнейшим в мире. До сих пор, из года в год, оно дает больше половины всей мировой добычи.

Золото было найдено в середине 1886-го в Трансваале, на возвышенности, где проходит водораздел между бассейнами рек Оранжевая и Лимпопо. Возвышенность получила название Витватерсранд (Хребет живой воды), сокращенно — Ранд. Место, куда ринулись золотоискатели, трансваальское правительство окрестило Йоханнесбургом, «городом Йоханнеса». Историки по сей день спорят, кто же именно из многочисленных Йоханнесов дал имя этому новому Вавилону.

Это открытие вызвало такой приступ золотой горячки, какого мир еще не видывал ни до, ни после — в Калифорнии, на Аляске, в Австралии, в Сибири и на Урале.

Бурлившее в Трансваале человеческое месиво было не только многолюднее, но и пестрее, многообразнее. Ставки были куда выше. Исторические последствия — значительнее. И если мы все-таки представляем себе трансваальскую золотую лихорадку не так зримо, как Страну Белого Безмолвия или золотопромышленный Урал, то, пожалуй, лишь потому, что она не нашла своего Джека Лондона,

Брета Гарта и Мамина-Сибиряка. Тем ценнее для нас немногочисленные воспоминания ее участников.

«Этот йоханнесбургский золотой бум летом 1886 года был, вероятно, самым диким и разбойничьим человеческим помешательством, какое мир когда-либо видывал... Это были бешеные гонки. Богач, бедняк, нищий, мошенник, особенно мошенник, — все ринулись к Витватерсранду... Верхом, пешком, в повозках, запряженных волами, в почтовых каретах... Нещадно стегали медлительных волов, да и сами люди доводили себя до изнеможения...

Каждую лошадь, какая только попадалась на глаза, покупали или уводили; люди ехали даже в багажных отделениях дилижансов; нанимали громоздкие фургоны с волами. Но они оказывались слишком медлительными, и я видел многих, кто соскакивал с фургонов и старался обогнать их пешком. Видел даже людей в упряжке. Один старый паралитик в Претории нанял двух местных черных и запряг их в повозку. Он буквально загнал их, и они ушли, бросив его посреди степи...

Многие так и не достигли желанной цели — страна была суровой и требовала своих жертв. До Ранда добрались, наверно, самые выносливые и отчаянные, потому что Йоханнесбург в следующем году стал самым бандитским местом во всем мире».

Это писал человек по имени Сэм Кемп. До открытия золота он был надсмотрщиком над рабочими-африканцами на алмазных копях и привык пускать в ход револьвер, дубинку и плетъ из кожи бегемота. Потом, в девяностых годах, он служил в конной полиции в Северной Америке, на беспокойных границах Соединенных Штатов с Мексикой и Канадой.

«Но и эти две такие трудные американские границы казались лужайкой для пикников воскресной школы, детским садом по сравнению с тем, как выглядел Ранд в течение года, следующего за 1886-м. Мой опыт, вся моя жизнь не развили у меня особенно узких взглядов на мораль, но Йоханнесбург оказался труден даже для моего ко всему привыкшего желудка», — признавался он.

Добравшись до Ранда, каждый сразу же захватывал участок. Это было поначалу делом легким. Но участок приходилось отстаивать, защищать от тех, кто прибывал следом. Тогда-то и заговорили револьверы.

Поселок на том месте, где теперь стоит Йоханнесбург, назвали «Полмили ада». Этот пустынный край считался тогда бесплодным. Лесов не было. Шесть месяцев в году дул сухой, пронизывающий ветер, день и ночь. Облака желтого песка били в лицо, в глаза, песок скрипел на зубах.

А палящий африканский зной? Для золотоискателей, приехавших из Европы и Северной Америки, он был нестерпимее трескучих морозов на приисках Аляски и Сибири.

Как получить крышу над головой? Деревя не было, приходилось использовать жесть — от больших коробок и бидонов из-под керосина. Но даже худшие из таких жилищ нельзя было снять меньше чем за сто долларов в месяц. Да и то спрос в два раза превышал предложение. Те, кому не удалось поселиться в жестяном доме, разбивали палатки, делали землянки или ночевали под открытым небом.

Засуха. Падеж скота. Стервятники так отяжелели, что их можно было сбивать палкой. А люди остались без мяса. Как подвозить продукты? Фургонам

трудно пройти через земли, где вся зелень — пища для волов — была сожжена.

Как достать шерстяное одеяло? А как обойтись без него, если живешь в жестяной хижине или просто спишь на голой земле? «Одеяло ведь нужно каждому — где же иначе держать свою долю песчаных мух, тараканов, змей, блох, вшей. Но попробуй купи хоть одно! Куда легче украсть — даже если его хозяин уже успел завернуться в него...

Закон и порядок? Разумеется, нет. Или, наоборот, да: закон револьвера и кулака, порядок насилия и надувательства. Несчастные случаи — так назывались первые убийства. Да и в конце концов одеяло и жилище — разве они не стоят того, чтобы их отнять?»

Редко кто расставался с револьвером. Марки оружия были разные, но все предпочитали 45-й калибр — излюбленный у бандитов того времени. Автоматических револьверов тогда еще не изобрели, но иные умельцы, постоянно тренируясь, делали так: курок после каждого выстрела моментально взводили ладонью левой руки, чтобы не терять времени на изменение положения правой. Это новшество было вкладом, который внесли в быт старательского поселка изобретательные американцы.

С утра до вечера корпеть на прииске? Ну уж нет, можно найти куда более легкий путь к богатству. «Ни одна золотоносная жила не сравнится с большим питейным заведением, ни от одной старательской заявки не получишь столько, сколько в игорном притоне. И самый легкий способ найти золотой песок — отнять его у другого. Подпои его сперва или затей с ним ссору. Никто не поинтересуется, что с ним случилось. Тот, кто весь день держит руку на револьвере, вечером становится сенти-

ментально плаксивым и сам превращается в легкую добычу». Больше всего драк, грабежей и убийств — в игорных домах.

И пляска теней на стене,
И нож исподтишка...

Тот же Сэм Кемп вспоминал через сорок лет: «В полночь тридцать или сорок из нас играли в Королевском баре — в покер, фаро, пинто и английскую игру нап (Наполеон. — А. Д.). Ставки были высокими. Перед нами лежали наши фишки и золото.

Загрели шаги, вошли восемь головорезов. Без масок, пренебрегая всеми предосторожностями, они объявили о себе стрельбой над нашими головами... Трое бандитов остались у дверей и держали под прицелом столы. Остальные пятеро прошли вперед. Они очистили столы от золота, один за другим, отпуская при этом издевательские и саркастические насмешки. Но когда они уходили, тут-то и началась потеха. Игроки, как по сигналу, схватились за револьверы и начали бешеную пальбу. Бандиты скрылись в уличной темноте, но стрельба продолжалась...»

И до заката тот умрет,
Кто щелкал пробкой днем.

К концу 1886-го многие старатели решили, что настало время избрать шерифа, судью и общественного исполнителя, «иными словами, сформировать клуб самоубийц». Нашлись и охотники, хотя они прекрасно понимали, что, заняв эти посты, уже вряд ли смогут соперничать с Мафусаилом в долголетьи.

Единственным триумфом первого шерифа была поимка восьмерых, что ограбили Королевский бар. Когда шериф с отрядом добровольцев настиг их, он, чтобы избежать общего кровопролития, предложил

дуэль с их главарем. В этой дуэли на лошадях шериф победил, бандиты сдались, их судили и расстреляли. Правда, шериф лишь ненадолго пережил их.

Но все это мало кого отпугивало. Число обитателей Йоханнесбурга росло с каждым днем. «Маленькое кладбище на холме за поселком пополнялось свежими могилами, но на каждые похороны приходилась сотня новоприбывших сюда, в эти места».

Быстро росло и число притонов, кабаков и баров, где постоянно ругались, вопили, дрались. Стихотворение «Йоханнесбург» южноафриканского поэта Уильяма Пломера:

Один ловчил, бросая кости,
Другой за картами грешил,
А третий изводил на шлюху
Дары золотоносных жил

Большинство женщин, приехавших на прииски, чтобы получить свою долю, «больше отличались шелковыми чулками и короткими юбками, чем особенной красотой». Во многом они были под стать мужчинам. Первая в Йоханнесбурге барменша «умела одинаково хорошо стрелять обеими руками, чем приводила в восторг весь город; она не боялась ни мужика, ни дьявола, и я видел, как она собственноручно выбрасывала на улицу перепивших, чтобы они не нарушали порядка в ее заведении».

Правда, и тут, как всегда и всюду, люди умели находить романтику. Из частного письма того времени: «Единственному билиарду не дают передохнуть ни минуты. В зале, где он стоит, есть своя Венера-Афродита, барменша из Кимберли, одно слово — колдунья. За билиардом она не знает равных, прекрасно играет и на пианино. Говорят, она при-

ехала с побережья, переодевшись в мужской костюм и при этом отлично играя роль мужчины».

С таких вот мужчин и женщин, с палаточного лагеря и временок из жести и начинался Йоханнесбург — «Золотой город», «африканский Нью-Йорк» или «маленькая Америка».

С момента его рождения в 1886 году за первые же девять лет население достигло ста тысяч. В 1889-м, на третий год существования, там появилась конка, в следующем году — электричество. А ведь многие крупные города Европы еще не знали электрического освещения.

Йоханнесбург возник почти так же, как и Кимберли, но судьба их сложилась по-разному. Добыча алмазов никогда не требовала такого множества людей. Кимберли и в наши дни остается сравнительно небольшим городом. А Йоханнесбург уже вскоре после своего появления превратился в крупнейший промышленный центр на всем Африканском материке и сохраняет эту роль в наши дни. Именно там, на месте хижин, сделанных из жести, появились первые в Африке небоскребы.

Йоханнесбург сыграл в истории Южной Африки неизмеримо бóльшую роль, чем Кимберли, как и удельный вес золотопромышленности во всем хозяйстве страны оказался куда значительно больше добычи алмазов.

И еще одно отличие. Алмазы были найдены, когда на юге Африки еще не возник крупный капитал. Не было там миллионеров и крупных компаний, которые могли бы быстро прибрать к рукам такое доходное дело. Поэтому в районе Кимберли сравнительно долго шла конкуренция простых старателей. И поначалу у них была даже какая-то возможность выбиться в богачи.

Добыча золота началась в других условиях. Крупные компании уже появились. Они напряженно следили за событиями в Йоханнесбурге и вмешались очень быстро. Простых старателей, в сущности, лишили возможности применить свои силы. Может быть, это и привело к такому росту преступности.

Сесил Родс, начинавший в Кимберли одним из таких мелких старателей, здесь, в Йоханнесбурге, выступил уже в совсем иной роли.

К АЛМАЗАМ — ЕЩЕ И ЗОЛОТО!

В Йоханнесбурге Родс ходил без револьвера и без телохранителей. Он считал более важным другое оружие — деньги. И власть, которую они давали.

На золотых приисках он появился не среди самых первых, но все же довольно скоро. А его представители там следили за ходом событий с момента получения чуть ли не первых сведений. Сохранился рассказ одного из них, врача Ганса Зауэра. Он взял на себя инициативу оповестить Сесила Родса и, вероятно, был первым, кто принес Родсу пробу золотоносной породы.

Это было в июне 1886-го. Приняв и выслушав Зауэра утром, Родс попросил его прийти снова в час дня. Придя, тот увидел, что его ждут уже четверо: Родс, Радд и двое опытных австралийских старателей. Исследовав породу с помощью принесенных инструментов, австралийцы подтвердили, что она богата золотом. После этого Родс пригласил Зауэра еще раз, уже в четыре часа, в контору «Де Бирс» и предложил приобретать для него, Родса, участки на Ранде. Тут же, на месте, был заключен договор, по

которому Зауэр входил в долю и получал пятнадцать процентов доходов. Родс сразу выписал Зауэру чек, и тот должен был отправиться на Ранд срочно, следующим же утром.

В десять часов вечера Родс сам зашел к Зауэру и предупредил, чтобы тот ни в коем случае не садился в экипаж прямо здесь, в Кимберли, поскольку это может вызвать подозрение. А когда Зауэр на следующее утро, из предосторожности дождавшись экипажа в двенадцати милях от Кимберли, поднялся на подножку, он с изумлением увидел, что там, стараясь не быть узванными, сидят Родс и Радд. Затем они вместе проделали немалый путь. До бурского города Почефстрома — тридцать шесть часов езды, а оттуда карета проехала вдоль всего Ранда.

«Так делалась история», — торжественно констатировал Зауэр.

И все же, проявив, казалось бы, такую заинтересованность и активность, Родс и Радд использовали возможности менее удачливо, чем, например, кимберлийский делец Джозеф Робинсон.

Скупив довольно много, Родс и Радд несколько раз отвергали предложения о покупке участков, которые потом приносили миллионные состояния. В чем причина их колебаний? Принимать решения надо было быстро, сразу, а компаньоны в то время еще ничего не понимали в золотопромышленности. Радд был настроен скептически, считал, что образцы породы, которые показывали ему и Родсу, были сомнительными. Не проявил энтузиазма и горный инженер, американец, с которым Родс советовался.

Дело было совсем новое. Надо было рисковать. Конечно, и Родс, и Радд это умели, но ведь их стремление к риску поглощалось тогда в самом Кимберли — как раз в это время Родс готовился к реша-

ющей схватке с Барнато. Да и вообще дела в Кимберли отнимали львиную долю внимания Родса.

Были и причины сугубо личного характера. В самый разгар золотой лихорадки, когда Родс находился на Ранде, ему сообщили из Кимберли, что тяжело заболел Невил Пикеринг. Он был первым в том ряду молодых людей, что перебывали у Родса в секретарях. Родс немедленно вернулся в Кимберли и день за днем проводил у постели больного. На похоронах Пикеринга он появился в таком истерическом состоянии, что заставил прослезиться даже Барнато, отнюдь не склонного к сентиментальности. После этой смерти Родс долго не решался входить в коттедж, где они с Пикерингом прежде жили вдвоем.

На все эти дни Родс, может быть впервые, потерял интерес к делам и, несмотря на обещания, которые дал Зауэру, даже не отвечал на его телеграммы с золотых приисков. Биографы этим отчасти объясняют, как много «недополучил» Родс на золотых полях. Но утверждать так можно, разве что сравнивая результаты его деятельности там со сказочными успехами в алмазном деле.

Единовластия, самодержавного могущества в мире золота Родс не достиг. Но добился все-таки многого. Чуть запоздав, он сумел догнать самых резвых. За участки ему пришлось заплатить побольше, но он мог себе это позволить. Вместе с Раддом он скупил права на восемь или девять отличных участков, по преимуществу на западе золотоносного района, и создал акционерные компании.

В 1887-м все эти компании были объединены в одну — «Голд филдз оф Сауз Африка», с капиталом в 125 тысяч фунтов. При ее создании Родс оговорил за собой право на треть чистой прибыли. В 1892-м

компания была переименована в «Юнайтед голд филдс» с капиталом уже в десять раз большим. Под этим названием она существует и сейчас как одна из крупнейших золотодобывающих компаний в мире. В 1894—1895 годах она платила дивиденды в размере пятидесяти процентов. В 1896-м Родс официально сообщил, что от добычи золота он сам получает от трехсот до четырехсот тысяч фунтов чистой прибыли в год. Золото давало ему в два раза больше, чем алмазы.

...Властелин в алмазном деле и один из королей золота, он к концу восьмидесятых стал самым влиятельным человеком на юге Африки.

А это в тогдашнем мире означало многое. Значение Южной Африки в мировом хозяйстве росло необычайно. Алмазы, вывезенные из Капской колонии в 1882 году, превысили по стоимости весь экспорт остальных стран «Черной Африки». А открытие золота в Трансваале произошло в тот момент, когда мировая добыча находилась на низшей точке за вторую половину прошлого века. В 1887 году Трансвааль дал сорок тысяч унций, в 1892-м добыча перевалила за миллион, а в 1898-м — приблизилась к четырем миллионам унций и составила почти треть мировой добычи.

Добыча золота и алмазов, приток людей потребовали подвоза горнорудной техники, товаров, строительства железных дорог. В предвкушении прибылей капиталы потекли сюда широким потоком. На Лондонской бирже с конца восьмидесятых годов южноафриканские акции (их называли «кафрски-ми») стали предметом бешеных спекуляций.

На юге Африки начиналась промышленная революция с бурным развитием хозяйства, переломом во всей привычной жизни и трагедиями для аборигенов.

К тому, кто выступал от имени этого Эльдорадо, готов был прислушаться весь капиталистический мир. Наступал его час. От мечтаний о «присоединении» чужих стран он мог теперь перейти к действиям. Право использовать для этого деньги «Де Бирс» он оговорил еще при объединении с Барнато. Того эти дела не интересовали, но, что делать, согласился.

Родсу не терпелось начать амальгамацию африканских стран — проделать с ними то, чему он уже научился, собирая в своих руках участки на золотых рудниках и алмазных копях. Началась подготовка к продвижению с юга по линии Кейптаун — Каир. Любимое выражение Родса «Север — моя мечта» становилось девизом реальной, конкретной политики.

В середине 1888-го Родсу исполнилось тридцать пять. Вершина жизни, ее пик, с него она видна и вперед и назад. И ее начало, рассвет, а если пристально взглядеться, то и закат. Задумывался ли над этим Сесил Родс? Или и о нем можно сказать: только совсем молодые видят жизнь впереди, и только совсем старые видят жизнь позади; остальные, те, что между ними, так заняты жизнью, что не видят ничего.

Родс задумывался — он подошел к главному делу своей жизни. Уже вот-вот, за поворотом, ждут и литавры, готовые грянуть в его честь. И проклятия.

На его пути лежали страны, которым предстояло стать Родезиями.

СТРАНА ОФИР МЕЖДУ ЗАМБЕЗИ И ЛИМПОПО

Страна между реками Замбези и Лимпопо в те годы европейцам была уже известна. Там бывают и путешественники, и ученые. Промышляют охотники. Миссионеры пытаются обратить язычников в христианство. Там сохранились развалины удивительных древних сооружений и рудников. Африканцы, приходя из тех мест на заработки, рассказывают, какие там живут народы, каковы их обычаи. Кто с кем враждует, по какой причине. Как зовут правителей, какого они нрава, у кого сколько жен и наложниц, какая любимая...

И Родс, конечно, знал это. И думал, наверно, что знает уже все о жителях междуречья.

Препятствием на пути осуществления своих замыслов Родс считал инкоси (правителя) Лобенгулу и его обитавший на юго-западе междуречья воинственный народ ндебеле, или, как называли его соседи, а с их слов и европейцы, матебеле, матабеле, матебили.

Во многих книгах можно было в те времена прочесть о ндебелах и родственных им народах. Хотя

бы у Ливингстона. Как раз там, на границе земель ндебелов, в поселке Куруман, Ливингстон женился на дочери известного миссионера, своего соотечественника, шотландца Моффета.

И о Лобенгуле знали европейские путешественники, миссионеры, охотники и торговцы. Рассказов о нем ходило множество.

АФРИКАНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ ТЕХ ВРЕМЕН

Вряд ли стоит идеализировать режимы патриархальной Африки и ее правителей. Жестокие были нравы. Но в рассказах европейских путешественников Лобенгула предстает рассудительным, да, пожалуй, и просто мудрым человеком. Он был на семнадцать лет старше Родса, в 1888 году ему шел шестой десяток, и он уже около двадцати лет правил своим народом. Соплеменники обращались к нему «убаба» — отец. Охотник Фредерик Барбер, побывав у Лобенгулы в 1875 году, писал, правда не без высокомерия, свойственного многим европейским путешественникам: «Во время разговора его лицо было приятным, с искорками юмора в глазах. Он остроумен и любит шутку, этот великий дикарь, король до кончиков пальцев».

Когда-то один англичанин попытался произвести впечатление на Лобенгулу и его народ, предсказав затмение солнца.

У Марка Твена в романе «Янки при дворе короля Артура» красочно показано, какое ошеломляющее впечатление подобный прием произвел на «язычников» — короля Артура и его рыцарей «круглого стола».

На Лобенгулу такого впечатления произвести не удалось. Он был, разумеется, поражен исполнением

страшного предсказания. Но когда затмение кончилось, англичанина, ожидавшего, вероятно, что ему начнут поклоняться как божеству, постигло разочарование. Лобенгула, по мнению свидетелей-европейцев, не допускал и мысли, что белому колдуну было заранее известно о затмении. Он считал, что это случайное совпадение.

Известно, как воспринял затмение солнца зулусский правитель Чака. Создатель «зулусской империи» был так знаменит, что еще во времена Пушкина и декабристов о нем писали в московском журнале «Вестник Европы». Отец Лобенгулы был одним из его военачальников.

Дело происходило в 1824 году. Зулусы тогда еще почти не знали белых людей, и предсказывать им затмение было некому. И вот в разгар праздника первых плодов, по европейскому календарю 20 декабря, когда народ ликовал и пел песни, свет солнца внезапно померк и тень скрыла семь восьмых его диска.

«Чака стоял на глиняном бутре, откуда обычно обращался к народу... В странном неверном свете его внушительная фигура казалась исполинской. В правой руке он держал копье с красным древком и королевский жезл. Чака плюнул в сторону солнца и приказал ему вернуться, затем нанес своим копьем удар в том же направлении и застыл, как статуя, не опуская копья. Огромная толпа следила за ним, затаив дыхание. Солнце почти исчезло.

Вдруг из толпы послышались возгласы удивления. Диск почти исчезнувшего было солнца стал расти. А черная тень луны — отступать все дальше и дальше.

— Смотрите! Смотрите! — загремела толпа. — Черное чудовище уползает обратно, а солнце пре-

следует его. Наш король заколол чудовище, и оно теряет силы».

Это описание — из книги южноафриканца Эрнеста Риттера «Зулус Чака», основанной на зулусских преданиях. Чака поступил не просто как мужественный и хладнокровный человек, но и как мудрый политик — предотвратил панику и укрепил свой авторитет. И как он рисковал! Ведь кто знает, вдруг бы чудовище не уползло?

Таким же, кстати, небывалым и жутким, подобно этому затмению, было для многих африканских народов и само появление белых людей. Как для нас было бы пришествие инопланетян. Пожалуй, куда неожиданнее. Ведь зулусы и ндебелы не изучали тогда ни других миров, ни других частей нашей планеты, не проходили этого в школах и университетах, не слушали научно-популярных лекций и не читали научно-фантастических романов.

Лобенгула в сложных и не вполне понятных ему ситуациях говаривал:

— Конечно, вы, белые люди, очень искусны, но вот лечить малярию все-таки не умеете.

Такое подчеркнутое, пусть и не всегда оправданное недоверие к белым людям, будь то в случае с затмением или с малярией, помогало вождю сохранять духовную независимость своего народа.

Лобенгула, как и Чака, был для тогдашней Африки опытным, искушенным правителем. Умел проявить самообладание, рассудительность и находчивость в самых сложных обстоятельствах.

...В молодости он относился к европейцам доброжелательно, хотя в тридцатые годы буры вели войну против его народа. О бурах он знал много, да и англичане, немцы, португальцы — все ему были ведомы. Настороженности какой-то, конечно, не могло

не быть. Но все-таки поначалу здесь, в глубине Африки, далеко от европейских владений, его народ, может быть, не ощущал прямой угрозы европейского завоевания.

Одной из первых книг, откуда европейцы узнали о Лобенгуле и его народе, был двухтомник немецкого путешественника Эдуарда Мора. Там говорилось, что «иностранец, путешествующий по землям племен зулусов и матебелов в мирное время, когда цари спокойно управляют страной... если он уважает обычаи народа, находится в совершенной безопасности, как в отношении своей жизни, так и имущества. Я уверен даже, что здесь гораздо большая безопасность, чем в цивилизованных государствах Европы, потому что разврат и грубость нравов, господствующие на грязных плебейских улицах наших больших городов, здешним варварам еще неведомы».

И действительно, известный охотник Фредерик Силус годами путешествовал по междуречью, и ни один из местных жителей не тронул волоска на его голове. То же самое можно сказать о многих других охотниках, торговцах, миссионерах.

Так было «в мирное время». Ну а в беспокойное? Эдуард Мор как раз побывал у ндебелов в такую пору — в 1869 году, когда Мзиликази, отец Лобенгулы, уже умер, но еще не определилось, кто же будет его преемником. Обстановка в стране накалилась, ожидали схваток между дружинами.

Высший совет народа ндебеле вызвал тогда находившихся в стране европейцев и велел им собраться вместе в поселке Мангве. «Сначала я принял эти распоряжения как величайшую несправедливость и крайний деспотизм, — пишет Мор, — но впоследствии убедился, что они клонились к безопасности

белых. Дело в том, что туземцы действительно... хотели предохранить иностранцев от какого-либо несчастья. Смерть хотя бы одного из них могла вызвать неприятные столкновения с английским колониальным правительством, и этого старались всеми силами избежать».

Мору не пришло в голову вспомнить, что, оберегая европейцев от той братоубийственной войны, которая вот-вот должна была разразиться в стране ндебелов, этот народ мог считать европейцев причастными к кровопролитию. Ведь реальным претендентом был только Лобенгула. Но из уже захваченных европейцами областей Южной Африки пошел слух, что там скрывается его старший брат Нкулумане, которого ндебелы считали покойным. В Трансваале нашелся даже самозванец, выдававший себя за Нкулумане. Естественно, что все, кто по каким-либо причинам не хотел воцарения Лобенгулы, стали выступать за его соперника.

Мзиликази умер в 1868-м, а Лобенгула смог окончательно утвердиться лишь в 1870-м, в тот самый год, когда Родс приехал в Южную Африку. Полтора года в стране царили раздоры, и у ндебелов были основания полагать, что слухи о Нкулумане подогреваются европейцами. Но Лобенгула держался дружелюбно.

Эдуард Мор повидался с ним 6 октября 1869 года и рассказал, какое впечатление произвел на него «будущий царь ндебелов». Лобенгула еще не мог обеспечить ему безопасное передвижение по всей стране, но «хотел показать себя в высшей степени любезным. Он выразил мне сочувствие, что в настоящее время ничего не может сделать для исполнения моих желаний, но просил меня не беспокоиться... во всяком случае, мне не придется ждать долго».

По словам Мора, если Лобенгула и не был знаком с выражением «*noblesse oblige*», то действовал именно так.

Во время обеда Лобенгула обратил внимание на медальон, висевший на шее у Мора, — портрет его матери. Узнав, что она умерла, сказал:

— Да, белые счастливы. Ваше искусство так велико, что вы видите даже тех, кого давно уже нет.

Мор заметил: «И в нашем цивилизованном обществе не каждый мог бы выразиться с таким тактом».

Многое изумляло Мора. Например, «как хорошо туземцы знают все, что происходит у них в стране».

С впечатлениями Мора в давние времена познакомились и российские читатели. Издатель И. В. Алферов писал: «На издание русского перевода с тем же изяществом и роскошью, как это сделано за границей, я не жалел никаких расходов. Могу даже засвидетельствовать, что рисунки, находящиеся в сочинении Мора, напечатаны у нас лучше, чем за границей». Перевели молниеносно: предисловие к немецкому изданию подписано автором в Бремене в марте 1875 года, а на русском переводе отметка «дозволено цензурою» датирована 3 ноября того же года.

...В 1870-м Лобенгула утвердился в качестве инкокси — верховного правителя. Ндебельские посланцы разыскивали Нкулумане повсюду, даже далеко за пределами междуречья, но так и не нашли его. Должно быть, он, как и предполагалось раньше, был убит еще в детстве из-за каких-то раздоров в верхах ндебельского общества.

Придя к власти, Лобенгула не сразу стал подозрительным к европейцам. Он стремился лишь упорядочить отношения с ними, поставить их под свой контроль. Известно «Объявление Лобенгулы охотникам и торговцам». В нем говорилось:

«Все путешественники, охотники или торговцы, желающие попасть в страну матебеле, должны идти по главной дороге, идущей из Ба Мангвато к сторожевому посту Маньями, где они обязаны сообщить о себе обычным порядком и получить позволение идти к месту пребывания короля и просить об отдельном разрешении для каждого. За право охоты в районах к югу и западу от реки Шашани будет взиматься одно ружье стоимостью в пятнадцать британских фунтов стерлингов, мешок пороха и ящик патронов. Постройка домов допускается лишь по специальному королевскому разрешению».

Подобные документы распространялись от имени Лобенгулы. На них была его печать с изображением слона. Сам он грамоте обучен не был. С его слов или под его диктовку документы эти составлялись европейцами, жившими в его главном поселке; другие европейцы называли их даже «секретарями» Лобенгулы.

Переводя его слова и пытаясь выразить их в европейских понятиях, они могли невольно искажать их смысл. Правда, Лобенгула против этого боролся. Поручив одному европейцу перевести и записать свои слова, он потом мог вызвать другого и, показав ему бумагу, спросить, что же там написано. С помощью такой проверки он пытался контролировать белых людей.

Отношение Лобенгулы к европейцам постепенно менялось. Английский капитан Паттерсон, побывав у него в 1878 году, писал: «Будучи молодым человеком, да и какое-то время потом, даже уже став королем, он был тесно связан с белыми людьми и даже привык носить их одежду. Он построил себе каменный дом, приглашал их в свою страну, обеспечивал им безопасность. Но затем с ним произошла перемена.

Вернувшись к гардеробу из нескольких лоскутов обезьяньей шкуры, он, по-видимому, возвращается и к аналогичной манере мышления, отвергает все новшества, ограничивает торговлю, отказывает миссионерам в поддержке и не защищает белых людей от нападков и оскорблений».

— Что вы думаете о миссионерах и их вере? — спросил как-то Лобенгулу англичанин Уолтер Керр.

— Наверно, они верят искренне, — ответил тот. Однако тут же добавил: — Но ведь им и платят, чтобы они так говорили.

Керр отметил: «Я понял, что Лобенгула мало симпатизировал усилиям миссионеров». За четверть века миссионерской деятельности ни одного обращенного в христианство в стране Лобенгулы не оказалось.

В первые годы правления Лобенгулы большим влиянием пользовалась его любимая сестра Нинги. У нее был собственный «двор». К ней являлись белые охотники и торговцы, если Лобенгула бывал в отъезде. Она привечала их. Образы таких женщин, как Нинги, вероятно, и натолкнули Райдера Хаггарда на идею одного из самых известных его романов — «Она» — о могущественной правительнице страны в глубине Африки. По этому роману до сих пор снимаются фильмы.

А Нинги была в 1880 году казнена. Европейцы считали, что Лобенгула боялся ее влияния. Но может быть, она впала в немилость именно из-за близости с европейцами?

Почему же так изменился Лобенгула? Капитан Паттерсон писал: «Окруженный людьми, которые еще больше него ненавидят цивилизацию, он теперь стал человеком, с которым мы вряд ли можем связывать большие надежды».

Этот англичанин был сыном своего времени и бытовавших в его стране представлений. Он просто приклеил Лобенгуле ярлык «ненавистника цивилизации», даже не задавшись вопросом, почему же этот вождь, сначала так по-доброму относившийся к европейцам, взял да и переменялся.

Ответа не найдешь и в других свидетельствах. Правда, многие европейские очевидцы не прочь были поругать друг друга. Миссионеры отмечали неприглядность поведения торговцев, охотники — миссионеров... Но создается впечатление, что буквально никто из них не попытался всерьез задуматься об обратной связи: какое же впечатление все они производили на африканцев и какие чувства могли вызывать. И как это все влияло на таких правителей, как Лобенгула.

Как могли относиться африканцы к приезжавшим в их края европейцам, особенно когда этих пришельцев становилось все больше? Ведь большинство из них были людьми того же типа, что и золотоискатели Трансвааля. Те, кто и в Йоханнесбурге-то не ходили без кольта и пускали его в ход без долгих раздумий.

Какой стереотип охотника создает Райдер Хаггард? Алан Куотермен, герой многих его африканских романов, считался у европейской читающей публики человеком очень достойным — не только мужественным и решительным, но и благородным, добрым, с широкой душой. Одним словом, джентльменом. Этот образ был создан, чтобы восхищать и вдохновлять европейскую, особенно английскую, молодежь. И он действительно имел успех. Не случайно романы Хаггарда переиздаются на многих языках и по сей день.

Но как же Алан Куотермен относится к африкан-

цам? Вот роман «Месть Майвы». Алан рассказывает, как он охотился на землях народа, по его описанию, весьма похожего на ндебелов. Как же Алан ведет себя там?

Когда старший из африканских проводников и носильщиков говорит, что он и его люди не хотят идти дальше — на земли другого племени, Алан наводит на него ружье.

— Пойдешь, или я буду стрелять.

Затем Алан начал, никого не спросив, охотиться на землях этого племени. А когда к нему пришел вождь и попросил о встрече, Алан принялся кричать, чтобы слышали все кругом:

— Что это такое — так нагло тревожить меня? Да как он смеет беспокоить такого важного человека?

Потом Алан объясняет своим друзьям, что он затем и кричал, «чтобы произвести впечатление».

А когда за ним, незвано вторгшимся на эти земли, вождь послал отряд воинов, Алан думает отравить их стрихнином. Только вот стрихнина у него оказывается маловато...

И ведь так поступает и думает не человек из отбросов общества, а герой романов для юношества. Обмануть, надуть «дикаря», «варвара» — многие ли считали это зазорным?

Встречались, конечно, и такие, кто особенно бережно относился к доброй славе своего имени и старался ничем его не запятнать.

Среди миссионеров были и просто подвижники — легкое ли дело уехать из Европы в глубь тогдашней Африки, и не на месяц, не на год, а на всю жизнь! Но ведь и они считали, что у африканцев, собственно, нет никаких духовных ценностей. Исходили из того, что можно и нужно сломать весь строй их духовной жизни.

Каковы бы ни были помыслы европейцев, которые первыми проникали на африканские земли, объективно они прокладывали путь тем, кто шел вслед за ними. Киплинг поэтизировал этих людей, видя в них имперский авангард.

Легион, не внесенный в списки,
Ни знамен, ни значков никаких,
Разбитый на сотни отрядов,
Пролагающий путь для других.
Отцы нас благословляли,
Нянчили, пичкали всласть,
Нам хотелось не клубных обедов,
А пойти и открыть и пропасть...

Но если это понимали Киплинг и Родс, то ведь начинал понимать и Лобенгула. До него все время докатывались вести о том, какая судьба постигла африканские народы, на чьи земли белые приходили сперва тоже только как миссионеры, охотники, торговцы, натуралисты, путешественники...

Первые годы правления Лобенгулы совпали с началом раздела Африки. В междуречье все громче слышался рокот приближавшихся колониальных войн. И Лобенгула его слышал. Мог он не изменить отношения к белым?

С конца семидесятых годов появились уже явные признаки приближения угрозы. В 1877-м Англия аннексировала Трансвааль, и уже на следующий год британский администратор Трансвааля послал к ндебелам экспедицию во главе с капитаном Паттерсоном. Ему поручалось уговорить Лобенгулу снять запреты на передвижение англичан по стране. Паттерсон и его спутники должны были добиться от Лобенгулы разрешения пересечь всю территорию ндебелов и добраться до водопада Виктория на Замбези.

В состав экспедиции был включен никому тогда еще не известный молодой человек по имени Райдер Хаггард, мелкий английский колониальный чиновник в Трансваале. Но перед самой отправкой выяснилось, что дела службы задерживают его.

По пути к Лобенгуле Паттерсон тщательно осматривал те места, через которые проезжал. «Страна богата природными ресурсами, — писал он, — имеет отличные, хорошо орошаемые почвы, прекрасный климат, ее растительный мир очень разнообразен... Пышно цветут хлебное дерево, пальмы, оливковые деревья и все виды плодовых деревьев... В районах Машона и Тати много золота. Кроме того, страна богата железом».

Лобенгула отнесся к экспедиции с подозрением. Паттерсону не удалось добиться разрешения свободно передвигаться по стране. Но он все же требовал, чтобы ему позволили отправиться к водопаду Виктория. Лобенгула ограничился советом не делать этого и предупредил, что дорога опасна, по пути немало отравленных колодцев.

Паттерсон не внял увещаниям и отправился к Замбези. На восемнадцатый день пути экспедиция погибла. По слухам из тех мест, они напились из отравленного колодца.

В Англии решили, конечно, что экспедиция была истреблена по приказу Лобенгулы. Но доказательств не было. Британские власти послали Лобенгуле несколько запросов, но он категорически отрицал свою причастность.

Легко представить себе чувства Райдера Хаггарда, когда он понял, что только чудом избежал гибели. Может быть, поэтому в романе «Копи царя Соломона», написанном им через несколько лет, да и в других его произведениях междуречье Замбези —

Лимпопо предстало страной таинственной и непри- ветливой к белым людям.

Каковы бы ни были причины ее гибели, злосчас- тная экспедиция Паттерсона ухудшила отношение Лобенгулы и его народа к англичанам. По сохранив- шимся документам Паттерсона о его переговорах с Лобенгулой современники сделали вывод, что «чрез- вычайная миссия от британцев вызвала страшные подозрения и закончилась ничем, если не считать появления недобрых чувств».

Этот эпизод показал, что условий для вторжения Англии в междуречье Замбези — Лимпопо еще не было. Требования британских эmissаров не подкреп- лялись реальной силой. Солдаты королевы Виктории были поблизости, в Трансваале, но только с 1877-го по 1880 год, до победы буров при Маджубе, да и то их было немного, и у них были другие заботы.

К 1888 году обстановка резко изменилась. И дело не только в том, что Родс и его единомышленники, распространив британскую сферу влияния на сосед- ние с междуречьем земли тсванов, проложили путь для вторжения.

В самом междуречье белых людей становилось все больше и больше. С открытием трансваальского золота сразу же пошли слухи, что междуречье еще богаче. Недаром же от каких-то местных народов здесь остались древние рудники... Из уст в уста пе- редавались, казалось, давно забытые рассказы сред- невековых португальских путешественников. Пере- печатывались их старинные карты с манящими над- писями: «Здесь есть золото».

Старатели бросились к Лобенгуле за «концесси- ями» на поиски золота. Его столица Булавайо стала местом паломничества и центром английских, не- мецких, португальских и бурских интриг.

«Белые люди приходят как волки, без разрешения, и прокладывают новые пути в мою страну», — писал Лобенгула 1 марта 1887 года британским чиновникам. Он пытался принять меры, ограничить въезд в страну, но приток европейцев все возрастал. «Сегодня еще сохраняется мир, но я не знаю, что принесет завтрашний день».

Он оказался в сложном положении. В его народе росло недовольство европейцами, молодые воины требовали войны. Лобенгула отвечал им:

— Вы хотите толкнуть меня в пасть льва!

Он, умудренный годами и опытом вождь, наверно, понимал, что с европейцами ему не справиться. От него требовалось искусство настоящего дипломата, чтобы противостоять европейцам, не доводя дело до войны, и сдерживать своих воинов, но так, чтобы они в конечном счете не поднялись против него самого.

Может быть, он уже тогда сознавал, что война неизбежна? Только хотел оттянуть ее как можно дольше, если уж на победу все равно не приходилось рассчитывать...

Ну, а Родс наверняка понимал, что для полного захвата междуречья военного столкновения ему не избежать. Изучал силы противника. И смотрел в будущее с опаской. Основания для этого у него были.

ПОДЛИННОЕ ИМЯ — ЗУЛУСЫ

Зулус «в сутки проходит больше, чем лошадь, и быстрее ее. У него мельчайший мускул, крепкий, как сталь, выделяется словно плетеный ремень». Сто лет назад Энгельс приводил эти слова одного английского художника.

Пересказывая восторженные отзывы очевидцев, Энгельс и сам восхищался храбростью зулусов. Зулу́сы, писал он, «сделали то, на что не способно ни одно европейское войско». Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль заряжающихся с казенной части ружей английской пехоты — по общему признанию, первой в мире по боевым действиям в сомкнутом строю — продвигались вперед на дистанцию штыкового боя, не раз расстраивали ряды этой пехоты и даже опрокидывали ее, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении...

Речь идет о событиях 1879 года, когда британские войска вторглись на земли зулусов. В Европе восхищались действиями зулусского правителя Кечвайо и с изумлением говорили о битве у холма Изандлвана. Там зулу́сы атаковали и уничтожили вторгшийся в их страну крупный английский отряд. И хотя зулусским копьям противостояла европейская военная техника, все же погибло больше восьмисот английских солдат и офицеров и почти пятьсот бойцов «туземных войск» — африканцев, завербованных английскими властями.

Такое поражение африканцы нанесли европейским вооруженным силам впервые в истории. В «Санкт-Петербургских ведомостях» 4 (16) февраля 1879 года говорилось: «Победа кафров-зулусов над отрядом англичан оказывается полною. Не только из отряда никто не спасся, но вследствие означенного поражения главнокомандующий английскими войсками лорд Чельмсфорд принужден был отступить».

Слово «зулус» вошло тогда в обиход русского языка. Чехов в письмах к своему старшему брату Александру обращался: «Мой брат зулус». Салты-

ков-Щедрин в «Современной идиллии» отправил своего бродячего полководца Редедю в страну Зулусию.

Англо-зулусская война повлияла на события в Европе. В Англии она стала одной из причин того широкого недовольства премьер-министром Дизраэли, которое привело к его падению. Накануне войны он был в зените славы. А тут даже епископ англиканской церкви Наталя осудил агрессию своих соотечественников.

В одной из мелких стычек зулусы убили молодого человека по прозвищу Принц Лулу, а по имени — Наполеон Евгений Людовик Жан Жозеф. Он носил титул — «имперский принц». Это был единственный сын последнего французского императора Наполеона III. Хотя Франция уже несколько лет, со времен франко-прусской войны и Парижской коммуны, была республикой, партия бонапартистов быстро усиливалась. Уверенная в скором приходе к власти, она еще в 1874 году, в год совершеннолетия принца, провозгласила его своим главою под именем Наполеона IV. Бонапартисты считали, что ему не хватало лишь воинской славы, чтобы французы увидели в нем подлинного Бонапарта. Вдова Наполеона III — императрица Евгения и приютившая ее в изгнании королева Виктория послали своего любимца за этой славой на юг Африки. Им казалось, что там ее добыть нетрудно. Французский географ Элизе Реклю острил: принц «надеялся, что военные подвиги против зулусов доставят ему впоследствии господство над французами». Европейские газеты готовились описывать грядущие военные подвиги принца. «По слухам, принц Луи Наполеон изложит все пережитое им в Южной Африке в дневнике, который будет печататься...» — сообщала в апреле 1879-го пе-

тербургская газета «Голос». Но зулусский асседай сорвал планы бонапартистов. И даже повлиял на политику европейских кабинетов, до того считавшихся с возможностью восстановления империи во Франции.

Дизраэли, один из главных виновников войны с зулусами, и тот не мог скрыть своих чувств. «Что за изумительный народ — он убивает наших генералов, обращает наших епископов в свою веру и пишет слово «конец» на истории французской династии».

Прекрасные боевые качества зулусов настолько запомнились всему миру, что через много лет, в январе 1942 года, в самую критическую пору второй мировой войны, на страницах американской «Нью-Йорк геральд трибюн» появилась статья «Громадный африканский резерв воинства для союзников». В ней говорилось: «Величайший боевой народ Африки, прославленные южноафриканские зулусы, не воевали ни в первой мировой войне, ни пока еще — в этой».

Но зачем вспоминать обо всем этом здесь, где идет речь о родовских планах захвата междуречья?

Конечно, англо-зулусская война произвела на Родса громадное впечатление. Ведь события происходили в том самом Натале, где он провел первый год своей южноафриканской жизни. Паникой был объят тот самый Питермарицбург, куда он приехал семнадцатилетним юнцом.

Но были и другие аналогии. События англо-зулусской войны наглядно показали Родсу, какими могут быть африканцы — те, кто ежедневно гнет спину на его алмазных копиях. Родс знал, конечно, что в зулусском войске были воины, вооруженные ружьями, и что деньги для покупки этих ружей они когда-то заработали тут, в Кимберли. Ему могло прийти

в голову: может быть, именно те, кто работал на него, на Родса, и убили потом французского принца?

Родс был впечатлителен, когда дело касалось его жизни, и на него не могла не подействовать гибель принца, его сверстника. Очень уж наглядно она показала, что и «маленькая» колониальная война — это война, где убивают без различия чинов и званий.

Через несколько лет Родс сам чуть не последовал в мир иной тем же путем, что и неудачливый Наполеон. Во время колониальной «экспедиции» против небольшого народа коранна человек, ехавший рядом с Родсом, получил рану в живот и мгновенно умер. Родс с ужасом повторял потом: «Представьте себе, ведь это мог бы быть мой живот, а не его». По словам одного из друзей Родса, он «получил шок на всю жизнь» и с тех пор многие годы старался избегать риска.

И все же так ли важен был для Родса опыт англо-зулусской войны? Ведь после нее прошло уже несколько лет. Да и целью его были другие земли, далекие от злополучной Изандлваны. Жить там должны, казалось бы, другие народы, с другими нравами и обычаями...

В том-то и дело, что Родсу приходилось готовиться к встрече с теми же самыми нравами и обычаями, а главное — с таким же зулусским войском.

Отец Лобенгулы — я уже упоминал об этом — был когда-то, во времена Чаки, одним из зулусских военачальников. А сам Лобенгула на вопрос английского путешественника, как же следует правильно называть его народ, ответил:

— Подлинное имя моего народа — зулусы!

Как это могло получиться? От земель Лобенгулы до Наталя, страны зулусов, больше тысячи километ-

ров. Ну что ж, недаром Энгельс приводил свидетельства, что зулус может пройти в сутки больше, чем лошадь. Путь этот, от Наталя до междуречья, и был когда-то проделан ндебелами. Не сразу, а в два приема. За долгий срок. В сущности, разными поколениями.

Мзиликази (отец Лобенгулы) был любимцем Чаки, одним из самых одаренных его сподвижников и военачальников. Об отношениях Чаки и Мзиликази подробно рассказано в книге «Зулус Чака». Согласно преданиям, после одного очень успешного похода Мзиликази утаил от Чаки несколько стад захваченного скота. Чака поступил с Мзиликази милостиво: направил к нему гонцов. Мзиликази ответил неслыханной дерзостью. Он срезал перья, которыми были украшены их головы, и отослал этих людей обратно к Чаке, не передав на словах ничего.

— Увы! — горестно сказал Чака, увидев срезанные плюмажи. — Дитя мое опорожнилось на меня!

В начале 1823-го терпение Чаки истощилось, Мзиликази вместе со своим кланом ндебелов вынужден был бежать на север. Они переселились сперва за реку Вааль, но в 1836—1837 годах туда пришли буры, чтобы потом основать там свой Трансвааль. В результате двухлетних схваток Мзиликази пришлось уйти далеко на север и обосноваться уже за рекой Лимпопо.

Так в далекое от земли зулусов междуречье были перенесены зулусские обычаи и традиции, не говоря уже о языке. И путешественники удивлялись, когда видели здесь такую же военную организацию, ставшую, как у зулусов, основой всего общественного организма. Страна, как и у зулусов, делилась на военные округа. Суровое воспитание делало юно-

шей воинами, не боящимися смерти. И постоянные тренировки выработали у здешних воинов, как и у зулусских, способность проходить в сутки больше, чем лошадь. И на их телах так же отчетливо выделялся каждый мускул.

Верховного правителя здесь звали «инкоси», военачальника и главу административного района — «индуна», отряд воинов — «импи», и так далее. Как у зулусов...

В западной литературе ндебелам, как и зулусам, нередко приписывалась «кровожадность», крайняя жестокость по отношению к другим народам, да и в своей собственной среде. Нравы ндебелов, как и зулусов, что и говорить, не отличались мягкостью. Вся жизнь их была суровой. Чака считал, что обувь изнеживает: кожа ступни у воина должна быть тверже подошвы. Нельзя было иметь метательного копья — разить врага воин должен был лицом к лицу в рукопашной схватке. Воин, потерявший оружие на поле брани, карался смертью. Во времена Чаки и Мзиликази такая судьба могла постичь и целый отряд, потерпевший поражение в бою с неприятелем. Но при Лобенгуле такого, кажется, уже не случилось.

Лобенгула говорил, что у него нет тюрем, да и держать людей в тюрьме, как это делают европейцы, он считал бесчеловечным. Так что проступки или прощались, или карались смертью...

Самое время, кажется, воскликнуть: «О времена! О нравы!» Но так ли уж они поражают своей жестокостью? Разве не было подобного в прошлом европейских народов? История и тут писалась кровью, и, как это ни грустно признавать, запоминались больше именно те правители, которые не жалели крови подданных.

Обратимся снова к книге «Зулус Чака»: «Чака, несомненно, бывал временами жесток. Но это при-
суще всем великим полководцам. Тит, самый «гу-
маннейший» из римских императоров, во время осады
Иерусалима распинал по тысяче иудеев в день... Чака
велел заживо сжечь шестнадцать женщин. Красс
же, разбив Спартака, распял шесть тысяч восстав-
ших рабов. Когда в 1631 году Тилли взял штурмом
Магдебург, жительницы этого города подверглись
насилию. Воины Чаки за такое преступление запла-
тились бы жизнью...»

Какими бы жестокими ни казались нам нравы
ндебелов и зулусов, с морально-этической точки зре-
ния они куда естественнее для того общества, чем
страшные изуверства и кровавые боины, учиненные
в те же времена, да даже и позднее, европейскими
цивилизованными государствами.

ТРУДОЛЮБИВОЕ И ИСКУСНОЕ ПЛЕМЯ

Ндебелы-мателы были не так уж многочислен-
ны. Расположившись на юго-западе, они не заняли
всего междуречья. На остальных землях по-прежне-
му жили племена машона, или шона, — многочис-
ленные, но раздробленные и не имеющие такой еди-
ной военной организации, как зулусы и ндебелы.
Некоторые из них стали данниками ндебелов, дру-
гие сохранили независимость.

Когда Сесил Родс готовился к захвату междуре-
чья, он думал о шонах куда меньше, чем о ндебелах.
От них он не ждал серьезного вооруженного сопро-
тивления. Более того, Родс даже надеялся, что шоны
увидят в белых людях освободителей от власти «кро-
вожадных» ндебелов. Идея о том, что шоны подвер-

гаются постоянному угнетению со стороны ндебелов, широко распространялась сторонниками Родса.

Шоны действительно не славились такой воинственностью, как ндебелы, а были известны трудолюбием в земледелии и скотоводстве, искусностью в ремеслах. Хорошо знавший их миссионер Джон Маккензи писал: «Машона — самое трудолюбивое и искусное племя во всей Южной Африке... Оно — первое среди всех племен по своим познаниям в области сельского хозяйства, по своему искусству плавки металлов и особенно по своей превосходной обработке железных орудий, таких, как наконечники копий, мотыги, топоры, тесаки и т. п.».

Шоны жили в междуречье неизмеримо дольше, чем ндебелы. Жили по старинке. Исходили из тех условий мирного земного счастья, о которых сказано в песне одного из африканских народов:

Первое — это, конечно, не умереть молодым,
Второе — не впасть в нищету,
Третье — не знать огорчений и тягот,
Четвертое — чтобы жизнь была приятна для нас,
Пятое — быть счастливыми в детях,
А в-шестых — не пропустить подходящего случая,
Чтобы здесь, в нашем мире земном,
Без мучений заснуть последним сном.

В наши дни с народом шона связывают исторические события, которые долго считались одной из таинственных загадок Африки. В междуречье европейские путешественники часто находили остатки цивилизации, казавшейся им необычной для Африки. Сотни рудников. Массивные каменные строения. Крупнейшие из них местные жители называли «Великий Зимбабве».

Эти находки поставили ученых в тупик во време-

на Родса. Большинству европейцев и в голову не приходило, что африканцы могут самостоятельно создавать такую культуру. Правда, еще первые путешественники писали, что основное население междуречья — машоны добывают золото, хотя и в незначительных количествах. Что им-то и принадлежат древние рудники. Но на эти свидетельства никто не обращал внимания. Английский археолог Теодор Бент утверждал в 1892 году, что постройки Зимбабве «никак не связаны ни с одним из известных нам африканских народов» и что они вообще «не соответствуют африканской культуре».

Вот и появился домысел, будто именно здесь, в междуречье Замбези и Лимпопо, обнаружена наконец упомянутая в Библии страна Офир, откуда царь Соломон привозил золото для украшения своего храма в Иерусалиме. Изданный в 1885 году роман Райдера Хаггарда «Копи царя Соломона» — один из отголосков этого домысла.

Догадок было множество. Ученые спорили, кем создана культура Зимбабве — финикийцами, арабами или индийцами.

Теперь историкам проще. С помощью современных методов исследования они установили, что строения Зимбабве относятся не к седой древности, а к середине нашего, второго тысячелетия, то есть возникли четыре-пять веков назад. Значит, к царю Соломону и финикийцам они во всяком случае не имеют отношения. В наши дни доказано, что культура Зимбабве местного, африканского происхождения.

На территории междуречья было много переселений и кровавых междоусобиц. Племена перемешивались. Так что было бы большой смелостью прямо называть создателями Зимбабве предков какого-либо из народов, живущих сейчас в междуречье. И все-таки

можно сказать, что и в шонах тоже наверняка течет кровь средневековых строителей Зимбабве.

Правда, и теперь еще не все загадки решены. Археологами найдено множество бус, похожих на занзибарские, индийские, индонезийские... Большинство ученых считают эти находки следами не изученных до сих пор связей и контактов между континентами.

Споры продолжаются, хотя и не такие бурные, как во времена Родса, когда происхождение руин Зимбабве было не только предметом академических дискуссий, но и модной темой в аристократических салонах. Родс также отдал ей дань. В годы завоевания междуречья он собрал у себя в Кейптауне множество реликвий из Зимбабве. В девяностых годах он любил показывать их знатым гостям и горячо спорил о том, кому же принадлежали эти развалины — финикийцам или арабам до начала магометанства.

Эти рассуждения Родса пересказал французский ученый и путешественник Пьер Леруа-Болье. Описание их встречи тогда же появилось и на русском языке: Родс «велел принести «Книгу Царств», читая отрывки, относящиеся к Соломону и путешествию Гирама за золотом в страну Офир; взяв потом перевод Диодора Сицилийского, он читал нам те места, где автор описывает золотые залежи, находящиеся к югу от Египта, и способы их разработки». Родс считал, что остатки золотых рудников в междуречье совершенно соответствуют описаниям Диодора Сицилийского.

— Я не утверждаю, — говорил он, — что эти залежи разрабатывались именно египтянами, но они разрабатывались народом, обладавшим той же цивилизацией.

«Он достал потом, — продолжал Леруа-Болье, — золотую медаль, найденную близ этих же развалин, но гораздо позднейшего происхождения... по этому пово-

ду он стал говорить о многочисленных иезуитских миссиях, отправлявшихся в эти страны в XVI столетии».

— И все это пропало, — заключил Родс с некоторым оттенком меланхолии.

По мнению француза, Родс «думал, конечно, что это служит как бы оправданием тому, что высшая раса захватила эти страны; его миссия — снова внести в них ту цивилизацию, которую варвары уничтожили и которую португальцы не сумели восстановить, несмотря на большие усилия».

Так через призму своих интересов Родс воспринимал давнюю африканскую культуру.

КАКИМИ ЖЕ ВИДЕЛ ИХ РОДС?

Ну, а какими видел он своих современников — ндебелов и машонов? Как представлял себе народы, которые ему предстояло покорить? Знать это важно не для того лишь, чтобы лучше понять самого Сесила Родса. В его взглядах отразились представления об африканских народах, типичные для многих его соотечественников и современников.

Родс впитывал в себя эти представления, а потом и сам внес немалую лепту в формирование образа народов Африки в Англии, да и во всей Европе. Этот образ, эти представления, изменяясь в деталях, существовали десятилетиями.

В наши дни достижения научно-технической революции сделали мир таким обозримым, таким, кажется, тесным, что народам хорошо бы узнать друг друга как можно лучше, понять истоки каждого предрассудка.

Представления Родса и его единомышленников — одна из ступенек в истории расовых предрассудков и

имперского сознания. Но легко ли понять, каким виделось Родсу междуречье и его народы? Дневниковых записей он не вел, сочинительством не баловался, а эпистолярное его наследие состоит больше из лаконичных деловых посланий и телеграмм. В своем Кимберли, а потом и в Кейптауне он имел возможность узнать буквально все, что было написано о ндебелах и шонах или что о них рассказывали. Но в какой мере эта информация была верной, адекватной? Казалось бы, он получал там сведения из первых рук, но ведь искажались они по меньшей мере трижды.

Во-первых, самими африканцами. В ответ на расспросы белого африканец мог рассуждать примерно так:

— А кто ты такой, что я должен отвечать на твои вопросы? Почему я обязан рассказывать тебе все о себе, о моей стране, о наших владениях, наших правителях? Ведь я не знаю тебя, не знаю, каковы твои цели. А может быть, ты шпион и завтра обернешься нашим врагом?

Вторым источником искажений была предвзятость очевидцев-европейцев.

Гюстав Флобер составил когда-то «Лексикон прописных истин», словарь ходячих мнений тогдашнего парижского буржуа на все случаи жизни. Попробуй-ка выскочи из круга привычных представлений своего времени! Для этого надо быть очень неординарным человеком. И об африканцах были такие же ходячие мнения.

Большинство европейцев, приезжавших в Африку, считали, что, чем бы они ни занимались, что бы ни делали, они несут добро. Свет цивилизации и культуры. Величие собственной миссии ослепляло, затмевало реальность. Им казалось, что враждебность, недоверие к ним могут испытывать только

безнадежно отсталые люди, «дикари», «ненавистники цивилизации». Как удобно отождествлять себя с прогрессом, считать себя его знаменосцем! Где уж тут пытаться понять, разобраться?

И вот эти-то европейцы, с чьих слов Европа судила об Африке, видели своими глазами лишь те стереотипы, к которым они привыкли на родине. Еще в начале столетия было сказано: «Сведения, выносимые средним путешественником из чужой страны в качестве его личных впечатлений, почти всегда в точности подтверждают те его мнения, с какими он отправился в путь. Он имел глаза и уши только для того, что он ожидал увидеть и услышать».

Облик «инородца» возникает не только под влиянием социальных и экономических условий. Он впитывается в себя тончайшие, подчас трудно распознаваемые особенности своего времени. И именно они служат питательной средой для предрассудков.

Еще один источник искажения сведений — это сознание того человека, который эти сведения получает: выслушивает от очевидца или узнает из книг. В данном случае — сознание Сесила Родса. Получив информацию уже искаженную, можно сказать, дважды, оно искажало ее еще раз, подчиняя собственной установке.

Родс не отличался абстрактной любознательностью. Для этого он был слишком занятым человеком. На ндебелов и шонов, как и в случае с цивилизацией Зимбабве, он смотрел через призму своих интересов. В наши дни суть таких интересов именуют геополитикой. Отношение Родса к африканским народам можно свести к немудреной формуле. Он делил их на «кровожадных» и «мирных». Иначе говоря: сильные противники, которые окажут серьезное сопротивление, и те, что послабее, менее опасные.

МЕЖДУ «ВЕЛИКОЙ БЕЛОЙ КОРОЛЕВОЙ» И АФРИКАНСКИМ ВОЖДЕМ

Схватка за Черный материк разгоралась все жарче. Четырнадцать государств Европы вместе с Соединенными Штатами созвали в конце 1884 года конференцию в Берлине. Хотели решить, на каких условиях очередной кусок африканской земли можно объявлять чьей-то колонией или сферой влияния. Конференция шла долго, продолжалась и в начале 1885-го, но зримых плодов не принесла. Только способы захватов стали еще изощренней. Захватывали все, что удавалось. Впрок. Лорд Розбери, британский премьер-министр, сказал как-то:

— Англичане сейчас вколачивают колышки, основываясь на которых их потомки будут предъявлять свои претензии.

Так что Родс поставил себе нелегкую цель. Междуречье — это были не просто земли «впрок». Считалось, что там золото, много золота.

В колониальных кругах Германии родился план создания немецкой «Срединной Африки». Хотели соединить Германскую Восточную Африку с Гер-

манской Юго-Западной Африкой. Обе колонии были «приобретены» только-только — в 1884-м, но уже не терпелось объединить их — опоясать континент кольцом своих владений.

А между этими колониями лежало междуречье. Не захватишь его — не бывать и «Срединной Африке». И потянулись к междуречью германские агенты...

Португалия вспомнила о своих «исторических правах»: она первой среди европейских стран начала захваты в Африке, еще в средневековье. И теперь тоже возмечтала оковать обручем Африканский континент, объединив свои владения на западе и на востоке — Анголу и Мозамбик. Для этого тоже надо было овладеть междуречьем.

Да и Трансвааль. Его правительство считало экспансию в междуречье вопросом жизни или смерти для бурских республик. Стиснутые англичанами с юга и с востока, а после захвата земель тсванов в 1885-м — и с запада, буры боялись полного окружения. И потому изо всех сил старались упрочить свое влияние в междуречье, помешать усилению Англии.

Особенно настораживали Родса признаки сближения Германии с Трансваалем. Поэтому за действиями буров Родс следил зорко. А следить было за чем.

Еще в 1882 году Лобенгуле направил послание Пит Жубер, главнокомандующий вооруженными силами Трансвааля. Жубер пытался настроить Лобенгулу против англичан. Он жаловался, как трудно было Трансваалю избавиться от британского господства. Писал: «Если англичанину удалось у вас что-нибудь стащить, он будет изо всех сил держаться за это — как обезьяна, когда она зажимает между ладонями горсть тыквенных семечек, — и надо бить его смертным боем, иначе ни за что не отдаст».

Такие письма, несмотря на их образность, может быть, и не произвели бы желаемого впечатления, если бы англичане не подтверждали их правдивость своими действиями. Ведь как для буров, так и для ндебелов угроза английского вторжения действительно резко усилилась с 1884—1885 годов, после того, как Англия захватила земли тсванов.

Особенно встревожился Лобенгула, когда англичане предложили провести границу между землями ндебелов и ближайшего к ним тсванского племени — бамангватов. Сидней Шиппард выдвинул себя в качестве третейского судьи.

Лобенгула, конечно, понял, что любая попытка установить границу вызовет споры между соседями, а англичанам этого и нужно. И он, забыв давние распри с бамангватами, — а у каких соседей не бывает распрей? — отправил их вождю Каме тревожное и вместе с тем дружелюбное послание. Он убеждал соседа решать все междоусобные споры самим, не допускать вмешательства европейцев.

«В прошлом году я слышал от белых людей, что Вы ставите вопрос о проведении пограничной черты. Теперь я это слышу опять, но со мной Вы это не обсуждали. Почему же Вы не известили меня? Ваш сосед — я, а не белые люди. А Вы решаете, не советуясь со мной. Вы отдаете страну, и даже часть моих земель. Как мне понимать все это? Я хотел бы услышать Ваш ответ как можно скорее... Мы никогда не говорили ни о какой границе. Лишь теперь они ставят вопрос о границах».

После долгих уговоров Лобенгула добился своего. Кама тоже отказался от английского посредничества.

Недовольство англичанами давало козыри бурам. Трансваальский эmissар Пит Гроблер отправился к тсванам и ндебелам. Тсванам он завез много ружей

и раздал вождям, недовольным английским вторжением и проанглийской, с их точки зрения, позицией Камы.

Буры, конечно, не надеялись так просто изгнать британцев с земель тсванов, но пытались затруднить английское продвижение в междуречье. Пит Гроблер явился в Булавайо. В июле 1887 года, всячески запугивая ндебелов английской угрозой, он сумел заключить с Лобенгулой «договор о мире и дружбе» и добился ряда привилегий для буров в стране ндебелов. Он надолго остался в Булавайо как бы полномочным послом, чтобы тут, на месте, противодействовать английскому влиянию.

Англичане в долгу не остались. Сидней Шиппард принялся запугивать ндебелов угрозой вторжения буров. Он писал Лобенгуле: «До меня дошло известие о большом числе людей из Трансвааля, собирающихся вторгнуться в Машоналенд».

Когда Гроблер возвращался из Булавайо в Трансвааль, на землях бамангватов его «случайно» убили.

Англичанина Паттерсона случайно отравили, бура Гроблера невзначай убили... На простых европейских охотников, торговцев никто не покушался. Но прикосновение к «большой» политике оказывалось роковым даже тут, в глубине Африки.

ТАК СОЗДАВАЛИ «СФЕРУ ВЛИЯНИЯ» СТО ЛЕТ НАЗАД

Родс все сильнее давил на капские колониальные власти. Не исключено, что именно его агенты первыми узнали о договоре Гроблера.

На Рождество 1887 года Родс встретился с Геркулесом Робинсоном. Было решено, что настало время

действовать быстрее и энергичнее. Наметили немедленно отправить официальное посольство к Лобенгуле — не только заключить договор «о мире и дружбе», подобный бурскому, но, главное, добиться, чтобы вождь ндебелов не заключал больше никаких договоров ни с кем, кроме Англии.

Полное ли единство помыслов заставило верховного комиссара Южной Африки действовать в унисон с Родсом, да еще с такой быстротой, как известно, далеко не всегда свойственной чиновникам? Или Родс так умел убеждать? У нас нет записей их бесед, сказанных там слов, сделанных намеков. Но зато достоверно известно, что чуть позже Робинсону подарили 250 акций одной из компаний, созданных Родсом. А потом он стал одним из директоров «Де Бирс».

...В Булавайо не верили уже никому из европейцев. Поэтому главой своего посольства английские власти выбрали человека, который должен был вызвать у ндебелов если не максимум доверия, то хотя бы минимум недоверия. Это был Джон Моффет.

Джон Моффет — сын Роберта Моффета, хорошо знавшего отца Лобенгулы. Шурин Ливингстона. Он родился тут, в поселке бамангватов, совсем неподалеку от земель ндебелов. Потом, став миссионером, жил в тех же местах и многократно встречался с Лобенгулой. С конца семидесятых годов Моффет стал колониальным чиновником — с миссионерами такое случалось. В 1888 году он — уже пожилой человек, и ему легче вести переговоры со старейшинами ндебелов, чем какому-нибудь юнцу. Одним словом, лучшего парламентаря не сыщешь.

Переговоры Моффета в Булавайо в январе — феврале 1888-го шли напряженно и долго. Не раз пришлось ему говорить и с Лобенгулой, и с видными индунами. Убеждать, что трансваальцы обманывают

ндебелов, что буры вкладывают в договор с ними совсем не тот смысл, о котором говорил Гроблер. Это звучало убедительно, потому что было правдой. И, естественно, возмутило ндебелов.

Гораздо труднее было заставить Лобенгулу и индун поверить, что договор, привезенный Моффетом, лучше договора Гроблера. В нем говорилось, что «мир и дружба будут вечны между Ее Британским Величеством, Ее подданными и народом амандебелов». Но на ндебелов налагались жесткие ограничения: «Не вступать в какие-либо переговоры, а также не заключать договоры ни с каким иностранным государством...»

По международно-правовым понятиям тогдашней Европы Англия могла считать, что такой договор включит земли ндебелов в ее «сферу влияния».

Понимал ли это Лобенгула и его советники?

Европейских представлений о четких границах, территориальной целостности, продаже или уступке территорий у них не было, да и быть не могло. Сколько этот народ кочевал, сколько мест обитания поменял... Наталь, Трансвааль, междуречье. Да и в каждой из этих областей ндебелы не жили подолгу на одном месте. Не хватало корма для скота — и даже главному поселку, столице, приходилось переезжать. Свое богатство ндебелы видели в скоте. А на земли вообще начали оседать не так уж давно.

Да разве и у вполне земледельческих народов, стоявших на той же стадии развития, что и ндебелы, — разве у них представления о границах и отчуждаемости земель могли быть такими же, как в Европе конца XIX века?

Как Моффет объяснял смысл этого договора? И почему Лобенгула и его советники в конечном счете все же уступили?

Во всяком случае, они сделали это очень неохотно. Переговоры из-за этого маленького текста, всего в несколько фраз, Моффету пришлось вести не одну неделю. Должно быть, ндебелы все думали и прикидывали, кто же для них опаснее: буры или британцы.

Подействовало ли, что Моффет запугивал ндебелов угрозой бурского вторжения? Буры ведь один раз уже воевали с ндебелами и заставили их покинуть обжитые места. Сумел ли Моффет как-то усыпить бдительность по отношению к англичанам? Или, наоборот, он угрожал им гневом «Великой белой королевы»? О ее могуществе Лобенгула и его советники были наслышаны.

Удастся ли когда-нибудь узнать это? Может быть, помогут устные предания ндебелов, когда историки смогут заняться ими всерьез...

Ну, а сам Моффет? Он-то, миссионер и сын миссионера, вполне ли понимал, что делает? На что обрекает народ, знакомый ему с детских лет и ничего дурного ему не сделавший? Он и вправду свято верил в благие намерения своего государства и сознательно шел на обман — во благо обманутых? Такое бывало.

Или думал только о доставшемся ему хлебном месте в колониальном аппарате? А может быть, и вообще не особенно задумывался? Просто был сыном своего времени — из тех, кому общепринятое кажется верным.

Так или иначе, задание он выполнил: 11 февраля 1888 года Лобенгула приложил свою руку к «договору»: поставил на месте подписи крестик. Моффет скрепил бумагу словами: «Я удостоверяю подлинность настоящего документа». Нашлись два «свидетеля».

По международному праву, принятому в тогдaшней Европе, договоры Моффета и Гроблера имели, наверно, более или менее одинаковую силу. Но на деле было, конечно, не так. За договором Моффета стояла мощь Британской империи. Отныне конкурентам из Германии, Португалии и Трансвааля доступ к богатствам междуречья был резко ограничен.

Но это еще не значило, что на пути Родса не осталось соперников. А соотечественники-англичане? Как раз их-то включение междуречья в британскую сферу влияния очень ободрило. Некоторые из них засматривались на местные богатства, особенно на золото, задолго до Родса, еще с шестидесятых годов. С того времени, когда историки впервые поместили туда библейскую золотоносную страну Офир. Кое-кому удалось даже получить «права» на добычу золота в районах у стыка земель ндебелов и бамангватов.

Главной соперницей Родса была здесь компания Гиффорда — Коустона. Лорд Гиффорд принадлежал к числу тех аристократов, для которых кипение колониальных страстей было не только источником существования, но и самой жизнью. Он служил в Западной Африке, в Австралии, на Гибралтаре. Участвовал в англо-зулусской войне 1879 года и еще тогда заинтересовался междуречьем. Сохранился текст договора, который он предложил Лобенгуле. Инкоси ответил отказом. Но интерес к тем местам у лорда не угас, и во второй половине восьмидесятых он взялся за организацию золотодобывающей компании. Уговорил Джорджа Коустона, известного лондонского биржевика, объединить усилия. Они купили «концессию» на добычу минералов у Камы, возж-

дя бамангватов, а узнав о заключении договора Моффета, решили добиваться «концессии» и у Лобенгулы.

Гиффорд и Коустон жили в Лондоне, но помощников на театре действий подобрали энергичных и деятельных. Чего стоил хотя бы Эдуард Моунд. Прекрасно знал обстановку в междуречье и на путях к нему, знаком с Лобенгулой. В 1885 году он, тогда офицер английского отряда, посланного на земли тсванов, побывал у Лобенгулы в качестве официального английского посланца. С тех пор его не покидала мысль, что страна ндебелов может сделать его богатым. Его отчет о минеральных богатствах этого края был опубликован в 1886 году и привлек внимание дельцов, связанных с колониями.

Коустон, свой человек в Сити, и аристократ Гиффорд смогли заручиться основательной поддержкой в самой Англии. Их компанию поддержали видные лондонские финансисты, в том числе и Ротшильды. Эти банкиры, помогая Родсу, держались правила: не клади все яйца в одну корзину.

В Лондоне у Коустона и Гиффорда позиции были сильнее, чем у Родса. К началу схватки за междуречье Родса еще плохо знали там, в сердце империи. Когда премьер-министру, лорду Солсбери, упомянули имя Родса, он сказал:

— Если я не ошибаюсь, пробурский парламентарий в Южной Африке?

Правда, у Родса были преимущества. Капитал — не маленький. Обстановку видел вблизи, а не узнавал по чужим, пусть даже компетентным, донесениям. Был близок с колониальными чиновниками.

Гиффорд и Коустон решили направить Моунда своим эмиссаром к Лобенгуле для переговоров о «концессии». В начале мая 1888 года Коустон обра-

тился к министру колоний с просьбой одобрить этот план. Тот ответил, что ему надо посоветоваться с чиновниками на месте. Знал ли он, какую услугу оказывает Родсу? Тому надо было опередить соперников, и вот он получил и предупреждение, и время.

Родс решил немедленно добиться от Лобенгулы того, что не удалось еще никому, — получить обширную «концессию». Для проведения всей операции требовалась не только стремительность, но и тщательность подготовки, осмотрительность, внезапность, а следовательно, полная секретность.

Алмазная империя готовит свое посольство в Булавайо. Родс выбирает трех послов. Во главе — Чарлз Радд, первый компаньон Родса, депутат капского парламента. Другой посол — тридцатилетний Фрэнсис Томпсон. Родс выбрал его как знатока туземных обычаев. Тот провел детство на севере Капской колонии, по соседству с независимыми африканскими племенами. Он знал язык тсванов. Лобенгула тоже знал язык своих соседей, и Томпсон мог с ним объясниться. Третьим послом Родс избрал юриста Джеймса Магвайра, товарища по учебе в Оксфорде.

И вот началась гонка. В июне Моунд прибыл из Лондона в Кейптаун с инструкцией Гиффорда и Кюстона добраться до Булавайо и добиться «концессии». Тем временем Родс побывал в Лондоне. Выяснил обстановку и вернулся с готовым проектом создания собственной компании по образцу привилегированных, получавших почти неограниченные права на завоевание новых стран в схватке за «раздел мира».

В июле Моунд прибыл в Кимберли и уже начал путь на север. Посольство Родса еще не было гото-

во. Вот тут-то и сыграли роль связи Родса с колониальными чиновниками. Собственно, даже не просто связи. Недаром же верховный комиссар Южной Африки сэр Геркулес Робинсон стал директором «Де Бирс» и пайщиком двух компаний Родса. А Сидней Шиппард, представитель английской власти в стране тсванов, выйдя через несколько лет в отставку, превратился в советника родсовской «Голдфилдс оф Сауз Африка», а затем и в одного из директоров созданной Родсом «Привилегированной компании».

Стоит ли удивляться, что Родсовы посланцы получили от Робинсона письмо, в котором этот представитель «Белой королевы» в Южной Африке рекомендовал их Лобенгуле как «в высшей степени уважаемых джентльменов». Письмо было скреплено печатью Робинсона и заключено в огромный конверт, 18 на 12 дюймов, должно быть, чтобы усилить впечатление.

Да и Моффет сделал все, что мог. Посольству Родса помогли и другие миссионеры — и по пути, и в самом Булавайо. Один из них, У. Эллиот, потом, в 1893 году, получил от Родса сто акций «Привилегированной компании». Возможно, и не он один.

Где уж тут Моунду опередить послов Родса, хотя они и отправились в путь, когда он уже почти что достиг пределов междуречья!

Было это в августе 1888-го...

«Добейтесь доверия вождя и удерживайте это доверие. Укрепляйте, если можете, престиж вождя перед другими. Никогда не отвергайте и не оспаривайте планов, которые он может предложить. Всегда одобряйте их, а похвалив, изменяйте мало-помалу,

заставляя самого вождя вносить предложения до тех пор, пока они не будут совпадать с вашим собственным мнением...

Если можете, то, не впадая в расточительность, делайте подарки. Хорошо сделанный подарок весьма часто является наиболее верным средством для того, чтобы привлечь на свою сторону самого подозрительного шейха».

Это инструкция Родса? Нет, он таких письменных свидетельств вроде бы не оставлял. Предпочитал устные. Но по духу — похоже. Написал же это человек, чье имя в истории нередко ставят рядом с именем Родса, хотя Родс и не подозревал о его существовании. Он, конечно, надеялся, что его дело продолжат энергичные люди. Но могло ли ему прийти в голову, что в том самом августе 1888-го, когда он благословил своих посланцев в долгий путь и, казалось ему, закладывал основы вечного могущества Британской империи, — в те самые дни родился человек, которому суждено было стать одним из ее последних кумиров. А он уже был, просил молока, требовал, чтобы ему меняли пеленки. Томас Эдвард Лоуренс. Лоуренс Аравийский. Какими короткими бывают исторические эпохи...

Во многом стал он похож на Родса. Как и Родс, не особенно любил школу. Как и Родс, учился в Оксфорде. Как и Родс, увлекался историей. Родс зачитывался Марком Аврелием и, уже в чаду алмазной лихорадки, учил древнегреческий. Лоуренс перевел на английский «Одиссею» Гомера. Как и Родс, всю жизнь не любил женщин, избегал их общества, хотя и использовал их в интересах дела, которому служил.

Оба позволяли себе поступки и высказывания, казавшиеся их современникам экстравагантными.

Лоуренс, уже будучи человеком средних лет, вдруг заявил:

— Каждый должен или сам поступить в авиацию, или помогать ее развитию.

И пошел в британский военно-воздушный флот. Пошел под чужой фамилией, рядовым, отказался быть офицером, якобы сказав при этом:

— Я согласен повиноваться глупым приказам, но не желаю отдавать их сам, а если ты офицер, то без этого не обойтись.

Потом он, тоже под чужим именем, научился водить танк.

...Конечно, прямую параллель между методами Родса и Лоуренса проводить не стоит. Условия, в которых они жили, были разными. Поле деятельности одного — Южная Африка, другого — Ближний Восток. «Человеческий материал», с которым они имели дело, был различен. И времена не одни и те же, все-таки двадцать пять — тридцать лет разницы. Родс мог действовать более открыто, он куда меньше нуждался в камуфляже.

Но общего много. Главное, общая цель — укрепление Британской империи. Оба считали себя патриотами, да и для многих соотечественников были олицетворением патриотизма. Оба действовали на окраинах Британской империи, среди народов, именовавшихся тогда отсталыми. И методы одного, при всех отличиях, помогают понять методы другого.

И ТАК ВЕЛИ ПЕРЕГОВОРЫ

Посланцы Родса пустились в путь 15 августа. Томпсон, которому Родс поручил подготовку экспедиции, купил две упряжки мулов, два фургона и на

три месяца провизии. В Кимберли, где все это готовилось, он говорил, что собирается на большую охоту.

На пути к междуречью пришлось пересечь пустыню Калахари. Нестерпимая жара. Жажда. Мулыдохнут. Повозки ломаются. У границы земель бамангватов выяснилось, что их вождь Кама в отъезде и оставил строгий наказ ничем не снабжать белых, едущих на север. Посланцы Родса, однако, быстро столкнулись с миссионерами, а те сумели уговорить бамангватов.

Добравшись до междуречья, узнали, что Лобенгула приказал без своего разрешения не пускать в страну белых. Один из воинов-ндебелов отправился к Лобенгуле с письмом Радда. Но Радд и его спутники не стали дожидаться ответа, а сразу двинулись к Булавайо. Они чувствовали за своей спиной поддержку колониальных властей и английских военных отрядов, расквартированных по соседству, на землях тсванов. Об этой поддержке догадывались и ндебелы и не решились применить силу.

По дороге посланцы Родса встретили воина, возвращавшегося от Лобенгулы с отказом в разрешении на проезд. Но и это их не остановило. Они прибыли в Булавайо 21 сентября, опередив Моунда почти на три недели.

Нежеланных гостей приняли вежливо. Лобенгулу им удалось повидать сразу по приезде, в тот же вечер. Он не заставил себя ждать, встретил вполне корректно, но о делах говорить не стал. Пожелал доброй ночи.

Эти подробности известны потому, что двое из членов посольства, Томпсон и Радд, оставили записки о переговорах и о своей жизни в Булавайо — столице самого сильного из сохранявших еще незави-

симость народов Южной Африки. Запискам далеко не во всем можно верить — ни тот, ни другой не знали местного языка. Но некоторые наблюдения их интересны, а трактовка событий, да и сам отбор тем — свидетельство их видения мира, их попыток объяснить происходившее.

Конечно, они писали о Лобенгуле. По впечатлению Томпсона, он «с ног до головы выглядел истинным королем». Высок и хорошо сложен, хотя в то время уже довольно тучен — весил 120—130 килограммов.

И конечно, их привлекла «экзотика». Вокруг «дворца» Лобенгулы — каменного дома — располагались хижины двадцати жен. Всего же — Томпсон, как и другие его соотечественники в те времена, не удержался от подсчетов — у короля было якобы две-сти избранниц.

За время пребывания в Булавайо — а оно было долгим — посланцы Родса, казалось, могли бы понять людей и общество, в которое занесла их судьба. Но нет. Увидели, например, несколько казней. Почему, кого и зачем казнили, они не знали, но возмутились жестокостью нравов. Словно в Англии никого никогда не казнили или казнили всегда только виновных. Томпсону пришло, правда, в голову, что ведь вот и в Древнем Риме слишком могущественным или слишком богатым патрициям предлагали вскрыть себе вены в теплой ванне.

Посланцам Родса их миссия казалась куда опаснее, чем она была на самом деле. Особенно Томпсону. Сказалось, может быть, то, что его отец погиб в схватке с африканцами.

Страхи оказались напрасными. Томпсон благополучно вернулся и после поездки в Булавайо прожил еще четыре десятка лет, долгое время был членом

капского парламента. Но посольство к Лобенгуле так и осталось его звездным часом — он навсегда получил прозвище Мателебе Томпсон.

Всерьез опасаться Радду и его спутникам надо было не африканцев, а белых, живших в Булавайо. По оценке Томпсона, их было немало среди десяти-тысячного населения Булавайо. Не только торговцы и охотники, приезжавшие и уезжавшие, но и те, кто обосновался здесь уже много лет назад. Что это за люди? Некоторые были беглыми преступниками и боялись, что им придется держать ответ перед законом. Добирались они сюда и из Европы, и из Южной Африки. Некоторых Томпсон называл «белыми негодями». Они покупали у воинов-ндебелов пленных девушек, которых те после очередного похода на земли соседей приводили в Булавайо. «Потом они доставляли этих девушек к границе и продавали их другим белым подлецам».

Увидели посланцы Родса и человека, который так ненавидел других белых, что готов был убить любого, заведя его в ближайшее пустынное место.

Один из тех, кто жил в Булавайо долгие годы, построил себе два дома, обставил по-европейски. Он был, по словам Томпсона, «необычайно богат», имел большие стада скота. У него было две жены, обе — белые женщины, занимавшие когда-то хорошее положение в обществе. Умер он задолго до приезда Томпсона, но его вдовы никуда не уехали и жили вместе в окружении множества детей. Соседние черные ребятишки возились и играли тут вместе с ними.

Рассказывает Томпсон и о Томасе О'Конноре, американце из Калифорнии, который заблудился в стране ндебелов, долго скитался один, оказался на грани помешательства. Ндебелы нашли этого став-

шего похожим на большую обезьяну человека и привели к Лобенгуле. Тот попросил местных белых взять на себя заботу об одичавшем американце.

Интересно, что у нескольких белых отношения с африканским населением Булавайо сложились неплохо. Да и вообще история Южной Африки знает такие примеры. Спутники Радда сами были тому свидетелями. Еще в 1870-м во время одной из схваток на северной границе Капской колонии человек по имени Маккарти стал на сторону африканцев против капских колониальных войск. По словам Томпсона, он был специалистом по ремонту ружей и производству пороха, «давно жил среди туземцев и был женат на туземке». Когда его вместе с африканцами взяли в плен, жена и ее подруги старались загородить его. Но его все-таки обнаружили, судили военным судом и расстреляли как предателя.

Переговоры о «концессии» начались не сразу. Лобенгула избегал их, оттягивал под разными предлогами. Но время работало не на него. Посланцы Родса пытались запугать его, рассказывали, как англичане разгромили армию зулусов, народа, самого близкого ндебелам.

Пытаясь как-то избежать переговоров или хотя бы не участвовать в них самому, Лобенгула направил Радда и его спутников к Лотье и Секомбо, индунам, занимавшим тогда самое высокое положение в иерархии ндебельского общества. Местные европейцы считали, что Лотье играет роль премьер-министра.

Какие условия навязывали ндебелам? Им предлагали тысячу карабинов устаревшей системы «Мартини-Генри», сто тысяч патронов к ним и лодку с пуш-

кой на реке Замбези. Самому Лобенгуле и его наследникам — по сто фунтов стерлингов ежемесячно.

А от ндебелов хотели получить право добывать полезные ископаемые, прежде всего в районах, где жили племена шона. Англичане называли эту территорию Машоналендом, как земли ндебелов — Мателелендом, и считали, что все шона — данники ндебелов, а значит, Лобенгула может распоряжаться их землей. На самом деле далеко не все шона были данниками ндебелов.

Переговоры шли трудно. Стороны плохо понимали друг друга. Европейцы называли африканцев детьми, те платили тем же.

Младенец — это европеец
Он с нами говорить не может,
За это сердится на нас

Но в главном Лобенгула понял посланцев Родса. И когда Радд увидел, что сломить сопротивление ндебелов не удастся, решено было просить Лобенгулу, чтобы он разрешил Шиппарду явиться в Булавайо. К началу переговоров тот был уже наготове на юго-западной окраине земель ндебелов и ожидал лишь сигнала (вместе с военным отрядом).

Посылать имперскому комиссару приглашение Лобенгула отказался, ответил лишь, что, если Шиппард хочет, пусть приезжает. И поставил условие: чтобы комиссар взял с собой не двадцать пять солдат, как он намеревался, а не больше пяти. Шиппард прибыл в Булавайо 15 октября и сразу же отправился к Радду.

Лондонское правительство скрывало участие государственных чиновников в этих переговорах и даже шло на прямой обман. На запрос в палате общин помощник министра колоний ответил, что в пе-

риод переговоров Шиппард находился в ста милях от Булавайо и что Моффета там тоже не было. Это разъяснение было дано через несколько месяцев после завершения переговоров, 25 февраля 1889 года, когда министерство колоний, конечно, уже располагало всей информацией.

Переводчиком на переговорах был лондонский миссионер Чарлз Хелм. Он давно жил среди ндебелов, знал их язык. От него зависело, какое представление создастся у ндебелов о предложениях Радда

Хелм оказался находкой для Родса. Не довольствуясь ролью переводчика, он стал союзником, сторонником, фактически добровольным представителем Родса в Булавайо. Даже свое Лондонское миссионерское общество он убеждал, что добычу золота в междуречье следует поручить сильной фирме и что Родс и Радд — самые подходящие люди. А в Булавайо Хелм делал все возможное, чтобы поднять в глазах ндебелов авторитет как Родса, так и Шиппарда с Моффетом.

Сохранилось письмо Томпсона Хелму. В нем миссионеру предлагалось ежегодное пособие в двести фунтов, если он станет для группы Родса «советником и посредником при переговорах с Лобенгулой» и будет «находиться до некоторой степени в нашем распоряжении». Кажется, не сохранилось документальных подтверждений, что Хелм принял эти деньги, — такие документы обычно не берегут для потомков. Но сохранилось его признание: «Насколько я понимаю, они хотят лишь, чтобы я продолжал делать для них то, что я уже делаю и готов в любое время делать без всякого вознаграждения»

Ндебелы, может быть, и не вполне понимали, в чем именно заключается обман, но были уверены, что их обманывают. Шиппарда окрестили «отцом лжи».

Взрыв их негодования произошел в конце октября, когда состоялась индаба — собрание индун. Томпсон называл его ндебельским парламентом. Обсуждение «концессии» перешло в поток обвинений против европейцев. Возмущались, что британские военные отряды пододвинуты к землям ндебелов. Досталось даже белым охотникам за то, что истребляют животный мир междуречья.

К каким только доводам не пришлось тут обратиться посланцам Родса. Они грозили ндебелам нашествием буров и португальцев, говорили, что только тысяча родсовских ружей может спасти их от разгрома. Клялись в своих добрых намерениях. Обращались к метафорам, дабы ндебелам было понятнее.

— Мы, — говорил Томпсон о себе и своих спутниках, — четыре брата; старший, Родс, смотрит за домом, а мы втроем вышли на охоту.

Желание Родса получить исключительные права на добычу минералов Томпсон объяснял так:

— Не может быть двух быков в одном стаде коров.

Все было бесполезно. Как только заходила речь о «концессии», по рядам индун, как в английском парламенте, прокатывались возмущенные возгласы:

— Слушайте! Слушайте!

После индабы Радд записал в дневнике: «Это был один из самых несчастных дней в моей жизни. Все разговоры, конечно, не привели ни к чему хорошему».

...А потом Лобенгула вдруг уступил. 30 октября 1888 года он поставил свою подпись — крестик — на договоре о «концессии», по которому ндебелы должны были получить обещанные ружья, патроны, лодку и деньги, а Родс — исключительное право на разработку недр.

Почему? Как это получилось? Томпсон не прочь объяснить своим красноречием. Он якобы привел Лобенгуле неотразимый аргумент:

— Кто же дает человеку ассегай, если опасается схватки с ним?

Но дело, конечно, не в красноречии. Лобенгула, очевидно, увидел, что сопротивляться бесполезно.

К тому же посланцы Родса пошли на прямой обман. Помог им Хелм, должно быть даже не считая это постыдным. Он признался в письме Лондонскому миссионерскому обществу, что во время переговоров переводил ндебелам заведомую ложь Радда и его спутников. Те, писал Хелм, обещали Лобенгуле, «что не приведут больше десяти человек для работы в его стране, и не будут копать поблизости от поселений, а также что они и их люди будут подчиняться законам его страны и пользоваться фактически теми же правами, что и его народ».

И добавил: «Но эти обещания не были записаны в концессии».

Да, в тексте договора о «концессии» ничего этого не было. Там говорилось только, что Лобенгула отдает Родсу и его компаньонам «в полное и исключительное пользование все полезные ископаемые» и дает им право «делать все, что им может показаться необходимым для добычи таковых».

И тем не менее в конце текста договора стоит заявление Хелма: «Я удостоверяю, что прилагаемый документ был мною предварительно полностью переведен и объяснен вождю Лобенгуле и его совету индун и что все установленные обычаи народа матебеле были при этом соблюдены».

Так закончились эти шестинедельные переговоры.

«Концессия» нужна была Родсу не просто так, сама по себе. Он хотел получить от лондонского

правительства королевскую хартию на управление областями Африки, лежащими к северу от Трансвааля. Для получения хартии нужно было представить обоснование, которое могло бы придать ей хоть видимость законности, — документ от известного африканского правителя. Таким документом и должна была стать «концессия».

Правда, даже из ее текста явствовало, что если она и дает какие-то права, то не на страну, а на недра. Но для Родса главным было не содержание документа, а сам факт его существования, а уж истолковать-то можно как угодно. И сразу же была пущена версия, что, в сущности, Лобенгула по этому договору уступил подвластные ему земли. Газетные статьи с такой трактовкой быстро дошли из Европы и «белой» Южной Африки до Булавайо. Местные европейцы ринулись с этими газетами к Лобенгуле. Обман раскрылся.

Можно себе представить возмущение ндебелов. Атмосфера в стране накалилась чрезвычайно. Почти открыто роптали против инкоси, а ведь прежде это считалось неслыханной дерзостью. Тысячи людей стекались в Булавайо — хотели знать, правда ли, что белые отнимают у них страну. Индуны собираются снова. Приглашают Томпсона и устраивают ему «перекрестный допрос». Допрос длится десять с половиной часов. «Индуны готовы подозревать даже самого короля», — писал Томпсон.

Чтобы как-то отвести от себя этот гнев, Лобенгуле пришлось пожертвовать своим «премьер-министром» — Лотье, как когда-то Карлу I Стюарту — Стаффордом. Его обвинили в том, что он дал королю плохой совет. И казнили.

Лобенгула и совет индунов вызвали всех европейцев, живших в Булавайо и поблизости, и попросили

их объяснить, в чем же действительно смысл договора и как он может быть истолкован. Совет индун потребовал, чтобы ему представили оригинал договора о «концессии», который Рада сразу же повез Родсу — увез, опрометью бросившись из Булавайо, как только получил «подпись» Лобенгулы. Был отдан строжайший приказ задержать Рада, если он появится в пределах страны.

Среди тех, кто резко выступал против «концессии», был старик Хлесингане, один из знахарей-целителей при войске ндебелов. Раньше он жил в Капской колонии. В Национальном архиве Зимбабве сохранилась сделанная одним из европейцев запись его речи на индабе 12 марта 1889 года. Он сказал:

— О король нашей страны, открой свои уши и глаза.

Хлесингане говорил, что своим согласием на «концессию» Лобенгула вверг страну в неисчислимые бедствия; что невозможно верить обещаниям послов Родса, будто для поисков золота придут только десять человек.

— Я побывал на алмазных копях Кимберли и видел, что белые люди не могут вести добычу в одиночку или вдвоем — для разработки нужны тысячи людей. Разве не требуется этим людям вода? Да и земля им нужна. То же самое и с золотом. Стоит лишь белым людям прийти и начать это дело, как начнутся невзгоды. Вы говорите, что они не просят никаких земель. Но как можете вы вести раскопки золота — как, если не на земле? И как это, раскапывая в земле золото, не захватывать эту землю? И разве этим тысячам людей не понадобится жечь костры? Разве им не понадобятся леса?

Ндебелы старались предать широкой огласке историю обмана, надеясь затруднить действия своих

врагов. В этом им помог кто-то из европейцев в Булавайо, очевидно, опасавшихся Родса. Под диктовку Лобенгулы был написан от его имени такой документ:

«Как я слышал, в газетах опубликовано, что я даровал концессию на минералы по всей моей стране Чарлзу Даннелу Радду, Рочфору Магвайру и Фрэнсису Роберту Томпсону.

Поскольку это явно неверное толкование, все действия на основе концессии приостановлены, пока в моей стране не будет проведено расследование. Лобенгула. Королевский крааль. Мателеленд. 18 января 1889 г.».

Такое письмо-предупреждение послали в газеты «белой» Южной Африки. Это была сенсация, и маленькая газета «Бечуаналенд ньюс» опубликовала его. И даже поместила фотографию подлинника с печатью Лобенгулы.

Родсу это было крайне неприятно. Его соперники решили извлечь из событий максимальную выгоду и доказать лондонскому правительству, что «концессия Радда» не имеет никакой силы. Если бы им это удалось, не видать Родсу желанной хартии.

И вот, получив договор, Родс сразу же отплыл в Англию. А Томпсона и Магвайра посулами, мольбами и приказами держал в Булавайо, чтобы следили за обстановкой и нейтрализовали соперников на месте.

По его посланиям Томпсону можно судить о приемах и тактике Родса-политика. Он боялся белых, живших в Булавайо, считал, что надо каждого из них задобрить, а может быть, и склонить на свою сторону. Добыча так велика, что не надо бояться уступить какие-то мелкие доли. «Помните, — писал он, — что перед вами страна величиной с Австралию и что мы

можем потерять все, если окажемся чересчур жадными».

Он любил ссылаться на Наполеона и писал Томпсону: «Наполеон ведь готов был отдать часть мира, если только получит Европу. Действуйте в этом духе». Легко было ему давать указания из Лондона или Кимберли... А вот выполнять их в Булавайо — куда труднее. Ндебелы следили за Томпсоном и Магвайром с нескрываемой подозрительностью, и не только потому, что не верили в их добрые намерения.

Посланцы Родса непрерывно давали для подозрительности пищу, порой совершенно неожиданно для себя. Не зная обычаев страны, они то и дело совершали поступки, с точки зрения ндебелов предосудительные или опасные. Магвайр решил как-то умыться и выкупаться в источнике неподалеку от Булавайо. Но оказалось, что ндебелы считают источник священным. Магвайр почистил в святыне зубы — вода стала белой... А тут как раз умерла мать Лобенгулы. Конечно, Магвайра тут же обвинили в колдовстве. Натерпевшись страха, он удрал на юг.

Последнему из своих посланцев, Томпсону, Родс слал отчаянные письма: «Вы не можете теперь оставить там вакуум... Все частности я отдаю на Вашу волю, только не уезжайте от короля... Дело слишком важное, и вы не можете уехать, не успокоив сперва всех белых...» «Если Вы уедете, произойдет катастрофа». Родс сулил Томпсону золотые горы: дом, пост главного представителя в междуречье. Они условились о пароле, слове, которое будет означать: «Хартия подписана и утверждена; дело доведено до конца». Только услышав это слово, Томпсон мог покинуть Булавайо.

А ждать становилось все труднее.

Однажды, прожив в Булавайо уже больше года, в припадке безотчетного страха Томпсон вскочил на лошадь и ускакал, потеряв шляпу, без седла, без пищи и воды. Он загнал лошадь, прошел пешком тридцать или сорок миль, язык у него распух, глаза покраснели так, что он ничего не видел. Но все-таки нашел воду, спасся, добрался до поселка, где был телеграф. Дал телеграммы жене и Родсу. А от Родса приказ — немедленно вернуться. И такой же — от верховного комиссара Южной Африки.

Родс писал Томпсону, что вот-вот сам приедет в Булавайо. На самом деле он так и не приехал до завоевания страны и никогда не встретился с Лобенгулой. Да, вероятно, и не собирался этого делать. Просто ему нужно было выиграть время, как-то успокоить ндебелов и европейцев. Ради этого он готов был и Томпсоном пожертвовать, и обещать что угодно. И Томпсону пришлось вернуться.

Когда совет индун потребовал у Томпсона подлинник договора о «концессии», Родс послал его, сопроводив письмом: «Я шлю договор о концессии, но не отдавайте его, пока не приставят нож к горлу».

Судьба этого клочка бумаги оказалась на редкость необычной. Радд, увезя его с собой, вскоре сбился с дороги и оказался в безводной пустыне. Решив, что пришла его гибель, он зарыл договор в песок под кустом, написал об этом записку и прицепил ее к веткам. Но возница Радда, африканец, все-таки нашел путь к бушменам, те дали воды. Радд вернулся, откопал договор и, добравшись до Кимберли, вручил его Родсу.

Затем Томпсон получил его от Родса с инструкцией не отдавать ндебелам. И вот бумага снова оказалась в земле. На этот раз зарыл ее уже Томпсон,

положив в сосуд из тыквы. Там он и оставил договор во время своего бегства. А когда вернулся, откопал и показал Лобенгуле.

Только в конце 1889 года, когда Родс закончил «дело», Томпсону разрешили уехать. Подлинник договора — тот злополучный клочок бумаги — Томпсон привез в Кимберли и отдал Родсу.

АФРИКАНЦЫ ОТКРЫВАЮТ ЕВРОПУ

Ндебелы между тем не сидели сложа руки. Узнав от европейцев о трактовке «концессии» в английских газетах, Лобенгула и совет индун решили ни мало ни много... отправить посольство в Англию. К самой «Белой королеве». Посмотреть, существует ли она, эта королева, чьим именем клянутся белые. Узнать, так ли велико ее могущество, как они говорят. И действительно ли Родс ее представитель. Вероятно, Лобенгула надеялся договориться с королевой, убедить остановить наплыв ее подданных в его страну.

Сами ли ндебелы надумали послать делегацию в Лондон, или Лобенгулу надоумил кто-то из европейцев — неизвестно. Но конечно, соперничество между европейцами помогло организации поездки. Эдуард Моунд, представитель Гиффорда и Коустона, все еще добивался «концессии». По его словам, Лобенгула однажды сказал ему:

— Помоги моим доверенным добраться до Англии, а когда вы вернетесь, тогда и поговорим.

А может, вся идея отправки посольства родилась раньше в голове Моунда? И он просто незаметно подтолкнул к ней Лобенгулу? Так или иначе, Моунд согласился.

И сам он, и те, кто стояли за ним, вероятно, понимали, что эта миссия ничего не добьется. Но хотели использовать ее как козырную карту в игре против Родса.

Можно только догадываться, каково было надебелам организовать эту поездку. Лобенгула понимал, что посольство стоит больших денег, но не просил никого из европейцев взять на себя расходы. Когда ему сказали, что потребуется не менее шестисот фунтов, он достал платок, полный золотых монет. Он получил их от многочисленных охотников за «концессиями», в том числе и от Радда. Кроме денег Лобенгула дал послам в дорогу несколько голов скота — для пропитания. Послами отправились двое опытных и уважаемых индун — Мчете и Бабиян. Лобенгула сказал о них Моунду:

— Они должны быть моими глазами, ушами и ртом.

Бабиян, по словам инкоси, обладал прекрасной памятью. К тому же он был родственником Лобенгулы и в одной из схваток спас ему жизнь. А Мчете слыл прекрасным оратором. Переводчиком Моунд взял Йоханнеса Коленбрендера, торговца из Наталя.

Послы должны были доставить «Белой королеве» письмо от Лобенгулы. В нем говорилось:

«Лобенгула хочет знать, действительно ли существует королева. Некоторые из людей, приходящих в его страну, говорят, что она существует, а другие отрицают это.

Узнать правду Лобенгула может, только послав свои глаза посмотреть, существует ли королева.

Его глаза — это его индуны.

Если королева существует, Лобенгула может просить ее совета и помощи, так как его очень тревожат белые люди, которые приходят в его страну и просят разрешения добывать золото».

Кончалось письмо просьбой, от которой Лобенгула потом отказывался. Она звучала так: «При нем нет никого (из белых людей. — А. Д.), кому можно было бы доверять, и он просит, чтобы королева послала какого-нибудь своего представителя». Может быть, эту просьбу кто-то из местных белых вставил в письмо, не разъяснив ее Лобенгуле?

...Оба посла немолоды. Старшему — Бабияну, — как считали европейцы, семьдесят пять лет, младшему — Мчете — шестьдесят пять. У Мчете к тому же плохое сердце и слоновая болезнь. Но оба безропотно облачились в европейские костюмы и отправились в путь.

В карете ехали по Трансваалу. Претория, Йоханнесбург. Президент Крюгер оповещен о необычном посольстве. Но с билетами в дилижанс все равно заминка. Как это: ниггеры — и вдруг поедут на внутренних местах... Самим послам плохо: от непривычно долгого сидения у них страшно распухли ноги. Моунд всячески хвалил Бабияна:

«Славный, обаятельный старик, всегда готовый сделать все, о чем его просят, всегда в добром настроении, один из самых бескорыстных людей, каких я когда-либо встречал. Он всегда отказывался от подарков».

О способностях Мчете, второго посла, Моунд тоже был высокого мнения, вот только характер у него якобы оказался труднее. Но легко ли быть всегда в хорошем расположении духа, если у тебя слоновая болезнь и больное сердце, а ты блуждаешь по совершенно чужим странам, где тебя никто не понимает и смотрят на тебя, как на диковинного зверя. Ты целиком зависишь от провожатого, белого человека, которому вообще-то не до тебя. И как скованно чувствуешь себя в чужеземном облачении, в костюме из синей саржи...

Кимберли. Железная дорога, поезд, локомотив. Какое громадное напряжение они, должно быть, испытали. Ливингстон вспоминал, как несколько человек из народа, соседнего с ндебелами, решили отправиться в Англию вместе с ним. Он взял только одного, по имени Секвебу. Ливингстон не мог нарадоваться: «Секвебу быстро запоминал английские слова и стал любимцем как матросов, так и офицеров». И все же «постоянное напряжение», в котором оказался Секвебу, писал Ливингстон, привело к тому, что «он сошел с ума», прыгнул за борт и погиб...

Но послы Лобенгулы справились. Иногда в их глазах мелькает ужас, но они быстро его подавляют. Чтобы не выдать себя, не показать свою слабость, Бабиян первые полчаса в поезде стоит, высунувшись из окна.

В Кейптауне — заминка. Ждут неделю, другую... Потом выяснилось, что задержка — дело рук Родса. Известие о посольстве было для него большим ударом, раздосадовало и взбесило его. Он уже и без того встретился с кучей трудностей. Миссионеры, узнав о продаже огнестрельного оружия Лобенгуле, резко осудили Родса. Не помогли заверения его сторонников, что ндебелы все равно не умеют стрелять и в их руках тысяча ружей не представляет реальной опасности.

Но главное, группа Гиффорда — Коустона вела в Лондоне яростную кампанию против Родса, и не без успеха. Так что посольство было ему совсем нестати. Был пущен слух, что они — не индунуны и что поэтому на них никак нельзя смотреть как на полномочное посольство. А сопровождавшего их Моунда Джон Моффет назвал феноменальным лжецом. Вероятно, так оно и было, только вот позволил бы себе

Моффет столь сурово осуждать Моунда, если бы тот был человеком Родса?

Во всяком случае, известно, что, когда Моунд прибыл в Кимберли, Родс попытался его купить, нисколько не интересуясь его моральными качествами. У Родса было правило: «лучше иметь дело с подлецом, чем с честным дураком». Встречу с Моундом Родс провел в привычной манере: предложение, а если оно не принято — угроза. Предложение: если Моунд бросит своих хозяев и переметнется к Родсу, то получит деньги и положение. Когда же Моунд отказался, Родс разъярился и заявил, что верховный комиссар задержит посольство, да и лондонское правительство не примет гонцов без рекомендации южноафриканских властей. И действительно, в Кейптауне послов задержали надолго.

Но потом все вдруг изменилось. Робинсон перестал чинить препятствия.

За спиной послов состоялся сговор. Министр колоний лорд Натфорд посоветовал группе Гиффорда — Коустона объединиться с Родсом. Обе стороны согласились. У них, собственно, не было другого выхода. В борьбе возникло положение, которое в шахматах называют «пат». За Гиффордом — Коустоном стояли влиятельные лондонские круги, за Родсом — немалые силы в Южной Африке да и в Англии. Подумав, обе стороны решили, что лучше действовать сообща.

К моменту, когда послы отплывали из Кейптауна на старом корабле «Мавр», торг уже начался. Родсу они были больше не страшны, а Моунду — не нужны.

Но послы этого не знали. Думали, что ничто не изменилось. И надеялись.

Океан они видели впервые, как и почти все в сво-

ем необыкновенном путешествии. Но даже не поддались морской болезни.

Посольство привлекло к себе такое внимание пассажиров, что великосветская дама, леди Кэвиндиш, удостоила их беседы. Она заверила, что они и их король могут не сомневаться в существовании «Великой белой королевы», поскольку сама леди Кэвиндиш ее хорошо знает и неоднократно целовала ее руку. Один из послов спокойно ответил ей:

— Мы верим, раз вы так говорите. Но мы хотим поглядеть и своими глазами.

Лондон встретил жителей жаркого юга суровым холодом. «Но они, — свидетельствует Моунд, — вели себя спокойно, с достоинством».

Африканцы в Лондоне уже не были редкостью. Но эти — из самых глубин «дикой» Африки, да к тому же послы правителя загадочной страны, золотоносного Офира, конечно, не могли не привлечь внимания английской публики.

Высадились в Сауттемптоне. Когда прибыли на станцию Ватерлоо, на них набросились журналисты. Да и потом, когда они жили в лондонской гостинице «Бернерс отел», им не раз приходилось сталкиваться с любопытством журналистской братии.

Наверно, сенсационный характер посольства и заставил королеву Викторию принять их буквально сразу, на третий день их пребывания в Лондоне.

В королевскую резиденцию в Виндзор их сопровождали высшие чиновники. В самом дворце были выстроены рослые лейб-гвардейцы в красочной форме. Это должно было произвести впечатление на послов.

Прием носил церемониальный, а не деловой характер. Королева милостиво произнесла:

— Вы проделали такой большой путь, чтобы

встретиться со мной. Я надеюсь, что путешествие было приятным для вас и что вы не страдаете от холода.

Послы оказались вполне в состоянии поддержать светскую беседу. Один из них, учтиво поклонившись, сказал:

— Как может нам быть холодно в присутствии Великой белой королевы?

И добавил:

— Разве холод и тепло не подвластны великим королям и королевам?

Журналисты расспрашивали их потом, какое впечатление произвел на них прием. Но описали эти впечатления крайне поверхностно, передав лишь те высказывания Мчете и Бабияна, которые могли чем-то позабавить публику. Например, что красивейшая женщина во дворце — леди Рендолф Черчилль, мать тогда еще совсем юного Уинстона Черчилля.

В Лондоне послы провели весь март 1889 года. Они повидали довольно много — от балета в театре «Альгамбра» до зоопарка. Побывали в Английском банке — в его подвалах им показали слитки золота, предложили попытаться поднять мешки с золотыми монетами. В честь посольства было устроено несколько обедов. На обеде в Обществе защиты аборигенов с ними встретился Райдер Хаггард.

Изумил ндебелов сам Лондон — бескрайние ряды домов, бесчисленные толпы людей. Говоря друг с другом по телефону, они никак не могли понять, как такая маленькая машина сумела выучить их язык, да еще так скоро.

Стремление удивить послов было весьма направленным и порой напоминало стремление запугать... Министерство колоний решило, что если уж они приехали и их приезд пришлось предать гласности,

то надо извлечь из этого пользу: внушить им священный трепет перед англичанами.

Во дворце королевы Виктории им показали висящее на стене копьё зулусского инкosi Кечвайо, побежденного англичанами десятью годами раньше. А в Музее восковых фигур мадам Тюссо убеждали, что стоящая там фигура — это сам Кечвайо, наказанный так за непокорность.

Послов повезли в Портсмут, на крупнейшую военно-морскую базу Англии. В Олдершоте показали маневры сухопутных войск — десять тысяч солдат. Атаки конницы, пальбу артиллерийских батарей. Новейшие типы оружия. Они видели, как стреляло 111-тонное орудие.

Командовал маневрами генерал Вудс. Послов познакомили с ним и не преминули сообщить, что это он разгромил зулусское войско в 1879 году и преподнес королеве Виктории копьё зулусского короля. Одновременно их заверяли в гуманности Англии — в том, что она никому не даст в обиду их народ.

В общем, считалось, что на них произвели впечатление и мощь Англии, и ее великодушие.

Состоялись две встречи с министром колоний лордом Натсфордом. Во время заключительной беседы он передал ответ королевы Виктории на письмо Лобенгулы, состоявший из нескольких неопределенных и ни к чему не обязывающих фраз.

Против охотников за «концессиями» британское правительство, конечно, не приняло никаких мер. Выполнено было только одно пожелание Лобенгулы — послать к нему представителя королевы. Министерство колоний воспользовалось этой наивной просьбой, и через несколько месяцев был назначен английский резидент в Булавайо — не кто иной, как Джон Моффет.

Правда, недоразумение скоро обнаружилось. На письмо английских колониальных властей Лобенгула ответил в августе 1889 года: «Что касается предложения Ее Величества направить ко мне посланника или резидента, то я благодарю Ее Величество, но он мне не нужен. Я обращаюсь с этой просьбой, когда в том появится нужда». Но с этим письмом не посчитались.

Да еще королева послала Лобенгуле свой портрет, золотую цепь с монетой в пять суверенов, а послам подарила браслеты.

Спутники послов самонадеянно думали, что тем нравилось все «цивилизованное», европейское. Мунду казалось, что им «так нравились европейские костюмы», в которые он их облачал. Каково же было его изумление, когда после возвращения послов в Южную Африку и с приближением к родным местам на них становилось все меньше европейских одежд: они украдкой избавлялись то от одной части туалета, то от другой.

И вот наконец они дома. Вернувшись на родину, два месяца не покидали Лобенгулу — день за днем рассказывали о своих впечатлениях. Иногда их слушали до семидесяти индун. Что говорили Мчете и Бабиян? Конечно, они рассказывали о белых людях.

ПОСЛУШАТЬ БЫ ИХ РАССКАЗЫ!

Как мог отзываться туземец о белом человеке? Может быть, так?

Он «непрестанно озабочен тем, чтобы хорошо прикрыть свою плоть. Тело и его члены — это плоть. Только то, что выше шеи, есть настоящий человек. Так сказал мне один белый, который пользовался большим уважением и считался очень умным...

Когда юноша берет в жены девушку, он никогда не знает, не обманули ли его, ибо перед тем никогда не видел ее тела. Девушка... покрывает свое тело, чтобы никто не мог на него глядеть, ни радоваться при виде его.

Плоть есть грех... И даже члены, соприкасающиеся, чтобы творить людей на радость великой земли, суть грех».

Поэтому-то тело белого человека «с головы до ног закутано в набедренники, циновки и кожи, так прочно и густо, что ни один человеческий взгляд, ни один луч солнца не пронизывает их; так прочно, что его тело становится бледным и вялым».

О европейских городах и домах. Белый человек живет, как морской слизняк, в прочном жилище. Он живет между камнями, как сколопендра в трещинах лавы. Камни вокруг него, подле него и над ним...

О деньгах. Поговори с европейцем о боге Любви — он скривит лицо и улыбнется. Улыбнется наивности твоего разума. Но подай ему блестящий кусок металла или большую тяжелую бумажку, и тотчас же его глаза засверкают и много слюны выступит у него на губах. Деньги — его любовь, деньги — его божество. Он и сам предлагает круглый металл и тяжелую бумагу, чтобы мы стали падкими на них. Они будто бы должны сделать нас богаче и счастливее.

О вещах. Множество вещей делает белого человека богатым. У кого мало вещей, тот зовет себя бедным и горюет. Нет ни одного европейца, который пел бы и веселился, если у него есть только циновка и миска, как у каждого из нас. Мужчины и женщины из белых стран не смогли бы жить в наших хижинах; они поспешили бы натаскать дерева из лесу, панцирей черепахи, стекла, цветных камней и

еще много другого; они бы с утра до ночи суетились, пока их хижина не наполнилась бы вещами, большими и малыми, вещами легко рассыпающимися, которые может уничтожить всякий огонь, всякий тропический дождь, и тогда пришлось бы добывать их снова и снова. Руки европейца никогда не устают делать вещи. Поэтому лица белых часто так утомлены и печальны. Они воюют друг с другом не ради мужской славы или чтобы помериться силами, а ради вещей.

О времени. Европейцу всегда не хватает времени. Он поднимает из-за этого нескончаемую возню и ведет много глупых разговоров. Хотя времени все равно не может быть больше, чем между восходом и закатом. Я видел человека, который краснел и зеленел и дрыгал руками и ногами, потому что его слуга пришел на одно дыхание позже, чем обещал прийти.

О счете годам жизни. Он полон опасности, ибо таким образом узнали, сколько месяцев продолжается жизнь большинства людей. Всякий теперь помнит об этом и, когда пройдет определенное число месяцев, говорит: «Теперь я скоро умру». Он больше не знает радости и действительно скоро умирает.

...Да простит автора великодушный читатель! Мчете и Бабиян были, наверно, одаренными, неопрдинарными людьми — не случайно именно их выбрали для столь ответственной миссии. И их рассказы о Европе и о жизни белого человека были примечательнее, чем отрывки, здесь приведенные. Но — увы! — мы не знаем этих рассказов.

Ясно лишь, что положение их было трудным: какому же правителю понравится, если ему станут

рассказывать о правителях более могущественных. Так что обо всем ли поведали эти послы?

Кажется, одна только фраза дошла до нас из их рассказов Лобенгуле. Когда они говорили, сколько золота видели в Английском банке, Лобенгула спросил недоверчиво:

— Раз у королевы столько золота, зачем же ее люди стараются найти его еще больше?

Послы ответили:

— Они обязаны платить ей дань золотом и поэтому ищут его по всему свету, не только в нашей стране.

А наблюдения и размышления о жизни белого человека, которые приведены выше, взяты из книги «Папалаги. Речи тихоокеанского вождя Туйавии из Тиавеи». Во введении говорилось, что это заметки вождя с островов Самоа, который побывал во многих европейских странах и решил рассказать соплеменникам, как белый человек (на самоанском языке — «папалаги») живет у себя дома, в Европе. Какими же нелепыми предстает в этих рассказах мы, европейцы... Одни названия глав чего стоят: «Тяжкая болезнь думания», «О месте поддельной жизни и о многих бумагах». И заключение — «Папалаги хочет вовлечь нас в свои потемки».

Книга «Папалаги» была выпущена на русском языке в переводе с немецкого в 1923 году издательством «Всемирная литература». Оно не вызвало и тени сомнения в подлинности «речей». Но автором книги был, конечно, тот, кто назвался издателем, — Эрих Шеурман. И хотя этот немецкий писатель одно время жил на Самоа и действительно беседовал с вождями, и по стилю, и по смыслу «речей» видно, что они вышли из-под пера европейца.

Прием этот — выдать плоды своих размышлений за наблюдения и рассуждения простодушного тузем-

ца, мудрого своей наивностью, — использовался европейскими поэтами, писателями, философами очень широко. Достаточно вспомнить произведения Свифта, вольтеровского «Простодушного», «Гражданина мира» Оливера Голдсмита или «Персидские письма» Монтескье. В 1997 году писатель Кристофер Хоуп, уроженец Южной Африки, написал роман «Темнеющая Англия». Викторианская Англия показана там через впечатления черного южноафриканского мальчика.

Во времена Родса Анатолий Франс придумал араба Джебер-бен-Хамса и заставил его подшучивать над французами:

«У западных народов, главным образом у французов, существует обычай устраивать «балы». Обычай этот заключается в следующем. Одев своих жен и дочерей как можно соблазнительней, обнажив им руки и плечи, надушив их волосы и одежду, посыпав мелкой пудрой кожу, украсив цветами и драгоценностями и научив их улыбаться, даже тогда, когда им улыбаться совсем не хочется, европейцы приезжают с ними в просторные, жарко натопленные залы, освещенные таким количеством свечей, сколько звезд на небе, устланные пушистыми коврами, уютно уставленные глубокими креслами с мягкими подушками. Гости пьют хмельные напитки, шутят, пляшут с женщинами, быстро кружатся с ними в танцах, на которых я сам не раз присутствовал. Затем наступает минута, когда все с неистовой яростью удовлетворяют свои вожеления, потушив на время свечи или удобно развесив для этого ковры. Таким образом, каждый наслаждается с той, которая ему нравится, или же с той, которая ему предназначена. Я утверждаю, что все происходит именно так, — не потому, что я бывал свидетелем этого, мой спутник

всегда уводил меня прочь до начала оргии, но было бы нелепо и противно вероятности думать, что вечер, подготовленный таким образом, заканчивался бы иначе».

Но разве тем только привлекателен был подобный литературный прием, что позволял писателю-европейцу покритиковать свое общество, своих соотечественников и современников?

Ведь взглянуть на свой мир новым, свежим взглядом, как бы впервые, скажем, так, как видели его послы Лобенгулы, — это значит оценить его по-иному, не изнутри, а извне. Увидеть все ценности другими глазами, по-иному определить место своего общества в большой общечеловеческой истории. Хоть немного представить, какими могут быть другие общества. Хотя бы попытаться понять, каковы же эти туземцы — те, от чьего лица ведется рассказ. Реконструировать модель их мышления и видения мира.

Писатели, видимо, раньше ученых интуитивно почувствовали эту лакуну в человеческом знании и попытались использовать ее или заполнить. Они ведь вообще нередко опережают ученых. Энгельс считал, что из романов Бальзака о жизни французского общества, даже об экономических деталях, он узнал больше, «чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых».

Академик М. Н. Тихомиров в 1962 году упрекал коллег-историков: «...никто до сих пор даже не попытался рассказать о жизни народа, о его воззрениях, о его праздниках, о его бедствиях и чаяниях, обо всем, чем жил человек прежнего времени. Об этом пишут только писатели, как это сделал Ромен Роллан в своей повести о Кола Брюньоне. А историки только брюзжат на писателей, укоряя их в неточности».

Писатели, ученые... Речь до сих пор шла о европейцах. Но неужели никто из жителей далеких южных стран не оставил воспоминаний, заметок, записок о том, какое же впечатление производила на них Европа, когда они попали туда впервые?

Какой показалась она тем десяти индейцам, которых Колумб привез в Испанию в 1493 году? Хотя бы тому из них, кто стал у великого мореплавателя проводником, вернулся с ним в Вест-Индию и помог «открыть» Ямайку...

А какой Европа предстала перед африканцами? В песне одного из восточноафриканских народов европеец выглядел так:

Во дворце голубом в океане живет
Диковинное существо
Кожа его белее, чем соль,
Волосы водорослей длинней,
Платье из сказочных сделано рыб,
Похожих на пестрых птиц
Из медных прутьев выстроен дом,
Из листьев табачных выращен сад,
Усыпана жемчугом его страна,
Как берег морским песком

Первые из африканцев увидели Европу за несколько столетий до послов Лобенгулы. Не только рабы — их-то впечатления, пожалуй, однозначнее и потому их легче понять, — а и те, кто, подобно индунам, прибывал в качестве послов. Почти за четыре века до гонцов Лобенгулы в Европе бывали посольства правителя Конго, принявшего тогда христианство, а его сын, получив при крещении имя Энрике и окончив семинарию в Португалии, был в 1518 году возведен в Риме в сан епископа.

Или вот западноафриканец Антон Амо. Четверть

тысячелетия назад он был доктором философии и магистром права, преподавал в университетах в Галле, Виттенберге и Йене. После него остались труды по философии и теологии. Но какой виделась Европа человеку такой необычной судьбы — этого мы не знаем.

Примерно тогда же в Голландии, в Лейдене, изучал теологию африканец, получивший там имя Якубус Элиза Йоханнес Капитан. Его впечатления тоже не дошли до нас.

А их современник — эфиоп, которого привезли в Россию в начале XVIII века. Он приобрел известность как Ганнибал или Арап Петра Великого. А еще больше — как прадед Пушкина. Мы знаем, что он достиг в России таких высот государственной власти, каких, кажется, не достигал никто другой из африканцев в Европе. Был даже генерал-аншефом.

Но какой виделась ему Россия или Франция, где он учился много лет? Что мы знаем об этом? Из написанного Ганнибалом остались труды по инженерному делу да совсем коротенькие «Автобиографические показания». А ведь были у него и воспоминания! Но он сам, своей рукой уничтожил их, боясь в какой-то момент обыска, ареста.

В годы схватки за раздел мира к королеве Виктории и другим европейским монархам и правителям прибывали гонцы из самых дальних стран — с жалобами своих народов на действия европейцев. Узнать бы об их впечатлениях! Многие осветилось бы на сложном пути становления представлений народов друг о друге. Да только как узнаешь?

Правда, сказать, что совсем уж ничего не сохранилось из мемуаров, написанных африканцами, нельзя. Мемуары были, и даже в весьма давние времена. Одна из таких книг почти одновременно была

издана в нескольких европейских странах. В России — в 1794-м.

В русском издании называлась она так: «Жизнь Олаудаха Экиано, или Густава Вазы Африканского, родившегося в 1745 году, им самим написанная; содержащая историю его воспитания между африканскими народами; похищение; невольничество; мучения, претерпенные им на вест-индских плантациях; приключения, случившиеся с ним в разных частях света; описания как разных народов африканских, их веры, нравов и обыкновений, так и многих стран, виденных им во время своей жизни, со многими трогательными и любопытными анекдотами и с присовокуплением гравированного его портрета».

Как, должно быть, занимало когда-то российских читателей изумление Олаудаха Экиано (правильнее Экуано), когда он, еще мальчиком, впервые увидел снег:

«Прибытие мое в Англию случилось в начале весны 1757 года, когда я имел от рождения двенадцать лет. С удивлением осматривал я строения и вымощенные улицы в Фалмуте: все, представляющееся моему взору, возбуждало меня к новому удивлению. Некогда поутру вышел я на верх корабля и видел, оный покрыт снегом, выпавшим ночью. Как я одного никогда не видывал, то я почитал его солью. Я побежал поспешно к штурману, просил его идти со мной и посмотреть, что ночью весь корабль усыпали солью. Он тотчас догадался, что сие собственно значило, и сказал мне, чтоб я оный принес ему. Я взял тогда полные пригоршни одного и чувствовал великий холод... Велел мне отведать, что я исполнил, изумляясь чрезвычайно... Вскоре увидел я весь воздух, наполненный падающим снегом».

Может, это и не самое важное из наблюдений африканца в Европе. И все-таки разве не примечательно, что в воспоминаниях, написанных через тридцать лет, после тяжких испытаний, невольничьего труда и унижений, он не забыл первого снега.

Когда семнадцатилетний Родс плыл из Лондона в Наталь, он, конечно, не подозревал, что почти на полвека раньше зулусский инкоси Чака хотел послать оттуда нескольких зулусов на учебу в Лондон, к своему «брату» английскому королю Георгу. Тогда из этого ничего не вышло. Посланцы Чаки добрались только до Капской колонии: английские власти не пустили их дальше.

Ко времени, когда гонцы Лобенгулы отправились в Лондон, в Южной Африке уже были африканцы, повидавшие Британские острова. Правда, побывали они там не так, как мечтал Чака, — не представителями независимых народов.

Первым из африканцев с юга континента получил образование в Великобритании человек из соседнего с зулусами народа коса. Звали его Тийо Сога. Ко времени миссии Лобенгулы его уже не было в живых, он умер в 1871-м. Он обращался к соплеменникам: «Белые люди принесли нам мудрость и со многим нас познакомили. Если мы хотим, чтобы наша молодежь пользовалась этой мудростью и знаниями, мы должны выйти из состояния невежества. Ведь и для белых людей эта мудрость и знания не являются природными качествами. Для овладения ими потребовалось время. Когда-то их прародители были посмешищем для более цивилизованных завоевателей. А сегодня белые люди смеются над нами...

Но хотя они принесли много такого, что стало для нас благом в этой жизни и даже в жизни грядущей, есть и губительные вещи, и нам бы хотелось,

чтобы белые люди отказались от них. Ведь даже благо теряет свою ценность и не может уже восхваляться как благо, если мы взглянем, что делают с черными людьми спиртные напитки. Спиртное — причина мерзостей, которые не были прежде известны нам, народу коса... Спиртное — как пылающая головешка, брошенная в сухую степную траву».

Так он писал в статье, конечно, как-то приспособиваясь к цензорскому оку английских властей. Откровеннее же выразил свои взгляды в заповедях сыновьям. Там он пылко отстаивал достоинство своего народа.

«Некоторые белые люди предубеждены против черных; предубеждение имеет одну-единственную причину — цвет кожи. Ради вашего же собственного блага — никогда не стыдитесь, что ваш отец был кафром и что вы унаследовали африканскую кровь».

Дети Тийо Соги — мулаты, их мать была шотландкой. В тогдашней Южной Африке они стали, может быть, первыми детьми от законного брака между африканцем и белой женщиной. Их положение в обществе оказалось, конечно, необычным и странным. Отец напомнил им, что в Америке мулаты нередко выдают себя за белых, свысока относятся к черным — и это «достойно сожаления».

«Я хочу, — писал Сога, — чтобы вы, ради вашего же будущего, были в этом вопросе очень принципиальны. Вы должны всегда помнить о своей матери как о честной, душевной, бережливой шотландской женщине, подлинной христианке. Вы всегда должны быть благодарны этим узам, которые связывают вас с белой расой. Но если вы хотите заслужить к себе уважение, если вы не хотите слышать насмешек от людей, займите свое место в мире как цветные, а не как белые; как кафры, а не как англичане».

Даже в наши дни о подобных проблемах далеко не всегда судят с таким достоинством, тактом, мудростью. А как трудно ему было, наверно, прийти к этому единственно верному решению! Как трудно было избежать тех крайностей, которые и сейчас являются трагедией для многих: возненавидеть ту кровь, которая делает тебя изгоем, или ту, которая дает привилегии другим.

Читая такие записки, по-иному видишь африканцев тех лет, и европейцев, и их отношение друг к другу.

Не так давно в Москве были изданы путевые заметки восточноафриканца Селима бин Абакари о его путешествиях столетней давности. Они называются «Мое путешествие в Европу — из Дар-эс-Салама в Берлин» и «Мое путешествие в Россию и Сибирь».

Чего только нет в них. Петербург, Москва, Нижний Новгород — плавание по Волге, Самара, Омск, Бийск, Барнаул, Томск, Семипалатинск, Ташкент, Самарканд, Бухара, Баку. От петербургской гостиницы «Европейская» до русско-китайской границы. Русские, татары, киргизы, калмыки... Порядки в театрах, поездах, на пароходах. Привычки, казавшиеся африканцу экзотическими, вроде обычая пить чай с утра до вечера, особенно в пути...

К сожалению, этот африканец в своих заметках никогда не сравнивал Россию со своей родиной. Всегда только с Европой, которую он уже неплохо знал. Любимый камердинер немецкого купца, Абакари много путешествовал по Европе и смотрел на многое уже глазами европейца, утратил свежесть видения, которую естественно было бы ждать от африканца, впервые приехавшего в далекую северную страну.

У посланцев Лобенгулы такой постепенной адаптации не было. Они приехали в Лондон прямо из Африки, и их впечатления были, наверно, ярче, богаче, разнообразнее. Потому-то они и были бы нам особенно интересны.

АНГЛИЯ — ХАМЕЛЕОН, А Я МУХА

Не дождавшись возвращения послов, Лобенгула 23 апреля 1889 года написал королеве Виктории новое послание. Если в первом письме он жаловался на поведение белых людей вообще, то на этот раз — на договор с Раддом.

«Недавно, — писал он, — несколько человек явились в мою страну; главным среди них, по-видимому, был человек по имени Радд. Они попросили у меня разрешения искать золото и пообещали, что дадут за это некоторые вещи. Я сказал им, чтобы они принесли показать то, что хотят мне дать, а тогда я покажу им то, что могу дать. Был написан документ и дан мне на подпись. Я спросил, что в нем, и мне сказали, что в нем записаны мои слова и слова этих людей. Я приложил к нему свою руку. Три месяца спустя я услышал, что этим документом я дал им право на все ископаемые моей страны. Я собрал своих индун, а также белых людей, и потребовал копию документа. Мне доказывали, что я уже передал Радду и его товарищам права на минералы моей страны. После этого я собрал своих индун, и они не захотели признать документ, так как он не содержит ни моих слов, ни слов тех людей, кто его получил. После собрания я потребовал, чтобы оригинал документа был мне возвращен. Однако его нет, хотя с тех пор прошло два месяца и они обещали вернуть его

быстро. Людям, что прибыли тогда в мою страну, было сказано, чтобы они оставались здесь, пока не вернут документ. Однако один из них, Магвайр, уехал, не оповестив меня и нарушив мой приказ. Я пишу Вам, чтобы Вы знали правду об этом деле и не были обмануты».

Возвращение послов из Англии принесло ндебелам разочарование. Правда, Лобенгула послал еще несколько жалоб королеве Виктории, но их интонация все более безнадежна. 10 августа 1889 года он писал: «Белые люди очень надоедают мне из-за золота. Если королева услышит, что я отдал всю свою страну, так это неправда. Я не понимаю, о чем идет речь, потому что я неграмотен».

Подлинное отношение к «Великой белой королеве» видно из обращения ндебелов с ее подарками. Лобенгула отдал золотую цепь одной из своих жен, «не желая, — как признали тогда же в газете «Таймс», — хранить подарки от белых людей», а Мчете и Бабиян подарили свои браслеты европейцам, жившим в Булавайо.

Лобенгула все яснее понимал, что за спиной «людей Родса» стоит и сама «Белая королева», и вся мощь британской колониальной машины. Он сказал миссионеру Хелму:

— Видели вы когда-нибудь, как хамелеон охотится за мухой? Хамелеон становится позади мухи и некоторое время остается неподвижным, а затем начинает осторожно и медленно двигаться вперед, бесшумно переставляя одну ногу за другой. Наконец, приблизившись достаточно, он выбрасывает язык — и муха исчезает. Англия — хамелеон, а я — муха.

СВОЕ ГОСУДАРСТВО, СВОЙ ГЕРБ, СВОЙ ФЛАГ

Языком, который выбросил хамелеон, чтобы слизнуть междуречье, стала «Привилегированная компания».

Почему «привилегированная»? Что это за привилегии? Кому и зачем они понадобились?

В схватке за Африку европейские державы зорко следили друг за другом, подстерегали каждый неосторожный шаг. Так что захват новых земель грозил осложнениями в европейской политике. Как же сделать так, чтобы и империю расширить, и рисковать уж не очень сильно? Вот и нашли новый способ — привилегированные компании.

Эти компании, заручившись договорами с «туземными» вождями, получали от правительства своей страны привилегию — хартию. В ней говорилось, что правительство одобряет эти «договоры», а с ними — и действия соответствующей компании.

Практически это значило, что правительство разрешало компании захватить ту или иную пока еще не поделенную территорию и управлять ею. Догово-

ры нужны были, поскольку существовало все-таки международное право. А с точки зрения этого права ни одно правительство не могло распоряжаться землями, которые не находились под его юрисдикцией. Требовалась какая-то зацепка.

Подлинному содержанию договора никакого значения не придавалось. Правительство просто присоединялось к той его трактовке, которую давала компания. Договор становился предложением, чтобы правительство отдало такой-то компании такую-то страну.

Вот так привилегированные компании получали мандаты на захват громадных областей Африканского материка. Предоставление хартии означало поддержку со стороны правительства. А само правительство, стоя за спиной компании, прямой ответственности за ее действия не несло. В случае столкновения с державами-соперницами компания, на худой конец, могла и отступить. Это не было бы прямым ударом по престижу государства.

Ну, а если компания особенно люто расправлялась с африканцами, так, что европейская общественность начинала возмущаться и дело принимало скандальный оборот, правительство могло занять позицию стороннего наблюдателя или даже выступить третейским судьей. Компания ведь сама себе голова...

К тому же захваты обычно не сулили немедленных прибылей. Наоборот, само завоевание, разведка недр, подготовка к эксплуатации, не говоря уже о подавлении восстаний и сложном деле умиротворения покоренных народов, — все это требовало денег и денег.

Официально просить денег у парламента — недоволен налогоплательщик. К тому же обсуждение в

парламенте вызовет раздоры между партиями и даст державам-соперницам возможность и время принять контрмеры.

Ну, а тут — компания, у нее — свои средства, и к карману налогоплательщика они вроде бы никакого отношения не имеют, и правительство — ни при чем.

На деле правительство давало компаниям не только деньги, но и солдат. Со временем это становилось проще. Публика привыкала к мысли, что африканские страны — те, где утвердились компании, — чем-то нужны и важны. С ними уже связаны «героические эпизоды», далекая земля «освящена» кровью соотечественников, «наших парней»... Одним словом, почва подготовлена. После этого правительство могло спокойно брать бразды правления в свои руки.

Такой тактикой колониальных захватов — в два приема — пользовалось чаще всего английское правительство. Русский посол в Англии Егор Стааль доносил в Петербург: «Там, где оно не могло или не желало действовать собственными средствами, оно давало особенные грамоты и привилегии частным торговым компаниям, которые вели на свой счет войны в уверенности, что правительство метрополии, в случае опасности и нужды, не откажет им в помощи».

Но эти компании, созданные финансистами Сити и королями горной промышленности, подчас и сами диктовали правительству свою волю. В совет директоров входили обычно и представители аристократии вплоть до членов королевской семьи.

Идея создания этих компаний в Африке овладела правительствами Альбиона в разгар схватки за раздел мира. В 1886-м хартия была дарована Нигерской

компании, в 1888-м — Британской восточноафриканской. В те годы многие газеты и журналы наперебой восторгались компаниями, восхваляли их активность, противопоставляли ее нерешительности правительства. В начале 1886 года и Бисмарк провозгласил идею «германской коммерческой империи» в Африке путем создания компаний, поддерживаемых правительством, и через два года германское правительство дало хартию Германской восточноафриканской компании.

Главным полем деятельности этих компаний была Африка. В конце прошлого века они да еще несколько сходных с ними ассоциаций Великобритании, Германии, Франции и Бельгии господствовали по крайней мере над пятьюдесятью миллионами жителей Африканского континента.

«ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ КОМПАНИЯ»

Вот такую компанию — для захвата земель в глубине Африки — и стремился создать Родс. Но о таком мандате мечтали и его соперники. С Гиффордом и Коустоном он сговорился быстро. Но нашлись и противники, не желавшие, чтобы громадные территории были даны на откуп узкой группе магнатов. Возражала часть торгово-промышленной буржуазии, и от ее лица — Лондонская торговая палата и уже влиятельный тогда Джозеф Чемберлен, будущий министр колоний. Они не желали, чтобы доступ к африканским богатствам был монополизирован одной компанией. Их рупор, журнал «Экономист», осуждал Родса и его компаньонов и требовал, чтобы правительство само занялось захватами, не передоверяя столь важное дело частным лицам.

Против выдачи хартии выступили миссионерские организации и Общество защиты аборигенов. Мишенью для публичной критики Родса оказались злополучные ружья — те, что Родс обещал дать Лобенгуле. Газеты рисовали картины страшных бедствий, которые принесут англичанам вооруженные ружьями африканские воины. К голосам критиков присоединился даже министр колоний Натфорд. Он назвал это обещание ошибочным и опасным.

Всерьез говорили и писали, будто речь шла не о тысяче устаревших ружей, а о перевооружении настоящей армии. Будто не знали, что воины Лобенгулы не умели пользоваться огнестрельным оружием, что научиться им негде, не у кого, что патроны достать трудно...

На деле ружья были, конечно, лишь поводом. Родс понимал главную причину затруднений — среди его союзников не было тогда никого из высокопоставленных лиц Англии. Сам он был еще не настолько влиятелен, чтобы его имя дало компании оттенок респектабельности в глазах имущих классов. Да и политические его взгляды не всем были ясны.

Тридцатого апреля 1889 года лорд Гиффорд обратился к правительству от имени компании, которая «должна быть создана», — с просьбой «санкции и моральной поддержки правительства Ее Величества и признания на этой территории полученных законно прав и интересов». Гиффорд сослался на поддержку родсовской «Голд филдс», своей «Бечуаналенд эксплоринг компани» и поименно — лорда Н. Ротшильда, крупного банкира барона Эрлангера, Сесила Родса, Чарлза Радда.

Компания обещала: 1) построить железнодорожную и телеграфную линии до Замбии; 2) поощрять иммиграцию и колонизацию; 3) развивать торговлю.

Министр колоний поддержал просьбу, поскольку «такая компания сможет освободить правительство Ее Величества от дипломатических затруднений и тяжелых расходов».

Но это не было концом борьбы за хартию. Весь 1889 год Родсу пришлось работать не покладая рук. Прежде всего нужно было срочно задобрить соперников. Многим из тех, кто заявлял о своих правах в междуречье или к северу от Замбези, затыкали рты акциями будущей «Привилегированной компании». При этом даже не очень проверяли, действительно ли были у этих людей хоть какие-нибудь «договоры» или «концессии». Не до того было. Родс торопился. А ставка была так высока, что он с готовностью поступался малым ради главного, чтобы только не было нежелательных толков, пересудов, писем в редакции газет, чтобы только дело шло быстро.

Свое главное оружие — деньги — Родс пускал в ход часто. Он давал деньги политическим партиям. Десять тысяч Парнеллу, лидеру ирландской партии в палате общин. Еще пять тысяч — либералам.

А подкупы политиков, журналистов?

Родс предложил лорду Сесилу, сыну премьер-министра Солсбери, стать постоянным советником компании. Солсбери встревожился, но сын с его мнением не посчитался и предложение принял.

Действовал Родс не только в Лондоне. Влиятельные люди были и в Капской колонии. Они к апрелю 1890 года получили 4 тысячи акций. Не обошел Родс и бельгийского короля Леопольда II. Тоже мог пригодиться.

Важную роль в борьбе за хартию сыграл лорд Ротшильд. Если в 1888 году он решил исход схватки в алмазной промышленности, то теперь, став одним

из учредителей создававшейся компании, помог Родсу не только как финансист, но и как политик.

Нужно было срочно провести еще одну операцию — пополнить совет директоров будущей компании высшей знатью. О преклонении перед титулами и роли аристократов в тогдашней Англии Бернард Шоу с обычным сарказмом говорил устами одного из персонажей, лорда Августа Хайкасла:

— Я не останусь глух к зову родины. Пусть это будет роль посланника в одной из важнейших европейских столиц или пост генерал-губернатора в тропиках... я всегда готов жертвовать собой. Пока Англия остается Англией, вы всюду на видных государственных постах найдете представителей моего древнего рода.

На свои посты аристократы часто смотрели просто как на sinecure и о государственных делах рассуждали в духе того же лорда Хайкасла: «Видите ли, всегда находятся дела поважнее. Всякие семейные обстоятельства, например, и тому подобное...»

Аристократов стремились завлечь многие компании — громкие имена во главе списка директоров назывались «манишкой», придавали респектабельность и обеспечивали благожелательность высоких сфер.

Родс и его новые компаньоны вели переговоры в лондонском высшем свете. Наконец, договорились, что президентом компании будет лорд Эберкорн, а вице-президентом — лорд Файф.

Пятидесятилетний Эберкорн, сын вице-короля Ирландии, предпочитал жить в своих ирландских или шотландских поместьях. Но он был другом премьер-министра Солсбери, влиятельным консерваторм, и его имя в списке директоров сразу же придавало компании должный вес.

А сорокалетний Файф, влиятельный либерал, был особенно близок к престолу. Как раз летом 1889 года состоялась его помолвка со старшей дочерью наследника, принца Уэльского. Файф сразу же стал герцогом и маркизом. Как и Эберкорн, он потом не вмешивался в дела компании и не утруждал себя чтением ее обширных отчетов, но получал тысячи ее акций по ценам намного ниже рыночных.

Чуть больше хлопот доставил Родсу третий лорд (во время создания компании он еще не был лордом) — Альберт Грей. Тот все-таки пытался вникать в дела компании, но был так нерешителен, что доктор Джемсон, ближайший помощник Родса, как-то сказал о нем:

— Своенравная старая леди, разумеется, отнюдь не гений и не любит связывать себя определенным мнением.

Как же неглубоки оказались разногласия в лондонской верхушке: ведь и Файф и Грей вплоть до конца весны 1889 года выступали против Родса.

От группы Родса в совет директоров вошли только он сам и Альфред Бейт, от ее главной соперничающей группы — Гиффорд и Коустон. Аристократы, к которым принадлежал и лорд Гиффорд, оказались в совете в большинстве.

Наверно, не так уж уютно было Родсу среди этих лордов. Он — *a self-made man* — не мог не считать их в душе ничтожествами, к тому же чванливыми, кичливыми. Но не мог и не завидовать им. Все им досталось само собой: они не дрались за богатство и титулы, не убивали лучшие годы на преодоление бесконечных препятствий. Что ни сделают, все равно останутся элитой, цветом Британии. А он, хоть вывернись наизнанку, никогда не будет им равней.

А может, Родс считал себя польщенным, оказавшись в столь избранном обществе? То была иная эпоха, и ценности были другие.

Как бы то ни было, он понимал правила игры. И сумел заполучить для своей «манишки» самые высокие имена. Но сам стал директором-управляющим, то есть практически полноправным хозяином.

Все это — вербовку влиятельных союзников и задабривание соперников — Родс вел одновременно с переговорами в правительстве. С премьер-министром Солсбери столковались быстро: Родс буквально обложил его со всех сторон. К тому же и расхождений во взглядах у них не было. Оба полагали, что нужно и важно не только захватить бассейн Замбези, но и идти дальше на север, вплоть до Великих африканских озер. Солсбери считал необходимым занять район озера Ньяса, но просить у парламента средств не решался. Родс от имени новой компании взял на себя финансовую сторону: обязался давать британской администрации в Ньясаленде с момента ее установления по десять тысяч фунтов в год. Английское правительство с лихвой возместило потом затраты.

Кроме того, компания дала субсидию в двадцать тысяч фунтов и обязалась платить по девять тысяч фунтов в год английской Компании африканских озер, находившейся на пороге банкротства. Помощь тоже не была актом благотворительности. Группа Родса практически подчинила себе эту компанию.

Что ж, кажется, все готово. После таких услуг правительство возражать против хартии не станет. А общественность?

Утренними газетами Англия уже тогда начинала

свой день, вечерними — кончала. Во многих странах газеты еще не стали частью повседневной жизни, но о своей родине Киплинг уже мог сказать:

Солдат забудет меч и бой,
Моряк — океанский шквал,
Масон пароль забудет свой,
А священник забудет хорал.
Девушка — перстни, что мы ей дарим,
Невеста — «да» прошептать,
И еврей забудет Иерусалим
Скорей, чем мы Печать!

Бернард Шоу не без яду обронил как-то:

— Даже Господь Бог — и он не был бы всеведущим, если бы читал газеты.

Чтобы получить поддержку печати, Родс не раз давал крупные суммы корреспонденту «Таймса» Скотту Келти и редактору влиятельного журнала «Фортнайтли ревью» Джону Вершойлу. Перетянул на свою сторону журналиста Сиднея Лоу.

Уильям Стед, издатель «Пелл-мелл гезетт» и журнала «Ревью оф ревьюс», до весны 1889-го выступал против Родса. Встретившись со Стедом в апреле 1889-го, Родс изложил ему свои идеи, а затем предложил участвовать в издательском предприятии Стеда. Внес для этого двадцать тысяч фунтов и обещал поддержку в дальнейшем. Стед провозгласил Родса «новым спасителем Британской империи». Кто знает, что повлияло сильнее: убеждение или деньги, но, несомненно, возникла и идейная близость, настолько тесная, что в нескольких завещаниях девяностых годов Родс поручил Стеду быть вторым душеприказчиком (первый — Ротшильд), обязанностью которого, как писал Родс, было «реализовать мои идеи».

С весны — лета 1889 года панегирики Родсу запестрели на страницах таких влиятельных изданий, как «Таймс» и «Сент Джеймс гезетт», хотя прежде первая была настроена скептически, а вторая — открыто враждебно. «Фортнайтли ревью», «Найнтинз сенчюри» и ряд других журналов не отставали от них.

Бывшие противники превращались в сторонников, критики — в апологетов. Что теперь могло помешать Родсу? Даже Британское географическое общество встало на его сторону. В мае 1889-го оно рекомендовало коммерческие ассоциации в качестве лучших агентов для распространения цивилизации в Центральной Африке.

Второго апреля 1889 года радикал Лабушер сделал в палате общин запрос, известно ли кабинету министров утверждение Лобенгулы, что он обманут переводчиком-миссионером. Лабушер привел заявление Лобенгулы. Помощник министра колоний барон де Вормс ответил, что ничего об этом не знает и правительство в эти вопросы «не вмешивается». Ответ — почти по Киплингу: «Кто не любит спрашивать, тому и не солгут».

Пятого апреля Вормс вообще отказался отвечать на подобные вопросы. С конца мая пресса уже писала о даровании хартии как о решенном деле. А представители правительства еще долго отказывались отвечать на вопросы, связанные с хартией.

Хартия была подписана королевой Викторией 29 октября 1889 года. Сфера деятельности компании определялась как «район Южной Африки, лежащий непосредственно к северу от Британского Бечуаналенда, к северу и западу от Южно-Африканской Республики (то есть Трансвааля. — А. Д.) и к западу от Португальской Восточной Африки». В этом райо-

не подтверждалось право компании использовать «все выгоды от упомянутых концессий и договоров при условии, что они являются законными». Компании вменялось в обязанность «поддерживать мир и порядок», «постепенно ликвидировать все формы рабовладения и работорговли», «следить за торговлей спиртными и возбуждающими напитками на упомянутой территории, а также, насколько это практически осуществимо, препятствовать продаже туземцам каких-либо спиртных или иных возбуждающих напитков», «никоим образом не вмешиваться в религиозные дела племен», «уважать обычаи и законы групп, племен и народов» и даже «охранять слонов и других животных».

Компании давалось право организовать административный аппарат, иметь свою полицию, создавать банки и акционерные общества, «дарить земли на определенные сроки или навечно», «давать концессии на горные, лесные и другие разработки» и «заселять все вышеуказанные территории и земли».

Компания сразу же завела свой флаг, свой герб, свой девиз, свои гербовые и почтовые марки. На гербе чего только не было. Щит с волами, кораблями и слоном. Его держат с обеих сторон антилопы. Пониже — девиз: «Законность, коммерция, свобода». И над всем этим, разумеется, британский лев.

Так возникла «Британская южноафриканская привилегированная компания» — со своей армией и полицией. В будущем — полновластный хозяин земель, во много раз превышающих Великобританию. Чем же это не *imperium in imperio*?

А если так, то как же величать человека, который управляет всем этим? Не было должности, звания или титула, которые точно отразили бы полноту его власти. Называли его просто — Сесил Родс.

Родс полновластно господствовал во всех делах компании. «Он — единственный директор, который знал, чего хотел и как этого добиться», — писал один из его биографов. Всевластие Родса было официально утверждено. В мае 1890-го Эберкорн и Файф подписали документ — полномочия Родса как директора-управляющего компании. Разобравшись в сложном юридическом языке документа, понимаешь, что суть его можно было бы выразить простенькой фразой: «Все, что сделано подателем сего, совершено с моего согласия и для блага государства». Так ведь сформулировал кардинал Ришелье полномочия миледи в «Трех мушкетерах».

«Мы здесь в полном неведении, но я полностью доверяю мудрости каждого действия, которое Вы с Джемсоном сочтете верным... делайте все, что считаете правильным. Мы в любом случае поддержим Вас», — так в один из трудных для компании моментов писал Родсу Альберт Грей, единственный из лордов-директоров, все-таки пытавшийся вникать в дела компании. Родса не контролировало и английское правительство. Лорд Эберкорн признавался потом: «М-р Родс получил полномочия делать все, что ему заблагорассудится, не испрашивая разрешения у министерства, а только сообщая о сделанном».

Противоречивость хартии, дарованной Родсу, сразу же бросается в глаза. С одной стороны, даже в самой петиции содержалась просьба лишь о помощи в «реализации концессий и соглашений», заключенных с африканцами, и в хартии многократно подчеркивалось, что ее цель состояла именно в этом. Следовательно, признавалось, что основа всех прав, которые компания приобрела или надеялась получить

в будущем, — это договоры с африканскими народами. И смысл хартии лишь в том, что правительство Великобритании берет под защиту полученные таким образом права.

С другой стороны, речь шла об установлении административной власти компании на громадной территории.

Единственный договор, заключенный компанией к моменту получения хартии, — это договор с Лобенгулой. Но даже если признать его удовлетворяющим требованию хартии о «законности», он давал право только на добычу минералов. Он никак не мог оправдать предоставления компании административной власти.

Объяснялись эти противоречия и неясности просто. Правительство желало наделить компанию самыми широкими и вполне реальными полномочиями и в то же время боялось международных осложнений из-за слишком бесцеремонного обращения с громадным, еще не поделенным куском Африки. Поэтому, давая Родсу и его компаньонам мандат на господство над миллионами африканцев, оно ссылалось лишь на необходимость охраны «договорных и концессионных прав», полученных от самих африканских вождей.

Маскировка истинного смысла хартии отняла, видно, много времени и сил у искушенных английских законников. Слишком нарочита запутанность ее многочисленных статей, слишком часто подчеркивается забота об африканцах. Можно подумать, что речь идет о создании благотворительного общества.

Еще долго после оглашения хартии на страницах то одного, то другого издания поднимался вопрос о юридическом смысле этого документа. Даже через

восемь лет миссионер Маккензи писал: «Самое главное — надо уяснить, что же все-таки было дано компании имперским правительством».

Хартия дала компании возможность стать государством в государстве, но для осуществления этой возможности предстояло разгромить военную силу местных народов, организовать систему подавления, создать и наладить механизм эксплуатации населения и природных богатств. Все это требовало громадных расходов. К тому же лорды вправе были ожидать прибылей от предприятия, которое согласились украсить блеском своих имен.

Труд африканцев? Да, конечно. Но ведь это в будущем. А на первые годы? Официально говорилось о нескольких источниках доходов. Компании полагалась половина прибыли с каждого старателя на означенных в хартии землях. В случае продажи горнорудной фирмой или отдельным старателем своего участка компания получала половину его стоимости. Она могла продавать земельные участки под фермерские хозяйства и городское строительство, извлекать доходы из эксплуатации железных дорог и телеграфа.

Ну, а пока главным источником средств стали биржевые спекуляции.

Компания выпустила акции на сумму в миллион фунтов, по одному фунту каждая, так называемые акции «на любой карман». Такие акции создали видимость демократического характера компании, участия широких масс в ее делах. Но акции были предложены публике далеко не сразу. Сперва между директорами и «нужными» людьми распределили почти полмиллиона акций — почти даром, по три шиллинга за однофунтовую акцию. Еще двести тысяч акций взяла себе «Де Бирс».

Мало того. Родс, Гиффорд и их окружение вскоре после получения хартии тайком от акционеров создали еще одну компанию — «Юнайтед консешнз». По их заявлению, она якобы «передала «Привилегированной компании» свои права и концессии». Родс, Гиффорд и их компаньоны, теперь уже в качестве руководства «Юнайтед консешнз», выговорили себе половину прибылей «Привилегированной компании» и девяносто тысяч ее акций.

Но и это было еще не все. Публике сообщили затем, что в эти «права и концессии» не входит «концессия Радда». О каких тогда «правах и концессиях» шла речь, так и осталось неясным. Тем не менее под «концессию Радда» был выпущен еще миллион акций. От имени «Привилегированной компании» Родс и его компаньоны дали этот миллион самим себе.

Расходы Родса на прессу окупились сторицей. Газетная шумиха вокруг новой компании привела к тому, что в надежде на будущие сказочные дивиденды за ее однофунтовые акции на бирже платили по три-четыре, а то и по девять фунтов. Это приносило учредителям громадные прибыли, хотя сколько-либо реальных шансов получить дивиденды в течение ближайших лет не предвиделось. Компания объявила, что в ближайшие два года не выплатит «ни фартинга».

«Кафрский круг» (отделение южноафриканских ценных бумаг на Лондонской бирже) в 1889—1890 годах приковал к себе внимание спекулянтов. И это продолжалось долго.

Так руководство компании с первых шагов смогло обеспечить громадные прибыли совету директоров и виднейшим представителям правящих кругов Англии. Среди них оказался и принц Уэльский.

Рядовые акционеры, жившие в Англии, были совершенно бесправны уже хотя бы потому, что со-

брания пайщиков проходили в Южной Африке. Но главное, что обеспечивало руководителям компании безнаказанность, — это поддержка ее имперским правительством. В ответ на любую критику компании оно заявляло, что не собирается вмешиваться в ее деятельность. Так, на попытку Лабушера 27 января 1891 года разоблачить в палате общин финансовые спекуляции директоров компании Вормс ответил: «Правительству Ее Величества как в момент предоставления хартии, так и теперь ничего не известно об указанных фактах, и оно не несет ответственности за взаимоотношения между «Британской южноафриканской привилегированной компанией» и любой другой компанией или лицом, владеющим концессией в сфере ее действий». В других случаях представители правительства в ответ на запросы лишь подчеркивали свою благодарность компании за то, что она освободила правительство от тяжких расходов на создание администрации во внутренних областях Южной Африки, на строительство железных дорог и телеграфа.

Силы, стоящие за спиной компании, были так велики, их поддержка — столь очевидной и возможности для успешного осуществления захватов — настолько широки, что Ленин назвал создание «Британской южноафриканской привилегированной компании» в числе главных вех всемирной истории после 1870 года. По словам английского историка Гилбрейта — «Ни одна из привилегированных компаний не вызывала таких алчных чувств у биржевиков. Ни одна не вызывала такого восхваления и таких проклятий. И ни у какой другой не было своего Родса».

ПЫЛЬ-ПЫЛЬ-ПЫЛЬ-ПЫЛЬ — ОТ ШАГАЮЩИХ САПОГ...

Итак, хартия получена, компания создана, оппозиции в Англии почти нет. Руки у Родса развязаны. Теперь Лобенгуле жаловаться на него уж совсем некому. В мае 1890-го Родс занял пост премьер-министра Капской колонии и открыто объяснил, что сделал это для ускорения захвата бассейна Замбези. К власти он пришел благодаря поддержке Хофмейера и капских буров. Казалось, буры должны были противиться расширению английского влияния и захвату Родсом новых земель. Но Родс умело использовал даже те весьма незначительные противоречия, что иногда возникали у капских буров с трансваальскими.

Как раз тогда Крюгер, президент Трансвааля, решил проложить железную дорогу через Мозамбик, чтобы хоть как-то ослабить зависимость своей страны от окружающих ее английских владений. Но это неизбежно означало ослабление связей Трансвааля с Капской колонией и в какой-то мере ударило по доходам нарождающейся бурской буржуазии Кейптауна и всей Капской колонии.

Родс, конечно, тут же продемонстрировал капским бурам свои симпатии. Ну, а они помогли ему утвердиться в кресле премьер-министра.

Теперь он не только богат, но и могуществен. Теперь, наконец, можно переходить к завоеванию вожделенных земель, так неопределенно названных в хартии. С чего же начать?

Прежде всего Родс решил направить в Булавайо полномочного представителя «Привилегированной компании». Нужен был не просто соглядатай, а человек, который посвящен в замыслы Родса и мог на месте принимать решения.

Выбор Родса пал на врача Джемсона. Джемсон — ровесник Родса — в это время был уже одним из самых близких ему людей. Отчасти, может быть, потому, что больной Родс верил ему как медику. Но главное, Джемсон всегда готов был участвовать во всем, что бы ни предлагал Родс.

Имя Джемсона (англичане произносят — Джеми-сон) упоминается во всех книгах по истории международных отношений тех времен из-за вызвавшего бурный скандал «набега Джемсона», попытки захватить Трансвааль в 1895 году. Кроме того, в историю Южной Африки он вписал себя как администратор Родезии, а в начале нашего столетия и как премьер-министр Капской колонии.

В те времена, когда Родс отправил Джемсона к ндебелам, о нем еще мало кто слышал. Вся дальнейшая деятельность Родса была уже неразрывно связана с «доктором Джимом», но тогда, в конце 1889-го, он выполнял первое важное поручение Родса. Он явился к Лобенгуле 17 октября, еще до официального подписания хартии, и стал добиваться разрешения на приход родсовских «золотоискателей». Лобенгула уже знал Джемсона — тот побы-

вал в Булавайо первый раз в апреле — и встретил его словами:

— Что хорошего будет, если ты наговоришь мне еще больше лжи? Пусть приезжает сам Родс.

Джемсон через переводчика ответил, что Родс не может явиться сейчас, но позже обязательно придет. В течение нескольких месяцев Джемсон пытался получить желанное разрешение. Он приезжал, уезжал, уговаривал, грозил. Пытался использовать свои медицинские познания, лечил Лобенгулу от подагры, ослаблял ему боли наркотиками.

Пришла, как всегда, поддержка и от английских властей. В начале февраля 1890 года в Булавайо прибыло посольство королевы Виктории — трое рослых офицеров королевской гвардии в кирасах и яркой красной форме. Они привезли уведомление о хартии, о поддержке компании королевой Викторией и о назначении в Булавайо английского резидента.

Но Лобенгула все противился. Переговоры тянулись до начала мая 1890 года. Джемсон принимал все более угрожающий тон, требуя, чтобы ндебелы «дали дорогу».

— Король, если вы не подтвердите своего обещания и не откроете мне дорогу, я приведу свои белые войска, и, если понадобится, мы будем драться.

Каково было тогда Лобенгуле? Молодые воины требовали войны. Их гнев все время готов был обрушиться на самого инкоси. А что он мог сделать? По рассказам вернувшихся из Лондона Бабияна и Мчете видно было, какая страшная сила противостоит его народу. Да и без этих рассказов он, конечно, понимал, что борьба безнадежна. Разгромили же зулусов десятью годами раньше.

Уйти еще дальше, на север, за реку Замбези? Об этом уже поговаривали. Но сдвинуться с места труд-

но. Прожили здесь полвека. Ведь раньше их отцы ушли сюда, на север, только после жестокого разгрома. А теперь? Прикажи Лобенгула уходить с насиженных мест, даже не попытавшись помериться силами с белыми, — разве поймут это его собственные воины? Он же сам воспитывал в них сознание непобедимости. Конечно, взбунтуются.

Так что не было у Лобенгулы другого выхода, как надеяться на фортуна, на то, что жизнь сама что-нибудь подскажет.

А пока он вынужден был уступить Джемсону. Понимал — откажись он «дать дорогу», разве это что-нибудь изменит? Скорее всего, только ускорит столкновение.

ЕГО ПИОНЕРЫ

Джемсон еще не получил от Лобенгулы согласия, а компания уже всюю формировала отряды, чтобы проникнуть в глубь междуречья, построить форты и закрепиться.

Считалось, что отряды — двух типов. Конная полиция «Привилегированной компании» — она насчитывала пятьсот человек. И сто семьдесят восемь пионеров, которые должны были идти вместе с полицией уже в качестве золотоискателей и потенциальных поселенцев. На деле полицейские мало чем отличались от пионеров. И награда им была положена одинаковая. Каждому обещали во время похода по семь с половиной шиллингов в день, а затем, уже в междуречье, по три тысячи акров земли.

Надежды и мечты, конечно, связывались не с этими акрами, пусть даже их будут тысячи. Многие ли из этих людей собирались остаться тут на всю

жизнь? Едва ли. Но Родс сулил пионерам то, что так влекло, так манило конкистадоров всех времен, — золото.

Но пелись баллады
В вечерних тавернах,
Что ждет Эльдорадо
Отважных и верных.
Под звуки органа
Твердили аббаты,
Что за морем страны
Так дивно богаты.

Родс обещал каждому пионеру по пятнадцать участков для поисков золота. А кто знает, может, там, за рекой Лимпопо, ждут и алмазные россыпи, новый Кимберли...

И в сонных глубинах
Мы видели город,
Где алых рубинов
Возносятся горы.

У большинства из этих людей не было ни гроша, а Родс говаривал им: «Держитесь за меня, и я отправлю вас домой миллионерами».

Родс умело вербовал себе армию, как раньше ловко сооружал «манишку». Ее составили аристократы. А кто пошел в пионеры? Кто завоевывал Африку, создавал империю? Писали о них восторженно: «Это были люди, каких любил Родс: большинство — британской крови, из всех слоев общества; ремесленники и горняки стояли в одном ряду с отпрысками знатных семей — среди них даже несколько известных игроков в крикет — и бравыми юными голландцами. Все — в расцвете молодых сил, исполненные жаждой приключений».

Лишь через несколько десятилетий стали появляться кое-что проясняющие мемуары. Вот воспоминания «Черные границы. Приключения пионера конной полиции Сесила Родса в Африке». Я уже упоминал их, говоря о золотой лихорадке. Они изданы в 1932 году, через сорок два года после самих событий. Автор, Сэм Кемп, и тогда еще преклонялся перед Сесилом Родсом. Но вот пионеры и их поход в его книге никак не выглядят идиллическими:

Друзья, мы были шайкою отчаянных людей.

«Никому из кандидатов не задавали вопросов об их прошлом», — писал он. Значит, действовало то же правило, что и при приеме во французский Иностранный легион, в котором мог найти убежище любой преступник. «Требовалось только безупречное здоровье, и одного за другим отсеивали из-за малейших дефектов». Врачи осматривали каждого «от зубов до ногтей». Легко представить, что это были за люди, «каких любил Родс». Не о таких ли писал Киплинг?

Они из нашей породы, мы ходим в один кабак.

Люди с не вполне чистым прошлым, составлявшие добрую толику этих «пионерских колонн», чувствовали себя там как рыба в воде и легко узнавали друг друга.

Из почти двухсот пионеров больше половины были в возрасте от двадцати до двадцати девяти лет, а вообще самому молодому было пятнадцать, а самому пожилому — пятьдесят два года. Из всех пионеров остались жить в тех местах, в Родезии-Зимбабве, только 29 человек, то есть пятнадцать процентов. Другие погибли от тропической маля-

рии, были убиты в войнах или по разным причинам покинули страну в течение ближайших десяти — двенадцати лет.

Среди нас есть лгуны и немало воров,
и никто из нас не герой,
Но в жизни раз ждет гибель нас
(что, надеюсь, не будет со мной).

У тех, кто покидал берега Европы в погоне за Музой Дальних Странствий, долго ли могла выжить романтика в горниле южноафриканского Клондайка? Хотя бы этот Сэм Кемп. Если верить его книге, он был далеко не худшим. Но и ему не кажется зазорным вспомнить, что, приехав в Наталь семнадцатилетним неоперившимся птенцом, он уже вскоре стал надсмотрщиком на рудниках. Избивать «взбунтовавшихся» рабочих-африканцев считал делом обыденным и писал об этом открыто. Наверное, было кое-что и похуже, о чем Кемп писать не осмелился.

Люди ринулись из Кимберли и Йоханнесбурга на пункт сбора. Там получали коня, оружие и экипировку — шерстяные шорты и носки, плисовый костюм и плотные суконные обмотки для защиты от змей.

ДЕНЬ-НОЧЬ, ДЕНЬ-НОЧЬ — МЫ ИДЕМ ПО АФРИКЕ

Согласившись пустить в междуречье «золотоискателей», Лобенгула поставил условие, чтобы они прошли через Булавайо. Он хотел увидеть их собственными глазами.

На это Родс пойти не мог. Ведь это была не горстка золотоискателей, как обещали Лобенгуле, а войско. Вооруженная полиция и пионеры, да еще

африканцы-рабочие. К тому же еще двести воинов-бамангватов. Их вождя Каму удалось уговорить — или заставить — выделить этот отряд в помощь пионерам. Так что тысячная армия, если не больше. С пушками, пулеметами, не говоря уже о ружьях и револьверах. Двинуть их через Булавайо означало пойти на военное столкновение. Лобенгула не смог бы удержать своих воинов.

Правда, поначалу Родс как раз этого и добивался. В декабре 1889-го он подписал контракт с англичанином Фрэнком Джонсоном и американцем майором Морисом Хини. Им поручалось создать отряд из пятисот человек для захвата Булавайо. При этом они должны были убить Лобенгулу или взять его в плен и вместе с ним как можно больше индун. Родс считал, что, захватив таких заложников, можно будет не опасаться больше их войска.

Нашли предлог. Родс хотел распустить слух, будто Лобенгула решил напасть на бамангватов, своих соседей, и что для их спасения нужен превентивный удар.

Продумали, как успокоить общественность — английскую и мировую. В Булавайо войска Родса должны были сразу отпустить на волю всех рабов. Джонсону объяснили, что этой мерой можно сразу же заткнуть рот филантропам, «отделаться от Икзетер-холла» — так называлось в Лондоне здание, где заседало Британское общество борьбы против рабства.

Джонсону и Хини Родс обещал до полутора тысяч фунтов и по сто тысяч акров земли. И они начали сколачивать отряд.

Казалось, все учтено. Но план неожиданно рухнул. Все сгубило пьянство. Подвыпив, Хини выболтал все миссионерам, а от них слух дошел до Генри

Лоха, нового верховного комиссара Южной Африки, присланного на смену Геркулесу Робинсону. Лох был совсем не против расширения Британской империи, но в отличие от Робинсона не успел еще сблизиться с Родсом и попасть от него в зависимость. Убоявшись слишком явной авантюристности этого плана, Лох заставил Родса пойти на попятный, во всяком случае до поры до времени.

Как эта авантюра выплыла на свет? Фрэнк Джонсон, которому Родс поручил атаковать Булавайо, взял да и написал воспоминания. Назвал их — «Великие дни». Но никто не бросился их издавать. В 1940 году рукопись опубликовали, но не целиком — изъяли главу «Я заключаю контракт с Родсом о похищении Лобенгулы». Я познакомился с ней в Национальном архиве Зимбабве.

Ну, а если бы Фрэнк Джонсон так и не собрался написать воспоминания? Эта история была бы безвозвратно погребена, как, вероятно, погребено многое из тех времен. Да разве только из тех...

Осторожность Лоха заставила Родса пересмотреть замысел. Он обсудил с советниками несколько других вариантов и остановился на том, что идти лучше по землям народа шона, держась подальше от Булавайо, и вообще как можно меньше показываться на глаза ндебелам. Обойти землю ндебелов с юга, затем с востока, создать в трехстах — четырехстах километрах к востоку и северо-востоку от Булавайо военные форты и уже потом, укрепив этот плацдарм, решать вопрос о дальнейших действиях.

Во главе колонны пионеров Родс и тут поставил Фрэнка Джонсона. Знай он тогда, что этот бесшабашный удалец займется еще и бумагомаранием! «Африканский Наполеон», как и другие политики, говорливых свидетелей не любил. Он не расправлял-

ся с ними по формуле «мертвые не болтают», но и к себе не приближал.

По этому новому плану путь пионеров оказался длиннее на несколько сот миль. Прямая дорога на Булавайо была давно проторена, хотя и там, как мы видели, и Радд и Матебеле Томпсон сумели заплутаться и спаслись лишь чудом. А та, что Родс наметил теперь, шла по местам, для белых почти неизвестным. Правда, нашлись проводники: Фредерик Силус и тот же Матебеле Томпсон. Но и для них почти все тут было в новинку.

Каким же оказался этот путь для пионеров? Неизведанная, пугающая природа. Жара, жажда. Незнакомые болезни. Тропическая малярия — не помогал ни хинин, ни ром. Дизентерия. Змеи, смертельные укусы черной мамбы. Ядовитые клещи. Ближе к Замбези — муха цеце. Мириады летающих насекомых. Для защиты от них пионеры не стриглись и не брились, но это давало богатые возможности другим паразитам.

Львы нападали на лошадей. Стадо слонов растоптало лагерь одного из отрядов, и число человеческих жертв сразу возросло. Кто-то вопреки строгому запрету купался и не заметил крокодила...

Пионеры увидали и нашествие саранчи. За три дня все вокруг превратилось в пустыню.

А надо было продираться сквозь скалистые районы, форсировать бурные потоки. И не только самим — приходилось перетаскивать тяжело груженные фургоны. Африканцы, на которых возложили самую тяжелую работу, старались убежать. Лошади гибли от сонной болезни.

Страсть к обогащению стоила многим здоровья, а то и жизни.

И непрестанный страх столкновения с войском Лобенгулы... Для Родса это означало бы лишь корот-

кую задержку в реализации планов. Для каждого пионера — риск потерять жизнь. В походе каждую ночь разбивали лагерь, окружали его кольцом фургонов, устанавливали прожекторы и пулеметы. Опасаясь паники, офицеры подчас не решались говорить при остальных о появлении поблизости ндебельских воинов.

Ох, как не похоже на бодрые маршевые ритмы киплинговских строк:

Острова мы окрасили красным,
За жемчугом шли на дно,
Ликовали над самородком,
Жили голодно и бедно;
Мы смеялись над миром: мужчины,
Города и женщины — тлен!
От мрачного Саид-Бургаша
До гор, где горюет Лобен,
(Эх, братцы!)
Нас будет помнить Лобен!

Лобен — Лобенгула и вправду долго их помнил. Помнил бы и еще дольше, если бы эти носители бремени белого человека не свели его в могилу так скоро.

Но и они запомнили его страну и свой поход. Навсегда запомнили. Те, кто выжил, конечно.

Судьбе пионеров вряд ли особенно позавидуешь. Сдается, никто из них так и не стал миллионером. Да и простое благополучие пришло не ко многим. А скольких зарыли в чужую землю!

«Чтобы пройти сквозь все это, надо было, чтобы леди Удача много раз улыбнулась тебе. Но леди Удача раньше или позже все-таки хмурила брови — и это означало конец. Похороны день за днем — они стали во время этого долгого похода на север таки-

ми частыми, что воспринимались как часть повседневной жизни и забывались через пять минут».

Полученная экипировка превратилась в лохмотья. Особенно страдали ноги — ботинки быстро выходили из строя. Умиравший от тропической малярии священник просил доктора:

— Пусть с меня не стаскивают ботинки, пока я еще жив.

Но его скромную просьбу не выполнили. Агония еще не кончилась, а кто-то уже снял их и унес. Рассказав об этом, Сэм Кемп меланхолично добавил: «Беднягу не хотели этим унижить или намеренно отказать ему в исполнении последней воли; просто его ботинки были действительно нужны другим».

Как-то раз исчез лейтенант — из тех офицеров, которых агенты Родса на вербовали в английской армии для руководства своей полицией и пионерами. Его не любили за педантичную жестокость. Старушка Удача отвернулась куда-то, и его, должно быть, просто пристрелили во время охоты. Виновного не нашли. Родсовские ратники перешептывались:

— Давайте-ка поглядим, на ком теперь его ботинки.

А в газетах писали, что в походе «не погиб ни один человек».

Может быть, большинство несчастий действительно случалось, когда пионеры уже начали обосновываться в облюбованных для фортов уголках междуречья. Так нередко бывает: трудностей вроде бы меньше, люди расслабляются, а тут-то как раз и сдают нервы, силы, здоровье. Только от того, где умирали люди — в походе или на привале, цена похода не уменьшилась. Цена, измеренная человеческими жизнями.

...Лобенгула, получив вести о том, какова эта «небольшая группа золотоискателей», был потрясен. Догадывался, конечно, и раньше, что Родс пришлет не десять человек, как обещал, а побольше, но чтобы войско, и даже с пушками! Не выполнено и главное условие: вся эта армия идет очень далеко от Булавайо, стараясь не показываться ему, Лобенгуле, на глаза. Инкоси возмутился:

— Если, по вашим словам, я отдал вам всю страну, почему же вы крадетесь, как воры; если она действительно принадлежит вам, зачем же вам ее красть?

Отчаянно пытаясь усовестить англичан, он отправил еще одно посольство. Мчете, один из двух индун, побывавших у королевы Виктории, теперь поехал в Кейптаун, к верховному комиссару Лоху. Мчете снова и снова повторял, что «концессия» Радда получена обманом. Законной силы она не имеет, тем более что ндебелы отказались принять ту тысячу ружей, которая значилась в этом договоре как плата за «концессию». Мчете жаловался, что Родсу теперь оказалось мало искать золото в каком-либо одном отведенном месте, он хочет уже «съесть» весь народ ндебеле. Джона Моффета, назначенного британским резидентом в Булавайо, Мчете назвал человеком Родса.

Все это не возымело на Лоха никакого действия. Он привлек к переговорам с Мчете самого Родса. Когда Мчете был еще в пути, Лох написал Лобенгуле, что он, как английский верховный комиссар в Южной Африке, уже одобрил отправку сил «Привилегированной компании», чтобы «охранять Вашу страну». И что люди Родса идут к ндебелам как друзья — «хотят ндебелам только добра».

Когда пионеры появились на реке Маклауцы, у пределов ндебельских земель, ндебелы воочию убедились, как много у них «друзей». Лобенгула отпра-

вил командирам пионеров исполненное иронии послание: «Почему на Маклауцы так много воинов? Разве король сделал что-нибудь плохое? Или кого-нибудь из белых людей убили? Или белые люди потеряли что-нибудь и теперь ищут?»

Джемсон, шедший с пионерами, ответил: «Эти люди — отряд рабочих; они под защитой солдат идут в Машоналенд по пути, который им разрешен королем». Лобенгула сказал, что никогда не давал такого разрешения. Но все-таки и тут удержал своих воинов от нападения на пионеров.

Пионеры соорудили на землях народов шона, далеко к востоку от Булавайо, четыре форта. Вступив на эти земли, построили первый опорный пункт, форт Тули, а продвигаясь все дальше — еще три. Самый южный назвали фортом Виктория — в честь королевы, второй — Чартер, во славу хартии, то есть «Привилегированной компании», и самый северный — Солсбери, по имени английского премьер-министра.

Форт Солсбери и стал конечным пунктом похода. Потом он превратился в главный город, административный центр Родезии (в наши дни это Хараре, столица Республики Зимбабве). Флаг компании был поднят там 12 сентября 1890 года. С тех пор этот день отмечали как дату основания Родезии. Когда через сорок с лишним лет ветераны завоевания Родезии собрались в лондонском ресторане вспомнить былое, героем встречи стал Тиндейл Биско, поднявший флаг.

ЕЩЕ ОДНО ЭЛЬДОРАДО

Походом пионеров начался третий виток погони за богатствами Южной Африки. За алмазной лихорадкой Кимберли и золотой горячкой трансваальс-

кого Ранда — сказочные золотые месторождения междуречья. Доктор Джемсон, который провел колонну пионеров в междуречье, громогласно заявил, что по богатству золотом Машоналенд — это пятьдесят Рандов. Как было не прислушаться к словам Джемсона? Он — высший представитель компании в междуречье, официально его пост именовался — главный администратор.

А британская печать! Сколько нашла она пышных слов! «Новое Эльдorado» — это еще не самое громкое. «Это истинно обетованная земля», — писала обычно такая спокойно-уравновешенная «Таймс». «Страна Офир», — вторила ему «Пелл-мелл гезетт». В статье «Среди копей царя Соломона» она заверяла читателей, что «через несколько лет мы увидим изображение королевы Виктории на том золоте, которым царь Соломон украшал свой трон».

«Привилегированная компания» в конце 1890-го издала «Меморандум об условиях, на которых желающим разрешается изыскивать минералы и металлы в Машоналенде».

«Любой желающий, — гласил первый параграф, — может получить лицензию, подписав обязательство подчиняться законам компании и помогать в защите закона и порядка, если компания этого потребует». Каждый держатель лицензии получает право на один аллювиальный участок размером сто пятьдесят на сто пятьдесят футов и десять участков — каждый по сто пятьдесят на четырехста футов — в районах расположения золотоносных жил. Каждым из участков он пользуется на паритетных началах с «Привилегированной компанией», то есть должен отдавать ей половину своих прибылей. Плата за лицензию — десять шиллингов в месяц.

Так начинался дележ недр Машоналенда. На земли, где жили ндебелы, Родс пока не рискнул посягнуть — считал, наверно, что все надо делать поэтапно.

Компания распахнула двери в страну не только золотоискателям, но и поселенцам. Родс объявил, что европейцев ждут земли для десяти тысяч ферм. Представители компании завлекали колонистов «изобилием туземной рабочей силы» и «превосходным приемом со стороны машонов и матебелов».

Призыв обосноваться на постоянное жительство в глубине Африки не возымел быстрого действия. Но такая приманка, как золотоносные участки, работала моментально. Целая армия старателей выросла как из-под земли и лихорадочно ринулась искать желтый металл.

На дорогах междуречья сразу же появился самый пестрый люд: от оборванцев-бедняков, никогда не знавших удачи, до тех, кто в совсем недавнем прошлом были завсегдатаями дорогих баров Кимберли и Йоханнесбурга и для кого там рекой лилось шампанское. Богатство покинуло их так же внезапно, как и пришло.

«Где они, эти Дики, Томы, Гарри, счастливики и миллионеры тех дней? Никто не мог толком на это ответить. Но я встречал их, одного за другим, пробираясь по Машоналенду... Теперь они носили фланелевые шорты, выполняли любую, самую тяжелую работу, ели самую грубую пищу. Я встречал их в каждом поселке, почти на каждой стоянке. Как они переменились!» — так писал очевидец в 1892 году. В бармене придорожного постоялого двора он узнал бывшего директора нескольких компаний, удачливого маклера. От прежнего блеска сохранились только очки в золотой оправе. Встретил и другого — дву-

мя годами раньше он устроил скандал в лучшем отеле Йоханнесбурга: ему подали шампанское в недостаточно чистом бокале.

— Скоро вы заставите меня лакать грязную воду из жестянки, — орал он перепуганному официанту.

«...Я слушал его тогда и восхищался, потому что разве он не обладатель двухсот тысяч фунтов? Разве он не вправе ожидать, что его бокал окажется кристально чистым, а скатерть своей белизной будет соперничать со свежавывающим снегом!»

А в Машоналенде этому нуворишу, уже разорившемуся, действительно пришлось пить из жестянки грязную воду, не лучше оказалась и еда, а сам он был в лохмотьях и не мылся шесть недель. «Он подхватил тропическую малярию, и каждое соприкосновение с водой вызывало у него новый приступ. Он перестал мыться. Я никогда не видел такого грязного лица. Поразительно, как это грязь держалась на нем, не отваливаясь кусками».

Не в диковинку были в междуречье и британские лорды. Не только те, кто, как Рендолф Черчилль проводил тут общую рекогносцировку с помощью своего горного инженера, но и те, кто сам, засучив рукава, пытался извлечь из недр африканских золото, которым его не обеспечили именитые предки. Трудно представить английского лорда босым, но именно таким видели там лорда Генри Полета. Да и его спутник, сын баронета Суинберна, выглядел примерно так же.

В войсках компании сержантом служил человек, закончивший Итон. А под неприметными именами Джонсов и Смитов нередко скрывались отпрыски самых знаменитых семей Великобритании. Те, ждавшие своего часа младшие сыновья, кем так восторгался Василий Шульгин.

Как же велик был соблазн, если эти люди обречали себя на испытания, перед которыми меркло все, что пережили старатели в Трансваале и в Кимберли. Добираться сюда было куда труднее. Обжитые европейцами земли оставались далеко-далеко позади.

«Когда доберешься до форта Виктория, кажется, что ты уже на краю света. Цивилизация — за тысячи миль... Чувствуешь себя Рип Ван Винклем или Робинзоном Крузо». Ничего привычного перед глазами. Все незнакомое, чужое, непонятное — люди, природа, звери. Солнце «жжет нас, как луч увеличительного стекла». И скрыться негде, разве что залезть под свой фургон. В скалистых ущельях или у горных речек приходится под палящим солнцем без конца разгружать и снова нагружать фургон, иначе не проедешь.

Лучшее, что есть из еды, — консервы. Из кукурузы, сахара и какао готовили деликатес, который почему-то прозвали «русской шарлоткой». Но большинству не до того. Питались чуть ли не отбросами.

До портов Капской колонии — около тысячи семисот миль, а в самом Машоналенде — ни дорог, ни мостов. Подвоз продовольствия и других товаров от побережья до фортов компании обходился в семьдесят фунтов стерлингов за тонну, а во время сезона дождей — несколько месяцев в году — страна вообще отрезана от мира.

Разорившимся трудно выбраться из этих мест — до побережья далеко, а транспорт безумно дорог. Компания использовала это, чтобы сократить свои расходы. В 1891-м полицию почти целиком заменили волонтеры из разорившихся старателей. У них не было иного выхода, как наняться на службу компании, чтобы за ничтожную плату охранять ее интересы.

Непривычный климат, бесчисленные тяготы и особенно малярия уносили жизни десятков людей. Но приток золотоискателей не ослабевал. К концу 1891 года в стране шонов насчитывалась уже тысяча пятьсот — тысяча семьсот белых. Они ехали со всего света. Американцы называли междуречье «лавкой Сесиля Родса».

Можно было, хоть и не часто, видеть там и самого Родса. В светлых фланелевых брюках, куртке цвета перца с солью и фетровой шляпе с опущенными полями трусил он на пони вслед за повозкой, в которой ехали Джемсон и Силус. Своей любви ездить верхом он не изменял, хотя так и не научился хорошей посадке и держался мешковато. От большинства золотоискателей его отличали только свежевыбритые щеки. Это было признаком достатка и даже более высокого социального положения.

РАЗОЧАРОВАНИЯ

Сам-то Родс, надо думать, знал подлинное положение дел в своей империи. Других же подстерегало немало разочарований. «Привилегированная компания» создала фортам славу крупных поселков, чуть ли не центров европейской цивилизации. В конце 1890-го очевидец писал: «Я, видевший в английских и южноафриканских журналах красочные описания Солсбери, ожидал многого. Разве я не читал там о церквях — англиканской, римско-католической и пресвитерианской? О больших гостиницах, больнице, библиотеке и множестве магазинов?» Оказалось же, что в Солсбери было тогда лишь четыреста человек. А в форте Чартер — всего

пятаго: лейтенант, сержант, двое рядовых и один штатский.

О первых годах жизни пионеров можно судить по экспонатам в музеях Зимбабве — оружию, одежде, домашней утвари. И по первым газетам, которые хранятся в Национальном архиве Зимбабве. Там можно увидеть самую первую из них — рукописную «Наггет». Ее первый номер вышел в форте Виктория 11 ноября 1890 года. В форте Солсбери с субботы 27 июня 1891 года стала выходить еженедельная и тоже рукописная «Машоналенд геральд». Стоила она один шиллинг, но издатель, который распространял ее сам, соглашался иногда вместо денег брать мармелад, свеч³и, а то и старую лопату. Вскоре, с октября 1892-го, стала выходить уже не рукописная, а типографским способом сделанная газета. Называлась она «Родезиен геральд». Так было запечатлено имя Родса, хотя официально страна начала называться Родезией только через три года.

Но все же на цитадели культуры эти форты походили мало. Ратники местных гарнизонов мечтали больше о спиртном. Бутылка виски стоила сорок шиллингов. Для сравнения можно сказать, что одеяло, купленное в Кимберли за пять шиллингов, служило здесь платой за месячный труд африканца.

Каждого нового пришельца девять из десяти старожилы Солсбери встречали вместо приветствия вопросом:

— Виски есть?

Свирепствовала тропическая малярия. За одну унцию хинина давали до ста фунтов стерлингов.

Правда, в нем нуждались не все.

— Мой желудок не принимает хинина, зато виски он впитывает как губка. Дайте мне бутылку виски в день, и плевать мне на малярию.

С аборигенами золотоискатели не знали, мнения о них были самого низкого:

— Дайте мужчине из народа мафона вдоволь кафрского пива, вдоволь риса, несколько жен и немного домашней птицы, и ему уже больше ничего не надо.

Но сами-то золотоискатели — многие ли из них тянулись к высотам культуры, достижениям разума? Вместо пива им хотелось бренди или шампанского, вместо риса — ресторанных обедов, да представления о дамских прелестях как-то отличались, но и то не так уж существенно...

Пионеры считали шонов непонятливыми и неумелыми. Те действительно с трудом представляли, чего хотят от них европейцы. Интересно, если бы европейцам пришлось выполнять какие-нибудь требования шонов, смогли бы они быстро понять, чего от них хотят?

В оплотах компании, ее фортах, шла тягучая гарнизонная жизнь. Пьянство, азартные игры, иногда — охота. Развлекались «прэктикл джоукс» — грубыми и нередко весьма жестокими. Так было не только в Солсбери, Чартере и Виктории, но даже в самом, казалось бы, оживленном месте, в Тули, на входе в междуречье.

«Тули никогда не принадлежало к числу особенно приятных мест, и, когда я там был, мне казалось, что каждый час тянется сто двадцать минут. В Тули всегда ужасно жарко, и нечего удивляться, что люди клянут все подряд. Они проклинают и капское бренди, и пищу, которой их кормят, и свою работу... а больше всего «Привилегированную компанию». В их жилищах нет самой необходимой обстановки, пищу им дают плохую, читать им нечего, их быт очень плохо устроен, и жизнь они ведут ленивую и лишенную смысла».

Даже в сравнительно многолюдном Солсбери на четыреста мужчин не было и пяти женщин. «Приходится признаться, что мужчины сами по себе не могут создать интересного общества. Без женщин мы тупеем, как заржавевший нож».

Одним словом, гарнизонные будни, гарнизонные настроения, гарнизонное сквернословие.

Шел сказ про гибель и обман,
И стыд и страсть ко злу,
И подкрепляли речь они,
Произнося хулу,
Сквозь гром проклятий кулаки
Гремели по столу.

Только вот тропическая экзотика наложила отпечаток на характер анекдотов и прибауток. Неизбежные байки про тех, на чьей земле они теперь обосновались. О том, как Лобенгуле выбирают жен — ставят девушек в ряд и отбирают тех, у кого силуэт тела больше выдается вперед и назад. Или о том, как каннибальские племена брезгуют мясом белых людей, считая его слишком соленым.

Не скрашивалась эта жизнь и облагораживающим чувством товарищества. Любимая присказка в войсках и администрации компании звучала так:

— Каждый за себя, одно Провидение — за всех.

Что было святого у этих людей? Может быть, их кумир? «...Свой король и тиран. Разумеется, Сесил Родс. Это для него мы совершили долгий опасный поход, это его имя магически сплачивало бойцов, удерживало их от мятежа и дезертирства. Странное это было у бойцов чувство к Сесилу Родсу. Многие из них никогда его не видели, знали о нем только понаслышке, но им казалось, что они понимают его как своего героя, человека изумительного предвидения.

Вдохновенное предвидение — так считали все. В предвидении, в мечте Родса о великой империи — завоеванной, изученной, просвещенной и накрепко объединенной — мы, бойцы, и видели свою цель. Странно, как-то отвлеченно выглядели наше восхищение этим молчаливым человеком и наша любовь к нему... И, в свою очередь, надо заметить, Сесил Родс любил своих бойцов».

Так вспоминал один из них через четыре с лишним десятилетия. Но так и не объяснил толком, отчего же он сам, прослужив полтора года среди «любимцев» Сесила Родса, покинул их ряды и навсегда уехал из «Обетованной земли», отказавшись от положенных трех тысяч акров и от всего, что было обещано. А ведь Родс и ему, лично ему, давал обещание сделать его миллионером...

Да, многое разочаровало тех, кто, соблазнившись шумной газетной рекламой, бросал свои дела и являлся сюда, в глубь Черного материка.

Но главное, росло подозрение, что в этом «золотосном Офире» никто пока по-настоящему так и не обнаружил золота. Даже в районе Солсбери, в центре деятельности компании, где деловая жизнь была особенно бурной, не было никаких признаков приискового дела.

Что-то оказалось не то, не так. И дело даже не в том, что компания своей рекламой обманула публику. На это Родс шел сознательно. Но все-таки обманулся и он сам. У него были основания думать, что золото в междуречье есть, ведь об этом говорили и старинные рудники, и предания, дошедшие из средневековья, от португальских конкистадоров. Вряд ли Родс действительно предполагал, будто этого золота здесь в пятьдесят раз больше, чем в Трансваале. Пусть Джемсон твердит это легковерным! Но что

золото все-таки есть — и немало, — в этом, надо думать, Родс был уверен.

Но золота находили совсем мало — даже если сравнить не с газетной шумихой, а с надеждами Родса и его компаньонов. Дело могло кончиться скандалом — на всю Великобританию, на всю Европу. Если золота не будет, пойдут разговоры о блефе, обмане.

ОТЕЦ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ

Родсу нужна была новая сенсация, новый шум вокруг его детища. Потому-то он так обрадовался, узнав, что лорд Рендолф Черчилль решил поехать в его империю и написать оттуда большую серию статей для английской публики.

Семья Черчиллей тесно связала свою судьбу с Южной Африкой, начиная с Рендолфа (или его жены, которая произвела впечатление на послов Лобенгулы во время приема у королевы Виктории).

К голосу Рендолфа Черчилля соотечественники прислушивались. Правда, не столько, пожалуй, из-за его политического веса — хотя он и побывал на высоких постах канцлера казначейства (министра финансов) и министра по делам Индии, — сколько из-за его эксцентричности. Говорили, что его мечтой была должность премьер-министра Великобритании, которую в XX столетии не раз занимал его сын Уинстон. Но Рендолф закрыл себе дорогу к ней: как-то так получилось, что эксцентричность сына вызывала у английской публики изумление, даже почтение, а в выходках отца видели прежде всего скандальность. Может быть, сын учился на отцовских промахах?

Но имя Рендолфа Черчилля всегда привлекало внимание. Поэтому лондонская «Дейли график»

предложила ему по сто фунтов стерлингов за каждую корреспонденцию из империи Сесила Родса. По шиллингу и девять пенсов за слово — неслыханно высокий гонорар. Хозяева влиятельной газеты надеялись, что Черчилль ошеломит читателей экстравагантными впечатлениями и оценками.

Родс, конечно, хотел, чтобы эти корреспонденции послужили ему на пользу. И, казалось, вполне мог на это рассчитывать — Черчилль был одним из акционеров его «Привилегированной компании».

Они встретились в феврале 1891-го в номере фешенебельного лондонского отеля и, склонившись над картой Африки, вместе намечали маршрут.

Черчилль надеялся поправить путешествием свои финансовые дела. Они находились в отчаянном положении, хотя Черчилль и был женат на дочери американского миллионера. Поправить их газетными гонорарами, даже баснословно высокими, было трудно. И он, поддавшись общему психозу, повез с собой специальную, только что изобретенную машину для добычи золота. Больше того, он основал компанию по добыче золота. В нее вошли кроме его близких родственников еще несколько финансистов, издателей газет и военных. Они и субсидировали поездку, дали шестнадцать тысяч фунтов. Он взял с собой и эксперта по золотым месторождениям.

Черчилль называл Родса гением. Установив тесные отношения с ним, с Бейтом и некоторыми другими магнатами золотопромышленности Трансвааля, Черчилль сумел найти там выгодное применение капиталам своей семьи. Он с гордостью писал об этом из Йоханнесбурга сыну, семнадцатилетнему Уинстону. Поговаривали даже, будто он вел переговоры о хорошем месте для Уинстона в трансваальской золотопромышленности. Почему бы и нет? Если сыну

премьер-министра лорда Солсбери можно служить у Сесила Родса, разве это зазорно для сына лорда Черчилля?

Через несколько лет Уинстон Черчилль действительно оказался в тех местах, как и сестра Рендолфа, леди Сара. Правда, Уинстон не работал в компаниях Сесила Родса, но все же служил его делу — участвовал в подготовленной Родсом англо-бурской войне. Был военным корреспондентом, попал в плен и совершил дерзкий побег — с этого и началась его широкая известность.

Так что вскоре всему семейству Черчиллей не чуждо стало дело Сесила Родса. Но первый приверженец — Рендолф — принес Родсу больше вреда, чем пользы. Отчасти это объяснялось неуравновешенным характером Черчилля, его несдержанностью, крайне резкими и непродуманными суждениями. Началось с его высказываний о бурах. Многие на юге Африки сложились бы иначе, говаривал он, «если бы Господь Бог дал буру хоть чуточку разума».

Как-то он попросил, чтобы ему показали бурскую ферму. Когда его привезли, хозяйка фермы, предупрежденная заранее, вышла встретить «английского лорда». Реакция лорда оказалась неожиданной. Очевидец писал: «Может быть, фигура старой леди не отвечала идеалу божественных женских форм. Я не знаю. Но одного взгляда оказалось достаточно.

— Поехали, поехали, скорее отсюда! Погоняй! — вскричал его светлость, стуча кулаками по спине возницы. — Ужасный народ! Погоняй! Скорее! Я не выдержу тут ни минуты!»

Могли буры простить Черчиллю такие выходки? Родс много лет склонял их к дружбе с Англией, а тут такой афронт. Ему пришлось расхлебывать последствия заявлений и поступков Черчилля.

Да и кое-кого из золотопромышленников Черчилль тоже умудрился обидеть. Каждый из них, как мещанин во дворянстве, жаждал знаков внимания, а лорд путал их имена, лица и, побывав у кого-то из них на обеде, на следующий день спросил:

— Не напомните мне, мы с вами уже встречались?

Этими и подобными историями, подлинными и вымышленными, были полны газеты Англии и Южной Африки. Черчилль давал им богатую пищу. После нескольких промахов уже почти каждое его слово поднималось на смех или вызывало бурю протеста.

Эхом остроумия и карикатур отзывалось и его путешествие по междуречью. Черчилль взял с собой туда молодого южноафриканского журналиста Перси Фицпатрика, полагая, что тот опишет эту поездку в лучших тонах. Фицпатрик действительно издал книжку «По Машоналенду — с киркой и пером», но посмешищем сделал Черчилля. Он поведал читателям, как Черчилль послал Лобенгуле специальный стул для купания, чтобы легче входить в воду. «Отличная мысль, — потешался Фицпатрик, — достойный венец представлений лорда Черчилля о Южной Африке». Потом, сообщил он, Черчилль хотел возвращаться из Машоналенда через Булавайо, но передумал, вспомнив, что у Лобенгулы есть «королевское право распоряжаться жизнью и смертью пришельцев».

Черчилль ужаснулся трудностям добычи алмазов в Кимберли — все это из-за суетного тщеславия женщин, их страсти украшать себя бриллиантами. «От кого бы ни произошли мужчины, а женщины-то уж конечно произошли от обезьяны», — заявил он. Ну, ясное дело, письмам возмущенных женщин не было конца!

На лондонских подмостках распевали насмешливые песенки о вояже бывшего канцлера казначей-

ства. Чтобы заглушить самую дерзкую из них, жене Черчилля пришлось добиваться вмешательства Чемберлена.

Родс, конечно, не ожидал такого поворота. Шло насмарку все, чем визит Черчилля мог быть ему полезен.

Хуже того, он нанес Родсу прямой ущерб. Побывав в фортах «Привилегированной компании» и проехав по ее владениям, Черчилль не увидел тех радужных картин, что рисовал в его воображении Родс, когда они в Лондоне вместе намечали этот маршрут. Особенно поразила Черчилля дороговизна. В форте Солсбери он решил продать часть своих вещей, чтобы не везти их обратно, и поразился, увидев, что за хлопчатобумажную рубашку ему заплатили здесь в три с половиной раза больше, чем она стоила в Лондоне. Да и остальные цены были в том же роде. «Я с сожалением понял, — ответил он, — что хорошо организованная доставка товаров в эту страну принесет куда больше доходов, чем поиски золота».

Но, самое главное, приехавший с Черчиллем горный инженер тщательно обследовал Машоналенд и пришел к выводу, что сколько-нибудь крупных месторождений золота там нет. Его выводы показались Черчиллю убедительными, и он написал, что Машоналенд — «это не Аркадия и не Эльдorado».

Каково все это было Родсу? Своего раздражения он не сумел скрыть. Он сопровождал Черчилля в поездке по Машоналенду, но, увидев, что не может обуздать выходки лорда, внезапно уехал, предоставив тому самостоятельно проделать долгий обратный путь. Черчилль был в ярости, но пришлось проглотить.

Правда, потом он все же простил Родса. В Кейптауне даже прожил у него несколько дней. У лорда были основания прийти в доброе расположение

духа. Хотя отношения с бурами и президентом Крюгером у него, мягко говоря, не сложились, все же, проезжая через Трансвааль на обратном пути, он купил несколько золотиносных участков — настолько богатых, что вскоре они ценились в семьдесят тысяч фунтов. С этого и установились прочные интересы семьи Черчиллей в Южной Африке. Самому Рендолфу воспользоваться этим уже не пришлось. Вскоре его разбил паралич, следствие сифилиса, а за ним последовала и смерть. Ему не удалось прожить и половины того срока, который судьба отпустила его сыну Уинстону.

Конечно, поездка Черчилля и ее отголоски — лишь эпизод ранней истории компании. Но эпизод показательный. Для Родса — тревожный.

И ЕЩЕ ОДНА «КОНЦЕССИЯ»

История «Привилегированной компании» только еще начиналась. Детищу Родса предстояло пережить немало взлетов и падений. Тогда, в начале девяностых годов, — признаки ее первого кризиса.

На бирже вера в нее несколько заколебалась. Было известно, что поход пионеров и полиции стоил Родсу около трехсот тысяч фунтов. Затем — постройка и содержание фортов, администрация, вооруженные силы компании, строительство железной дороги и телеграфа. До июня 1891 года, примерно за год, расходы компании составили семьсот тысяч фунтов. Родсу пришлось просить субсидий у «Де Бирс» и «Голд филдс». Барнато, Бейт и другие компаньоны по азмазно-золотым делам в Кимберли и в Трансваале шли ему навстречу, но эта поддержка не могла быть беспредельной. Да и в руководстве самой

«Привилегированной компании» Родс встретил недоумение и беспокойство других директоров.

Пошли разговоры о некомпетентности Джемсона, который в 1891 году возглавил администрацию компании в междуречье. Правда, Родс поддерживал его всем весом своего авторитета. Он говорил:

— Джемсон никогда не ошибается.

А самому Джемсону Родс телеграфировал: «Ваше дело — управлять страной, а мое — только ответить «да», если Вы решите поинтересоваться моим мнением».

Родс умел заниматься главным и отдавать остальное на усмотрение помощников, доверяя им и не держа мелочной опекой. Именно так вел себя с Джемсоном. Но ведь тот не имел никакого опыта в сложном деле управления целой страной. Его промахи получали огласку, и Родс не мог защитить его от критики.

Главной слабостью компании была двусмысленность ее положения. Чем компания на самом деле владеет и каковы ее права — никто не мог этого толком понять.

В том же году, когда Черчилль совершал свою инспекционную поездку, произошло еще одно событие. В ноябре 1891-го Лобенгула заключил с немецким купцом Эдуардом Липпертом договор о правах на землю. Там говорилось, что за тысячу фунтов единовременно и пятьсот фунтов ежегодно Липперт получает право в течение ста лет создавать на землях ндебелов и шонов фермерские хозяйства, использовать пастбища и даже строить города.

Подписавшие его стороны понимали текст совершенно по-разному. Ндебелы не знали частной собственности на землю и не имели ни малейшего представления о передаче прав на нее. Лобенгула считал, что дает Липперту возможность строить жи-

лица и пасти скот на свободных землях, а отнюдь не владеть ими.

К тому же Лобенгуле было уже не до того, чтобы так же проверять и перепроверять возможные трактовки договора, как это он делал с «концессией Радда». Главным для него было, очевидно, чтобы заключающие договор немцы начали противодействовать англичанам. Он напряженно искал выхода. Начинать войну он, очевидно, считал делом заранее проигранным. Увести свой народ за Замбези не мог. Что оставалось? Пытаться посеять рознь в рядах своих врагов. Это он и делал. Об англо-германских противоречиях в Африке Лобенгула, конечно, был наслышан, и возможность как-то сыграть на них была для него той соломинкой, за которую хватается утопающий.

Но расчет Лобенгулы нанести Родсу удар не оправдался, как и отправка посольства к «Белой королеве» и многие другие его действия. Трудно, просто невозможно было ему представить себе механизм европейской колониальной политики.

Правительство Великобритании, узнав о новой угрозе «Привилегированной компании», пришло на помощь. Министр колоний лорд Натсфорд телеграфировал верховному комиссару Южной Африки Лоху, что договор Липперта признать нельзя, а самого Липперта, если он явится в Машоналенд, надо сразу арестовать.

Тогда, да и долгое время потом, принято было считать, что Липперт энергично стремился получить поддержку правительства Германии, но не преуспел в этом. Немецкая пресса, прежде всего бисмарковская «Нойесте нахрихтен» и «Гамбургер корреспондент», критиковали за это правительство канцлера Каприви.

Но Липперт, может быть, и с самого начала понимал, что не сможет использовать договор. Он ре-

шил перепродать договор лорду Ротшильду, а тот в свою очередь уступил «Привилегированной компании» право покупки. Все это произошло еще до 17 ноября, до церемонии подписания договора Лобенгулой и Липпертом. Так что, когда инкоси ставил на этой бумаге свой крестик, «концессия» была уже продана Родсу. Министр колоний Натсфорд и верховный комиссар Лох одобрили перекупку этой новой «концессии». В одной из газет появилась карикатура: склонившись над Родсом и Липпертом, Лох говорит: «Благословляю вас, дети мои».

Скрепляя крестиком «концессию Лобенгула» и не подозревал, что собственноручно дает в руки своему злейшему врагу еще одно мощное оружие.

Не была ли история с «концессией Липперта» задумана Родсом заранее? Очень уж она оказалась ему на руку. Его критики сразу лишались важного аргумента — что у Родса нет прав на землю. У самого Родса не было никаких надежд получить у Лобенгулы эти права. Инкоси пошел на заключение договора с Липпертом лишь потому, что тот выдавал себя за ярого врага Сесила Родса.

Так не была ли вся эта история разыграна Родсом по нотам? Тем более что Липперт был двоюродным братом Бейта, ближайшего друга, компаньона и главного советника Сесила Родса? Историки уже ставили этот вопрос, но ответа не нашли. Родс унес этот секрет с собой в могилу.

Получение «концессии на землю» Родс приравнял к увеличению капитала «Привилегированной компании» на миллион фунтов. Он выпустил дополнительные акции на эту громадную сумму.

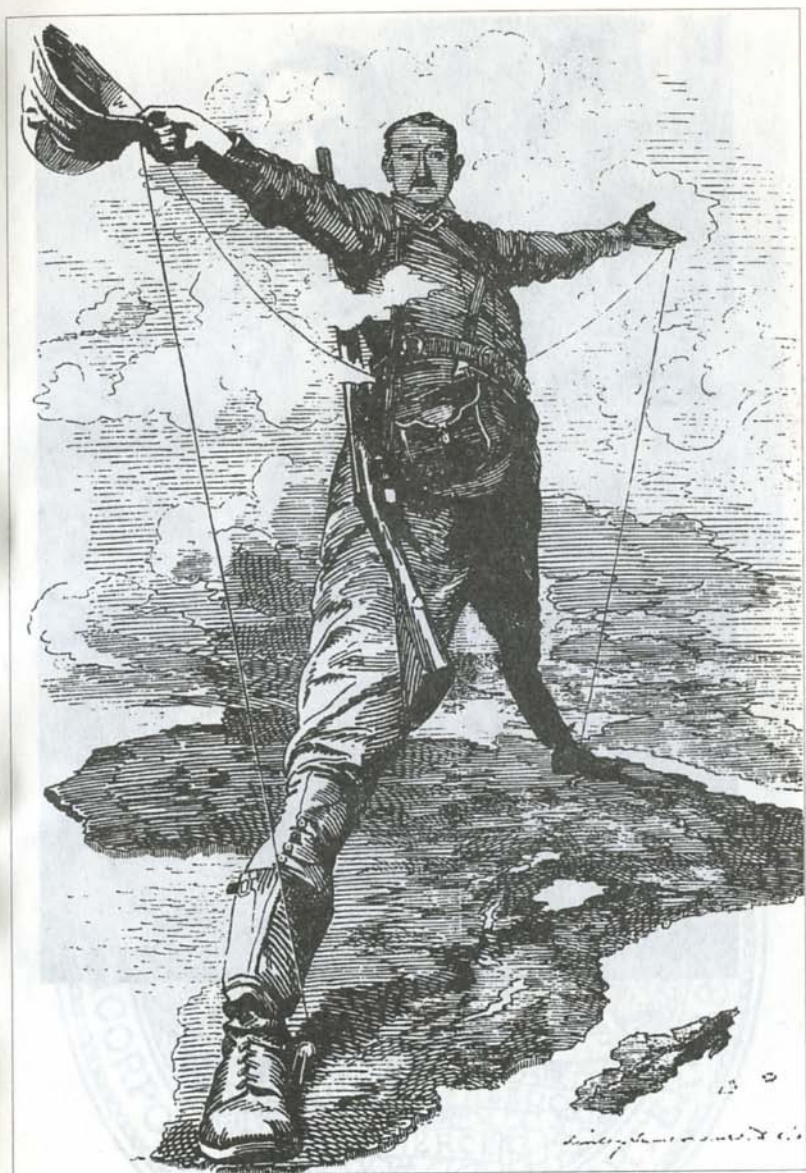
Но все эти трюки могли лишь оттянуть назревавший вокруг «Привилегированной компании» скандал. Надо было искать радикальный выход из положения.

В замыслах Родса война против ндебелов была, надо полагать, предрешена давно. И, видя его политику, несложно было это предугадать. Но все-таки многие участники событий осознали неизбежность этого шага лишь позднее. С современниками такое, как известно, бывает нередко.

Один из пионеров писал: «Только потом мы, бойцы конной полиции Сесила Родса, поняли, что мы просто строили сцену для войн против матебелов. Для постройки этой сцены мы прошли почти тысячу миль и потеряли почти половину своего наличного состава. Задним фоном у нас была африканская степь, заросли и леса. На этом фоне мы воздвигли хрупкие, какие-то невсамделишные форты Тули, Виктория, Чартер и Солсбери — сцены для различных актов драмы.

И вот уже актеры начинают репетиции...»

Да, конечно, драма. Один акт за другим. Хотя вряд ли язык повернется назвать актерами тех ндебелов, шонов, да и англичан, которые в каждом из этих актов умирали совсем не сценически.

«Родс над Африкой». Карикатура из английского журнала «Панч»
(1892 г.)

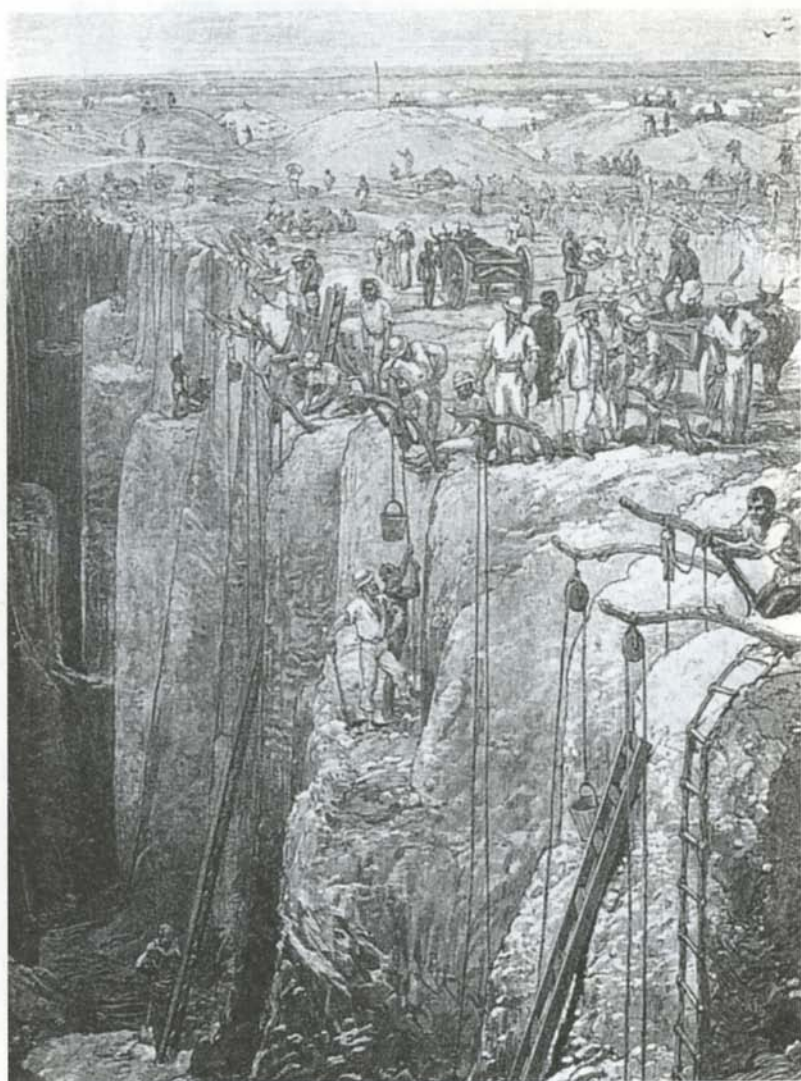
«Доктор Джим» — Джемсон

Барни Барнато

Печать «Привилегированной компании»

Алмазные копи Кимберли

Лобенгула

Кечвайо

Бабиян

Совет перед домом Лобенгулы

Воин народа
ндебеле

Пионеры Сесила Родса

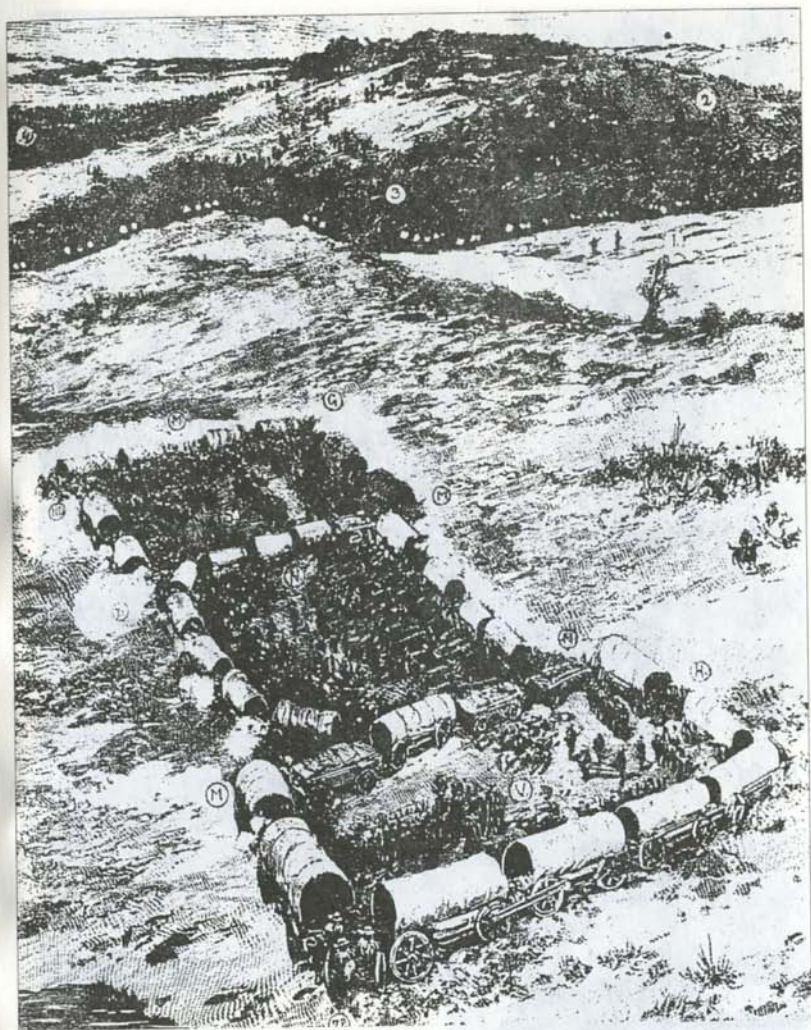
Переправа

Остановка в пути

Оборона Солсбери в 1896 г.

Лагерь во время восстания 1896 г.

Кагуби – один из вождей шонов

Saturday *The Nigger* *and other*
"Tell the and other"

1881 Vol. 4 Monday July 2nd 1897 Price 6d

«Два Родса». Карикатура из родезийского журнала «Наггет» от 12 июня 1897 г. Слева – Родс умиротворяет ндебелов. Справа – он же расправляется с шонами

Крюгер, президент Трансвааля

Екатерина Радзивилл

£25.-

(vrij en leuning voor 24)
 (vrij en leuning voor 24)
 de Sub-Commissie van het V
 voor de Speciale Commissie
 degen. wijk, die de ontbrekende
 kringzamen zijn
 Churchill
 (vrij en leuning voor 24)
 afleveren.

Plan van de Sub-Commissie

Churchill

Churchill

£25

(Twenty-five Pounds) REWARD is offered by the
 Sub-Commission of the 5th Division, on behalf of the Special Committee
 of the 5th Division to agents who bring the missing prisoner of war

CHURCHILL,

and is also in the office

For the Sub-Commission of the 5th Division
 (Signed) LONK, de RAAS, Sec.

1897

1897

Уинстон Черчилль во время англо-бурской войны. Слева бурское объявление
 о награде в 25 фунтов стерлингов тому, кто поймает бежавшего из плена Черчилля

Родс в осажденном Кимберли

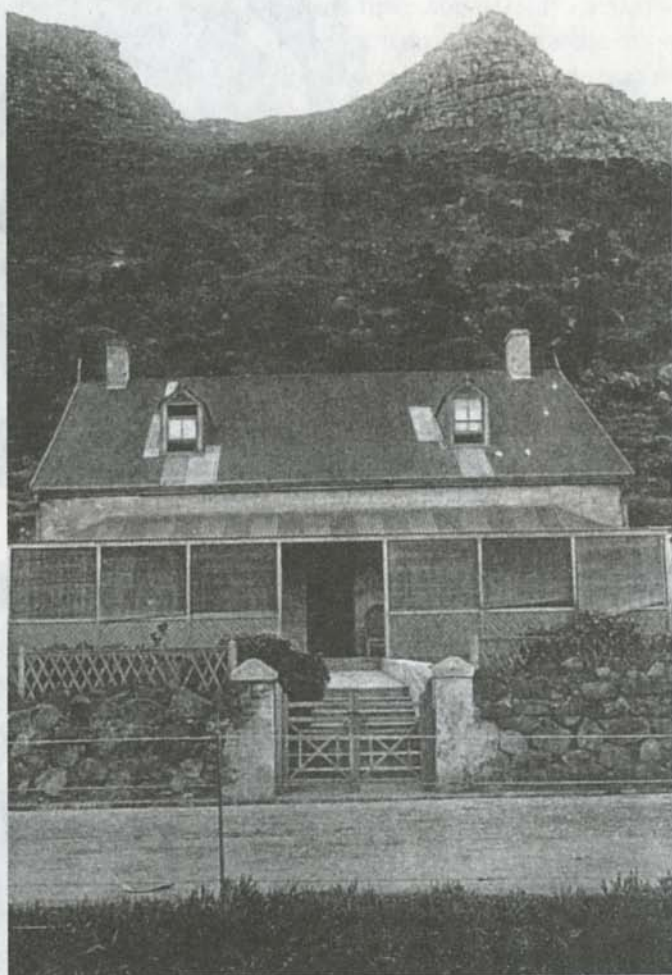
Родс у орудия «Длинный Сесил»

Родс в поездке по Южной Родезии

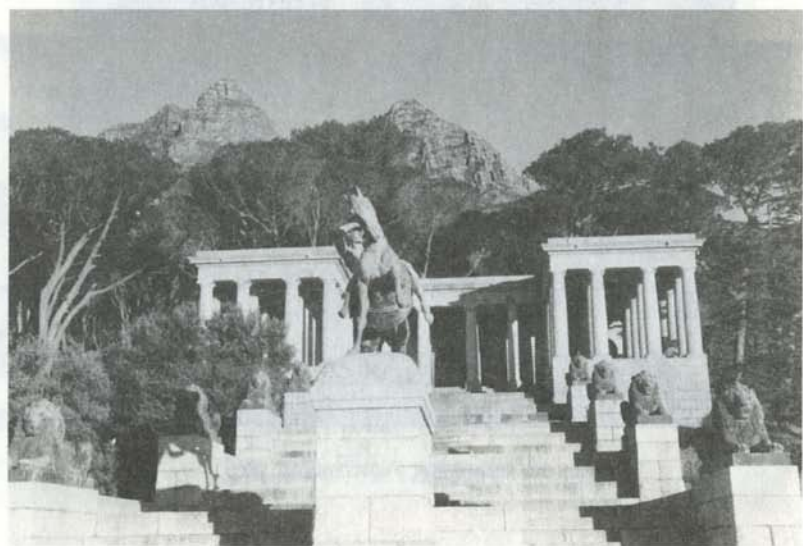
Дворец Родса в Кейптауне

Дом под кейптауном, в котором Родс умер

Могила Родса в скалах Матопос

Мемориал Родса в Кейптауне

Репетиции были кровавыми.

Для пионеров репетициями стали нападения на поселки шонов. Под каким предлогом? Ну, это было просто. У одного из пионеров пропали какие-то его вещи... Другой убит неизвестно кем. Карательные отряды угоняют скот, жгут селения.

В мае 1892-го, с опозданием на полгода, индейцы узнали наконец и о перекупке «концессии Липперта». Это привело к крайнему возбуждению, к страстным призывам изгнать пришельцев. Вопрос о дальнейших отношениях с англичанами настолько накалил обстановку в стране, что многие воины, особенно молодежь, да и индустры, стали почти открыто выражать недовольство поведением инкось.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ

«Ни Джемсон, ни Лобенгула не хотели войны», — писал биограф Родса канадский историк Флинт.

Это вряд ли. Если Лобенгуле она представлялась катастрофой, то и Джемсон, и стоявший за ним Родс рассуждали иначе. Для них война могла быть нежелательной только по тактическим соображениям, до какого-то момента — пока они не подготовятся к ней достаточно тщательно.

Среди сторонников Родса были такие, кто хотели войны еще в 1890-м, еще во время похода пионеров, когда Родс вместе с майором Фрэнком Джонсоном тайно планировал свержение Лобенгулы. Но Родс тогда ответил горячим головам.

— Я уверен, что наступит день, когда можно будет сделать то, что вам хочется, но вы должны помнить, что в этой стране я имею право лишь добы-

вать золото; поэтому до тех пор, пока матебелы не будут беспокоить моих людей, мне не удастся объявить им войну и выгнать их из их страны, но, как только они нарушат наши права, я положу конец этой игре.

Из этих слов ясно: предлогом для начала будущей войны могло послужить что угодно. Права компании были столь неопределенными, что любое действие ндебелов Родс мог толковать как нарушение этих прав.

В середине 1893 года обстановка для начала военных действий сложилась. Прибыли «Де Бирс» были рекордными за все время ее существования. Родс мог ассигновать на войну крупные средства.

Если исходить из английских свидетельств, то событие, послужившее поводом к войне, выглядело так. В мае 1893-го группа шонов неподалеку от форта Виктория унесла 45 метров медной проволоки, которую служащие «Привилегированной компании» привезли для телеграфной линии. Зачем шонам понадобилась проволока, так и осталось невыясненным.

Администрация компании пожаловалась Лобенгуле. Поселок шонов — то ли имевших отношение к этой проволоке, то ли не имевших — решил задобрить компанию скотом, но Лобенгула счел, что этот скот принадлежал не шонам, а ндебелам. Он послал в район форта Виктория большой отряд воинов — разобраться на месте и наказать виновных. Джемсону уже 29 июня отправил письмо, заверяя, что отряду приказано не трогать белых поселенцев.

Сложность отношений между ндебелами и группой племен шона не была вполне понятна европейцам. Долгое время считалось, что «кровожадные» ндебелы истребляли «миролюбивых» шонов, относились к ним хуже, чем в Древней Греции спартиаты к

шонам. Во всяком случае очевидно, что воинственные ндебелы видели в сопредельных племенах шона своих данников.

Трудно сказать, верны ли свидетельства людей Родса о жестокости, проявленной отрядом ндебелов по отношению к шонам, жившим близ форта Виктория. Лобенгула, вероятно, стремился показать шонам, что его власть тут по-прежнему крепка, несмотря на приход пионеров и появление форта. Ну, а Джемсон в приходе отряда ндебелов увидел предлог для войны. Очень уж соблазнительно было объявить себя защитником шонов.

Десятого июля Джемсон послал Лобенгуле письмо с требованием запретить его воинам пересекать «границу». О какой границе могла идти речь? Ее не существовало. О ней ни слова не сказано ни в одном из документов, на которые могла ссылаться компания: ни в «договоре Радда», ни в «договоре Липперта». Даже если считать их документами, имеющими юридическую силу, все же в первом говорилось о праве добывать полезные ископаемые, а во втором — о праве на строительство жилищ и поселков.

Что же Джемсон назвал границей? Вероятно, местность, где кончались земли, населенные народами шона, и начиналась область, где обитали преимущественно ндебелы. Иными словами, Джемсон сделал вид, что власть Лобенгулы — только над ндебелами, на землях же шонов — власть компании.

Вслед за отправкой письма Лобенгуле Джемсон потребовал от индун, руководивших отрядом, чтобы те явились к нему в форт Виктория. Выполняя строгий наказ Лобенгулы не вступать в конфликты с компанией, они пришли к Джемсону. Тогда он заявил, что будет говорить только с одним из них, Маньеву, и ультимативно потребовал, чтобы отряд немедленно

но отошел за «пограничную черту», иначе он, Джемсон, с ними расправится. На вопрос, где же находится «граница», Джемсон ответил, что ндебелы знают это сами.

Насколько же беспрекословно выполняли воины приказ Лобенгулы, что даже такое вызывающее поведение Джемсона не спровоцировало их на схватку. Но она все равно была предрешена. Срок выполнения своего ультиматума Джемсон показал по солнцу. Оставалось лишь около часа, а до тех мест, которые он считал «границей», было почти пятьдесят километров.

Ндебелов этот ультиматум застал врасплох. Должно быть, Джемсон так и рассчитывал. Все это происходило 18 июля, лишь через несколько дней после отправки письма Лобенгуле, и Джемсон мог быть уверен, что четких инструкций на такой случай Лобенгула не предусмотрел. Или, во всяком случае, что индуну их еще не получили.

Ндебелы стали отходить в направлении, указанном Джемсоном. Но уже через полтора часа он послал им вслед тридцать восемь всадников. Догнать пеших ндебелов не составляло большого труда, особенно последнюю группу, где был больной, которого несли на руках. По этому арьергарду всадники открыли огонь. Убили от тридцати до пятидесяти воинов. Ндебелы и тут, памятуя приказ Лобенгулы, сопротивления не оказали.

Капитана Ленди, по приказу которого был открыт огонь, историк Флинт назвал «жестоким человеком». Но разве дело в жестокости капитана? Он делал то, чего от него ожидал Джемсон. А Джемсон в донесении верховному комиссару Лоху, в тот же день, сообщил, что ндебелы первыми обстреляли конников Ленди.

В информации же директорам компании Джемсон, в сущности, прямо предлагал начать войну: «Три года переговоров привели лишь к тому, что матебелы стали чаще вторгаться в наши владения». А о своих действиях гордо докладывал: «Я приказал им немедленно убратся к себе, дав небольшой промежуток времени для исполнения, и заявил, что прогоню их, если они не уйдут сами».

В отчете министерству колоний верховный комиссар Лох целиком поддержал компанию и оправдал действия Джемсона.

Решающее слово было за Родсом. Он отдал приказ. Правда, не прямо. На запрос Джемсона он телеграфировал: «Читайте От Луки XIV, 31». Раскрыв на указанном месте Новый Завет, Джемсон прочитал: «Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противустать идущему на него с двадцатью тысячами». Иначе говоря, Родс спрашивал: хватит ли сил? Джемсон ответил телеграммой: «Я прочел От Луки. Все в порядке».

Это означало войну. Но надо было провести последние военные приготовления и подготовить общественное мнение Англии.

ПОЧЕМУ ВАШИ ЛЮДИ УБИВАЮТ МОИХ ЛЮДЕЙ?

Для создания ажиотажа Джемсон непрерывно сообщал в печать о приготовлениях ндебелов и приближении их сил к фортам компании, об их нападениях на шонов и даже на европейцев. Правда, каждое из этих известий оказывалось вымыслом. Разведывательные патрули, посланные в указанные

местности, не обнаруживали там воинов. Но все равно число таких сообщений росло, и у рядового англичанина должно было создаться впечатление, что ндебелы действительно хотят напасть.

В палате общин Э. Ашмед-Бартлетт, депутат промышленников Шеффилда, вопрошал:

— Почему, наконец, правительство не дает «Привилегированной компании» свободы рук, чтобы покончить с атакой матебелов?

Такие настроения дали английскому правительству возможность делать вид, будто оно вынуждено — вопреки своему миролюбию — идти навстречу общественному мнению.

Без помощи правительства трудно было бы успешно провести войну, хотя Родс и заявлял, что его компания «не просит ничего и не хочет ничего». Помощь правительство дало, и вполне реальную. Английский военный отряд, стоявший в Бечуаналенде, уже в первой половине августа начал готовиться к участию в войне, и командир обсуждал с Джемсоном, как лучше объединить усилия «в случае начала военных действий».

Правительство Великобритании разрешило компании увеличить ее вооруженные силы. Премьер-министр Гладстон в палате общин при шумном одобрении многих депутатов огласил слова Родса, что компания может в короткий срок доставить в район фортов еще тысячу вооруженных конников. А партию ружей, уже закупленных Лобенгулой, британские власти задержали в Бечуаналенде.

Самым узким местом в войне были коммуникации. Очень уж трудно было организовать снабжение — через Кейптаун, Капскую колонию, бурские республики, пустыню Калахари. Поэтому Родс форсировал железнодорожное строительство. И желез-

ную дорогу с юга, от Кейптауна, и другую, более короткую — на восток, к Индийскому океану, к порту Бейра в португальской колонии Мозамбик. В сентябре первый участок дороги от Бейры протяженностью сто двадцать километров был наконец открыт. К этому времени и военные приготовления компании в основном завершились.

Каждому волонтеру компания обещала после войны по шесть тысяч акров земли под ферму, по пятнадцать — двадцать горнорудных и по пять аллювиальных участков. Были заранее поделены и общественные стада ндебелов: половина — компании, половина — волонтерам. При таких посулах трудно разве набрать войско? Почти все мужчины-европейцы, оказавшиеся в пределах «владений» компании, встали под ружье. Это составило тысячу отлично вооруженных всадников. Были у компании и пушки. И боеприпасов хватало. В качестве носильщиков и вообще для вспомогательных работ в ее войско были мобилизованы туземцы. В соседнем Бечуаналенде английские войска были приведены в боевую готовность, а вождь племени бамангватов Кама обязался выставить против ндебелов две-три тысячи воинов.

Лобенгула и его народ, конечно, знали об этих приготовлениях, если и не все, то, во всяком случае, достаточно много. Сразу же после расправы у форта Виктория часть ндебельского войска, находившаяся на северном берегу Замбези, была возвращена домой. Лобенгула приказал выставить сторожевые отряды на дорогах, ведущих в страну с юга. Английские газеты объявили это доказательством его агрессивности.

Лобенгула отказался брать денежные выплаты по «концессиям» Радда и Липперта — назвал их «кровавыми деньгами». Но даже Грэм Боуэр, имперский

секретарь Капской колонии, сообщал 17 августа 1893 года в официальном послании: «Лобенгула явно желает мира и делает, кажется, все от него зависящее, чтобы сдерживать свой народ и защитить европейцев, живущих в Булавайо».

Когда, готовясь к войне, английские власти предложили всем европейцам покинуть Булавайо, Лобенгула давал им провожатых и обеспечивал безопасность в пути. В письмах королеве Виктории и английским колониальным чиновникам он обвинял белых в вероломстве, отрицал существование «границы» и подчеркивал стремление к миру.

«Я спрашиваю Вас, по какой причине Ваши люди ссорятся с моими?.. Что они сделали, чтобы Ваши люди должны были напасть на них? Ведь если бы я послал их, чтобы сражаться, то они бы и сражались...

Ваши белые люди не хотят сказать правду. Они говорят так, чтобы оправдать убийство ндебелов. Сколько белых людей было убито?

Я спросил доктора Джемсона об этом, а также о том, что же дурного сделали мои люди, но он не ответил.

Может быть, они объяснили Вам, а Вы сможете объяснить мне?»

Так Лобенгула обращался к британскому комиссару Южной Африки. А королеве Виктории он писал 19 августа:

«Моим людям сказали, что белые купили эту страну и людей, которые там живут.

Ваше Величество, я хочу узнать у Вас: разве можно купить народ за какую бы то ни было цену?

Моему отряду было сказано, чтобы они оставили оружие, входя в лагерь. Их разоружение было умной уловкой, чтобы атаковать их. Далее, они ут-

верждали, что я не разрешаю им входить в мой крааль с оружием. Это так.

Но, Ваше Величество, можно мне спросить, кого я, разоружив, обманул, а затем убил?

Они также заявили, будто я провел между нами какую-то линию по рекам Шаши и Мнъяти, о которой я ничего не знаю. С кем я договорился о такой линии, которая запретит матебелам входить в Машоналенд? Почему Ваши люди убивают моих людей?»

Письмо королеве Виктории должен был передать верховный комиссар Лох. Он ответил Лобенгуле: «Великая королева не согласна, чтобы машонов убивали, а их детей уводили в рабство». Самое же письмо Лобенгулы Лох отправил в Лондон почтой, так что оно пришло туда только 24 октября, через два с лишним месяца, уже в самый разгар войны, тогда как неизмеримо менее важные документы посылались по телеграфу. Но такая необычная медлительность верховного комиссара отнюдь не вызывала протеста со стороны министра колоний. Тот в свою очередь подождал несколько недель, а затем написал Лоху, что в связи с изменившейся обстановкой вообще сомневается в «целесообразности ответа Лобенгуле от имени королевы».

Ндебелы решили отправить к «Белой королеве» еще одно посольство, во главе с Мчете, который уже побывал у нее тремя годами раньше. Посольство прибыло в Кейптаун 26 сентября. Один из сотрудников Сесила Родса предсказал, что верховный ни за что не пустит послов в Лондон, а дня через три отправит их обратно в Булавайо. Предсказание сбылось, послам пришлось вернуться несолоно хлебавши. Только продержали их в Кейптауне не три дня, а десять.

Но верхом лицемерия верховного комиссара стало такое послание министру колоний: «Я не могу не признать, что мир становится все более шатким. Лобенгула не шлет ответа на мое дружеское послание».

Современники считали, что у Сесила Родса и Генри Лоха не было особой симпатии друг к другу — не то что у Родса с предшественником Лоха, сэром Геркулесом Робинсоном. Может быть, так оно и было. Но Генри Лох все же действовал как положено и службу знал хорошо.

Вот так и делалось, чтобы не упустить удобного времени для войны. А время Родс и Джемсон выбрали удобное. Войско ндебелов было ослаблено неудачным походом на земли, лежащие к северу от Замбези, — лучшие отряды, шесть — восемь тысяч воинов, почти половина всей армии. К тому же эти войска попали в район эпидемии оспы, и Лобенгула задержал их на севере страны, боясь распространения страшной болезни. Угроза войны заставила Лобенгулу в сентябре досрочно снять карантин, но боеспособность этих дружин была подорвана.

Родс и Джемсон прекрасно знали все это от живших в Булавайо английских миссионеров, торговцев, охотников и золотоискателей. Больше того, с помощью этих людей — во всяком случае, некоторых из них — Джемсону удавалось до последней минуты дезориентировать Лобенгулу, создавать у него впечатление, что войны еще можно избежать. Охотник Коленбрэндер, тот самый, что в качестве переводчика ездил в Лондон с посольством ндебелов, теперь получал секретные инструкции непосредственно от Родса. Этому охотнику Лобенгула доверял, может быть, больше, чем другим белым. А Коленбрэндер, пообещав Лобенгуле привезти ору-

жие из Трансвааля, вместо этого поехал к Джемсону, дал ему всю информацию о состоянии войска ндебелов и с началом войны, хорошо зная местность, довел одну из английских колонн до Булавайо.

Как началась эта война или, вернее, то, что принято было называть войной?

И в Европе-то войны, как известно, далеко не всегда объявлялись. А тут, в глубине Африки, Родсу и в голову не пришло бы объявить войну каким-то «дикарям».

Двадцать четвертого сентября 1893 года верховный комиссар Лох просил Джемсона сообщить ему по телеграфу, «когда силы Компании, собирающиеся в фортах Чартер, Виктория и в любых других центрах, будут готовы к действиям».

Но чтобы отправить на помощь Родсу английские воинские части из Бечуаналенда, Лоху нужен был убедительный предлог. И, давая советы Джемсону, Лох написал ему 2 октября: «Однако, прежде чем я санкционирую наступление на Булавайо, должно стать очевидностью, что у матебелов враждебные намерения...»

После всего, что Джемсон уже сделал, ему не трудно было организовать и такую «очевидность». Уже через день, 4 октября, он сообщил Лоху, что, по данным разведки, недалеко от форта Виктория сосредоточились семь-восемь тысяч воинов-ндебелов. А 5 октября обнаружилось, что ндебелы обстреляли английский патруль...

Тогда же, 5 октября, отправив посольство Мчете обратно в Булавайо, верховный комиссар разрешил Джемсону «отогнать» ндебелов, а 6 октября попро-

сил у министра колоний санкции на увеличение английских сил, стоявших в Бечуаналенде.

Тут же использовался телеграф — не так, как с посланиями Лобенгулы, — и ответ от министра колоний пришел в тот же день. Он гласил: «Поскольку война началась... Вы вправе предпринимать те шаги, какие сочтете целесообразными». Министр разрешил комиссару расходовать боеприпасы, имевшиеся в английских колониях Южной Африки. В тот же день, 6 октября, Лох послал телеграмму Джону Моффету для передачи Лобенгуле. Но в этой нарочито туманной телеграмме не было ни слова о войне. К тому же неизвестно, была ли она вообще доставлена Лобенгуле.

А тем временем по направлению к Булавайо выступили две колонны. Из форта Виктория — более трехсот европейцев и с ними почти столько же африканцев. Из форта Солсбери — почти триста европейцев и триста африканцев. В форте Чартер наготове были еще почти четыреста человек. Из Бечуаналенда двигались две тысячи воинов-бамангватов во главе с Камой, старым врагом Лобенгулы. А в самом Бечуаналенде собралось пятьсот английских солдат и офицеров.

Как чувствовали себя в те дни пионеры Родса? Ведь не ему, а им предстояло увидеть направленные в их грудь копья ндебелов, взглянуть в глаза разъяренным воинам.

Правда, им не приходилось бояться пуль. Знали, что Лобенгула накопил уже целый склад ружей, но понимали, что в руках ндебелов это не такая уж угроза. Своим испытанным копьям они доверяли куда больше.

Вроде бы нелепо бояться копья человеку, стреляющему из ружья или орудия. Вроде бы так. Только

вот ведь — копье может отправить тебя к праотцам точно так же, как пуля или снаряд! Помнили, что наследный принц Франции, сын Наполеона, отправившись на войну с зулусами как на прогулку, погиб как раз от копья. Да и те полторы тысячи человек в битве у Изандлваны — тоже.

Вспоминались рассказы немногих оставшихся в живых участников той битвы: «Зулусы надвигались, как прилив, не останавливаясь ни на минуту, молча, пока не окружили наших со всех сторон. Тогда они с громким кличем бросились на лагерь, и через пять минут в живых не осталось ни одного человека».

Да, а ндебелы — это зулусы. Все в их войске зулусское. И оружие. И тактика. И мужество. Сами люди — их многотысячное войско — те же зулусы. Разве это не заставляло задуматься самых отчаянных, бесшабашных. Даже самые забубенные головы сверлила мысль: «Неужели Изандлвана повторится?»

Но была и тайная надежда. Как это часто бывало в истории, надежда на новое оружие. Какое? Ружья? Они были и при Изандлване. Пушки? Тоже были.

Нет, это было что-то совсем новое. О нем тогда и слышали-то не все, да и мощь его еще не была понастоящему испытана в боевых условиях.

«Максим» — пулемет, который потом пережил столько войн. Ему-то и суждено было пройти здесь одно из первых боевых испытаний. Американский инженер Хайрем Максим изобрел его еще в 1883 году, но мало тогда велось войн, где его можно было толком испробовать. Разве что стычки в Уганде в 1891-м. Но об этом мало кто знал...

К тому же огонь должны были открыть не один или два, а восемь пулеметов. И противник был тут достаточно многочисленный — тысячи живых мишеней.

Неправдоподобность повода к войне стала очевидна сразу. Продвигаясь вперед, колонны несколько дней не видели ни одного воина. «Отгонять» было некого. Но теперь о предлоге уже мало кто думал.

А Лобенгула, еще пытаясь избежать войны, послал новое посольство к «Белой королеве» — трех индун, среди них и своего брата. Лобенгула попросил английского торговца Джеймса Доусона сопровождать их в качестве переводчика. Посольство отправилось 16 октября и через день прибыло в ближайший поселок британского протектората Бечуаналенд.

И тут сразу же разыгралась комедия с трагическим концом. Доусон встретил старых знакомых и пошел с ними выпить, а в это время английский резидент, будто бы не зная, кто эти ндебелы, приказал их схватить.

Одного индуну убивают «при попытке к сопротивлению», второго — «при попытке к бегству». Правда, послание Лобенгулы все же передают верховному комиссару. Тот сообщает министру колоний: «Лобенгула прислал письмо, где отрицает, что его полки были пододвинуты к границам; предлагает дать возможность любому, кого я назначу, убедиться в этом; сообщает, что он слышит о наступлении белых людей, видит, что они хотят драться, и спрашивает, почему ему ничего не сказали об этом».

От себя верховный комиссар спокойно добавляет: «Я не думаю, что теперь есть какой-то смысл посылать ответ; колонны находятся вне досягаемости телеграфа, и, пока события не прояснятся, дальнейшие переговоры были бы бесполезными и даже вредными».

Резидент на севере Бечуаналенда, расправившись с посольством, на следующий же день дал сигнал к

выступлению. Колонна английских солдат и волонтеров двинулась на помощь «Привилегированной компании», захватывая по дороге скот, принадлежащий ндебелам. А колонны из фортов Виктория и Солсбери шли к Булавайо, также захватывая скот и сжигая поселки.

Первая крупная битва произошла 24 октября на реке Шангани. По английским оценкам, ндебелов было около пяти тысяч. Исход сражения представить легко, даже не зная фактов. Как писал потом английский поэт:

На любой ваш вопрос — наш ясный ответ:
У нас есть «максим», а у вас его нет.

Полутора десятилетиями раньше зулусские воины, хотя и ценой огромных потерь, все же добежали до английских позиций и навязали рукопашную схватку, где штык и копье оказались почти равноправны.

А ндебелы? В последний раз поприветствовав своего инкоси традиционным зулусским кличем «Байете!», они, не колеблясь, отправились навстречу врагу, а когда дело дошло до битвы, двинулись таким же грозным приливом, как зулусы. Но вдруг — пулеметный огонь. Это не ружейные пули, даже не снаряды. Тогда хоть кто-то, хоть каждый второй, третий, четвертый, все-таки добежал до противника. А тут огонь косил всех, никому не давал пощады. Сотни воинов полегли сразу. Остальные даже не могли понять, что происходит.

Один из индун рассказал потом о действии пулеметного огня:

— Я вел своих воинов и вдруг увидел, что они падают, как скошенный маис.

Несмотря на пулеметный огонь, сражались они храбро. Их первая атака была отбита только через

двадцать минут. По подсчетам англичан, было убито и ранено около пятисот воинов.

Сами англичане потеряли лишь несколько человек, но потери «туземного легиона» оказались значительными.

Вторая крупная битва произошла 1 ноября на реке Бембеси, в сорока восьми километрах от Булавайо. Англичан атаквали семь полков: пять — семь тысяч воинов. Бой продолжался два часа. Ндебелы потеряли около тысячи человек. Два полка были перебиты почти поголовно.

Третья битва — 2 ноября, на реке Рамаквабане. Ндебелы атаквали колонну английских правительственных войск, шедшую из Бечуаналенда, и войско вождя Камы. Схватка длилась три с половиной часа. В особенно опасные моменты англичане выводили своих солдат из-под ударов, заменяя их отрядами Камы. Пулеметный огонь и тут сделал свое дело, но воины Камы все же понесли большие потери и, возмущившись ролью, которую им навязали англичане, вернулись обратно в Бечуаналенд.

Четвертого ноября отряды «Привилегированной компании» заняли Булавайо. Вернее, то место, где была столица ндебелов, так как, уходя, жители ее сожгли. Победителей встретили только два английских торговца, у которых «кровожадные» ндебелы не тронули и волоска на голове.

...Сколько раз Родс передавал Лобенгуле о желании встретиться с ним! И сколько раз Лобенгула требовал этой встречи, выведенный из себя бесконечными обманами посланцев Родса. Встреча так и не состоялась.

Теперь Родс выезжал на завоеванные земли самым безопасным путем — с востока, через мозамбикский порт Бейра.

А Лобенгула и остатки его войск, покинув Булавайо, шли на север, в сторону великой реки Замбези. Дорога была тяжелой. Изматывала труднопроходимая безлюдная местность. И еще больше — сознание безысходности. Каково было отчаяние несчастных людей? Они решили, что боги и духи предков отступились от них, что и к ним пришло время,

Когда зарыдала страна под немилостью Божьей

Джемсон через воинов-ндебелов отправил Лобенгуле письмо, требуя сдаться и грозя послать погоню. Лобенгула сразу же ответил. Напомнил, что все его гонцы к англичанам пропадали бесследно. Пусть ему покажут этих посланцев живыми — и он согласится идти к англичанам сам.

Затем он все же направил к Джемсону своего сына Ньяманду и еще одного гонца. Через них общался — устно, потому что секретарей-европейцев у него уже не было, — что признает свое поражение и просит дать его народу возможность уйти на север. Он вручил этим гонцам все золото, которое у него было, и сказал, что это единственное, чем можно откупиться от белых людей. Такую славу белые получили в Африке.

Кому поклоняются наши вожди?

Кому поклоняются наши вожди?

Предкам, предкам

Кому поклоняются европейцы?

Кому поклоняются европейцы?

Деньгам, деньгам

Но по дороге двое белых, которых послы стали расспрашивать, как найти Джемсона, украли золото. А потом представители «Привилегированной компании» отказались вести переговоры под предлогом,

что у гонцов не оказалось с собой никакого письма или письменного документа. Так была сорвана последняя попытка Лобенгулы достичь мира.

Джемсон отправил за Лобенгулой погоню — триста человек с четырьмя пулеметами и пушкой. Тридцать пять из них — отряд майора Вильсона — напали на след Лобенгулы. Встречая группы уходящих ндебелов, Вильсон убеждал их, что едет с мирными предложениями. Но, нагнав повозку инкоси, потребовал, чтобы все, кто там был, немедленно сдались. Кажется, Лобенгулы в повозке в это время не было. Ндебелы, поняв намерения англичан, перебили их всех.

В Англии гибель Вильсона и его людей сразу же обросла легендой. В газетах писали, что в момент гибели они пели «Боже, храни королеву!». В театрах поставили трагедию «Последний бой Вильсона».

Лобенгулу так и не догнали. Вскоре, в январе 1894-го, он умер. По прошествии нескольких недель руководство «Привилегированной компании» сообщило, ссылаясь на сопровождавших Лобенгулу индун, что он умер от оспы. Но поговаривали, что он вообще не болел этой болезнью, а покончил с собой вместе с одним из ближайших сподвижников.

Обстоятельства последних недель жизни Лобенгулы до сих пор покрыты тайной. Ни причина, ни дата, ни место его гибели точно не известны. А среди ндебелов еще долгие годы не умирала молва, что он жив, вот-вот объявится и поведет свой народ против англичан.

У одного из африканских народов была песня:

День угасает
Мы во мгле бредем
А может быть, свет
Мы опять найдем?

Гибель Лобенгулы оказалась выгодна Родсу. Сразу же было сделано все, чтобы власть инкоси, объединившая ндебелов, больше не возродилась. Родс увез в Капскую колонию трех сыновей Лобенгулы, в том числе Ньюбе, считавшегося преемником отца. Индуны стали один за другим сдаваться. Последние — в апреле 1894-го.

РЕЗОНАНС

Нельзя сказать, что английская пресса уделяла войне мало внимания. Наоборот. Но почти все в одном тоне, в одной краске, на одной ноте. Статья Райдера Хаггарда в «Пелл-мелл гезетт» — «сломить кровавую, отвратительную тиранию и продвинуть вперед дело цивилизации в Африке». Статья в «Таймсе» — «разгром военной системы матебелов будет для них самих почти столь же благословенным, как и для поработанных ими народов».

Сражения, выигранные пулеметным огнем, печать называла грандиозными. Джемсона объявили полководцем. Газеты и журналы несколько месяцев публиковали портреты и биографии «героев» войны.

Особое внимание привлекали заявления самого Родса. Он был, как известно, не так уж многословен, но на торжественном банкете у мэра Кейптауна все же высказался:

— История не знает войны, проведенной со столь малыми затратами денег и человеческих жизней и в то же время столь гуманно.

Такие заявления прибавляли Родсу популярности. Потери его войск и правда были невелики. «Привилегированной компании» расходы на войну стоили 113,5 тысячи фунтов. Такая «дешевизна» нрави-

лась английскому обывателю. От него старались скрыть, что на эту войну брали деньги и из его кармана: ведь в войне участвовали не только пионеры, но и части английской армии.

Эта война Сесила Родса была типичной для эпохи раздела мира. Отличалась, пожалуй, лишь тем, насколько умело была подготовлена и четко проведена. Голоса одобрения Родс слышал даже в стане соперников Англии — французов. В его войне увидели пример для подражания.

Французский публицист Пьер Леруа-Болье сформулировал это особенно ясно: «Сесил Родс вызвал войну с матебеле исключительно с целью отнять у них землю. Но ведь, в конце концов, он разрабатывает эти страны, из которых их прежние владельцы ничего не извлекали; он сам наживается при этом, но и страна также наживается; все труды и весь риск, сопряженные с началом всякой колонизации, падают на долю его «Привилегированной компании», в то время как британская монархия получит эти земли тогда, когда туда уже проникнет цивилизация и возродится спокойствие».

Но в этот хор славословий Родсу врезались и нотки диссонанса. В 1894 году в Кембридже появилась брошюра-памфлет под названием «Матебелелендский скандал и его последствия». Сколько гневных обвинений бросает автор своему народу и правительству! А Лобенгулу сравнивает с вождями племен Британии и Галлии, героями сопротивления римскому завоеванию.

«Британский лев, привыкший к вкусу крови, возвратился на кровавый пир, как всегда, под маской самой высшей благотворительности... Если любая другая европейская держава рискнет аннексировать какую-либо территорию в Азии, Африке или Океании, британская публика разразится взрывом пла-

менного негодования: Великобритания одна имеет право на вторжение, конфискации и аннексии... Метод создания привилегированных компаний — искусный метод; их роль — заглушить шум, неизбежный при совершении преступления. Как может компания иметь совесть, когда она не имеет ни души, ни зада, по которому можно было бы поддать ногой?..

Идея истребления так называемых низших рас ради захвата их земли и золота не является новой идеей, плодом творческого гения мистера Родса..

Британская матрона, читая за завтраком свою газету, заметит, что еще две тысячи дикарей убиты. «Горнорудные акции поднялись на десять процентов», — отпаривает Отец Семейства».

Автор прекрасно понимал, что на широкий отклик в общественном мнении он рассчитывать не может. «...Мой памфлет исчезнет, чего он и заслуживает. Но один или два экземпляра, может быть, сохранятся в библиотеке Британского музея и в двух больших университетах и увековечат тот факт, что в 1894 году было несколько голосов, вопиющих в пустыне, чтобы разоблачить преступление, хотя оно и было совершено их соотечественниками».

Автор брошюры назвал себя: «Тот, кто, во-первых, помнит о наказании, которое понес Каин за убийство своего брата, и, во-вторых, оберегает честь Британии».

Члены британской Социал-демократической федерации в своем еженедельнике «Джастис» писали: «Британская нация еще раз вынуждена помогать банде грабителей-авантюристов отнимать у туземного населения его земли и свободу». «Если мы не хотим, чтобы слово «англичанин» стало символом современного разбоя, мы должны требовать от правительства немедленного вмешательства».

Группа радикалов во главе с членом палаты общин

Генри Лабушером тоже выступила публично, в печати и в парламенте. Лабушер в журнале «Трут» и в газете «Дейли кроникл» называл ту войну «страшным рекордом разнузданного грабежа», «Привилегированную компанию» — бандой грабителей, а ее войска — бандитами, убийцами, мародерами, подонками.

Лабушер требовал от правительства расследовать преступления этой войны. Другой депутат парламента, радикал Паул, приводил циничные заявления представителей «Привилегированной компании» и требовал, чтобы правительство высказало свое отношение к ним. Депутат А. Мортон сделал в палате общин запрос:

— Одобряет ли правительство убийство трех тысяч или даже хотя бы пятисот человек с целью грабежа и захвата их земель?

Среди англичан в Южной Африке раздался призыв создать отряды добровольцев для борьбы на стороне ндебелов. Еженедельник «Джастис» немедленно поздравил южноафриканскую профсоюзную организацию с тем, что она «оказалась достаточно смелой, чтобы начать агитацию за набор добровольцев для помощи матебелам в их неравной борьбе за свободу». Социал-демократы понимали, что создать такие добровольческие отряды в то время было практически невозможно, но само «это прекрасное начинание» считали исключительно важным и нужным для дела воспитания английских рабочих. Зато печать, стоявшая за Родса, сообщала об идее помощи ндебелам с негодованием. В «Пелл-мелл гезетт» вице-председатель профсоюза рабочих Йоханнесбурга, выступивший с этим призывом, был назван «свихнувшимся малым».

Голоса протеста против этой войны оказались столь настойчивыми, что правительству Великобритании пришлось провести расследование ее причин.

Но расследовался только один факт: кто стрелял первым в июле 1893-го, когда Джемсон заявил о нарушении «границы» и послал капитана Ленди вдогонку уходящим ндебелам. Да и это расследование проводилось в середине 1894-го, через год после самого события, когда участники помнили далеко не все, а многих и не удалось найти.

Правда, привлечены были и сведения, появившиеся в печати раньше. Например, письмо солдата из отряда Ленди: «Это было вроде охоты на оленей. Бедняги бросились бежать, а мы неслись за ними галопом и стреляли почти в упор. Я думаю, что каждый из них получил не меньше четырех-пяти пуль». Или письмо миссионера о том, что Ленди открыл огонь по мирно двигавшемуся арьергарду ндебелов, расстреливал их в упор, с расстояния пять-шесть ярдов, и «не давал пощады».

Те, кого удалось разыскать и кто пожелал давать показания, обычно говорили: «Как только мы их увидели, капитан Ленди приказал открыть огонь, матебелы же не стреляли вообще».

Проводивший расследование английский чиновник Ньютон решил опровергнуть утверждение, что Ленди «не давал пощады» ндебелам. Но аргументировал весьма странно: привел кучу свидетельств, что ндебелы вообще никогда и ни у кого не просили пощады. Материалы расследования явно обличали «Привилегированную компанию». Но это ничуть не помешало министру колоний сделать вывод: «Мне доставило истинное удовлетворение обнаружить, что результаты столь тщательного и беспристрастного расследования целиком сняли с доктора Джемсона и всех чиновников «Британской южноафриканской привилегированной компании» тяжкие обвинения, которые им предъявлялись в связи с этими событиями».

Ндебелы разгромлены, Лобенгулы нет. Открыт путь к осуществлению других замыслов.

Родс разменял пятый десяток, ему идет сорок первый. Потом, на закате, оглядывая путь, он, наверно, видел свой звездный час в 1894-м и 1895-м. Сколько нитей в его руках! Какие там нити — канаты! Глава алмазной «Де Бирс» и золотопромышленной «Голд филдс», хозяин «Привилегированной компании» и ее громадных территорий. С 1895-го утвердилось слово «Родезия». С 1890-го — премьер-министр Капской колонии, а с начала 1895-го наряду с высшими чиновниками Британской империи вошел в Тайный королевский совет.

Родс постепенно распространял границы своей империи на страны к северу от Замбези. Сумел навязать договор Леванике, правителю большого народа баротсе. Левобережье Замбези стали именовать Северо-Восточной Родезией. Продвигаясь дальше к Великим африканским озерам, эмиссары Родса объявили и о создании третьей Родезии — Северо-Западной. Правда, сколько-нибудь реальная власть

«Привилегированной компании» не была там установлена еще несколько лет, да и на заре XX века не произошло ничего подобного «освоению» земель ндебелов и шонов, но на карте появились еще две Родезии (в одну — Северную — они были объединены в 1911-м).

Пытался Родс захватить и Катангу (еще тогда подозревали, что она очень богата полезными ископаемыми). Но бельгийский король Леопольд II, используя сложности «большой» европейской политики, сумел не пустить Родса туда. В установлении же границ между владениями «Привилегированной компании» и португальским Мозамбиком дело доходило до вооруженных схваток.

Еще дальше к северу обширная область возле озера Ньяса — в наше время это Республика Малави — стала при участии Родса британским протекторатом Ньясаленд. Пост администратора «Привилегированной компании» в Северной Родезии и пост правительственного администратора британского протектората Ньясаленд в первой половине девяностых совмещал один и тот же человек — Гарри Джонстон.

Как премьер-министр Капской колонии Родс «присоединил» к этой колонии земли тсванов на северо-западе и земли народов пондо и тонга на востоке.

Историки подсчитали, что он добавил к Британской империи два с половиной миллиарда квадратных километров. Он распоряжался судьбами миллионов людей и устанавливал порядки на землях, во много раз превосходящих по площади его родину, Великобританию.

Казалось, попутный ветер дует ему в спину. В Англии с 1894-го стоял у власти кабинет лорда Роз-

бери, который не только сочувствовал политике Родса, но и лично к нему относился с нескрываемой симпатией. В 1895-м этот кабинет пал, и к власти снова пришел Солсбери. Для Родса это было переменой от хорошего к лучшему. В правительстве Солсбери самой влиятельной фигурой стал «колониальный Джо» — министр колоний Джозеф Чемберлен. Когда-то он относился к Родсу с недоверием, но те времена прошли. Став министром, он написал Родсу: «Поскольку я понял главную линию Вашей политики, я уверен, что в общем согласен с Вами, и если у нас и остаются разногласия в деталях, то, полагаю, мы поймем друг друга и придем к единому мнению». Это было сказано по конкретному поводу, но вполне может быть отнесено и к взаимоотношениям этих политиков в целом.

Солсбери и Чемберлен отзывали из Кейптауна лорда Лоха, и верховным комиссаром Южной Африки снова стал Геркулес Робинсон, а он был готов слушаться мановения пальца Сесиля Родса.

НА РОДИНЕ

Для промышленников, купцов и финансистов Сесил Родс — надежда и путеводная звезда.

С 1880-х товары Великобритании, привыкшей быть «мастерской мира», встречают все большую конкуренцию немецкой промышленности. Правительству пришлось создать комиссию для выяснения помех на пути заморской торговли. Бирмингемские купцы, представ перед комиссией 28 октября 1885 года, жаловались, что их «губит иностранная конкуренция». Их жалобами полны пять объемистых «Синих книг».

Отсюда и такая тяга к колониям. В середине столетия Пальмерстон говорил, что джентльмену не обязательно владеть всеми трактирами по дороге от города до усадьбы, иными словами, Англии не обязательно владеть странами на пути к ее основному заморскому владению — Индии. Теперь, в конце века, все популярнее прямо противоположная идея. Теперь говорят: «Торговля следует за флагом». Твоя торговля ограждена только в тех странах, над которыми развевается твое знамя.

Поиски рынков в колониях — к этому пришли бирмингемские промышленники во главе с Чемберленом. Туда же обратили свои взгляды купцы, фабриканты и банкиры Лондона, Манчестера, Шеффилда. На этих чувствах играл Стенли, когда заявил в речи перед Манчестерской торговой палатой в 1884 году:

«На Конго живут сорок миллионов человек, и ткачи Манчестера только и ждут, чтобы одеть их. Плавильные печи Бирмингема рдеют раскаленным металлом, из которого можно сделать для них железную утварь и безделушки для украшения их темных тел, а посланники Христа жаждут обратить их, бедных темных язычников, в Христову веру».

Распалать воображение промышленников умели и другие журналисты. В книге «Прогулка в страну черных» Э. Берит писал: «Арабский шейх ест плов ложкой, сделанной в Бирмингеме. Египетский паша пьет шербет из кубка бирмингемской чеканки, освещает гарем хрустальным бирмингемским канделябром и прибывает на нос лодки бирмингемские украшения... Краснокожий охотится и воюет с бирмингемской винтовкой в руках. Богатый индус украшает салон бирмингемским хрусталем. В пампасы Бирмингем посылает для диких наездников шпоры, стре-

мена, а для украшения бархатных штанов — блестящие пуговицы. Неграм в колониях под тропиками он шлет топоры, сечки и прессы для сахарного тростника... На жестянках, в которых хранится консервированная зелень и прессованное мясо — запасы австралийского старателя, — выбито имя бирмингемского фабриканта».

И тут — планы Родса о постройке железной дороги от Кейптауна до Каира! Тэлеграфная линия через весь континент! Тысячи миль рельсов, проволока, которой можно опоясать весь земной шар, миллионы гвоздей, океаны смолы. Продукты и товары для строителей... Как тут не загореться глазам? И не только у англичан. Американский консул в Кейптауне доносил правительству: «Наплыв иммигрантов в результате оккупации районов Замбези скоро откроет обширный рынок нашим машинам для промышленности, сельского хозяйства и горного дела; и туземные народы... чьи потребности скоро возрастут благодаря общению с белой расой, увеличат в громадной степени объем торговли, в которой, я надеюсь, Соединенные Штаты получат большую долю».

И все это накрепко связано с одним именем — Сесил Родс. Родс не раз в своей жизни начинал войны, но все же любил повторять:

— Рельсы дешевле пуль, а достигают дальше.

Захватывала воображение масштабность самого замысла Кейптаун — Каир, обширнейшего из всех когда-либо возникших в Европе планов завоевания Африки.

Кто только не мечтал опоясать Африку кольцом своих владений! Французы, немцы, португальцы. Франция хотела надеть свой обруч на Африку от Сенегала на западе до побережья Красного моря на

востоке. Германия — пониже, от Германской Восточной Африки до Германской Юго-Западной Африки. Португалия — от Анголы до Мозамбика.

Британский натиск по вертикали Кейптаун — Каир проламывал все эти три горизонтальных обруча. В конечном счете только он и осуществился. И хоть не очень долго, но было время, когда всю Африку с юга на север прорезала сплошная полоса британских колоний и полуколоний.

Журналист Эдвин Арнольд еще в 1876 году выпустил брошюру, где выдвинул идею Кейптаун — Каир. Инженер Джеймс Сиврайт тогда же доказывал необходимость создания телеграфа по всей этой линии.

Уильям Гладстон в 1877 году писал: «Наше первое приобретение в Египте будет, несомненно, зародышем нашей североафриканской империи. Она будет расти и расти... пока мы не соединим руки через экватор с Наталем и Капской колонией».

А в конце следующего десятилетия Гарри Джонстон, один из «строителей империи», уже обнадеживал почтенных читателей «Таймса»: если правительство решится более энергично действовать в лежащей на линии Кейптаун — Каир области Великих африканских озер, то «наши владения в Южной Африке в один прекрасный день, вероятно, сомкнутся длинной цепью британских владений с нашей сферой влияния в Восточной Африке и Египетском Судане».

Да и премьер-министру Солсбери эта идея была по душе. Статья Джонстона в «Таймсе» получила его личное одобрение.

Но, как говорил Анатоль Франс: «идея принадлежит не тому, кто ее первый высказал, а тому, кто сумел связать ее со своим именем».

Родс не писал ни книг, ни брошюр, ни даже статей в газетах и журналах. Пропагандой его идей в печати занимались другие. Весной 1889 года в лондонском журнале «Фортнайтли ревью» появилась статья Чарлза Меткафа. Там говорилось, что железнодорожный путь должен «в конце концов соединить Кап с Каиром и принести цивилизацию в сердце Черного континента». Меткаф писал уже не «вообще», а с конкретным знанием дела. Он в это время начал строить железную дорогу от алмазных копей на север, в глубь материка. Строил ее по заданию Родса.

С обсуждения идеи Кейптаун — Каир началось знакомство Родса с лордом Солсбери. Весной 1889 года Родс встретился с Гарри Джонстоном, который добивался расширения английских владений в области Великих африканских озер. Встретились они на обеде у Джона Вершойла, тогда заместителя редактора журнала «Фортнайтли ревью». Обсудили идею Кейптаун — Каир, и Джонстон открыл Родсу, что Солсбери поддерживает ее. На это Родс ответил:

— Повидайтесь как можно скорее с лордом Солсбери, расскажите ему обо мне, назовите лорда Ротшильда как человека, который за меня ручается... Скажите, что если утверждение нашего влияния в области между Замбези и верховьями Нила задерживается только из-за денег, то деньги я найду.

Он сразу же дал Джонстону чек на две тысячи фунтов и пообещал, что будет давать правительству по десять тысяч в год на расходы по управлению этой областью. Но поставил условие — чтобы его компании была дана королевская хартия.

Вскоре состоялась встреча Родса с Солсбери. Премьер одобрил предложение Родса — и началось

сотрудничество этих трех политиков. Журналист Вершойл тоже оказался надолго связан с Родсом. В 1900 году он (под псевдонимом Виндекс) издал том речей и выступлений Родса.

Родс подходил к идее Кейптаун — Каир весьма практически, пользовался каждой возможностью, чтобы продлить полосу английских владений, проложить новые километры рельсов и поставить новые столбы для телеграфного кабеля.

Протянем же кабель (взять!)
От Оркнейя до Горна и звезд,
Вокруг всей планеты (с петлею,
чтоб мир захлестнуть),
Вокруг всей планеты (с узлами,
чтоб мир затянуть)...

Родс накрепко связал идею Кейптаун — Каир со своим именем. При его жизни на всем пути Кейптаун — Каир осталась только одна не захваченная англичанами страна — Германская Восточная Африка (над нею или, вернее, над большей ее частью «Юнион Джек» был поднят лишь в 1918 году).

Он делал все что мог для захвата на этом пути стран, которые в Британской империи стали называться Бечуаналендом, Южной Родезией, Северной Родезией, Ньясалендом, Угандой. В 1893-м побывал в Каире, посмотрел с северной стороны на желанную полосу Кейптаун — Каир. Пообещал, а затем и оказал там всемерную поддержку генералу Китченеру, командовавшему английскими войсками.

В вопросе о железной дороге и телеграфе Родс тоже не ограничился разговорами. Телеграф тянуть было легче, но и рельсы к концу 1894-го уже достигли Мафекинга, дошли почти до самой Родезии.

Так что Родс не только пробуждал надежды английских промышленников, купцов и финансистов. Он и оправдывал эти надежды.

За вечный помол столетий,
За прибыль твою и мою,
За ссудные банки наши,
За флот наш торговый пью!

Идея объединения всей Южной Африки под британским флагом тоже появилась задолго до Родса, еще во времена, когда буры, уйдя с захваченных англичанами земель, создали за рекой Вааль Южно-Африканскую Республику (в просторечии — Трансвааль) и на реке Оранжевая — Оранжевое свободное государство. Стоило появиться этим бурским республикам, как английские власти начали попытки «объединить» их с Капской колонией и Наталем в Южноафриканскую федерацию.

Осуществить этот план пытались многие британские политики. Среди них был и лорд Карнарвон (может быть, потому-то Родс и выбрал его когда-то своим душеприказчиком). Этот план сулил британскому капиталу немало выгод: дальнейшее развитие горного дела, резкий толчок росту городов, портов и всего, что теперь именуется инфраструктурой. И непрерывный приток дешевой рабочей силы.

Этот план тоже в конечном счете оказался связан не с Карнарвоном и не с кем-либо еще, а с Родсом.

Идея раздела мира могла тогда ассоциироваться со многими именами. Но Родс был откровеннее других. «Мир почти весь поделен, а то, что от него осталось, сейчас делится, завоевывается и колонизируется. Как жаль, что мы не можем добраться до звезд, сияющих над нами ночью в небе! Я бы аннексировал планеты, если бы смог; я часто думаю об этом.

Мне грустно видеть их такими ясными и вместе с тем такими далекими». Не многие решились бы написать такое, даже из тех, кто думал так же, как он. Он — решился. И сумел воплотить в дела. Его слова не остались только призывами, брошенными с ораторской трибуны, выкриками в прокуренном воздухе «патриотических сходов» или бесконечными обсуждениями и согласованиями в тиши зашторенных министерских кабинетов.

Ну, а скольких людей из самых разных классов Родс приводил в восторг своими социальными идеями. Он любил повторять, что захват колоний больше всего нужен простым людям его отечества. Нужен для того, чтобы избыточное население Великобритании нашло применение своим силам.

— Я был вчера в лондонском Ист-Энде и посетил собрание безработных. Услышав там душераздирающие речи, которые были сплошным криком: Хлеба! Хлеба! — я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея — решение социального вопроса, а именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами.

Высказывая то, о чем уже думали многие, Родс выражал это резче, ярче, понятнее. Он шел в ногу со временем, и некоторым казалось, что он сам определяет время.

Десятки миллионов людей в Англии и во многих других европейских странах всерьез подумывали о том, чтобы покинуть родные края, навсегда проститься с Европой. Многие из них это действительно сделали. С 1881 по 1915 год из Европы эмигрировал 31 миллион человек — почти по миллиону в год. Скольким из них, наверно, были по душе призывы Родса о заселении далеких земель!

Родс обращался к ним, когда говорил:

— Любой мастеровой должен осознать, что, пока он не овладеет мировыми рынками, он будет жить впроголодь... Рабочий должен понять, что, если он хочет жить, он должен держать в своих руках мир и мировую торговлю и что он — конченный человек, если даст миру выскользнуть из своих рук.

Так он приучал простого человека к мысли, что идея «расширение — это все» нужна ему, простому человеку. И не без успеха. На патриотизме спекулировало бесчисленное множество политиков во все исторические эпохи, но редко кому удавалось преуспеть в этом так, как Родсу. На собрания пайщиков его «Привилегированной компании» собирались тысячи людей, и, хотя он не давал дивидендов и даже не обещал их в близком будущем, ему устраивали бешеные овации. И все из-за блестящего умения использовать крайне патриотические чувства. Этому поддавались и богачи, и рабочие, и люмпены.

Да и так ли уж трудно было Родсу заставлять англичан верить в цивилизаторскую миссию Британской империи? Ведь даже Ганди, индеец, в начале нашего столетия верил, что эта империя несет благо всему миру.

Родс стал кумиром лондонской улицы. Увидев его мешковатую фигуру, лавочники, кэбмены, владель-

цы омнибусов, рабочие и солдаты громко его приветствовали.

К нуворишам в викторианской Англии относились с оттенком брезгливости. Это не Америка. А ведь Родс был именно нуворишем. И все же ему удалось не только завязать связи в аристократических сферах, но и добиться буквально поклонения. Королевская семья источала ему благоволение, герцогини пытались обратить на себя его внимание.

Разговоры Родса с королевой Викторией выглядели так:

— Что вы делали, мистер Родс, с тех пор, как мы виделись последний раз?

— Я добавил две провинции к владениям Вашего Величества.

— Как бы я хотела, чтобы так же поступали некоторые из моих министров, а то они, напротив, умудряются терять мои провинции.

Когда он приезжал в Лондон — а каждое его появление в Лондоне, по словам Марка Твена, привлекало «такое же внимание, как затмение солнца», — на обеды в его честь собиралась вся английская знать.

Лорд Солсбери, политик, казалось бы, давно разучившийся чему-нибудь удивляться, с изумлением писал королеве Виктории об обеде в семье ее внучки, герцогини Файф. «Странный обед состоялся у Файфа в честь прибытия Родса. Принц Уэльский сидел между Гладстоном и Солсбери, Файф — между лордом Хартингтоном и лордом Гренвиллем».

Да и королева Виктория давала обед в честь Родса. В газетах писали, что «деятели политики и общества, которые годами не встречались, собирались вместе за королевским столом», когда Родс был «гостем вечера».

Популярность Родса в британском обществе — от рядовых обывателей до высшего света — в большой мере объясняется его фанатичной верой в «пионерский и колонизаторский гений британской расы».

Тогда, на закате прошлого столетия, европейские державы все шире использовали пропаганду, науку, университеты и школы для воспитания национализма и шовинизма. Старший современник Родса — Салтыков-Щедрин — говорил о своей стране, но его слова верны для всех стран и едва ли не для всех эпох: «Человек и без того уже склонен воспитывать в себе чувство национальности более, нежели всякое другое, следовательно, разжигать в нем это чувство выше той меры, которую он признает добровольно, будучи предоставлен самому себе, значит уже действовать не на патриотизм его, а на темное чувство исключительности и особничества».

Подобные трезвые голоса раздавались, разумеется, и в Англии. Мудрый и ироничный Джером Джером писал:

«Многие уверены, что все счастье людей — в пространстве, то есть чем обширнее страна, тем лучше в ней жить. Воображают, что самый счастливый француз не может равняться с самым неудачливым англичанином, потому что Англия обладает гораздо большим количеством квадратных миль, чем Франция. А каким жалким по этой теории должен чувствовать себя в сравнении, например, с русским мужиком швейцарский крестьянин, глядя на карту Европейской и Азиатской России!..

Счастливые жители Лондона в холодные туманные дни могут согреваться мыслью, что в Британской империи никогда не заходит солнце. Сам лондонец видит солнце очень редко, но это не мешает ему считать себя одним из собственников солнца, так как

он знает, что оно начинается и заканчивает свой день все в той же Британской империи, составляя, так сказать, ее особую принадлежность...»

К сожалению, во времена Сесила Родса и Джерома Джерома, как и во многие другие периоды истории человечества, такие воззрения не были в моде. Это прекрасно понимал тогда и сам Джером Джером. Он грустно заметил: «Знаю, что мои взгляды считаются еретическими».

Читая тогдашние английские газеты и журналы, невольно вспоминаешь известный рассказ Вольтера. Когда сатрап только еще открывал рот, наперсник восклицал: «Он будет прав». Таким сатрапом и выглядел в те годы Сесил Родс.

Так было в Англии.

А В АФРИКЕ?

Легко себе представить, что Родса поддерживали многие или даже большинство выходцев из Англии. Из их числа Родс вербовал пионеров и волонтеров, административный аппарат колоний, среди них распределял акции, их призывал участвовать в своих замыслах и получать долю в барышах.

Но как это ни поразительно, премьер-министром Капской колонии в 1880 году его сделали буры, их партия «Африканер бонд».

Он привлек буров прежде всего своими мерами по развитию фермерского хозяйства. Он открывал им перспективы обогащения, показывал, как сделать патриархальное хозяйство прибыльным. Для улучшения производства фруктов приглашал экспертов из Калифорнии. Из Америки же выписал птиц, которые спасали урожай цитрусовых от насекомых.

После поездки к султану в Стамбул в 1894-м приказал привезти из Оттоманской Порты ангорских коз. Разъяснял, что развитие промышленности и железнодорожное строительство содействуют торговле продуктами сельского хозяйства. Убеждал буров в том, что английская экспансия в глубь материка тоже послужит их выгоде.

Умело используя растущие буржуазные настроения в среде капских буров, Родс вбивал клин между ними и патриархальным Трансваалем. Крюгер старался ослабить английское влияние и потому всячески мешал торговле с Капской колонией. В 1894-м была завершена постройка железной дороги от Трансвааля к заливу Делагоа на мозамбикском побережье Индийского океана. Она строилась с помощью немцев вопреки желаниям Родса, и все его попытки купить ее Крюгер отвергал. С открытием этой дороги Трансвааль ослабил свою независимость от Капской колонии, и Крюгер сразу же поднял тарифы на капско-трансваальской границе. Это вызвало возмущение многих капских буров и подтолкнуло их к сближению с Родсом.

Стараясь привязать капских буров к Британской империи, Родс в 1894 году отправил Хофмейера, лидера «Африканер бонд», в Оттаву, представлять Капскую колонию на конференции стран Британской империи.

Родс подкупал бурскую прессу и раздавал акции своих компаний бурским политикам Капской колонии.

Стремясь иметь правительство, принимающее без излишних словопрений точку зрения своего премьера, Родс нередко легче находил общий язык с бурскими членами кабинета, чем с либералами из среды соотечественников.

Камнем преткновения была «туземная политика».

В Капской колонии получить право голоса на выборах мог каждый, кто имел недвижимую собственность на сумму в двадцать пять фунтов. В 1892 году Родс резко повысил этот ценз. Теперь требовалось иметь недвижимость на сумму в семьдесят пять фунтов или получать пятьдесят фунтов жалования в год и к тому же владеть начатками английской грамоты. Эта мера сократила и без того узкий круг избирателей-африканцев.

Родс пошел и дальше. Он разработал законопроект, который назвал «законом для Африки». Поначалу закон должен был действовать лишь в округе Глен-Грей на востоке Капской колонии, откуда и идет название: «Глен-Грей акт». По этому закону земля делилась между африканцами по восемь акров на семью. Семьи были большие, а уровень агротехники чрезвычайно низок, так что участки эти далеко не всех удовлетворяли. К тому же округ считался перенаселенным и участков на всех не хватало. Для мужчин, не владеющих землей, вводился налог — по десять шиллингов в год. Родс назвал его «небольшим стимулом, чтобы заставить этих людей работать».

Расовая сегрегация проводилась в округе таким образом, что его жители вообще теряли право выбирать в капский парламент. Взамен у них создавались свои местные выборные органы. Округ объявлялся африканским, а европейцы теряли право селиться там.

В этом законе есть черты той политики, которая была введена в Южной Африке через полвека и называлась апартхейдом (в русском языке почему-то утвердилось слово «апартеид»).

При обсуждении этого закона в парламенте Родс

подчеркивал, что опыт Глен-Грея он хочет распространить на все «туземные» области. Выступая 30 июня 1894 года в капском парламенте, Сесил Родс ссылался на ленивость африканцев. «Сейчас их жизнь очень похожа на времяпрепровождение тех молодых европейцев в городах, которые целый день бездельничают в клубе, наряжаются к послеобеденному чаю, а по вечерам слишком много пьют, и кончается все это нередко полной безнравственностью». Добавив, что «туземцы — это дети, они только еще выходят из состояния варварства», Родс сделал вывод, что надо заставить их работать, работать физически, и это станет для них самих наилучшим жизненным путем. Во время дебатов в парламенте он сказал:

— Я был куда больше рабом, чем любой из этих туземцев... в течение девяти лет моей жизни. Это был тоже принудительный труд... шесть лет в школе меня заставляли работать по пять часов в день да еще вечерами по три часа ежедневно готовить уроки на следующий день. А в колледже я оказывался заперт по вечерам, мне не разрешали выходить после девяти вечера. (Один из либералов язвительно спросил: «И вы, я полагаю, действительно никогда не отлучались?»)

Родсу вторил лорд Грей: «Идея труда чужда им». А Гарри Джонстон: «...если они не будут под надзором европейцев разрабатывать богатства Тропической Африки, где они до сих пор вели бесполезную, непродуктивную жизнь павиана, тогда силою обстоятельств, под давлением нетерпеливого, голодного, недовольного человечества, соединенная энергия Европы и Азии еще раз снова приведет их к рабству, которое в предстоящей борьбе будет альтернативой полного уничтожения».

При всем том Родс подчеркивал, что он исходит не из расизма. «Я никогда не считал, что мы должны дискриминировать человеческое существо из-за цвета его кожи».

Идея Родса состояла в том, что в силу исторического развития европейская цивилизация обогнала Африку на две тысячи лет. «...Это отнюдь не вопрос цвета кожи... Я думаю, что мы будем поразительно опрометчивы, если сочтем, будто путем обучения в течение сорока или пятидесяти лет варвары сумеют подняться на тот уровень, которого мы сами достигли только после многих столетий цивилизации».

Какой вывод делал он из подобных рассуждений? Надо как можно скорее приобщать африканцев к европейской цивилизации? Нет. Родс считал, что в округе Глен-Грей и других «туземных» областях «туземцев надо изолировать от белых людей».

Может быть, следует внедрять европейское образование? Но о европейски образованных африканцах Родс говорил с негодованием:

— Я видел несколько отличных колледжей для туземцев — там учеников обучали греческому и латыни, создавая таким образом любопытную разновидность двуногих: кафров-священников. Быть может, кафр-священник и весьма почтенное существо, но он принадлежит к классу, решительно ни к чему не пригодному. Ученых негров пекут дюжинами. Они носят черный сюртук и белый галстук. А в результате получается: поскольку для этих господ нет никакого постоянного дела, они становятся агитаторами, начинают толковать о том, что правительство худо и что народ их поработщен. Одним словом, ученый негр — крайне опасное существо.

Родс поддержал законопроект, внесенный партией «Африканер бонд», о введении телесных наказа-

ний для «непослушных» рабочих-африканцев. Этот законопроект стал одним из главных поводов полного разрыва между Родсом и наиболее передовыми людьми из среды английского населения Капской колонии. Разрыв этот произошел не сразу.

Было время, когда Родсу удавалось очаровать и этих людей. «Единственный великий человек, единственный гений, которого имеет Южная Африка», — говорила о нем Оливия Шрейнер. А мнение этой женщины значило немало. Ее романом «Африканская ферма» зачитывались в Англии, Америке, Германии, в России, где его перевели в 1893 году. Джером Джером писал о громадной популярности романа среди европейской молодежи: «Юноши и девушки жадно протягивали к нему руки и хватались за него, как за поводыря в дебрях жизни».

Как же сильно умел Сесил Родс воздействовать на людей, если даже Оливия Шрейнер на какое-то время поддалась его влиянию! Потом она сказала, что это было одним из самых тяжелых разочарований в ее жизни. И в следующей ее повести появилась характеристика Родса:

«Он просто гибель для негров...»

Законопроект о телесных наказаниях группа либералов в парламенте все же сумела провалить.

Но в мае 1893-го Родс избавился от членов кабинета, которые возражали против его «туземной политики». Он предложил всему правительству уйти в отставку и сразу же сформировал новый кабинет, уже без непокорных либералов. Те принялись создавать новую партию. Но пока Родса поддерживал «Африканер бонд», это было ему не страшно.

Так возникло парадоксальное положение — в капском правительстве и парламенте именно бурские политики обеспечивали Родсу прочность его по-

ложения. И в 1894 году на парламентских выборах в Капской колонии сторонники Родса получили две трети мест.

Всеобщее поклонение, конечно, сказалось и на том, как стал держать себя Сесил Родс, на его манере поведения, образе жизни.

Его речь становилась все выпреннее: «Даю вам эти две мысли», «Если бы только я мог посвятить вас в свои мысли», «Вот вам история моей мысли», «Поработайте-ка с этими моими мыслями».

Господство Родса во всех сферах южноафриканской жизни Марк Твен и подразумевал, когда написал: «По мнению многих, мистер Родс и есть Южная Африка; другие полагают, что он — только бо́льшая ее часть».

А во всей необъятной Британской империи? По словам Марка Твена, «он единственный колонизатор во всех британских доминионах, чье каждое движение служит предметом наблюдения и обсуждения во всем мире и чье каждое слово передается по телеграфу во все стороны земного шара».

Да и за пределами Британской империи — во Франции, в Германии, в Италии, — даже осуждая его действия, правящие круги все же в нем самом видели пример для подражания. В его возвышении усматривали символ эпохи.

В Кейптауне Родс купил за баснословную по тем временам сумму — шестьдесят тысяч фунтов — полторы тысячи акров со старинными строениями, которые остались от времен, когда Капская колония принадлежала Голландской Ост-Индской компании. Родс решил построить там не просто хоромы для себя и своих приближенных, а резиденцию премьер-министра Капской колонии и премьера будущей «объединенной» Южной Африки.

Найдя отличного архитектора, Родс, не в пример большинству нуворишей, воздвиг действительно примечательный дворец.

Во дворце Родса гостили и принц Уэльский — будущий король Эдуард VII, и Киплинг, и молодой Уинстон Черчилль. А на ступеньках дворца и под деревьями разрешалось располагаться на отдых простым горожанам, разумеется белым. Это способствовало популярности хозяина.

Почти вся прислуга состояла из африканцев. Среди них были и двое сыновей Лобенгулы. Родс любил показывать их своим гостям.

В ЕГО ДВОРЦЕ

Как понять человека, если ты не побывал в его жилище? Жилище-то ведь сохранилось. Как говорят, оно даже мало изменилось. Сгорело в 1896-м, но Родс его восстановил.

В наши дни попасть сюда трудно. Почти за полкилометра от дворца — железные ворота, строгая полиция. Это самый закрытый район во всей Южно-Африканской Республике. На этой территории — резиденции президента Нельсона Манделы, вице-президента Табо Мбеки, министров.

В центре этой строго охраняемой части Кейптауна и находится жилище Родса. Следуя его завещанию, здесь после его смерти жили премьер-министры Южной Африки. С введением поста президента — президенты. Последним был Де Клерк. Он оставался тут до августа 1996-го — сперва президентом, а потом вице-президентом, когда ему пришлось уступить президентское кресло Нельсону Манделе. Мандела не вселился в этот дворец. Предпочел за-

нять неподалеку дом, который был резиденцией британского верховного комиссара Южной Африки. А дом Родса он решил предназначить для самых высоких гостей — королей и президентов, которые будут приезжать в Кейптаун. Пока же здесь никого нет, кроме хранительницы, музееведа Альты Крил.

Мало кому из историков удалось здесь побывать. Мне повезло. И я постарался этим воспользоваться. Полдня ходил, смотрел, разглядывал. Надо отдать должное тем, кто обитал здесь. Они бережно относились к наследию хозяина. Большинство его вещей сохранилось. А его собственная спальня вообще оставалась нетронутой — обитатели спали в гостевых.

Не буду описывать дворец. Но хочу сказать о том, что особенно бросилось в глаза. Сесила Родса считают зачинщиком англо-бурской войны (Ленин назвал даже «главным виновником»). В этом много правды. И вместе с тем большинство вещей в его доме — не английские. Это старинные голландские часы, серванты, громадные сундуки — то, что привозили в XVII и XVIII веках переселенцы из Голландии, которых потом стали называть бурами. Портрет Яна ван Рибека — первого голландского губернатора Капской колонии. Барельеф на фронтоне дворца — первые голландские поселенцы.

Сам дворец сделан в стиле, который получил название капско-голландского. В Кейптауне конца прошлого века этот стиль был не в моде. Для новых построек предпочитали позднее викторианство. Но Родс избрал капско-голландский, начав этим его возрождение в Кейптауне, да и в других городах. И Герберт Бейкер, архитектор Родса, стал самым известным архитектором Южной Африки. Родс поручил ему построить еще несколько домов, среди них и тот, в котором потом жил Киплинг. А внутри дворца

даже мебель сделана по чертежам Бейкера. Огромный стол — на нем потом стоял гроб с телом Родса.

Родс сохранил дворцу старое голландское название той постройки, которая когда-то стояла на этом месте: Хруте Скир — «Большой амбар» (при первых голландских поселенцах там действительно был амбар).

О характере Родса и о многообразии его интересов дает представление его библиотека. На рубеже прошлого и нашего столетий это была, наверно, одна из лучших библиотек на Африканском континенте. По поручениям Родса книги ему присылали из Европы. Больше всего — по истории и географии. Многое относится к сфере его политических интересов.

Важная часть библиотеки — книги о государственном и гражданском праве. Родс хотел для Южной Африки федерального устройства — и вот шестьдесят книг по федерализму и конституционным проблемам. О конституционном устройстве в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии, Швейцарии.

Десятки книг о труде, о рабочих, об аграрном вопросе. «Проблемы бедности», ее автор, экономист Джон Гобсон, как известно, принадлежал к самым резким критикам Родса и его политики.

О явном интересе Родса к идеям социализма говорит присутствие книг Фридриха Энгельса «Социализм (утопический и научный)» и Эдуарда Эвелинга «Для изучающих Маркса», а также и книга А. Шеффла «Квинтэссенция социализма».

Прекрасный подбор литературы об Африке, начиная со старинных карт и первых португальских путешествий. Особенно тщательно собраны труды по Южной Африке. Среди них и книги Джорджа

Тила, того незадачливого старателя, который потерпел фиаско на алмазных копиях, но зато стал первым профессиональным южноафриканским историком.

Не забыты, разумеется, и труды Джона Рескина, Вольтера, Руссо. Классическое исследование английского этнографа Э. Б. Тейлора «Первобытная культура», переиздававшееся и в наши дни. Книга с модным тогда заголовком «Желтая опасность». Ранняя книга Уинстона Черчилля. Биографии знаменитых людей.

Двадцать книг о Наполеоне, включая «Наполеоновскую систему образования».

Интерес к Наполеону занимал в жизни Родса особое место — может быть, потому, что его самого нередко называли «африканским Наполеоном». В его спальне стоит небольшая бронзовая скульптура Наполеона, а на стене картина, изображающая коронацию Наполеона. Часы, которые принадлежали императору, когда он был на Св. Елене.

О богатстве библиотеки можно судить хотя бы по книгам о России, стране, казалось бы, довольно далекой от прямых интересов Родса. Шесть томов Льва Толстого. Три книги о Петре Первом, «Подпольная Россия», «Россия под властью царей» и другие книги народника Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского. Книги известного американского путешественника Джорджа Кеннана о тяжком положении ссыльных в Сибири. В переводе с русского языка книга А. П. Энгельгардта о русском Севере. Ряд книг о политике России: «Русская политика» Герберта Томпсона, «Россия и Центральная Азия» Джорджа Керзона, «Война в Крыму» Э. Хейма, «Англия и Россия» У. Бакстера.

Большое впечатление на Родса произвела книга Макензи Уоллеса «Россия», где говорилось о положении русских крестьян, весьма бесправном и пос-

ле отмены крепостничества. При встрече с автором Родс сказал, что эта книга и навела его на мысль ввести «Глен-Грей акт» — закон об ограничении прав африканцев.

Самая большая коллекция — 440 томов — классические произведения древнегреческой и древнеримской литературы. Аристотель, Платон, Тацит, Тит Ливий, Плиний, Вергилий, Овидий, шестнадцать изданий Цицерона и книги о нем... Это было излюбленное чтение Родса. Многие, если не большинство этих произведений тогда еще не были переведены на английский язык.

Переводы делались специально для Родса, по его заказам. В одном экземпляре. Печатались на бумаге высшего качества. На пишущей машинке, технической новинке того времени. Привлекались лучшие в Англии знатоки латыни и древнегреческого. Однако они не знали, от кого исходит заказ. Родс почему-то не хотел, чтобы упоминалось его имя.

Эти книги, одинакового формата, в одинаковых красных переплетах, и сейчас стоят на полках библиотеки. Хранительница берет за них, надевая специальные перчатки, чтобы, не дай бог, не повредить.

Конечно, присутствие книг в доме Родса (причем многие из них находились в бильярдной комнате) совсем не значит, что Родс все их прочитал. Но, должно быть, их подбор отражает его интересы и вкусы.

В последние годы жизни он, по словам одного из его секретарей, любил читать с полдюжины книг одновременно, бросая одну и принимаясь за другую. Любимым его чтением по-прежнему был Марк Аврелий, «Жизнеописания» Плутарха, «История упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона, ряд интересно написанных биографий, «Англия

в Египте» Альфреда Милнера, нашумевшая в те времена книга адмирала Мэхена о роли военного могущества на морях.

Была у Родса и тетрадь, куда он выписывал наиболее понравившиеся ему изречения. В подавляющем большинстве это были мысли Гиббона.

Беллетристику он любил меньше, хотя в библиотеке есть, например, почти весь Бальзак. Есть Омар Хайям. Разумеется, Шекспир. Свою неприязнь к Диккенсу Родс объяснял тем, что «не интересуется типами людей, о которых пишет Диккенс». Стихов почти не читал, но держал в библиотеке все произведения Киплинга.

Нынешняя хранительница дворца — из бурской семьи. И все же — с полным почтением к Родсу. Говорила мне, что в ЮАР его память будут чтить не только англичане, но и буры, и, может быть, черные африканцы.

Я пытался понять, насколько сильна в ней эта уверенность. Спросил:

— А почему Нельсон Мандела, став президентом, не поселился тут? Не захотел связать свое имя с Родсом?

— Не думаю. Дворец Родса роскошен, но практически не очень удобен. Слишком рассчитан на вкус самого Родса. А перепланировать его, переделывать как-то неловко — все-таки памятник.

Я не унимался:

— Посмотрите, в Замбии и Зимбабве не посчитались с памятниками. Не только отбросили название «Родезия», но и переименовали улицы, связанные с памятью Родса. Я работал в Национальном архиве Зимбабве, так там на задворках стоял памятник Родсу — его перевезли туда с центральной площади столицы.

— Ну, ЮАР — это не Зимбабве. Другие традиции, другая культура. У нас ненавидят тех, кто создавал политику апартхейда. А Родс ведь умер за полвека до нее.

Я напомнил ей, что памятники европейским завоевателям, да и вообще белым людям, свергли во многих африканских странах. Привел в пример и нашу многострадальную Россию. У нас в революцию большинство дворянских усадеб сожгли, хотя ведь некоторые из них не уступали дворцу Родса. А памятники сносили дважды: после конца царской России и после конца Советского Союза. Сказал, что, по-моему, памятники лучше не сбрасывать. Даже если ставили их дурным людям — пусть стоят, напоминают, каким идолам молились. Но что поделать, ведь тем, кто жжет дворцы и сбрасывает памятники, кажется, что они тем самым расправляются с прошлым...

Она стояла на своем: в ЮАР такого не будет.

— Не произошло же до сих пор. А ведь черные африканцы у власти уже несколько лет, с апреля 1994-го.

Видя такую ее уверенность, я не стал напоминать ей, что из залов парламента ЮАР вынесли уже портреты всех депутатов, которые были избраны до 1994 года. Из зала сената Кейптаунского университета убрали портреты большинства прежних ректоров. И на памятнике Родсу в университете частенько появляются надписи на языке местного народа кóса, отнюдь не хвалебные.

Я сфотографировал на память и дворец Родса, и другие памятники — не только ему, но и вообще колониальному прошлому. Не потому, что считаю их бессмертными произведениями искусства. Многие из них просто безвкусны. Но они — часть истории.

ЗАГОВОР ПРОТИВ БУРОВ

В самом начале 1896 года, открыв «Таймс», читатели сразу обращали внимание на письмо редактору. Бросалась в глаза подпись: леди Уорик. Знаменитая Дэзи. Первая красавица лондонского высшего света. Возлюбленная принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII.

Редкий читатель, увидев ее подпись, не пробежал глазами это письмо.

Замок Уорик

4 января 1896

Сэр, английская печать, очевидно, напрочь забыла свои лучшие традиции, если способна так хладнокровно обсуждать, каким способом покончат буры с нашими соотечественниками: расстреляют или повесят.

Сэр, неужели хоть один из тех, кто заслуживает права называться англичанином, не поступил бы так же, как д-р Джемсон и его благородные товарищи? Самые влиятельные жители Йоханнесбурга попросили его прийти на помощь их женам и детям в момент, когда революция казалась неминуемой. Отправившись с отрядом конной полиции на помощь своим соотечественникам и отнюдь не

желая столкновения с бурами, он был атакован их вооруженными силами...

Какова бы ни была его судьба, нет ни одной англичанки, чье сердце не переполнилось бы благодарностью и симпатией к этим мужественным людям. Они выполнили свой долг... Если их сделали пленниками лишь для того, чтобы затем хладнокровно убить, — тогда в Южной Африке больше не должно быть места «республике», управляемой такими убийцами. И мы не должны тут оглядываться на немцев и французов, считаться с тем, что они могут подумать...

Неужели мы правда так запутались в паутине интриг германской дипломатии, что теперь уже считается преступлением, если одни наши соотечественники помогают другим... Значит, д-р Джемсон должен был остаться глух к призыву наших соотечественников?..

Письмо длинное. Наверно, современникам странно было видеть, что блистательная Дэзи вспомнила вдруг даже о готтентотах и бушменах — как их, бедных, притесняли эти отвратительные буры. Куда естественнее звучали ее напоминания о том, как честил буров только что умерший Рендолф Черчилль. Или ее признание, что попавшие в беду «английские джентльмены лично знакомы многим из нас».

В те январские дни 1896-го «Таймс» опубликовала немало писем, сходных и по содержанию, и по характеру. Они бросались в глаза не крикливыми заголовками. Таких заголовков в «Таймсе» тогда не было, как не было никаких фотографий или рисунков, — все это считалось нарушением устоявшихся традиций. Письма, кем бы они ни были подписаны, печатались только в рубрике «Письма редактору». Отнюдь не на первых полосах. Сенсационность в «Таймсе» считалась дурным тоном.

Но все равно эти письма вызвали сенсацию. И необычной для «Таймса» эмоциональностью содержания, и обилием стоявших внизу громких имен.

Через несколько дней после письма Дэзи в «Таймсе» появилась поэма Альфреда Остина «Набег Джемсона».

Беззащитные девушки в Золото-сити,
Беззащитные матери, вопли детей,
Неужели их крики «На помощь! Спасите!»
Не поднимут на подвиг британских мужей?..

За эту поэму Остин получил не только гонорар в двадцать пять гиней. В большой мере благодаря ей он и был удостоен официального звания поэта-лауреата, звания очень высокого, поскольку поэт-лауреат в Англии мог быть только один, и Остин стал преемником великого Теннисона, умершего четырьмя годами раньше.

Эти письма и стихи знаменовали собой начало дипломатической и газетной битвы между Англией и Германией.

А причиной всего этого была новая война Сесила Родса — вторая, если не считать более мелких военных столкновений с португальцами и несколькими африканскими народами.

НАБЕГ ДЖЕМСОНА

Ровно за неделю до письма Дэзи, 29 декабря 1895 года, в крохотном местечке Пицани Потлего, на земле тсванов, прозвучал сигнал военного сбора. Там, возле самой границы Трансвааля, находились в то время основные военные силы «Привилегирован-

ной компании» — их перебросили из Родезии, и с ними был сам Джемсон, ее администратор

Конец декабря на юге Африки — разгар лета. В тот воскресный день солдаты и офицеры лениво ждали, пока спадет жара, чтобы заняться спортом или картами. Для кого-то главное — выпивка. И вдруг — приказ построиться к трем часам пополудни.

Джемсон объявил им, что получил чрезвычайно важное письмо из Йоханнесбурга — просьбу прийти на помощь английскому населению этого города, невыносимо страдающему от гонений бурских властей. Письмо он зачитал перед строем.

Там говорилось, как Крюгер притесняет в Трансваале англичан и вообще иностранцев, голландски — ойтландеров. Добыча золота, да и вся остальная промышленность и торговля находятся в руках ойтландеров, а буры живут себе по старинке на своих фермах. Налоги с ойтландеров дают трансваальской казне основной доход. И этим-то ойтландерам, на которых держится вся современная экономика страны, не дают даже права голоса на выборах в фолькраад — парламент, поскольку правительство считает их временными жителями. С петицией о предоставлении полных гражданских прав обращались к правительству Трансвааля сорок тысяч ойтландеров, но их просьба не была удовлетворена.

«...Национальные чувства англичан оскорбляют на каждом шагу. К чему же может привести назревший конфликт? Тысячи беззащитных мужчин, женщин и детей, наших соотечественников и соотечественниц, находятся во власти до зубов вооруженных буров, в страшной опасности оказалось чрезвычайно ценное имущество...

Под давлением этих обстоятельств мы и просим вас прийти нам на помощь... Положение столь угрожающе, что у нас надежда лишь на вас и на ваших людей — не откажитесь поддержать тех, кто оказался в такой опасности»

Столь эмоциональное послание заканчивалось весьма деловым обещанием о возмещении всех расходов

Подписей стояло пять. ближайшее окружение Родса и Альфреда Бейта Старший брат Родса — полковник Фрэнсис Родс. Горный инженер американец Джон Хейс Хеммонд, чьи знания Родс так высоко ценил, что переманил его у Барнато, дав баснословное жалованье — семьдесят пять тысяч долларов в год плюс долю в прибылях. Лайонел Филлипс — хотя он и был президентом Горной палаты Трансвааля, но все же находился в зависимости от Бейта, как и еще двое подписавших письмо: богатый золото-промышленник Джордж Феррер и юрист Чарлз Леонард, председатель Национального союза Трансвааля, организации ойтландеров, выступающей с 1892 года с петициями об избирательном праве.

Конечно, письмо звучало странно. Вопль о бедственном положении «беззащитных мужчин, женщин и детей» в письме никак не доказывался. Что им не давали права голоса в Трансваале — что ж, многие тогда считали это весьма естественным.

Президент Трансвааля Крюгер всегда подчеркивал, что ойтландеры приезжали в Трансвааль лишь на время, ради обогащения И что никто из них не хотел терять своего гражданства, а трансваальское гражданство стремились просто присовокупить. В утверждениях Крюгера было немало правды. Другое дело, что впоследствии многие из ойтландеров прижились в Трансваале и остались там навсегда, но это

зачастую получалось вопреки их первоначальному желанию.

Все это было очевидно для каждого, кто хотел хоть сколько-нибудь задуматься над подлинным положением ойтландеров. Но многие ли из солдат и офицеров Сесила Родса умели и любили задумываться?

Оливия Шрейнер в следующем, 1897-м году выпустила повесть «Рядовой Питер Холкит из Машоналенда». Холкит — образ солдата отрядов «Привилегированной компании». «...Он стал думать. А это случалось с ним нечасто... Вообще Питер не был охотник до размышлений... Питер жил только непосредственной жизнью. Он получал внешние впечатления, но они исчезали бесследно, не будили в нем никакой мысли».

На чем же сосредоточивались его мысли? Он рассуждал так:

«Все прибывавшие в Южную Африку богатели... Взять хотя бы Барни Барнато, Родса... Все они нажились тут: у кого восемь миллионов, у кого двенадцать, двадцать, сорок миллионов... Отчего же не пошастливится и мне?»

Портрет злой, но во многом справедливый.

Перед строем солдат и офицеров, многие из которых были такими вот Питерами, и прочитал Джемсон письмо из Йоханнесбурга. От себя он добавил, что на призыв о помощи надо откликнуться немедленно.

Его слова были встречены всеобщим восторгом. Вечером колонна всадников двинулась к границе Трансвааля. Было до нее рукой подать — три с половиной мили.

И провал в неизвестность под нами —
прямей, чем солдатский плевок

...Перешли границу с легким сердцем. Отчасти из-за обещаний Джемсона, что никаких вооруженных столкновений он не ожидает и что сражаться придется только в случае нападения буров, а вообще-то единственная цель похода — защитить мирных жителей Йоханнесбурга.

Эта бездумность, с которой люди пошли за Джемсоном! Как им обрыдло, должно быть, стоять лагерем в тех безлюдных местах, рядом с пустыней Калахари, под палящим солнцем. А тут надежда побывать в «Золотом городе», урвать свою долю наслаждений. Кто знает, может быть, и богатство!

На радостях как не выпить! И двое посланных Джемсоном перерезать телеграфную связь пограничных пунктов со столицей Трансвааля Преторией перерезали не те провода. Прервали связь не с Трансваалем, а с Капской колонией.

Перешли границу около четырехсот солдат и офицеров конной полиции «Привилегированной компании» и полтораста африканцев — носильщиков и слуг. У них — восемь пулеметов «максим», три орудия, шестьсот сорок лошадей и сто пятьдесят восемь мулов. Командовал ими полковник Джон Уиллоби. Двигались всю ночь. К утру прошли тридцать девять миль из тех полтораста, что отделяли их от Йоханнесбурга, и соединились со вторым отрядом, который пересек границу южнее. Это были сто двадцать два солдата и офицера бечуаналендских пограничных войск.

Для внезапного, неожиданного вторжения отряд получился внушительный. А во внезапности они уверены — телеграфные-то провода ведь перерезаны! В счастливом неведении они продвигались все дальше.

У буров пограничных застав там не существовало.

Но в понедельник утром, 30 декабря, правительство в Претории уже получило телеграмму от чиновника из небольшого населенного пункта возле западной границы: «Британские войска со стороны Мафекинга вторглись в пределы республики, перерезают телеграфные провода и движутся по направлению к Йоханнесбургу». Вскоре пришли вести и о численности войск, и об их вооружении. И во все ближайшие округа понеслись приказы Крюгера — собирать ополчение, окружать англичан.

А к Джемсону послали гонца с вопросом, в чем дело, и с требованием немедленно повернуть назад. Джемсон ответил то же, что говорил перед строем солдат.

Затем, когда они прошли уже почти две трети пути, их встретил гонец с призывом вернуться, но уже не от буров, а от английского верховного комиссара Геркулеса Робинсона.

Робинсон узнал о случившемся от Родса. Сам Родс — почти немедленно, в воскресенье вечером. Он тогда же вызвал к себе одного из чиновников английской колониальной службы и произнес в его присутствии:

— Джемсон закусил удила и пошел в Трансвааль.

Однако самому Робинсону Родс сообщил новость лишь наутро, когда отряды Джемсона вторглись уже далеко в глубь бурской территории. Ну, а прежде чем посланец Робинсона передал его приказ Джемсону, тот был уже в глубине Трансвааля.

Джемсон и полковник Уиллоби отказались выполнять приказ. Уиллоби объяснил, что об отходе не может быть и речи: на пройденном пути уже не найти продовольствия и фуража. К тому же кони устали, на обратную дорогу потребуется несколько дней, а там уже собрались отряды вооруженных буров.

Так что выход один — идти дальше, к своим друзьям, которые ждут в Йоханнесбурге и его окрестностях.

Те же люди, что послали Джемсону просьбу о помощи, создали в Йоханнесбурге Комитет реформ. Был выработан перечень требований якобы от имени всех ойтландеров, составлена депутация к Крюгеру и брошен призыв собраться на митинг в поддержку этих требований.

Йоханнесбургская газета «Стар» 30 декабря выходила каждые несколько часов. В третьем выпуске, изданном в пять часов вечера, говорилось: «Увы, конфликт неизбежен. Неопределенность кончилась. Положение крайне серьезное».

На какой-то момент показалось, что неопределенность, висевшая над городом уже несколько недель, действительно кончилась. Было подготовлено «Обращение к населению Йоханнесбурга» от имени временного правительства республики ойтландеров. Подписали его около шестидесяти человек во главе с Чарлзом Леонардом и Лайонелом Филлипсом — они значились президентом и вице-президентом новоявленной республики.

Срочно распаковывались ящики с оружием, заглаговоренно привезенные и спрятанные в шахтах. Появилось даже объявление с призывом вступать в формируемый медицинский отряд. Главным центром активности заговорщиков было управление родсовской «Голд филдс».

Но почти сразу же выяснилось, что заговор подготовлен из рук вон плохо. Дело даже не в том, что в него были втянуты далеко не все шахтовладельцы Ранда — «рандлорды». Главное, зачинщики не получили той широкой поддержки ойтландеров, на которую они надеялись. Вся организация оказалась непродуманной. Заговорщики метались от раздачи

оружия к призывам не допускать незаконных действий. Во всем царила неуверенность, нерешительность, страх. Это стало очевидным почти в первые же часы, во всяком случае уже в ночь с понедельника на вторник, когда город не сомкнул глаз. Все замерло в ожидании, но мало кто решился браться за оружие. И когда на улице раздался чей-то возглас: «Мы побили голландцев», несколько голов на мгновение высунулись из окон, но этим все и ограничилось. Обыватели выжидали. Это и решило судьбу города.

«Обращение к населению Йоханнесбурга» так и не увидело свет. Редактор газеты «Стар», где оно печаталось, получив набор, так перепугался, что немедленно рассыпал его. Успели отпечатать лишь несколько экземпляров.

Уже утром 31 декабря сам Комитет реформ обратился через эту газету с призывом: «Комитет настойчиво просит население воздержаться от любых действий, которые могут быть восприняты как враждебные правительству».

А инженер Хеммонд, один из руководителей комитета, испугавшись, решил поднять над зданием «Голд филдс» четырехцветное знамя Трансвааля, хотя он, Хеммонд, подписал «Обращение к населению Йоханнесбурга», где говорилось, что создается новая республика и у нее — свой флаг. Трансваальские чиновники отказались дать Хеммонду флаг Трансвааля, опасаясь надругательства над ним. Пришлось любимцу Родса и его друзьям самим находить полотнища четырех цветов — красного, белого, синего и зеленого, шить из них четырехцветный флаг Трансвааля и поднимать его на глазах у огромной толпы, которая увидела в этом капитуляцию.

Всеобщая неразбериха час от часу росла. Никто

ничего толком не знал, а слухи носились самые противоречивые. Мужья срочно отправляли жен и детей в Кейптаун. Поезда брали штурмом. Людей набилось столько, что они могли только стоять, прижатые друг к другу. Одна женщина родила ребенка, он умер, а она продолжала держать его на руках, стиснутая со всех сторон.

Обстановка в течение трех дней — 30—31 декабря и 1 января — менялась не раз. Но ясно было одно — мятеж ойтландеров против режима Крюгера не состоялся. Он угас, так и не разгоревшись.

...Но Джемсон и его солдаты этого не знали. Они продолжали идти вперед, хотя от усталости — все медленнее. В пути встретили Новый год, 1896-й. На горизонте все чаще мелькали силуэты бурских всадников — они собирались в отряды и старались окружить англичан. Но у буров не было орудий и пулеметов, и поначалу они держались на почтительной дистанции.

В первый день нового года несколько раз вспыхивала перестрелка. Англичанам пришлось пустить в ход и пулеметы, и пушки. Джемсон получил новое послание от Робинсона с требованием уйти из Трансвааля. Не поверил Джемсон в серьезность этих приказов? Или считал, что уже поздно?

Скорее всего, был уверен, что британские власти шлют приказы для отвода глаз, а на самом деле желают успеха его делу. Главное, чувствовал поддержку Родса. Верил в победу, а победителей не судят. И упорно продолжал начатое.

Но шансов не было, и не только там, в Йоханнесбурге, но и здесь. Возле поселка Крюгерсдорп, когда до Йоханнесбурга оставался один переход, отряд попал в ловушку. Тут и там из-за гребней холмов и за валунами поблескивали бурские винтовки. А сол-

даты Джемсона выдохлись. Они шли, лишь с короткими привалами, уже четвертые сутки. В последний день почти ничего не ели. Люди и лошади падали от усталости.

Буры могли из-за укрытий перестрелять англичан одного за другим. Это они и стали делать. Англичане метались, окруженные со всех сторон. Этот кошмар начался вечером первого января и возобновился на рассвете второго.

Осталось одно — сдаться. Джемсон не предвидел этого. В его отряде не было даже тряпки, которая могла бы послужить белым флагом. Выручила женщина с ближайшей фермы. Ее передник подняли на оглобле. Это было утром 2 января, когда Джемсон потерял убитыми и ранеными уже семьдесят три человека.

«Эй, солдат, где искать мне его,
Моего дружка дорогого?» —
«Он за морем лежит, а череп пробит,
Так что парня ищи другого».

Покормив падающих от изнеможения англичан, буры сразу же повели их, поникших и раздавленных, в свою столицу. Вечером того же дня ворота городской тюрьмы Претории захлопнулись за Джемсоном и его людьми. Там же оказались и йоханнесбургские заговорщики.

И РАСКАТЫ ГРОМА

«Бросок», «набег» или «рейд» Джемсона длился трое с половиной суток. Попытка мятежа в Йоханнесбурге — и того меньше. Но как гром гремит не одновременно с молнией, так и грохот в «большой

политике» начался, когда события в самом Трансваале уже кончились.

Собственно, шумиха в европейских столицах началась еще 31 декабря, когда весть о нападении на Трансвааль достигла Европы. Руководители германского министерства иностранных дел и колониального департамента, отменив все приемы, собрались в Потсдаме у императора Вильгельма II и решили немедленно принять меры. Во-первых, послать в Трансвааль отряд морской пехоты, а во-вторых, сделать грозный запрос английскому правительству.

В осуществление этих решений капитану крейсера «Морской орел», стоявшего у побережья португальского Мозамбика, был дан приказ высадить на берег и отправить в Преторию военный отряд — под предлогом защиты германских подданных. А Гатцфельду, послу в Лондоне, поручили запросить английское правительство, одобряет ли оно действия Джемсона, и затребовать свои верительные грамоты, если ответ окажется неудовлетворительным.

Посол явился к Солсбери 1 января. Премьер сразу же высказал пожелание, чтобы посол «не употреблял ни единого слова, которое можно истолковать как угрозу», а затем заверил, что действий Джемсона он не одобряет. Посол не затребовал верительных грамот. Но на следующий день он получил из Берлина еще более строгие инструкции — вручить Англии ноту с заявлением, что Германия не допустит никаких перемен в Трансваале. Этот ультиматум был вручен 2 января. Однако к вечеру того же дня стало известно, что в Трансваале наступила развязка, и утром 3 января Гатцфельд забрал ноту, с облегчением узнав, что ее не успели распечатать.

Германскому послу в Лондоне было видно то, чего не сознавали кайзер Вильгельм и его ближайшее окружение. Немалая часть английского общества восприняла победу «бурских мужланов» над прославленным Джемсоном как оскорбление британской национальной гордости. И посол понимал, что слишком резкие немецкие действия вызовут в Англии ответную бурю.

Но в Потсдаме Вильгельм продолжал бушевать. Собрав утром 3 января узкий круг руководства, он предложил привести морскую пехоту в боевую готовность, объявить протекторат над Трансваалем и послать туда войска. Присутствующих этот авантюризм поверг в ужас: так можно было действовать, лишь решившись на войну с Англией. Но флота у Вильгельма не было, а его замысел создать против Англии блок континентальных держав был нереален.

Кайзера увещевали, выжидали, пока он остынет, и в конце концов уговорили ограничиться трескучей телеграммой Крюгеру. В ней говорилось: «Я выражаю Вам мои искренние поздравления в связи с тем, что Вы, вместе с Вашим народом, смогли, не призывая на помощь дружественные державы, собственными силами восстановить мир, нарушенный вторгшимися в Вашу страну вооруженными бандами, и обеспечить независимость Вашей страны от нападения извне».

Накануне Вильгельм писал Николаю II еще более воинственно: «Что бы там ни случилось, я никогда не позволю англичанам раздавить Трансвааль!» Но письмо Николаю II было частным и не появилось в печати, а телеграмма Крюгеру сразу же стала сенсацией. Она для того и предназначалась.

Эта телеграмма и была первым раскатом грома,

который слышали во всем мире. «Не призывая на помощь дружественные державы...» Значит, Германия считала себя вправе с оружием в руках ввязаться в схватку на юге Африки — так расценили слова Вильгельма в Англии. Легко себе представить, какую бурю это вызвало. Письмо Дззи было одной из первых отповедей Вильгельму, но еще не самой резкой.

Что началось! Правительство Вильгельма зондировало почву в Лиссабоне, не разрешат ли португальцы германскому экспедиционному корпусу пройти в Трансвааль через Мозамбик. А Пангерманский союз, Колониальный союз и другие объединения немецких шовинистов, начав с криков «Руки прочь!», решили затем использовать этот антибританский угар для проталкивания программ ускоренного строительства флота и подготовки к войне с Англией.

Да и в Англии дело не ограничилось газетной войной. Правительство сообщило 8 января о создании так называемой летучей эскадры. Английские фирмы рвали коммерческие отношения с германскими. Лондонская толпа била стекла в немецких магазинах и избивала немецких моряков. Посол Гатцфельд доносил в Берлин, что, если бы английское правительство решило начать войну, на его стороне «было бы все общественное мнение». А английский журнал «Спикер» констатировал: «На сей раз уличная чернь и всякий сброд объединились с «обществом».

Перебранка велась прежде всего между Англией и Германией, но в той или иной мере ввязались в нее и другие правительства, партии, организации. Общественное мнение почти повсюду поддерживало буров — как слабую сторону.

Десятки миллионов налогоплательщиков в Англии, Германии и Трансваале должны были оплачивать этот новый виток в тогдашней гонке вооружений.

Кто же виновники? И главное, конечно, поскольку тут мы говорим о Родсе, — какова же была его роль? И какова была подлинная роль английского правительства?

Прошло немало лет, прежде чем историки докопались до всего этого. С каким трудом появлялся на свет каждый новый документ! А посвященные — как неохотно давали они показания!

Конечно, это касается самого заговора, а не просто стремления Родса включить Трансвааль в «объединение» южноафриканских стран под британским флагом.

Такого стремления Родс никогда и не скрывал. Экономическая роль и даже само географическое положение Трансвааля были столь важными, что без него «объединение» было бы просто-напросто невозможно. До конца 1894-го Родс надеялся сделать это без вооруженной схватки, тайным сговором, подкупом должностных лиц.

Но на этом пути вставали все новые препятствия. Родс склонен был их персонифицировать, для него все замыкалось на Крюгере. Первопричину сопротивления своим планам он видел в «узколобости» Крюгера, в устарелости его взглядов, в неумении понять выгоды, которые получит Трансвааль от включения в Британскую империю.

Семидесятилетний Крюгер действительно был человеком уходящего поколения. Его юность и зрелые годы связаны с переселением буров из Капской колонии на север и с первыми десятилетиями суще-

ствования Трансвааля, задолго до золотой горячки. В Трансваале тогда почти не чувствовалось влияние европейской цивилизации. Буры жили на изолированных друг от друга фермах, многие были неграмотны, а если и читали, то лишь одну книгу — большую семейную Библию, и понимали ее содержание дословно, как их далекие предки, кальвинисты, покинувшие Европу в XVII столетии.

Но разве один Крюгер нес на себе этот груз того прошлого? Марк Твен, побывав в Южной Африке в том самом 1896 году и познакомившись с патриархальной жизнью буров, написал в присущей ему манере: «Суммируя все добытые мною сведения о бурах, я пришел к следующим выводам:

Буры очень набожны, глубоко невежественны, тупы, упрямы, нетерпимы, нечистоплотны, гостеприимны, честны во взаимоотношениях с белыми, жестоки по отношению к своим чернокожим слугам, ленивы, искусны в стрельбе и верховой езде, увлекаются охотой, не терпят политической зависимости; хорошие отцы и мужья... еще до недавнего времени здесь не было школ, детей не учили; слово «новости» оставляет буров равнодушными — им совершенно все равно, что творится в мире...»

Марк Твен вышучивал буров и еще резче:

«Черный дикарь, которого вытеснил бур, был добродушен, общителен и бесконечно приветлив; он был весельчак и жил, не обременяя себя заботами. Он ходил голым, был грязен, жил в хлеву, был ленив, поклонялся фетишу; он был дикарем и вел себя как дикарь, но он был весел и доброжелателен.

Его место занял бур, белый дикарь. Он грязен, живет в хлеву, ленив, поклоняется фетишу; кроме того, он мрачен, неприветлив, важен и усердно го-

товится к вступлению в райскую обитель, — вероятно, понимая, что в ад его не пустят».

А что до дядюшки (на языке буров — оом) Поля, как обычно называли Крюгера его сограждане, то английские газеты были полны анекдотическими рассказами о нем. Вот один из характерных — о том, как Крюгер во время охоты беседовал с иностранцами. Его перепечатали и в России.

«Вечером, вокруг бивуачного костра, зашел разговор о литературе и завязался горячий спор между немцами и англичанами насчет того, кто выше: Шекспир или Гете?

Оом Поль не принимал никакого участия в разговоре, а сидел молча и потряхивал трубочкой.

— Ну, а вы как думаете, оом Поль? — обратился к нему один из споривших. — Кто выше: Шекспир или Гете?

— Не читал ни того, ни другого! — последовал откровенный ответ.

— Бог мой! — воскликнул пораженный немец. — Вот человек, которого буры называют великим, а он никогда не читал Гете.

— Никогда не читал Шекспира! — вскричал в негодовании англичанин. — Так что же вы в таком случае читаете, черт вас возьми?

— Только это, — ответил оом Поль, вытаскивая истрепанную Библию из своего кармана. — Я читаю ее каждое утро и вечер ежедневно в течение сорока лет и все-таки не постиг всех ее красот. Когда я изучу Библию, то, пожалуй, займусь Гете и Шекспиром».

Крюгер совсем не был выжившим из ума старцем. Как бы патриархальны ни были его взгляды, он неплохо ориентировался в сложных перипетиях мировой политики. Без этого ему бы не удержаться в

президентах. Действовать по принципу «сила есть — ума не надо» он не мог: его государство не было великой державой, да и нрав у сограждан весьма строптивый.

А вопросы, стоявшие перед ним, год от года усложнялись. Золотая горячка. Наплыв иностранцев. К середине девяностых их стало в Трансваале больше, чем самих буров, во всяком случае взрослого бурского населения. Дай ойтландерам право голоса на выборах, и они установят свою власть! Остается одно — находить все новые отговорки, тянуть время, маневрировать.

Точно так же он маневрировал и между великими державами, Англией и Германией, стараясь все время противопоставлять одну другой. Он не скрывал этого и на банкете по поводу дня рождения Вильгельма II сказал:

— Наша маленькая республика еще только ползает между великими державами, и мы чувствуем, что, когда одна из них хочет наступить нам на ногу, другая старается этому воспрепятствовать.

В 1894-м завершилась наконец постройка железной дороги, независимой от англичан и дающей Трансваалу самостоятельный выход к океану, через португальский Мозамбик. Это придало Крюгеру уверенность, и он стал чинить англичанам все больше препятствий — повышать пошлины на железной дороге, ведущей в английские владения, а остальные проезжие дороги закрыл вообще.

Каково было Родсу с таким умелым врагом! Родс становился все богаче и могущественнее — то же самое происходило и с противником. Росла добыча золота, богатели золотопромышленники, но правительство Крюгера обложило и их и вообще все доходы ойтландеров такими налогами, что Трансвааль

давно уже перестал быть нищим государством, вечно стоящим на краю банкротства. За девять-десять лет с начала добычи золота доход трансваальской казны вырос в одиннадцать с лишним раз. И хотя Трансвааль был почти со всех сторон окружен английскими владениями, он стал получать из Европы, прежде всего из Германии, и самое современное оружие, и инструкторов.

Пережить Крюгера, переждать, действовать медленно и исподтишка? Но во-первых, Родс знал, что ему самому природой отпущено не так уж много лет. Может быть, меньше, чем старику президенту. А во-вторых, идя от успеха к успеху, Родс уверовал, что удача — его вечная спутница. Он стал авторитарен, крайне самоуверен, не терпел возражений. Успех прошлых авантур толкал его на новые.

И с конца 1894-го он начал подготовку к перевороту в Трансваале. Тут, как и в каждом своем помысле, он не был первопроходцем. Мысль о захвате Трансвааля приходила в голову и верховному комиссару Южной Африки Генри Лоху. В июле 1894-го, когда Лох прибыл в Йоханнесбург, ойтландеры выпрягли лошадей из кареты, в которой он ехал вместе с Крюгером, и повезли карету сами, набросив на нее, к ярости Крюгера, огромный английский флаг. Эта сцена произвела впечатление на Лоха — он уверовал в ойтландеров и стал расспрашивать Лайонела Филлипса, президента Горной палаты, сколько у них есть оружия и смогут ли они удерживать город в течение шести дней, пока не подойдут подкрепления.

Вернувшись в Кейптаун, Лох разместил военный отряд на землях тсванов, у самой границы Трансвааля. Этот отряд потом и вошел в Трансвааль вместе с Джемсоном. К тому же Лох просил у тогдашнего министра колоний лорда Рипона прислать в Капскую

колонию еще пять тысяч солдат и даже прямо санкционировать вторжение в Трансвааль.

Родс знал план Лоха, но считал, что переворот должен быть осуществлен главным образом местными силами — ойтландерами, а самому правительству Великобритании лучше остаться в тени.

В конце 1895-го Родс в сопровождении Джемсона приехал в Трансвааль и встретился с Крюгером. Они, как и прежде, не нашли общего языка, и тогда-то Родс стал обсуждать с несколькими лидерами ойтландеров возможность заговора и переворота.

Тот план, что был так неудачно проведен в декабре 1895-го, во всех основных чертах сложился у Родса годом раньше, в декабре 1894-го. Разумеется, он хранился в глубокой тайне, как и план Лоха. Но из выявившихся потом документов ясно, что еще за год до набега Джемсона Родс решил сделать центром заговора компанию «Голд филдс оф Сауз Африка». Она должна была финансировать действия тайного Комитета реформ, составленного тоже из служащих Родса и его ближайших единомышленников. А на «Де Бирс» возлагалась задача организовать переправку оружия из Кимберли в Йоханнесбург.

Родс выделял и деньги для платы тем, кто согласится в решающий день с оружием в руках свергнуть в Йоханнесбурге власть трансваальского правительства и передать ее Комитету реформ. А Джемсон, стоя наготове у самой границы, сразу же ворвется в Трансвааль. Затем английский верховный комиссар выступит «посредником», и Трансвааль будет «присоединен», как это уже делалось в 1877 году.

Из магнатов золотопромышленного мира Родс привлек к заговору только одного — Альфреда Бейта. Почему не привлек других? Причины были разные. С кем-то у Родса были просто неприязненные

личные отношения. К тому же тогда, в 1894-м и почти до конца 1895-го, в золотопромышленности наступил бум, доходы были сказочными, несмотря на высокие налоги, взимаемые властями Трансвааля. И на многих идея путча могла нагнать страх, они испугались бы, что какой-то непредвиденный поворот событий вдруг поведет не к росту прибылей, а, наоборот, к их сокращению.

Была во всем этом и еще одна сторона. Хеммонд, главный советник Родса в горном деле, предсказал ему, что надо ориентироваться на пласты глубокого залегания, а в пластах, близких к поверхности, золото скоро иссякнет. Родсовская «Голд филдс» первой начала рыть глубокие шахты. Но затраты при этом резко возросли — на динамит, оборудование, рабочую силу. И то, и другое, и третье стоило дорого, да к тому же облагалось высокими налогами крюгеровского правительства.

Именно глубокие пласты и стали потом основным источником добычи золота в Трансваале, но тогда, поначалу, они были малорентабельными. Большинство золотопромышленников еще не столкнулось с этой проблемой, а Родс почувствовал ее остро. На его опыте — и Бейт. Надо было снижать расходы на добычу. Значит, снижать налоги. А как их снизишь, не опрокинув порядки, установленные Крюгером?

Вполне реальные формы заговор принял в октябре 1895-го. Войска «Привилегированной компании» были переведены из Родезии в Бечуаналенд, к западной границе Трансвааля. А в своем кейптаунском дворце Родс в конце октября собрал тех людей, кого он решил поставить во главе заговора: своего брата Фрэнсиса, Хеммонда, президента Горной палаты Лайонела Филлипса и президента организации ойт-

ландеров — Национального союза Трансвааля — Чарлза Леонарда.

С первыми тремя у Родса было единство, а последнего пришлось уговаривать. Собственно, большего проку от этого Национального союза Родс вряд ли ждал. Политическая активность союза ограничивалась составлением петиций, и он вряд ли мог стать реальной силой вооруженного путча. Но участие его президента должно было создать впечатление, что заговор имеет широкую поддержку.

И наконец, Родсу нужна была мощь правительства Великобритании и представителя этого правительства на юге Африки — верховного комиссара. В начале 1895-го Родс, приехав в Лондон, посвятил в свой план тогдашнего премьера лорда Розбери. Тот одобрил, но подчеркнул, что восстание в Йоханнесбурге обязательно должно предшествовать вторжению Джемсона.

Для осуществления плана Родсу нужен был на посту верховного комиссара не Лох — у того могли быть какие-то свои мнения, — а Робинсон, которого Родс уже давно подкупил. Родсу пошли навстречу: Лоха заменили Робинсоном.

В июне 1895-го кабинет либеральной партии сменился консервативным. Премьером снова стал Солсбери, пост же министра колоний впервые занял Джозеф Чемберлен. Но отношение к плану Родса не изменилось.

2 октября Чемберлен послал Робинсону в Кейптаун секретный запрос — произойдут ли перемены в Трансваале и как скоро. Четвертого ноября Робинсон ответил длинным посланием, также, разумеется, секретным. Он сообщил, что уже сейчас среди взрослого мужского населения Трансвааля на каждого бура приходится четыре ойтландера. Тут

было преувеличение, но главное в письме заключалось не в этом. Робинсон писал: «Промышленники оставили все надежды на мирный исход и думают взять управление в свои руки».

А дальше — уже прямо о заговоре и даже о его возможном результате. «Как только придет весть о восстании в Йоханнесбурге и о создании там временного правительства, верховный комиссар, как представитель высшей власти на юге Африки, должен будет выпустить обращение с требованием, чтобы обе стороны воздержались от военных действий и подчинились его арбитражу». Иными словами, британский верховный комиссар сам рассудит спор ставленников Родса с правительством Крюгера.

Так что Чемберлен и Робинсон не только знали о заговоре. Они даже точно определили, в какой момент и каким образом выйдет на авансцену официальная Великобритания. 6 ноября Чемберлен, уступив требованию Родса, передал «Привилегированной компании» широкую полосу территории английского протектората Бечуаналенд, вдоль границы Трансвааля, под предлогом, что Родс строит там железную дорогу.

Правда, Родс претендовал на весь Бечуаналенд. Но три вождя народа тсвана приезжали с протестом в Лондон, как это сделали шестью годами раньше послы ндебелов. Дело приобрело нежелательную огласку, и Родс получил не все, чего добивался. Все же плацдарм для нападения на Трансвааль он получил. К тому же Чемберлен расформировал британскую бечуаналендскую полицию, а ее вооружение велел продать «Привилегированной компании». Да и многие солдаты и офицеры этой полиции перешли на службу «Привилегированной компании», пополнив силы Джемсона.

19 ноября Джемсон приехал в Йоханнесбург и встретился с заговорщиками. Они вместе назначили дату мятежа: 28 декабря. Чарлз Леонард написал под диктовку Джемсона «Письмо женщин и детей», которое Джемсон впоследствии зачитал перед строем, отдавая приказ о вторжении в Трансвааль. Дата на письме проставлена не была. Джемсон взял его с собой, чтобы в нужный момент извлечь, поставить дату и выдать за только что полученный из Йоханнесбурга призыв о помощи.

Но к назначенной дате выяснилось, что заговор подготовлен плохо. Оружия в Йоханнесбург переправили куда меньше, чем намечали. Среди ойтландеров не нашлось таких, кто даже за щедрую плату взялся бы напасть на бургские арсеналы. Утечка информации привела к тому, что подготовка заговора перестала быть секретом. О ней проговаривались даже в южноафриканских и лондонских газетах. А у самого Джемсона под ружьем оказалось лишь шестьсот человек вместо намеченных тысячи пяти-сот.

К 26 декабря заговорщики в Трансваале изменили план действий. Национальный союз Трансвааля подготовил новую петицию о реформах и решил предъявить ее Крюгеру 6 января. Восстание, назначенное на 28 декабря, откладывалось на неопределенный срок, если не отменялось вовсе. Заговорщики сделали все, чтобы предупредить Джемсона и сообщить ему, что он не должен переходить границу. К Джемсону были посланы два офицера, а Хеммонд дал ему телеграмму.

Но Джемсон, как известно, слушался лишь одного человека — Родса. Зная это, Фрэнсис Родс отправил телеграмму брату, а Чарлз Леонард сам приехал к нему в Кейптаун. Больше того, Чемберлен телегра-

фировал Родсу 27 декабря, чтобы Джемсон не выступал, если не будет восстания в Йоханнесбурге.

Но Родс не остановил Джемсона. Почему? Вера в слепую удачу, в свою звезду, в то, что повезет? Слишком велик был для него соблазн. И надежда, что этих, черт бы их побрал, непрестанно колеблющихся заговорщиков появление Джемсона в Трансваале все-таки заставит поднять мятеж — терять-то им будет уже нечего! Во всяком случае, от Родса, за подписью Р. Харриса, его ближайшего помощника, ежедневно, 26, 27 и 28 декабря, Джемсон получал депеши одного и того же содержания: стойко держаться принятых решений. И 28-го, в последний день, Джемсон телеграфировал Харрису, что он со своими солдатами выступает, если только не получит противоположного приказа немедленно. Такого приказа не поступило.

Правда, 29 декабря Родс все же послал Джемсону еще одну телеграмму. Но она была отправлена так поздно, что Джемсон уже не мог ее получить, а составлена так двусмысленно, что, даже получив ее, Джемсон вряд ли мог бы увидеть в ней приказ об отмене выступления. Эта депеша могла иметь только одну цель: в случае провала всего заговора дать хоть какое-то алиби самому Родсу.

Подлинное желание Родса Джемсон, конечно, понимал, и не только по телеграммам. Эти люди прекрасно знали друг друга. Киплинг утверждал, что между ними была телепатическая связь. Но сам-то Джемсон — была ведь у него и своя голова на плечах! Если он знал, что восстание в Йоханнесбурге оказалось под вопросом и что у него самого сил в три раза меньше, чем требовалось, — как же он все-таки решился?

Во-первых, должно быть, явно недооценивал про-

тивника — буров. Во-вторых, переоценивал роль внезапности своего набега и еще больше — пулеметы «максим». Он видел их действие в битвах с ндебелами, знал, что у буров этого оружия нет, и говорил:

— Вы не представляете себе пулеметов «максим». Я создам мертвую зону на милю с каждой стороны своей колонны, и ни один бур не останется там в живых.

Ну и главное, конечно, авантюризм Джемсона. Может быть, важнейшая черта его характера.

А дальше... Буры выбрали позиции, где от пулеметов было мало проку. Мятеж в Йоханнесбурге, на мгновение разгоревшись, сразу же погас...

Сам Родс, может быть, понял, что все кончено, буквально сразу, как только осознал, что события начались и от него уже ничего не зависит. Что он пропустил последний шанс.

Какова была его реакция на вест, что Джемсон перешел границу Трансвааля? Вот свидетельство Уильяма Шрейнера, одного из капских министров. В понедельник, 30 декабря, он пришел к Родсу. «Я увидел совершенно иного человека, совсем не такого, каким я его знал раньше. Он выглядел необычайно подавленным. Прежде чем я начал говорить, он сказал:

— Да, да, это правда. Старина Джемсон опрокинул мою тележку с яблоками».

Должно быть, он понимал или, скорее, чувствовал, что его политическая карьера надломлена, если не рухнула вообще. А всего лишь несколько часов назад все зависело от него...

По впечатлению Шрейнера, Родс «был просто раздавлен... Его дух был сломлен...». А ведь под уда-

ром оказалась только его политическая карьера. Не было угрозы его миллионам, не говоря уже о жизни. Куда хуже обернулось для тех, кого он втянул во все это. И не только для тех, кого буры убили в бою.

А незадачливые йоханнесбургские мятежники? Особенно после того, как в сумке на седле у беспечного Джемсона буры нашли письмо, то самое, с воплем о спасении женщин и детей. Лучшей улики и не придумаешь — сами расписались в преднамеренной попытке с оружием в руках свергнуть правительство. По закону — смертная казнь.

Все они и оказались в тюрьме в ожидании этого приговора, кроме Чарлза Леонарда (он сбежал в Кейптаун, переодевшись в женское платье). Над несколькими десятками заговорщиков состоялся суд, и главных из них, тех, кто подписал призыв к Джемсону, действительно приговорили к виселице. Это был полковник Фрэнк Родс, Джон Хейс Хеммонд, Лайонел Филлипс и активный участник заговора Джордж Феррер.

Об этом процессе, как и о самом набеге Джемсона, написано много. И процесс, как правило, выглядит опереточным. Утвердилось впечатление, что тюрьма была для участников набеге чем-то вроде дома отдыха. Особенно широкую огласку это получило после интервью Марка Твена. Американский писатель во время своего путешествия по Южной Африке заехал в ту тюрьму в Претории и поговорил в первую очередь с теми из заключенных, которые были его соотечественниками. Джона Хейса Хеммонда он знал еще студентом Йельского университета, встречал его много раз.

После посещения тюрьмы между Марком Твеном и местным репортером произошла следующая беседа:

— Как вы оцениваете условия в тюрьме?

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Да вот некоторые из заключенных жаловались Крюгеру, что тюрьма — неподходящее место для джентльменов. Правда, ответ президента уже известен: он, мол, вообще не уверен, что тюрьма предназначена для джентльменов. Но мы бы хотели узнать и ваше впечатление.

— А жалуется ли на что-нибудь мистер Хеммонд?

— Нет, жалобы исходят от других.

— Ну, — сказал Марк Твен, — я не удивлен, что у мистера Хеммонда нет жалоб. Я знал его молодым инженером из Невады, а там он зачастую жил в таких горняцких лагерях, по сравнению с которыми сейчас он купается в роскоши.

Эти последние слова Твена о тюремной роскоши вызвали дальнейшие расспросы. И он сказал, что такие тюремные условия — идеальный отдых для этих уставших бизнесменов. И даже выразил сожаление, что его пребывание в Южной Африке слишком коротко — иначе он бы непременно воспользовался столь благоприятными условиями для лечения своих нервов. Еще он сказал, что не представляет себе лучшего места, где бы можно было так надежно скрыться от кредиторов (сам писатель был в то время опутан долгами). Одним словом, автор «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна» высказался в свойственной ему манере.

Это заявление вызвало большой шум в Претории. Политические противники Крюгера бросили президенту обвинение, что он слишком мягко обращается с государственными преступниками. Тюремное обращение с заговорщиками, действительно мягкое (ведь среди них были миллионеры и родственники миллионеров), несколько ужесточили.

Тогда друзья заключенных бросились к Марку Твену — он был уже в Блумфонтейне, собирался ехать в Кейптаун и оттуда — в Европу. Ему еще раз напомнили, что среди заключенных есть и его соотечественники.

Писатель, как известно, резко осуждал набег Джемсона, считал его открытым разбоем. Но все-таки ему пришлось вернуться в Преторию и сказать трансваальским властям, что они должны понимать юмор и что, по его мнению, для политических заключенных режим не должен быть суровым. Его слова произвели некоторое впечатление: условия были снова смягчены. Заключенных даже отпускали на уик-энд домой.

Да и в тюрьме все они пробыли лишь несколько месяцев. В середине 1896-го всех выпустили.

Большинству заговорщиков тюремные сроки заменили штрафами по 10 тысяч фунтов стерлингов. На приговоренных же к смертной казни наложили огромный штраф: по 25 тысяч фунтов.

Затем всех их отправили в Англию. Британское правительство пообещало Крюгеру, что оно само накажет Джемсона, его офицеров и солдат — как своих подданных. На родине же рядовых освободили — они ведь просто выполняли приказ. На скамье подсудимых остались только Джемсон и пять офицеров. Офицерам дали по пять — семь месяцев тюремного заключения, Джемсону — пятнадцать. Потом и его выпустили под предлогом плохого здоровья. В дальнейшем этот процесс не помешал ему — скорее помог — занять пост премьер-министра Капской колонии.

Историки обычно пишут, что всего этого следовало ожидать — не осмелился бы Крюгер жестоко наказывать и тем более казнить граждан Великобритании и Соединенных Штатов. По трезвом размышлении к такому выводу прийти весьма естественно, тем более

историку, думающему обо всем этом в своем спокойном кабинете, в другом месте и в другие времена.

Но, находясь на судебной скамье и слушая, что тебя приговорили к виселице, трезво рассуждать труднее. И страху они, конечно, натерпелись. Один покончил с собой.

Хеммонд даже через сорок лет вспоминал, с каким ужасом он услышал слова: «Вас должны отправить на место казни, чтобы повесить за шею вплоть до полного удушения».

После вынесения приговора подсудимых повезли в тюрьму. Прямо перед ними в тюремные ворота въезжала повозка с гробом. Нервы Хеммонда не выдержали, и он спросил тюремщика:

— Это для Филлипса или для меня? По размерам он, кажется, годится для любого из нас двоих.

Тюремщик, как ему и положено, молчал.

А ночью приговоренные к казни слышали стук топоров — сооружалась виселица.

И Джемсону тоже пришлось не раз глянуть в глаза смерти. И в бою, да и затем, попав в руки разгневанных буров, он вполне мог ждать самого худшего.

Родсу нападение на Трансвааль стоило дорого. Денег при его состоянии не так уж и много: 400 тысяч фунтов. Это вместе с оплатой штрафов, наложенных судом на мятежников. Но 5 января ему пришлось подать в отставку с поста премьер-министра Капской колонии. Это и был главный удар.

В начале февраля Родс уже был в Англии. Сперва вел с Чемберленом переговоры через посредников, а 6 февраля они встретились и беседовали два часа. Надо было скоординировать линии поведения. Ведь английский парламент создал особую комиссию для расследования набега Джемсона, в просторечии — «родсовскую комиссию».

Каждый из них, как Родс, так и Чемберлен, хотел прежде всего спасти себя. Не обошлось без взаимного шантажа. Необходимо выгородить английское правительство — это козырь Чемберлена, который сам был министром. Выгораживая правительство, он тем самым спасал себя.

Ну, а Родс, понимая, что целиком уйти от ответственности он не сумеет, хотел, чтобы из него не делали козла отпущения и дали возможность взвалить основной груз вины на Джемсона. И чтобы правительство не пошло на поводу у критиков «Привилегированной компании» — их число после набега сильно возросло — и не задело интересы этого главного родсовского детища.

Выработать единую линию было, конечно, нелегко. Все же, очевидно, именно тогда, в первые недели после набега, они договорились, как путем умолчания и лжи создать тот запутанный клубок, который историкам пришлось разматывать так долго.

101 ГОД СПУСТЯ

В январе 1997-го в Йоханнесбурге состоялся трехдневный симпозиум «Набег Джемсона и его последствия». Собрались историки Южной Африки, Англии, Америки, Канады.

У меня эта встреча всколыхнула давние воспоминания... Полвека назад первокурсник Ленинградского университета решил заниматься историей Южной Африки. Казалось, ему повезло: в университете работал преподаватель, который мог стать ему поводом в дебрях южноафриканского прошлого. Этот преподаватель еще в 1941-м защитил диссертацию — «Набег Джемсона». Но в 1949-м преподавателя арес-

товали. Продержали по тюрьмам и лагерям четыре года.

В ходе подготовки к симпозиуму выяснилось, что та диссертация была первой диссертацией на эту тему в мировой научной литературе. Преподаватель, Михаил Борисович Рабинович, был жив, ему шел девяностый год. Я, увы, уже далеко не первокурсник, написал ему в Ленинград, теперь Петербург, и он попросил сообщить о симпозиуме поподробней. На торжественном открытии я рассказал и о диссертации, и о его судьбе. Но моего письма об этом он уже не успел получить. Скончался в начале февраля, через несколько дней после симпозиума и за два дня до своего девяностолетия.

А симпозиум прошел с размахом: он был организован под патронатом семьи Оппенгеймер, королей алмазов и золота, пришедших на смену Сесилу Родсу. Для участников организовали экскурсию по маршруту отряда Джемсона и по тем местам, где жили важнейшие участники тех событий. На обеде, устроенном для нас в Ранд-клубе, 88-летний Гарри Оппенгеймер сидел под громадным портретом Родса.

Доклады были интересны. Но самое яркое впечатление у меня оставили не они и не фешенебельный Ранд-клуб, а сцена у обелиска, поставленного на месте, где одни бойцы отряда Джемсона погибли, а другие сдались. На ограде вокруг обелиска местные африканцы сушили белье. На нас, приехавших сюда историков, смотрели с изумлением. Вряд ли кто-нибудь из них знал о тех событиях. Это было для них чужое прошлое: Родс, Крюгер, их схватки между собой...

Даже на многолюдной публичной лекции, завершившей симпозиум, — только один африканец. В зале сидели седые джентльмены с седыми женами — для них все это было еще живо.

РОДЕЗИЯ ПРОТИВ РОДСА

Первые два с половиной месяца после злосчастного набега на Трансвааль Родс почти целиком провел в пути. 10 января он поехал из Кейптауна в Кимберли, может быть, чтобы ощутить поддержку самых верных вассалов. Ему действительно устроили восторженный прием. Затем он сразу вернулся в Кейптаун и 15 января отплыл в Англию. Но и там пробыл всего четыре дня. Утром 10 февраля уехал из Лондона и через Средиземное море отправился в Мозамбик, чтобы оттуда добраться в Родезию.

Путь он выбрал не кратчайший. Ему, отставному премьеру, не хотелось, должно быть, отвечать на бесконечные расспросы, принимать соболезнования и подозревать за ними злорадство. Не хотелось, как сто лет спустя принцессе Диане, все время быть под обстрелом репортеров. В Лондоне и Кейптауне это оказалось бы неизбежным. Долгое плавание имело тут преимущества.

А в Родезии — у себя — можно сохранить изоляцию. Пускать не всех и не всегда. Остаться наедине

с собой там, в стране, которую у него уже не отнять. Переждать весь этот шум.

Но обернулось по-другому.

20 марта, в тот самый день, когда Родс в Мозамбике ступил на африканский берег, в Булавайо произошла схватка отряда полиции с группой ндебелов. Сообщение об этом могло еще и не особенно настояжить администрацию «Привилегированной компании». Она расхлебывала последствия набега Джемсона, заметала те следы, которые еще можно было скрыть. Но 23 марта были убиты несколько европейцев, и среди них один из «комиссаров по делам туземцев». Сделали это те ндебелы, которых компания завербовала в состав своей полиции. Их поддерживали жители нескольких селений во главе с одним из братьев Лобенгулы.

В последующие два дня поднялось население нескольких округов, а к концу марта — и ряда других. Дома белых сжигали. Они вынуждены были отовсюду бежать к Булавайо и еще двум укрепленным пунктам. К середине апреля почти вся страна ндебелов, кроме этих трех пунктов, оказалась в руках повстанцев.

Так 1896 год нанес новый удар Сесилу Родсу, не знавшему прежде поражений.

После того как восстание началось, его неизбежность стала очевидной многим. Ведь с конца 1895-го в Родезии не было ни ее главного администратора, Джемсона, ни большей части его полицейских частей — они вместе с ним ушли в Трансвааль. Вооруженные силы компании уходили на глазах ндебелов. Отсутствие столь знакомого им доктора Джима они тоже прекрасно видели. Да и об исходе его набега узнали. Вот и решили не упускать момента.

Чешский натуралист Эмиль Голуб еще в январе 1896-го предсказал, что после провала джемсоновского набега «может произойти восстание матебелов». А в письме, которое получил от Голуба корреспондент «Таймса» в Вене 30 марта 1896-го, говорилось: «Уже девять лет, как я уехал из Южной Африки, но полная уверенность в восстании матебелов у меня возникла в тот самый момент, как я впервые услышал о деянии д-ра Джемсона». Каждый стратег обязан был учесть возможные последствия провала набега на Трансвааль, но сомнительно, чтобы Джемсон предусмотрел восстание матебелов. Голуб видел причину в самоуверенности Джемсона. Самоуверенность же была порождена, по его мнению, тем, что всеобщий восторг и преклонение в Лондоне вскрыли Джемсону голову.

Так или иначе, но Родс и Джемсон действительно не были подготовлены к восстанию матебелов. Их внимание приковали сперва организация набега, а потом — его провал.

Конечно, восстание могло произойти и без ухода отрядов Родса. Пожалуй, оно было неизбежно. Очень уж много недовольства накопилось в Южной Родезии, стране, которая теперь была центральной областью его империи.

ЖИЗНЬ В ЦЕНТРЕ ЕГО ИМПЕРИИ

Родс стремился быстро сломить традиционную жизнь в междуречье Замбези — Лимпопо и организовать все по-новому, в соответствии, как сказали бы теперь, со своей моделью. Он ведь хотел не просто захватить новые земли, а колонизовать их, создать большую и крепкую белую общину.

Ему чудилось, что он соберет здесь такую британскую молодежь, о которой писал в своих завещаниях, — людей, беззаветно преданных идее величия своей нации и своей империи. Таких, кто хочет добиваться и умеет добиваться, — старателей, фермеров, коммерсантов, инженеров. Деятельных, энергичных. Инициативных и вместе с тем слепо послушных ему, Родсу, — он хотел совместить несовместимое, как, впрочем, столь многие правители до и после него.

И, вторя ему, английская печать убеждала соотечественников, что колонизовать Родезию — дело британской национальной чести. Пионеры Родса воспевались как образец для подражания. «Таймс» не жалела красок: «Энергичные, решительные, загорелые, с пронизательным взглядом, эти пионеры — самая отборная часть англосаксонской расы».

Родс надеялся, что поселенцы создадут такие фермерские хозяйства, города, горное дело, торговлю, которые сделают страну, носящую его имя, важной частью Британской империи, а может быть, и всего мира. И что Родезия станет трамплином для расширения владычества в Африке, для воплощения плана Кейптаун — Каир: телеграфа, железной дороги, а в конечном счете и непрерывной, широкой и прочной полосы английских владений. И он с обычной напористостью осуществлял эти планы.

К изумлению ндебелов и шонов, с юга ехало все больше белых людей. В повозках и на лошадях. Самые бедные нередко проходили часть пути пешком, погибая от болезней и лишений.

Европейское население страны в 1895 году составило уже 3600 человек. Быстро воздвигалось новое Булавайо, на пять километров южнее разрушенной ндебельской столицы. Улицы прокладывались очень

широкими — так, чтобы упряжки, в которых бывало по 12, а то и по 24 пары волов, могли разъехаться без особого труда. Делались посадки быстрорастущих деревьев. Родс призывал строить как можно больше и быстрее: «Домá, домá, домá!» И город быстро застраивался.

На месте времянок из рифленых листов железа возводились кирпичные дома. Появлялись площадки для игры в крикет и даже скаковой круг, не говоря уже о барах и лавках. В марте 1895-го — прошло немногим больше года после войны с Лобенгулой — в Булавайо жило более полутора тысяч европейцев, в Солсбери — более семисот.

Человеку, давшему стране свое имя, хотелось всячески развивать предпринимательство, насаждать «дух Сесила Родса». Он поощрял в пионерах надежды, что Булавайо и другие города Родезии станут новым Йоханнесбургом и Кимберли. Он отобрал в Кимберли тридцать молодых людей, наиболее близких его образу колониста, и отправил их в Родезию.

Но жизнь там была трудной. Стоило Родсу появиться в Родезии, как поселенцы принимались жаловаться на тяготы и лишения, просили денег. Из тридцати отобранных молодых людей к 1896-му в Родезии осталось только двое. Остальные умерли или уехали из страны, подорвав здоровье.

Главное же, окончательно рушились надежды на золото, а оно-то было главной притягательной силой для колонистов. В начале девяностых стало ясно, что золота очень мало в стране шонов, теперь — что не лучше положение и на землях ндебелов. В 1894-м по поручению Родса страну объехал Джон Хеммонд. Он пользовался тогда славой чуть ли не лучшего в мире специалиста по золоту — и по технике добычи, и по обнаружению месторождений. Если у Род-

са и оставались еще какие-то иллюзии, то Хеммонд развеял их. Золота было мало.

Так что приходилось делать упор на развитие фермерского хозяйства. Родс решил согнать большинство африканцев в резерваты. Для этого была создана Земельная комиссия. В своем докладе она предложила выделить для ндебелов и «их бывших рабов» (то есть шонов, живших в области расселения ндебелов) два резервата общей площадью десять с половиной тысяч квадратных километров. Для шонов же вообще не выделялось никаких территорий с фиксированными границами. «Привилегированная компания» считала себя вправе продать колонистам любой участок в любом районе. Поселения шонов могли оставаться на проданных землях только с согласия новых хозяев, а те соглашались лишь при условии, что вожди и старейшины выделяют им рабочую силу.

«Привилегированная компания» считала своим трофеем стада скота. В начале 1896 года у ндебелов осталось лишь сорок тысяч голов скота, в шесть раз меньше, чем до войны 1893-го.

Вскоре после окончания военных действий, в начале 1894-го, Джемсон, как главный администратор, собрал индун и объявил, что их соплеменникам придется работать на рудниках и фермах.

Как заставить работать? Способов было несколько. Во-первых, вводился налог. Налог с хижины. С точки зрения европейцев, он был невелик. Но где африканцу взять деньги? Надо идти работать к белым. Правда, введение налога оказалось делом сложным — надо было провести перепись населения. К началу восстания это еще не было завершено.

Во-вторых, создание резерватов. Оно неизбежно приводило к появлению наемной рабочей силы. В ре-

зерватах земли меньше, прокормиться труднее. Значит — идти на заработки. Но и тут необходимо было время, чтобы этот механизм пришел в действие.

Третий путь был естественнее и не требовал административных мер. Африканцы видели товары европейской выделки — топоры, ножи, мотыги. Оценивали их преимущества и хотели их иметь. Для этого нужны деньги, а значит, работа на белых. Но и этот путь был небыстрым.

Компания хваталась за самое простое и, казалось бы, эффективное — прямое принуждение. Комиссары по делам туземцев приказывали вождям и старейшинам посылать молодежь в рудники и на другие тяжелые работы на два-три месяца в году. А поскольку эти приказы выполнялись крайне неохотно, для набора рабочих отправлялись полицейские отряды.

Не пренебрегла администрация Родса и телесными наказаниями. Один из очевидцев, англичанин Томпсон, писал. «Достаточно было любому из этих парней сказать по-английски «двадцать пять», чтобы вызвать на его лице грустную усмешку, — они прекрасно понимают, что это означает». Дело в том, что именно 25 ударов плетью считалось обычным наказанием.

Британское правительство не противилось этим порядкам. Чемберлен, выступая в палате общин, недвусмысленно оправдал их:

— Когда, обращаясь к дикому народу, который прежде находил себе главное занятие в войне, приходится говорить: «Воевать вы больше не будете, война между племенами запрещается», то надо сразу рекомендовать ему, как же теперь добывать средства к существованию. И тогда приходится указать ему на обычный способ заработка: работу «в поте лица своего». Я сомневаюсь, однако, чтобы с подоб-

ным племенем нам удалось добиться чего-нибудь одними проповедями. Думаю, что тут не обойтись без дополнительного воздействия — принудительного стимула или даже некоторого насилия. Ведь речь идет о том, чтобы обеспечить успех дела, полезного для всего человечества, для цивилизации.

В «Таймсе» можно было прочесть: «Туземцы совершенно довольны новым режимом и полны желания работать для поселенцев». А сами ндебелы говорили:

— У нас отобрали нашу родную землю, у нас отобрали наш скот, нам не на что жить... мы стали рабами белого человека, мы — ничто, у нас нет никаких прав и никаких законов.

ВОССТАНИЕ

Восстание ндебелов готовилось тщательно. Не в каких-то отдельных местностях, а повсюду или почти повсюду. Всем народом. Организацией занимались многие из самых влиятельных людей: индуны, родственники Лобенгулы. Важную роль играли служители культа высоко почитавшегося духа Млимо. Он играл у ндебелов ту же роль, что дельфийский оракул у древних греков.

Уже потом, в разгар восстания, охотник Силус вспоминал, что к нему приходил Умлугулу, родственник Лобенгулы, и старался исподволь выпросить, какова численность войск «Привилегированной компании» и сколько ушло с Джемсоном. А инженер Хеммонд припомнил, что городская стража задержала женщину, которая в связке хвороста проносила ассегай для своих соплеменников, живших в Булавайо.

Среди самих ндебелов еще в феврале поползла молва, что Млимо решил покончить с господством пришельцев. Предзнаменованием считали прошедшее тогда полное затмение луны. Вновь ожила легенда, что Лобенгула не умер, а далеко на севере собирает войско для похода против англичан.

Время года не благоприятствовало восстанию. Дожди кончились. Начинался сухой сезон, когда дороги просыхали и вся страна становилась проходимой для английских войск. К тому же в мае начинался сбор урожая. Упускать уборку было нельзя — мог начаться голод.

Все же перевесили соображения, связанные с уходом Джемсона и части его войск. Дополнительную и важную роль сыграл массовый падеж скота из-за эпизоотии, которую называют чумой скота. Власти «Привилегированной компании» стали проводить сплошной убой скота, чтобы прекратить распространение заразы. Это доводило людей до отчаяния. Вот они и решили действовать быстро и выгнать англичан еще до уборочной страды.

Весьма правдоподобно рассказал потом о плане повстанцев Баден-Пауэл. Впоследствии он стал генералом, а приобрел известность тем, что основал бойскаутское движение. Тогда же, в 1896-м, он приехал помогать Родсу подавить восстание. По его сведениям, восстание намечено было поднять в новолуние, 30—31 марта. Ндебелы должны были двинуться к Булавайо, окружить его с трех сторон, выгнать пришельцев, а затем, разбившись на мелкие отряды, изгнать их из страны.

Правда, первая схватка произошла на полторы недели раньше, спонтанно, как это часто бывает, когда напряжение достигло предела. Но дальнейшие события пошли, в общем, по плану. В первые же дни

жрец Млимо провел индабу — собрание индун. Там план действий был принят окончательно. Повстанческим центром были горы Матопос, наименее доступный для английских войск район страны.

Отряды воинов организованно двинулись к Булавайо, вплотную подошли к городу и заняли позиции с трех сторон, кроме юго-западной. По подсчетам англичан, возможно преувеличенным — у страха глаза велики, — к началу двадцатых чисел апреля силы повстанцев насчитывали четырнадцать-пятнадцать тысяч воинов и находились в четырех с половиной километрах от Булавайо.

Так что Сесил Родс и тут оказался перед угрозой краха. Дело было не в том, падет Булавайо или нет, — повстанцам, сколько бы их ни было, вряд ли удалось бы преодолеть огонь пушек и пулеметов. Но после этой шумихи о новом Эльдорадо, о стране, где ожидается бурное процветание, — такой афронт! Срам на весь мир! Да еще после скандала с набегом Джемсона...

Взять Булавайо повстанцы не пытались. Окружив город с трех сторон, они оставили свободной главную дорогу — на юго-запад, к английским владениям. Как бы приглашали англичан уйти по-хорошему. На этой дороге за все время восстания не задержали ни одного экипажа, не убили ни одного европейца, хотя поблизости находились крупные силы повстанцев.

Должно быть, вожди ндебелов не хотели большого кровопролития и наивно думали, что европейцы испугаются и уйдут сами. К тому же среди вождей восстания не было единства. Они никак не могли договориться, кого избрать преемником Лобенгулы. И даже когда выяснилось, что белые люди не хотят уходить из Булавайо по оставленной им дороге, а,

наоборот, укрепляют город, — и тут возникли разногласия. Одни предлагали штурмовать город, а другие считали, что надежды на успех нет.

Тем временем англичане оправились от первого шока. Пока вырабатывался план действий, началась подготовка общественного мнения. В первых же корреспонденциях англичане читали о дикой резне, бесчисленных изуродованных трупах соотечественников, о зверски убитой белой девушке. В Булавайо взывают о спасении шести с половиной тысяч женщин и детей, которым грозит такая же участь, говорилось в «Таймсе». Разумеется, повстанцы не щадили белых, но все же, правды ради, надо сказать, что в Булавайо находилось только 1547 человек. И из них 915 были мужчинами призывного возраста, к тому же отлично вооруженными. Во всей области, охваченной восстанием, европейцев вообще было в два раза меньше, чем приведенная в «Таймсе» численность женщин и детей.

Но пропаганда делала свое дело — помогала Родсу. А тем временем формировались воинские части, подбирались офицеры. Английские власти сразу выделили десять пулеметов «максим» последнего образца. Золотопромышленники заявили, что они на собственные средства создадут отряд волонтеров. В Южную Родезию отправились отпрыски семей лорда Грея, лорда Гиффорда, других аристократических родов Англии. Лондонское правительство не скрывало, что английскому солдату придется проливать кровь за «Привилегированную компанию». Когда Чемберлена спросили в парламенте, кто будет оплачивать расходы по подавлению восстания — компания Родса или казна, он ответил, что находится «в сомнении».

Оставленную ндебелами дорогу англичане ис-

пользовали не для того, чтобы уйти, а, наоборот, чтобы получать подкрепления. В Булавайо приехал лорд Грей, он сменил Джемсона на посту администратора Южной Родезии. Он устроил 3 мая парад войск и заявил:

— Булавайо теперь в такой же безопасности, как Лондон.

В начале июня все основные британские подкрепления уже подтянулись, и английских солдат, полицейских «Привилегированной компании» и вонтеров насчитывалось в Южной Родезии уже три тысячи человек. Начались широкие операции к северу от Булавайо.

Жгли селения, угоняли еще оставшийся у африканцев скот, уничтожали посевы и продовольственные запасы. А «укрепления» — пещеры, где скрывалось население, — взрывали динамитом. Отголоски этих расправ доходили до Англии, и правительству приходилось отвечать на вопросы в палате общин. Но в ответах звучала лишь непреклонность. На вопрос, отвечает ли правилам ведения войны уничтожение жилищ огнем и динамитом, Чемберлен отвечал:

— Обычаем южноафриканской войны сжигание селений туземного врага соответствует.

На вопрос об уничтожении продовольствия:

— Я полагаю, что зерно уничтожается нашими силами тогда, когда невозможно увезти его с собой для снабжения наших людей.

А о возникшем у ндебелов голоде:

— Я полностью доверяю своим должностным лицам на местах и не собираюсь вмешиваться в их компетенцию.

Все это Чемберлен говорил под аплодисменты немалой части палаты общин.

В июне и первой половине июля страна к северу от Булавайо уже была разорена. Но главный оплот восстания находился к югу, в горах Матопос. Туда отступали повстанческие отряды, окружавшие Булавайо. Туда направились и главные карательные силы.

Вскоре оказалось, что тут, в Матопос, нечего рассчитывать на скорую победу. Конечно, голод был мощным союзником. Но во-первых, сколько-то продовольствия в горах было припасено. Главное же, скалы давали повстанцам возможность обороняться долго.

А воевали они, как говорилось в английских сводках, «с величайшим неистовством». Доведенные до отчаяния уничтожением своих селений, истреблением своих семей, они стали нападать сами. В ночь на 20 июля они напали на отряд в четыреста семьдесят человек. Бой длился шесть часов. Англичане потеряли тринадцать человек убитыми и тяжелоранеными. Для колониальной войны и для одной только схватки цифра была необычайно большая.

На следующий день англичане попытались напасть на полк Бабияна. Этот индуна, когда-то ездивший в Англию к королеве Виктории, теперь глубокий старик, был одним из вождей восстания. Его воины умело использовали естественные укрепления горного кряжа, и англичанам пришлось удовольствоваться тем, что они взорвали динамитом несколько пещер. В официальной телеграмме в Лондон говорилось: «Результаты неудовлетворительны. Потери врага очень малы, очевидно — 50 человек. Моральный эффект сражения сомнителен».

Не припомню, чтобы Киплинг, столь часто цитированный на страницах этой книги, писал прямо о воинах-ндебелах. Но к ним вполне справедливо от-

нести его слова о суданцах, в те же годы сражавшихся с англичанами на другом участке полосы Кейптаун — Каир.

Мы пьем за вас, Фуззи-Вуззи, за миссис
и за малышей!

Нам дали задачу — разбить вас, и, конечно,
мы справились с ней.

Мы били по вас из Мартини, жуля в честной игре,
Но в ответ на все это, Фуззи, вы нам прорвали
каре!

Мы пьем за вас, Фуззи-Вуззи, за Судан,
где родной наш дом!

Вы были темным язычником, но первоклассным
бойцом,

Оттого, что вы, Фуззи-Вуззи, с головою,
как стог на дворе,

Черномазый бродяга, прорвали британское каре.

О схватках с ндебелами Родс знал теперь не как в 1893-м, не по донесениям. Сейчас он сам стоял во главе отряда в двести пятьдесят человек. В мае, за час до того, как его отряд вышел в путь к Булавайо, он отправил письмо сэру Харкурту, главному судье на процессе по набегу Джемсона. Письмо очень сентиментальное. Он просил Харкурта понять: «Я пытался объединить Южную Африку, и у меня не было никаких эгоистических мотивов». Просил сжечь письмо, если он останется жив. Ну, а если нет, то чтобы Харкерт, сидя в гостиной и покуривая, вспоминал последние слова его, Родса.

Что же, на самом деле Родс жил в ожидании смерти? Или это была игра, и он хотел тронуть сердце старого судьи? И вообще, почему он написал именно Харкурту? Может быть, потому, что от Харкурта в немалой степени зависел если и не приго-

вор, то, во всяком случае, моральная оценка действий Родса. И была опасность, что Харкурт не будет выгораживать Родса в той мере, в какой ему, Родсу, хотелось бы. Назвал же его Харкурт «способным, но нечестным»!

В начале мая Чемберлен просил Родса и Бейта выйти из совета директоров «Привилегированной компании». Родс ответил телеграммой: «Отставка может подождать — завтра у нас бой с матебелами».

Письмо Харкурту Родс писал два дня, 13 и 14 мая. Может быть, оно слишком долго шло к Харкурту, а может быть, недостаточно тронуло его, слышавшего и не такие признания. Во всяком случае, 21 июня 1896-го Харкурт написал Чемберлену: «Пока Родс остается директором-управляющим, в Южной Африке не будет мира».

26 июня Родса вывели из состава директоров «Привилегированной компании». А ведь это было главное детище всей его жизни! Любимое.

А тут еще, в те же дни, в двадцатых числах июня, началось и восстание шонов в восточных округах Южной Родезии. «Вся страна вокруг Солсбери восстала», — сообщалось в донесении из Солсбери от 23 июня.

Еще одна опора уходила из-под ног Родса. Весь мир знал с его слов, что завоеванием Родезии, свержением «кровавой тирании» Лобенгулы он спас «миролюбивых» шонов от «кровожадных» ндебелов. А теперь шоны вслед за ндебелами поднялись против своего благодетеля!

И если восстание ндебелов и шонов затянется, акции «Привилегированной компании» совсем упадут, весь этот громадный биржевой мыльный пузырь лопнет! Родсу припомнят и его собственные заявления, что не генерал, присланный из Англии, и не

офицеры королевской армии руководили операциями по подавлению, а он, Родс. Если сам руководил, то и свалить не на кого!

В Лондоне его ждет парламентское расследование набега Джемсона. А сюда, в его Родезию, прибыл заместитель британского верховного комиссара Южной Африки, чтобы разобраться в причинах восстания.

Но может быть, самое главное, чего он боялся, — что память о нем, слово «Родезия», только-только успев появиться на картах мира, так и не сумеет удержаться... Его имя! Он нервозно говорил:

— Ведь нельзя же это изменить! Невозможно переменить название. Слыхали вы когда-нибудь, чтобы название страны меняли?

Да, Родс тогда понял справедливость пословицы, что беда не приходит одна... И от проклятой малярии никак не избавиться. Трясет... Сердце все время напоминает о себе... И почти никого из близких людей нет рядом. После злосчастного набега почти все они в тюрьме, под следствием... По словам одного из его биографов, он даже думал о самоубийстве. Вероятно, это преувеличение. У него оставались еще и покровители, и последователи, и, главное, деньги.

Но все же для спасения всего, что он считал делом своей жизни, нужны были чрезвычайные действия. Какие?.. Какие?..

РАДИ ТАКИХ МГНОВЕНИЙ СТОИТ ЖИТЬ?

Завязать переговоры с ндебелами? Они хорошо помнили войну 1893-го, когда одно посольство Лобенгулы за другим бесследно исчезали, «по ошибке» расстрелянные родсовскими пионерами.

Начались попытки установить хоть какой-то контакт. Наконец, посланцам Родса удалось встретиться с несколькими индунами. На предложение прекратить сопротивление индуну ответили:

— Почему мы должны сдаваться? Мы держимся крепко и отбрасываем белых каждый раз, когда они нас атакуют... если белые устали от борьбы, они могут прийти и сдаться.

Посланцы Родса взяли неверный тон. Все надо было начинать сначала.

Наконец в горах наткнулись на древнюю старуху. Она была одной из жен Мзиликази, отца Лобенгулы. Через нее и установили контакты с вождями повстанцев. После долгих переговоров они объявили, что согласны встретиться с Родсом, если он придет к ним в сопровождении не более трех человек.

Встреча и переговоры, или на языке ндебелов — индаба, состоялась 21 августа. В качестве переводчика Родс взял с собой Коленбрендера — он выступал в этой роли еще при посольстве Лобенгулы в Англию.

Вокруг пяти-шести виднейших индун расположилось множество воинов. На Родса обрушился шквал обвинений. Ему пришлось выслушать, какие бесчинства творили его комиссары по делам туземцев, его пионеры и его полиция. Это были обвинения Родсу: ведь он сам устанавливал порядки. В отношении поселенцев к африканцам отражались его взгляды, его девиз, что ему важна земля, а не туземцы. Но тут, на переговорах, он назвал это злоупотреблениями, совершавшимися вопреки его воле.

В какой-то момент Родс отошел от своих спутников и сел среди ндебелов, стараясь подчеркнуть, что он целиком с ними. Заверил, что он сам, лично, займется реорганизацией управления страной. Все зло-

употребления «в прошлом — с ними покончено. Они не повторятся». Индуны не понесут кары за восстание, и им будет передана вся та полнота власти, что была у них при Лобенгуле.

Встреча продолжалась четыре часа, и Родс добился своего: было решено продолжить переговоры.

Миру стало сразу же — и в красочных подробностях — известно о подвиге Родса, о том, как он пришел в стан врагов и, ежеминутно рискуя жизнью, добился прекращения кровавой войны. Великий строитель империи приходит безоружным к дикарям. А себе Родс казался Наполеоном на Аркольском мосту, когда тот, столетием раньше, в 1796-м, бросился вперед со знаменем в руках.

Никто не покусился на его жизнь, хотя возле индун стояли молодые воины, такие горячие головы. Каким бы ненавистным ни был для них Родс, они знали, что за его спиной — армия. Понимали, что мирные переговоры нужны им самим. И видели, что у англичан есть надежный союзник — голланд.

Но все же, что и говорить, Родс рисковал. Могло произойти что угодно. Так что он, наверно, был искренним, когда сказал:

— Вот ради таких мгновений и стоит жить!

Через неделю, 28 августа, состоялась вторая встреча. Она оказалась еще более бурной. Индуны Длизо и Бабиян перечисляли все новые и новые несправедливости. Обстановку накалили выкрики и выступления молодежи. Один из молодых воинов спросил Родса:

— Где же мы будем жить, когда все это кончится? Ведь белые люди считают себя хозяевами всей земли.

Родс ответил:

— Мы выделим вам районы поселения У вас будут отдельные зоны, мы дадим вам землю

Воин закричал в бешенстве:

— Вы дадите нам землю в нашей собственной стране? Какой же вы добрый!

Увидев в его руках ружье, Родс запротестовал. Тот ответил:

— Вы потому только и разговариваете со мной, что у меня в руках ружье. Я понял, что белые люди обращают на мои слова куда больше внимания, когда видят у меня ружье. Как только я положу ружье, я — никто. Тогда я — только пес, которого можно пинать ногами.

Среди ораторов на этой встрече оказался и один из секретарей Лобенгулы, сравнительно молодой человек, которого корреспондент «Таймса» называл Карл Кумало. Он рассказал, что его арестовали в Булавайо. По его словам, доказательством его участия в восстании — единственным, но вполне достаточным — сочли то, что он «образованный туземец». Его пытались пристрелить «при попытке к бегству». Но рана в голову оказалась несмертельной, он отполз, спрятался и затем действительно пошел к повстанцам.

Выступление Кумало и его «воскресение из мертвых», как писали английские газеты, было очень неприятно Родсу. Не только из-за понятного озлобления этого человека, но и потому, что он знал обстановку в английском стане, противоречия, разногласия. Знал даже, что ведомство верховного комиссара готовило расследование действий администрации Родса и что сэр Ричард Мартин должен этим заниматься. Кумало потребовал, чтобы Мартин встретился с повстанцами.

Карла Кумало поддержал Бабиян. Он сказал, что,

по слухам, «Белая королева» прислала в страну своего индуну для расследования дел. Это хорошо, заключил он, теперь, может быть, наконец перестанут скрывать правду.

Знакомство с «индуной королевы» состоялось 9 сентября, на третьей встрече. На этот раз с английской стороны вместе с Родсом был новый администратор Родезии лорд Грей и «королевский индун» Ричард Мартин. Но встреча не оправдала надежды ндебелов. В отличие от Родса, который терпеливо выслушивал, Мартин прочитал ндебелам предлинную лекцию. Особенно попрекал Бабияна. Сказал, что британское правительство недоумевают, как это такой человек, как Бабиян, побывав в Англии и собственными глазами увидев могущество королевы, все-таки решил выступить против нее. Разве он не понимает бессмысленности этого, разве до него не доходит, что королева не оставляет такие действия безнаказанными? Но королева милостива, она прощает всех, кто сражался на поле боя. Судить будут только тех, кто совершал убийства, нападая на мирных поселенцев.

Наконец 13 октября состоялась заключительная индаба, на которой присутствовали уже все или почти все индуны — и те, что восстали, и те, кто не присоединился к повстанцам. Она ознаменовала конец восстания ндебелов.

Как удалось Родсу добиться этого?

На этих переговорах Родс, может быть впервые, понял, что с африканцами надо считаться. Всегда считал, что каждый человек имеет свою цену. Значит, и африканец тоже. Индун, во всяком случае наиболее влиятельных, надо подкупить. Им было обещано восстановление былых прав. Родс разделил страну на двенадцать округов и во главе каждого

предложил поставить одного из индун (их власть, конечно, не распространяется на белых). Им обещали и жалованье. Для примера все это сразу было дано тем, кто не принимал активного участия в восстании.

Надо сразу сказать, что этой мерой Родс не снискал новых лавров у пионеров. Многие из них, если не большинство, были твердолобее своего вождя. Не все понимали, зачем, собственно, нужны какие-то уступки. В журнале «Булавайо скетч» 17 октября говорилось: «Теперь надо показать, что под перчаткой-то — железный кулак». А появление индун в Булавайо 24 октября, по приглашению Родса, поселенцы встретили сарказмом. Так что действия Родса, как это ни странно нам сейчас, кому-то тогда казались вольнодумным самоуправством.

Одними уступками индунам Родс, конечно, ограничиться не мог. Он отказался от широких репрессий против повстанцев, пообещал многим поселениям оставить те земли, которые у них были при Лобенгуле. И, в связи с голодом, начал раздачу продовольствия.

Убедившись, что соглашения, которых он добился, уже действуют, он в декабре 1896-го отправился из Булавайо в Кейптаун...

С племенами шонов, не имевшими такой военной организации, он не стал вести переговоры. Их принуждали к капитуляции карательными мерами. Это делалось и во время восстания ндебелов, а когда оно кончилось, масштаб операций против шонов увеличился. Сколько деревень и кланов исчезло тогда...

Соседи шонов, бушмены, которых так мало осталось, вечерами задумчиво пели у костров:

Когда нам умереть
Наступает срок,
Приходит ветер,
Чтобы нас смести
Он вздымает пыль
И метет песок,
Чтоб навек стереть
Следы наших ног,
Чтобы наши следы
Унести с земли —
Со всех дорог,
Где мы в жизни шли

На землях шонов сжигали посевы, стреляли из пушек по пещерам, где скрывались жители восставших селений. Взрывали их динамитом. После взрывов долгое время нельзя было даже проходить возле этих пещер, настолько сильным было зловоние от разлагавшихся трупов. Генерал Каррингтон, командовавший операциями, называл их «полицейской работой».

Вот один из примеров. Деревня Шангве находилась на вершине крутого холма, на высоте двести шестьдесят метров. В прошлом ндебелы не раз осаждали ее, но уходили ни с чем. Англичане сделали то, на что не пошли ндебелы, хотя додуматься было не так уж трудно. Они лишили повстанцев доступа к воде. Установили пулеметы на спусках с холма. Осажденные оказались в отчаянном положении. Но из мужчин только двенадцать сдались, остальные стали прорываться сквозь пулеметный огонь. Девяносто из них погибли, остальные прорвались. Двести измученных многодневной осадой женщин сдались. Очевидцы восхищались их поведением. «Самообладание женщин, когда их привели в лагерь, было необычайным. Они провели много дней без воды, и

их жажда была ужасна; однако они спокойно сели в круг и, когда им принесли воду, стали пить ее без видимого нетерпения. Не было никакого беспорядка, каждая делала глоток из кувшина и передавала его своей соседке; их стоическое спокойствие было изумительно».

«Усмирение» шонов продолжалось еще год после договора Родса с вождями ндебелов. Последние очаги восстания подавили только в конце 1897-го.

Потому что, останься
Нестертый след,
Выходило бы так,
Что нам смерти нет.
И поэтому ветер
В назначенный срок
Сметает с земли
Следы наших ног.

Да и самим ндебелам Родс надавал столько обещаний — и когда-то, в дни переговоров с Лобенгулой, устами Матембеле Томпсона, и теперь, уже самолично. Матембеле Томпсон вспоминал потом, что еще раз в своей жизни приехал в Родезию в 1904-м, и на платформе железной дороги, которая уже пересекла эту страну, встретил знакомого индуну. Тот сказал:

— О Томпсон, как же вы тут обращаетесь с нами теперь, после всех обещаний, которым мы поверили?

— Я не нашелся, что ответить.

Родс считал горы Матопос полем своей славы. Он повесил у себя в спальне портрет вдовы Мзиликази, которая помогла устроить первую встречу с индунами. Это единственный женский портрет, когда-либо украшавший жилище Родса.

Во время переговоров волонтеры обнаружили в одной из пещер скелет. Окружающие его предметы явно указывали, что это — священное место. Это было захоронение Мзиликази, отца Лобенгулы. Бесшабашные пионеры разграбили захоронение, опрокинули скелет. Индуны пожаловались Родсу. Он приказал по возможности привести все в прежний вид. А впоследствии завещал похоронить себя там же, в местах переговоров с индунами, неподалеку от Мзиликази.

Забегая вперед, скажу, что там его через шесть с половиной лет и похоронили. В скалах, вдалеке от человеческого жилья.

...В начале 1980-х я, будучи в Родезии, теперь уже Зимбабве, решил поехать на его могилу. Но получил от властей отказ. Стал допытываться почему. Ответили:

— Ну как же, уже весна, трава высокая.

Такой ответ меня озадачил.

— Ну и что же?

— Так диссидентам легко там прятаться и стрелять оттуда.

Такое употребление слова «диссидент» озадачило меня еще больше. У нас в СССР оно как-то не связывалось ни с высокой травой, ни со стрельбой.

Оказалось, что диссидентами называли тех людей из народа ндебеле, которые выступали против властей Республики Зимбабве, возникшей в 1980-м на месте Южной Родезии. Не странно ли? Сбросили колониальный режим, появилось молодое африканское государство...

А давние племенные распри остались. Большинство населения — шоны. Они — и в правительстве. Против недовольных ндебелов отправили войска — 5-ю бригаду. Она расправлялась очень жестоко.

Вот и не пришлось в тот раз побывать на могиле Родса.

КРАХ ИЛИ ТОЛЬКО СРЫВ?

Конечно, до внешнего мира доносились лишь глухие отголоски пулеметных очередей и взрывов динамита в таких далеких от Европы и в таких чужих селениях. Но все же доносились...

Вспышкой, показавшей те расправы, были, пожалуй, не сводки военных действий и не сообщения журналистов, а повесть Оливии Шрейнер «Рядовой Питер Холкит из Машоналенда», изданная в 1897 году. Она приобрела такую известность, что и в России была переведена немедленно, в 1898-м, и потом выходила еще не раз. Перед титульным листом первого английского издания читатель видел фотографию: родезийский пейзаж, дерево, на нем повешены три африканца, и рядом — группа пионеров в самодовольных, гордых позах. Какой шок для английских аристократок, поклонниц Сесиля Родса!

Каково тогда было Родсу? Только-только был в зените... Как мучительно гадал, удастся ли еще что-то сделать в жизни. Судя по его нраву, был уверен, что в конце концов снова взнуздает Ее Своенравие Фортуны. Но нужно время. Может быть, годы. А

есть ли они? По ночам мерещится, что последняя черта — вот-вот, уже холодом веет от нее.

Снова и снова перечислял и взвешивал все за и против.

Да, удары получил страшные, один за другим. Когда в придачу ко всему еще сгорел дотла Хруте Скир, кейптаунский дворец, у Родса вырвался стон.

— Набег, мятеж, голод, падеж скота, и теперь еще мой дом сгорел. Я чувствую себя Иовом, разве что не изранен.

МИЛЛИОНЕР ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ИОВОМ

До бедности библейского Иова Родсу было куда как далеко. Но вот ореол человека, которому никогда не изменяет госпожа Удача... Этот ореол завораживал и простых людей, и вершителей судеб Англии и Европы. Потому-то и совсем уж небогатые люди на свои трудно скопленные деньги покупали его однофунтовые акции, вверяли ему судьбу, считали, что с ним не пропадешь. Да и аристократы, так легко ставя свои имена в списках учредителей компании рядом с магнетическим словом «Родс», не боялись осрамиться...

А теперь! Даже левиафаны английской печати, всегда так превозносившие Родса, и те нет-нет да и позволяют себе... Да что там! Уильям Стед — как уж делился с ним Родс, как старался сделать единомышленником. А поди ж, и он после джемсоновского набега уже не тот. Ну, скажем, не совсем тот. Близость-то осталась, но веры той — нет.

А политики! Выжидают. Не все, но многие. Вот Асквиту предложили войти в парламентский комитет по расследованию набега. Сам Чемберлен приезжал,

уговаривал. Отказался. Не хочет связывать себе рук. Посмотрит, куда ветер подует.

Потом жена Асквита вспоминала об этом предложении Чемберлена. Она тогда спросила мужа, почему он отказался. Он ответил:

— Что я — круглый дурак?

А эти аристократы, которых Родс так задабривал пакетами акций, директорскими креслами своих компаний! Им самим, может быть, казалось, что они его поддерживают даже больше, чем он того заслуживает.

А он, в свою очередь, в большинстве из них, конечно, видел предателей. Чего же и ждать от них, от этих любителей загребать жар чужими руками, его руками. На что они вообще способны? Разве что на язвительные намеки в своем «высшем свете», в этой школе злословия. Да, конечно, они умеют двумя-тремя фразами испортить чужую репутацию. Как лорд Иллингворт или лорд Горинг у только что ставшего модным Оскара Уайльда. Может быть, часть его известности можно объяснить скандальным процессом, когда ему дали два года тюрьмы за гомосексуализм буквально накануне набега Джемсона. Но нет, он, конечно, необычайно талантлив. Даже в этой своей последней вещи. Кажется, «Как важно быть серьезным» — о ней заговорили тоже одновременно с набегом.

Публика смеется шуткам этих лордов. А смеяться надо над ними самими. Над их никчемностью, пустотой, неспособностью действовать. Если и есть в них что, на пустозвонство ушло. Отречься-то от него, Родса, и то, наверное, сумеют вот так же, походя, как от чего-то совсем постороннего и уж во всяком случае недостойного их.

А в самой Южной Африке для трансваальских буров нет теперь, пожалуй, никого ненавистнее Родса.

Буры Оранжевой? Деларей, небось, теперь жалеет, что просил Родса быть крестным отцом внука.

Капские буры! Каких трудов стоило сломить их настороженность. И добился ведь! Голосовали за него, верили, помогли стать премьером. Теперь все насмарку...

Самые верные помощники, друзья или почти друзья... Все побывали под судом, посидели у буров в тюрьме как заговорщики. Каждое имя газетчики всего мира полоскали как хотели. Каждый их шаг теперь на виду... Все это не вечно, разумеется, но пока...

И главное, сам Родс теперь не может выступать на политической арене как официальный государственный деятель. Премьерского поста уже нет. Остается лишь действовать за сценой. Других уговаривать. А они еще озираться будут, бояться!

Но, пожалуй, главным было даже и не это.

Удары не могли бесследно пройти для здоровья, нервов, психики. Раньше умел держать себя в руках. Многими удачами этому и обязан. А теперь усилилась раздражительность, неуравновешенность. Это видели все.

ГИБЕЛЬ СОПЕРНИКА-СОЮЗНИКА

А тут еще гибель Барни Барнато, с которым Родса связывала четверть века жизни, сперва как с главным соперником, потом — как с главным компаньоном.

Четырнадцатого июня 1897 года Барнато бросился в океан с палубы корабля «Шотландец». На корабле прозвучал сигнал тревоги — «Человек за бортом!». Бросились спасать, вытащили. Но было уже поздно.

Поражала неожиданность поступка. Барнато плыл из Южной Африки, где он делил с Родсом трон алмазного королевства. А на мировом золотом рынке Родс ему даже уступал.

С подробной его биографией можно было познакомиться даже в Петербурге, в Москве, в Сибири. Журнал «Русское богатство» рассказывал читателям:

«Каждое слово Барнея ловилось как мудрейшее изречение оракула... Ведь это был царь биржи, обладатель сотен миллионов, тот, кто одним движением бровей мог доставить состояние или же уничтожить его, словом, «наш Барней»!..» Нет сомнения, что в ближайшем будущем «наш Барней» заседал бы на красных скамьях палаты лордов. Сидят же там благородные *«Knights of the bottle»*: водочные герцоги, пивные маркизы, джиновые виконты, почему же, черт возьми, не сидеть и клоуну, раз у него денег столько, сколько у всех «рыцарей бутылки» взятых вместе?

Тогда, в июне 1897-го, Барнато плыл в Лондон, на торжества по поводу шестидесятилетия правления королевы Виктории. Они обставлялись необычайно пышно, как триумф Англии, британского флага, который развевался над четвертью планеты. Делегации от всех частей необъятной империи собирались в Лондон, чтобы участвовать в празднествах, назначенных на 20 июня. Вместе с Барнато на океанском лайнере плыли из Кейптауна самые высокопоставленные лица.

Проплывали Мадейру. Через четыре дня — Англия. Барнато неторопливо беседовал с Гордоном Сприггом, преемником Родса на посту премьер-министра Капской колонии. Поговорили, наверно, и о том потоке кимберлийских алмазов, который Барна-

то и Родс собирались выплеснуть к ногам своей королевы, — это был один из самых дорогих подарков даже на таком пышном празднестве. Потом Барнато справился у племянника, который час. Тот едва успел ответить: «На моих три часа тринадцать минут», как увидел, что его дяди уже нет на палубе. Барнато бросился в воду.

Конец Барнато не мог не потрясти Родса.

С его гибелью Родс потерял мощного союзника, крепкую опору. Друзьями они не были, нет. Родс мог, как и многие другие, посмеиваться над неотесанностью Барнато — тот не получил образования и за всю свою жизнь, может быть, не прочитал ни одной книги. Но после объединения их алмазных компаний тогда, в 1888-м, у Родса вряд ли могли быть претензии к Барнато. Бывший клоун не понимал честолюбивых замыслов Родса, недоумевал и даже подтрунивал над ним, как Родс — над его европейским акцентом, но не препятствовал компаньону пускаться в политические аферы и, в общем, подвергать какому-то риску престиж их совместного коммерческого дела (пусть потешится, если уж ему так хочется!).

И когда Родс оказался в беде — после набега Джемсона, Барнато сделал для него все, что мог.

Каково было Родсу терять такого союзника!

И не могло не напрашиваться сравнение. Они были однолетками, каждому по сорок четыре года.

Здоровье? У Барнато со времен его цирковых трюков осталась сноровка акробата. Да и потом он любил спорт, лишь за несколько лет до смерти перестал заниматься боксом. Его сердце, легкие — разве чета ему Родс!

И душевное состояние. У него, не в пример одинокому Родсу, была семья. Жена, дети. Тут, на корабле, отметил день рождения трехлетнего сына.

Барнато показывал команде подарок сыну — маленький велосипед.

Да и родню он любил — тоже не как Родс. Часть своих дел собирался передать племяннику.

Иссякла энергия? Тоже нет. Куча планов была. И хотя строил себе роскошный особняк в Лондоне, возле Гайд-парка, отнюдь не собирался уходить на покой.

Что же тогда? Скрытые болезни? Ну, да ведь один Бог знает, какие в ком гнездятся болезни.

Видно было одно: в самые последние годы Барнато стал куда более возбудимым, нервным. Стал пить. Его могучему организму нужно было не меньше бутылки, чтобы заглушить сознание, подавить что-то, постоянно мучившее его. Жаловался на галлюцинации.

Тяжело было Родсу перебирать все это в памяти. Ведь его самого галлюцинации мучили давно.

Всему миру казалось, что богатство пришло к Родсу и к Барнато, как к сказочному Аладдину. Но у них не было волшебной лампы. Они выбились в жестокой конкуренции с тысячами, десятками тысяч других. Подчинили все свое естество одной цели.

Говорят, Наполеон сказал, что в жизни за все надо платить. Да и не ему первому, конечно, открылась эта истина.

Барнато заплатил.

А Родс не мог без ужаса думать об этом...

ВЫ ЕЩЕ ВСПОМНИТЕ МОИ СЛОВА!

Но Родс был жив. А человек не может жить памятью о своих горестях да дурными предчувствиями. Человек живет надеждой. Тем более такой энергичный, как Родс.

И жизнь давала ему надежды. Изначальный инструмент влияния — деньги — это у него осталось. А разве этого мало?

В сущности, почти весь 1896 год Родс провел в Родезии. Лишь в самом конце года, в канун Рождества, прибыл в Капскую колонию, в Порт-Элизабет, а 27 декабря в Кейптаун. Отцы города дали в его честь торжественный обед на пятьсот персон. Родс произнес речь:

— Если мне разрешат поделиться тут своими мыслями, то я хочу сказать, что постоянно преуспевающий человек не знает по-настоящему ни себя, ни своего характера. Надо пройти период бедствий. Тогда вы поймете, кто ваши подлинные друзья.

Уже эти слова говорят, что Родс не был окончательно растерян. А дальше речь звучала намного увереннее. Он заверял собравшихся, что, каковы бы ни были его прошлые ошибки, он и дальше не отступится от своих целей, и прежде всего от «объединения» Южной Африки. 28 декабря Родс был уже в Кимберли, и там встреча была еще восторженнее.

Он сразу окунулся в кипучую деятельность. Железнодорожное строительство — в 1897-м поезда начинают ходить от Кейптауна до Булавайо и еще дальше, до родезийского поселка Умтали. Печется о развитии сахарной промышленности в Натале и расширении производства фруктов на бурских фермах мыса Доброй Надежды.

Если все это не вернет ему бурских голосов на следующих выборах и не помирит с ним партию «Африканер бонд», он готов создать новую партию и в конечном счете в 1898 году создает ее под названием Прогрессивная партия.

Постепенно он возвращает себе если и не все, то многие из позиций, утраченных после набега

Джемсона. И Марк Твен, проехав по всей Южной Африке в 1896-м, пишет о Родсе: «Весь южноафриканский мир — друзья и враги — трепещет от какого-то благоговейного страха перед ним. Одни видят в нем посланца божьего, другие — наместника дьявола, властелина людей, способного одним лишь дуновением осчастливить или погубить человека; многие на него молятся, многие его ненавидят, но люди здравомыслящие никогда его не проклинаят, и даже самые легкомысленные делают это только шепотом».

Но это все в Южной Африке. А на родине, в метрополии, в центре империи? Конечно, respectable викторианской Англии требовалось время, чтобы простить неудачу даже такому баловню, как Родс. Но постепенно приходило и это.

Шестнадцатого февраля 1897 года Родс, прибыв в Лондон, предстал перед комитетом палаты общин по расследованию набега Джемсона (его называли «Родсовский комитет»). Но сам Родс был не обвиняемым, а свидетелем.

Разбирательство велось настолько неторопливо, что Родса допрашивали только еще первым из свидетелей. После самого скандала прошло больше года, страсти поутихли не только в Англии, но и во всем мире. Сколько новых событий заслонили тот злосчастный заговор против Трансвааля! Облетевшая весь мир весть о Ходынке. Генерал Китченер начал войну в Судане. Поход французского офицера Маршана с целью опоясать Африку цепью французских владений. Франция захватила Мадагаскар. Эфиопы разгромили вторгшуюся в их страну итальянскую армию. В Афинах состоялись первые Олимпийские игры — они получили новую жизнь, были возобновлены после перерыва в полторы тысячи лет...

В парламенте и вне его считалось естественным говорить, что виновники набега Джемсона, собственно, уже понесли наказание. А особенно идти навстречу пожеланиям трансваальского правительства и смысла не имеет, поскольку Крюгер в течение этого года ведет себя по отношению к Англии просто вызывающе.

Допрос Сесила Родса велся на первом публичном заседании комитета. Собралось множество парламентариев, юристов, журналистов и тех счастливых, которым удалось достать пропуск. Среди зрителей был и принц Уэльский. Он не побоялся скомпрометировать себя, хотя его близкие отношения с Родсом и Джемсоном были известны.

На заседании парламентского комитета с Родсом обращались не как с главным виновником, каковым он был в действительности, и даже не как с подозреваемым в соучастии, а как с великим строителем империи и защитником прав граждан Великобритании. Сам он поначалу все же нервничал, на некоторые вопросы отвечал не без колебаний, прежде всего на вопрос, знали ли о готовящемся нападении на Трансвааль министр колоний Чемберлен и верховный комиссар Южной Африки Геркулес Робинсон. Но довольно быстро обрел обычную уверенность. На вопрос, в какой из своих многих ипостасей он считал себя вправе собирать войска на границе Трансвааля, он ответил:

— В качестве самого себя, поскольку я считал, что должен сделать это в интересах Южной Африки и своей родины. Вот мой ответ.

Затем он изложил свою политику «объединения» Южной Африки и буквально закричал:

— Вы еще вспомните эти мои слова... Прав я или нет, но я чувствую, что пришло время для перемен,

они уже надвигаются... Это только вопрос времени .. Это так же очевидно, как то, что мы заседаем здесь.

Основной смысл показаний Родса сводился к следующему. Конечно, он горячо сочувствует ойтландерам — уж очень они страдают от притеснений Крюгера. Он, Родс, своей властью пододвинул войска «Привилегированной компании» к границе Трансвааля, но другие директора этой компании и британские официальные власти в Южной Африке и в Англии не были об этом извещены. Что же касается самого нападения на Трансвааль, то тут уж и сам Родс не был оповещен. Джемсон перешел границу самовольно, и потому он, Родс, тоже не может нести ответственность за это.

В ходе дальнейшей работы парламентского комитета один из адвокатов процитировал чье-то высказывание об этих показаниях Родса:

— Каковы бы ни были суждения о политике и действиях мистера Сесила Родса, приходится признать, что его показания производят впечатление исчерпывающих, ясных, искренних и содержательных.

Работа парламентского комитета закончилась в июне 1897-го. Родса больше не вызывали. Геркулеса Робинсона не вызывали вообще — он болел и в октябре 1897-го умер. Джозеф Чемберлен был сам членом этого парламентского комитета. Вопрос о виновности двух последних даже не ставился. Виной Родса было признано только то, что он признал сам. Главный исполнитель — Джемсон вместе с остальными был уже на свободе.

Несколько десятилетий потом историки спорили, кто же на самом деле был виновен и в какой мере. Постепенно один за другим всплывали документы, скрытые во время расследования. Оказалось, что

чиновник по имени Грем Бауер оставил бомбу замедленного действия — отчет о подлинной истории набега Джемсона, но завещал обнародовать его лишь через пятьдесят лет. Выяснилось, что Чемберлен являлся инкогнито к Джемсону в тюрьму, чтобы согласовать характер публичных показаний. Нашлись и «исчезнувшие телеграммы»... Но ни Родса с Джемсоном, ни Чемберлена с Робинсоном уже не было в живых.

А тогда, с завершением работы парламентского комитета, Родс вздохнул свободнее... Проклятое расследование кончилось. Все его единомышленники — на свободе. И ни ему, ни им уже не проходить больше процедуру допросов, расспросов, не видеть унижительной возни вокруг этого в европейских газетах.

В том же году наименование «Родезия» было официально закреплено особым королевским указом. А в апреле 1898-го Родсу было официально возвращено его положение директора-управляющего «Привилегированной компании». По существу, распорядиться делами компании он мог даже в самые черные свои дни. Но все же и официальное признание чего-то стоит.

Еще важнее, что ореол в глазах английской публики поблек лишь чуть-чуть. Помог шум по поводу его появления среди повстанцев в горах Матопос.

Кое-кто в Англии стал с ним сдержаннее, но ведь появились и новые сторонники, да и старые в большинстве своем от него не отвернулись.

Вернулось к Родсу и поклонение высшего света (а может быть, оно и не покидало его?). Леди Асквит вспоминала потом, как она на одном из лондонских раутов не могла даже приблизиться к Родсу: его окружали, у ног его сидели дамы высшего све-

та, а он возвышался среди них «как бронзовая статуя».

А ближайший сподвижник Родса — Джемсон? Вот мнение той же леди Асквит. «Доктор Джим обладал удивительным магнетизмом и с представительницами моего пола мог делать все, что хотел. Он был одним из тех, кто, если бы избрал нечестный путь, мог стать богачом, — как врач, как предсказатель судьбы, читатель чужих мыслей или медиум. Но ему было чуждо любое мошенничество».

Сблизился Родс и с генералом Китченером. Тот еще не достиг вершины военной карьеры, не был еще военным министром, как в первую мировую войну, когда он и погиб, направляясь в Россию на крейсере, который в пути подорвался на германской мине. Не был еще ни фельдмаршалом, ни графом Хартумским. Но считалось, что, разгромив государство махдистов в Судане, он смыл пятно позора с британской армии: махдисты в 1885 году одержали победу над англичанами под Хартумом и убили генерала Гордона.

Еще большую популярность Китченер приобрел в столкновении с французским отрядом у суданской деревушки Фашода. Если бы французский план удался, надежда на осуществление идеи Кейптаун — Каир рухнула бы сразу. За спиной Китченера стояла Англия, за спиной офицера по имени Маршан — Франция. Маршану пришлось уступить.

Легко представить себе, какое родство помыслов почувствовали тогда Родс и Китченер. Когда-то Родс обсуждал свои замыслы с генералом Гордоном. Оказавшись в 1899 году одновременно с Китченером в Англии, он полюбил беседы с ним в лондонских парках, во время утренних прогулок верхом.

В июне 1899-го Родс и Китченер были одновременно провозглашены почетными докторами Оксфордского университета. Церемония проходила торжественно. Съехался «весь Лондон». Родс и Китченер бок о бок шли между рядов публики, как олицетворение величия и славы Британской империи. Их фотографировали. Им рукоплескали.

В журнале «Русское богатство» Шкловский рассказал об этой церемонии так:

«...Я, вместе со многими лондонцами, явился в Оксфорд, чтобы присутствовать при том, как Сесил Родс возьмет докторскую мантию, несмотря на протесты профессоров. Дело вот в чем. В 1891 г. легат Оксфордского университета уведомил Сесила Родса, что ему дано звание доктора *honoris causa*. Родс тогда еще не был «Наполеоном»; его физиономия не определилась; его имя не соединялось так странно с историей разбойничьего набега. Родс был тогда непопулярен среди джинго, так как дал 10 тысяч фунтов стерлингов на ведение агитации в пользу гомруля. Много лет Сесил Родс не являлся за получением мантии и явился тогда, когда «слава» его вполне определилась. Оксфордские профессора протестовали, но решение сената не уничтожается временем. Джинго решили воспользоваться появлением Сесила Родса, чтобы устроить демонстрацию против «анархистов», как они живописно называли всех профессоров, подписавших протест. Вот раздались крики «ура» и звуки величальной песни: «Он славный, веселый парень!» На эстраде появился высокий, плотный мужчина, начавший уже значительно округляться, с толстыми, как налитыми, лоснящимися щеками. Прежде всего наглые глаза да чувственные, ярко-красные губы.

— Не глядите боером! — крикнул один с галереи.

— Как поживает Крюгер? Вы его еще не отправили к праотцам? — крикнул другой.

— *Veni, vidi, vici!*

— Как по-латыни будет Родс (Rhodes), — спрашивает одна группа, а другая на это отвечает:

— «Родосский Колосс».

Снова гремят крики «ура».

Китченер превозносил не только Родса, но и Джемсона — даже как бессребреника. «Он мог бы создать состояние, а сам сидел без гроша! Он был по-настоящему славный малый».

Похвалы пионерам тоже были для Родса поддержкой. Вот один из бесчисленных примеров такого прославления: статья о Бенджамине Уилсоне, который, как и Фрэнсис Томпсон, получил прозвище Матембеле. Статья в лондонском журнале «Сауз Африка» 18 марта 1899 года начиналась так: «Визит Матембеле Уилсона — это как дыхание южноафриканских степей. На заурядного британского варвара с его дряблым телом и еще более дряблой моралью такой человек оказывает оздоравливающее влияние. Нравственно, это как юго-восточный ветер, наполняющий озоном из пустыни легкие, которые редко осмеливаются глубоко дышать в давящей атмосфере «цивилизованной» жизни».

Один из пионеров, американец Фредерик Банхем, опубликовав свои воспоминания, предпослал им в качестве эпиграфа фразу генерала Гордона: «Англию никогда не создавали ее государственные деятели; Англия была создана ее авантюристами». Это утверждение было в те годы популярно — и оно тоже стало для Родса поддержкой, тем более что, как известно, генерал Гордон высоко ценил Родса.

Да и сколько еще людей, популярных в тогдашней Англии, оказали поддержку Родсу!

Мохнатый шмель — на душистый хмель,
Цапля серая — в камыши,
А цыганская дочь — за любимым в ночь,
По родству бродяжьей души.

Да, фильм, который, наверно, все мы любим. «Жестокий романс». Но все ли знают, что сам-то романс — на стихи Киплинга?

В каких только обличьях не представлял перед нами Киплинг с тех пор, как его начали переводить на русский язык больше ста лет назад!

Могло бы ему, ненавистнику коммунизма, прийти в голову, что его стихотворение будет положено на музыку в Советском Союзе, да еще станет в центре популярного фильма?

Или что в военных лагерях и на стройках сталинского времени студенты-комсомольцы будут петь об Африке, которую никто из них не видел. А мы пели:

День-ночь, день-ночь — мы идем по Африке,
День-ночь, день-ночь — все по той же Африке...

В Англии слава Киплинга померкла задолго до его кончины. На его похороны не пришел ни один известный английский писатель. А у нас его влияние испытывали Гумилев, Тихонов, Симонов, а потом Высоцкий, Галич... Хотя запрещали его в нашей стране неоднократно. В последний раз не в фаворе оказались его стихи об англо-афганской войне. «Поверни от стен Кабула...» С конца семидесятых — ненужные параллели.

Но кто был кумиром для Киплинга? Родс.

Он сблизился с Родсом в первые месяцы 1898-го, когда долго жил на юге Африки. Отправился на поезде в Родезию, ездил на велосипеде по Булавайо и его окрестностям. Внимательно приглядывался к бурам.

Певец величия Англии, Киплинг был уроженцем Индии, женился на американке и одно время хотел обосноваться в Америке. Из-за всего этого он, должно быть, чувствовал себя в Англии как-то непросто. Родс был ему близок вдвойне — и верой в особую историческую миссию «Великой Британии», и как человек, проживший много лет вдали от Британских островов.

Киплинг мог в своем письме делиться с ним горестными мыслями о том, что Англия, в сущности, лишь маленький и довольно затхлый краешек земли. И вместе с тем именно в долгих разговорах с Родсом созрели его идеи о великом *Pax Britanica* и вообще о миссии белого человека. Свое стихотворение — «Несите бремя белых» — он написал в период близости с Родсом и опубликовал в «Таймсе» 4 февраля 1899-го. Не было ли оно стихотворным пересказом идеи Родса — той, с которой начинается эта книга, — о роли младших сыновей в распространении англосаксонского могущества? Стоит только вслушаться:

Несите бремя белых, —
И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридевять морей;
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть — чертям...

В одном из первых английских исследований творчества Киплинга, еще в 1900-м, его называли «Сесилом Родсом в литературе».

Преклонение Киплинга перед Родсом было настолько велико, что в весьма краткой автобиографии, маленькой книжке «Немного о себе», он снова и снова возвращается к личности Родса, говорит о

его замыслах, цитирует его слова, излагает его разговоры, рассказывает о его привычках, обычаях, царивших во дворце Хруте Скир.

Вспоминает даже о самой первой встрече в кейптаунском ресторане в 1891 году, когда Киплинг сказали, что человек, сидевший неподалеку от него, — Сесил Родс.

А первый разговор с Родсом, в 1897-м, произвел на Киплинга такое впечатление, что он поведал об этом подробно. Киплинг казалось, что Родс похож на римского императора. Родс, по своей привычке огорошить собеседника неожиданным вопросом, спросил его:

— Какова ваша мечта?

Киплинг ответил, что Родс — герой его мечты. И он, наверно, считал своим долгом прославлять Родса. Он с негодованием отверг слухи, будто брал гонорары за стихи о Родсе и в Южной Африке, печатавшиеся в «Таймсе». Работая в архиве Зимбабве, я нашел давно забытое интервью, которое Киплинг в октябре 1898 года дал редактору газеты «Ливерпуль дейли пост» под заголовком «Один великий человек о другом великом человеке». Привожу его почти целиком. Редактор изложил вперемежку свои вопросы и ответы Киплинга:

«— Его прекрасный идеал или, во всяком случае, его сегодняшний идол — мистер Родс. Что он думает об этом человеке?

— Что это величайший из людей, живущих сейчас на нашей планете.

— Но разве это не корыстолюбивая разновидность величия, если все связано с погоней за деньгами?

— Корыстолюбие? Человек, получающий миллионы и тратящий лично на себя не больше шестисот фунтов стерлингов в год? Он живет в неустроенной,

недостроенной усадьбе и держит дом, открытый для всех. Каждый может остановиться у него и пользоваться его немудрым гостеприимством. Мистер Родс никогда не председательствует за столом и никогда не тратит много времени на трапезу. На председательском месте сидит тот из гостей, кто живет у него дольше других, вот и все. Доступен ли мистер Родс? Для любого, и без официального представления. Прогуливаясь по его веранде, вы можете встретить бедную, больную женщину, которая пришла к нему с пачкой измятых документов и с горькими сетованиями на свои несчастья. Он задает ей лишь несколько коротких вопросов. А затем пишет записку, короткую, торопливым почерком:

— Отнесите такому-то. Все будет в порядке.

И такое вот правительство, состоящее из одного-единственного человека, на этой уютной, хотя и полуразрушенной веранде, действует весь день.

Конечно, Родс ценит свои миллионы. Он знает власть денег. Он понимает — а может быть, и не очень понимает, — какую роль его миллионы могут сыграть для создания его империи. Но быть поглощенным мыслями о деньгах — на это он просто не способен.

— Правда ли, что мистеру Родсу может быть брошен упрек в бесчеловечности?

— Что ж, судите сами. Мужчины-туземцы, отработав на алмазных копях и вернувшись домой, затем опять совершают долгий и трудный путь, чтобы снова работать у него. И ведь если их снова берут на работу, им приходится жить буквально взаперти, их выпускают не чаще, чем раз в три месяца. Однако они счастливы и довольны. Так что, видимо, обращаются с ними неплохо.

Мой следующий вопрос:

— А есть ли у мистера Родса, в общепринятом смысле, хоть какие-то моральные принципы?

— Ах ты! — воскликнул в сердцах другой великий человек. — Да ведь он создает империю!»

Все же Киплинг попросил редактора уточнить, что тот подразумевает под моралью. Получив ответ, что речь идет о высоких идеалах, поэт отреагировал резко:

— Прекрасный идеал — это и есть распространение цивилизации и создание империи ради такой цели.

Редактор, явно не без сарказма смотревший на обоих «великих», заговорил о религии. Он сказал, что, по широко распространенному мнению, люди руководствуются в общественной жизни теми же религиозными правилами, что и в личной. Но Киплинг и тут ответил резко:

— Религия не оказывает никакого влияния на образ действий.

Фанатично религиозные буры, сказал он, поддерживают все невежественное, Родс же — все передовое.

А на вопросы редактора о бурах и их политике Киплинг обвинил буров в бесчеловечном отношении к африканцам. И вообще возмутился:

— Что за чепуха! Сравнить величественную и во всех отношениях прогрессивную программу Родса с косной политикой этих отвратительных буров.

Редактор осторожно задал вопрос о рабстве. Не пахнет ли им в империи Сесила Родса? Такая постановка вопроса тоже вызвала у Киплинга бурную реакцию.

— Этого нет и не может быть. Может быть лишь принудительный труд, но в обществах, находящихся на примитивном уровне, это неплохо.

Редактор задал еще несколько ядовитых вопросов. Последний из них вывел Киплинга из себя на-

столько, что он сел на свой велосипед и уехал. Это был вопрос о набеге Джемсона: если уж Родс такой великий, разработал такие великолепные планы и так прекрасно их выполняет, как же он допустил эту катастрофу с набегом Джемсона?

Выведенный из себя Киплинг, уезжая, бросил:

— Ну вот, вы задали такой вопрос, на который, наверно, не будет ответа до Судного дня.

Интервью Киплинга очень интересно: ведь многим современникам Родса его образ рисовался именно таким. Конечно, эта апологетика не могла импонировать поголовно всем. Вот живой пример — уже из времен англо-бурской войны.

Киплинг приехал тогда в Южную Африку и работал в газете «Френд», в Блумфонтейне, захваченной англичанами столице бурской Оранжевой республики. Идеи, с которыми он обращался со страниц этой газеты, были близки приведенному выше интервью. Журналист, тоже работавший в этой газете, рассказав о совместной работе с Киплингом, завершил свои заметки так:

«Я отплыл в Англию на том же пароходе «Британец», что и Редьярд Киплинг, но не стал разговаривать с ним... До встречи с Киплингом я был одним из самых пылких его поклонников и читал все, что выходило из-под его пера, ну а потом я больше никогда уже не открыл ни одной из его книг. Я увидел в нем прежде всего английского джинго, который приехал в Южную Африку и нанес непоправимый вред как англичанам, живущим в Южной Африке, так и вообще Британской империи».

Но легко себе представить, какую поддержку дал Родсу такой почитатель, как Киплинг! Как он повлиял на настроения в британском обществе!

Духовная близость Киплинга с Родсом заставля-

ет здесь, на страницах этой книги, приводить многие кипплинговские стихи. В них лаконичнее и точнее, чем в рассуждениях иных современников и историков, переданы и дух политики Родса, и атмосфера, которую Родс и Кипплинг считали своей.

Кипплинг восторгался не только Родсом, но и его сподвижниками. Он сблизился с Джемсоном и видел в нем человека, осуществлявшего те идеи, которые он, Кипплинг, воспевал в стихах.

Какое из стихотворений Кипплинга наиболее известно и чаще всего цитируется? Пожалуй, «Заповедь».

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех,
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них,
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других

Кто не знает этих строк? На русском языке существует много переводов «Заповеди», даже таких великолепных поэтов и переводчиков, как Михаил Лозинский и Самуил Маршак.

Но чей образ, чья судьба вдохновила Кипплинга на это стихотворение? Судьба Джемсона. Его набег, тюрьма, суд. В своей автобиографии Кипплинг так и написал.

Джемсон для Кипплинга был подвижником, который пролагал Британии путь в неизведанные страны, не дрожал за свою жизнь, умел идти на отчаянный риск, а оказавшись в тюрьме, под угрозой смертной казни, проклинаясь даже своими соотечественниками, нес крест и за поступок, и за его провал. И не пытался скрыться за спинами тех, кто был еще ви-

новнее. Киплинг думал о Джемсоне, когда его рука выводила строчки:

Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять лжецов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ

А на памятниках Родсу — посвященные ему стихи Киплинга.

У Киплинга была возможность вжиться в мир Сесила Родса. С 1900-го по 1907-й он уезжал от лондонской зимы в кейптаунское лето. Большой красивый белый дом, который предоставил ему Родс, стоит и сейчас. Теперь он принадлежит Кейптаунскому университету и стал рабочим помещением для студентов из соседних помещений. На столах — компьютеры. Кабинет Киплинга — комната заседаний студенческого совета. Студенты, с которыми я говорил, ничего не знают об истории дома.

Дом окружен студенческими общежитиями, стадионами. Вокруг шумит огромный город. А во времена Киплинга это была природа, пусть и не первозданная, но все-таки еще и не разрушенная. Жена Киплинга подобрала осиротевшего львенка и выкормила его. Поблизости не было других строений. Не было не только автострады, которая сейчас грохочет рядом, но и дорог. Вдали виднелся дворец Родса, к которому можно было пройти тропинками. Киплинг нередко проделывал этот путь и обедал с Родсом. Во время этих обедов и возникла идея последнего завещания Родса, по которому его состояние отдавалось Оксфорду на стипендии.

Киплинг бывал на опытной ферме под Кейптауном. Там по заданию Родса выращивались деревья и растения, привезенные из других стран, чтобы выяс-

нить, не привыются ли они на южноафриканской почве и нельзя ли с их помощью улучшить сельское хозяйство или украсить местную природу. Почти через сто лет меня пригласили на эту ферму. Дали посмотреть и рукописный альбом, в котором на многих страницах почерк Киплинга. Его стихи и его рисунки.

После смерти Родса Киплинг написал архитектуру Бейкеру, называя Родса — «Он», с большой буквы: «Я думаю, что те, кто не сталкивались с Ним близко, никогда не смогут понять, кем Он был. В самом Его присутствии ощущалась Сила. Как в присутствии Джемсона — магнетизм».

С таким же пиететом относился к Родсу и Райдер Хаггард. Это тоже давало Родсу поддержку во мнении британской публики.

Райдер Хаггард был тогда одним из самых популярных писателей. К тому же и общественным деятелем. Его выступления в Обществе защиты аборигенов и его письма в газеты становились предметом широкой гласности.

Хаггард в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов жил в Южной Африке. Служил колониальным чиновником в Трансваале в годы, когда Трансвааль находился под властью Великобритании. А выйдя в отставку, попробовал силы и в сельском хозяйстве, завел свою ферму. Да и по возвращении в Англию, став писателем, большинство своих романов и повестей, начиная с «Копей царя Соломона», писал о южноафриканской жизни.

Он энергично поддерживал Сесила Родса со страниц журнала «Африкен ревью» — Хаггард был его редактором.

В 1896 году в Лондоне вышла книга «Монопотапа (Родезия). Ее памятники и ее история с самых древних времен до начала нынешнего столетия». Автор,

историк А. Уилмот, стремился доказать, как и многие другие, что давняя цивилизация в междуречье Замбези—Лимпопо — это остатки библейской страны Офир, копей царя Соломона. За прошедшие два тысячелетия «ее императоры превратились в кафрских вождей», писал он с пренебрежением к последним. Уилмот работал в Ватикане, Лиссабоне, в архивах ряда стран. Особенно благодарил иезуитов за предоставленные ими материалы. Работа Уилмота велась на средства Родса и по его указаниям. Автор поместил в начале книги посвящение Родсу.

А за посвящением следовало предисловие Райдера Хаггарда. В нем говорилось, что Южная Африка — это не край без прошлого. Прошлое было — Офир, великие библейские времена. Но потом, увы, пришли варвары.

Книга эта вышла в самое трудное для Родса время, после набега Джемсона. И показывала Родса в выгодном свете: как мецената, покровителя наук, поборника розысков забытых великих эпох истории человечества.

Через много лет после завоевания Родезии Хаггард посетил те места. Отношение к Лобенгуле и его народу у него не могло быть особенно доброжелательным. Та английская экспедиция, участником которой в 1878-м он не стал только по случайности, погибла. Он не сомневался, что это было делом рук Лобенгулы. Он постоял на том месте в старом, сожженном Булавайо, где, по его мнению, Лобенгула принимал его друзей. Хаггард был уверен, что инкosi тогда же решил покончить с ними, а чтобы не было свидетелей, то и с их слугами.

Оглядывая пепелище столицы ндебелов, Хаггард отмечал места, где обычно совершались казни, кустарники, куда бросали трупы казненных, и речку,

куда их бросали на съедение крокодилам. О Лобенгуле написал: «Несомненно, этот король-дикарь заслужил свою судьбу». Правда, тут же выразил ему и сочувствие, вспомнив, что тот покровительствовал европейским торговцам и защищал их.

Хаггард ездил на могилу Родса в Матопос, хотя путь туда был не короток и не легок. Глядя на гробницу, он старался представить, как чувствовал себя Родс в трагические дни своей жизни, после провала набега Джемсона и отставки с постов премьер-министра Капской колонии и главы «Привилегированной компании». И в каком состоянии Родс ехал безоружным на встречу с повстанцами в Матопос. И как «на одной из этих скал он в конце концов добился мира со своими противниками-дикарями». Хаггард считал, что чувства Родса ему хорошо понятны. «Зная его, как знал я, и будучи более или менее способным проникнуть в его сознание, я вполне понимаю, что же здесь происходило в те дни...»

Но особенно примечательно впечатление Хаггарда о его последней встрече с Родсом в «Бэрлингтон отел» в Лондоне. Назвав Родса, как обычно, «замечательным человеком», Хаггард добавил: «У меня есть все основания считать, что в последние годы Родс с раскаянием вспоминал о некоторых из дорог, по которым он поднимался к успеху и славе».

Даже среди самых страстных почитателей Родса мало кто отзывался о нем так патетически, как создатель Шерлока Холмса.

«Это странный, но поистине великий человек, могущественный вождь с грандиозными мечтами, слишком великий, чтобы быть эгоистичным, но и чересчур решительный, чтобы быть особенно раз-

борчивым в средствах, — человек, которого не измерить нашими привычными человеческими мерками, такими мелкими для него».

И даже больше. Родс — посланец небес. «Некоторых людей небеса посылают для целей духовных, как Будду или Христа, другие же спускаются с небес с особыми миссиями практического характера, как Жанна д'Арк, Наполеон и другие — те, кто творят историю. Посланцем небес был и Сесил Родс, и охраняемой Провидением превыше всех других человеческих установлений является Британская империя, для расширения которой он совершил так много».

Конан Дойл не посвящал Родсу своих произведений, но для поддержки его политики в Южной Африке сделал, пожалуй, даже больше, чем Киплинг и Хаггард. Это особенно сказалось в годы англо-бурской войны.

Зимним утром в один из военных дней Конан Дойла можно было увидеть в очереди желающих стать добровольцами. В газетах появился заголовок: «Шерлок Холмс идет на войну». Но его не взяли. Тогда он поехал уже врачом, работал в Блумфонтейне терапевтом и хирургом.

Но дело не в его личном участии в той войне. Книги, написанные им, сыграли неизмеримо большую роль. Его книга «Великая бурская война» вышла в 1900—1902 годах семнадцатью изданиями. Несмотря на объем этого тома — 770 страниц, тираж был по тем временам огромный. У одного только последнего, «полного» издания — 63 тысячи экземпляров. В США и Канаде продали 50 тысяч.

Другая книга — «Война в Южной Африке, ее причины и способ ее ведения» — вышла не только в Великобритании и не только на английском, а на многих европейских языках. В Германии разошлось

20 тысяч экземпляров, во Франции и Бельгии — тоже 20, в Испании — 10 тысяч, в Венгрии — 8, в Голландии, Италии и скандинавских странах — по 5, в России — тоже 5, в Португалии — 3 тысячи.

Идее Родса об объединении Южной Африки под британским флагом эти книги оказали огромную поддержку — и в самой Великобритании, и далеко за ее пределами. И именно за эти книги, — а отнюдь не за Шерлока Холмса, — Артур Конан Дойл был возведен в рыцарское достоинство, получил право на обращение «сэр Артур».

Незадолго до смерти он тоже совершил паломничество на могилу Родса, в скалы Матопос. Будучи поклонником спиритизма, он вызывал дух Сесила Родса, разговаривал с ним и опубликовал эту беседу в специальном приложении к своей самой последней книге: «Наша африканская зима».

...Оправившись после провала набег Джемсона, Родс все больше ужесточал свои филиппики против Крюгера и «крюгеризма». Чемберлен и Альфред Милнер, новый британский верховный комиссар в Южной Африке, действовали в том же духе.

Английское правительство все настойчивее добивалось от Трансвааля избирательных прав для ойтландеров. И эти требования подкреплялись военными приготовлениями.

Трансваалю грозили войной уже куда более масштабной, чем набег Джемсона.

О катастрофе Родс вряд ли думал. Он видел, что не прошло время его идей. А значит, и его время.

ТРАНСВААЛЬ В ОГНЕ

Вести и слухи об англо-бурской войне когда-то ловили на всех материках, во множестве стран. Два с половиной года, с октября 1899-го до мая 1902-го. А что теперь осталось в памяти? Несколько строчек в школьном учебнике да еще песня: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...»

Те, кому уже немало лет, видели трофейный немецкий фильм, он шел у нас в 1946 году под названием «Трансвааль в огне». Правда, с историческим антуражем сценаристы и режиссер считались мало. Начальника английского концлагеря они сделали похожим на Уинстона Черчилля, уже пожилого и толстого. Огромную бутылку «Ройал виски» поставили у постели престарелой королевы Виктории. И еще говорили тогда, что заключенные английских концлагерей в этом фильме — это заключенные гитлеровских лагерей смерти.

Что же еще помнится? Вот поговорка у курящих: «Третий не прикуривает». Она тоже пошла с той войны. Считалось, что, когда зажигается спичка и прикуривает первый, бур берет винтовку, когда

прикуривает второй — целится, а когда третий — стреляет, и обычно без промаха.

Читая об Уинстоне Черчилле, Ллойд Джордже, южноафриканском премьер-министре Яне Сметсе или фельдмаршале Китченере, неизбежно встретишь упоминание, что известность к ним пришла как раз с той войны. Махатма Ганди служил в английских вспомогательных частях, выносил раненых с поля боя. Александр Гучков, председатель 3-й Государственной думы, принимавший потом отречение у Николая II, сражался добровольцем на стороне буров. Основатель бойскаутского движения Баден-Пауэл считал первыми бойскаутами мальчишек, которых он посылал связными из осажденного бурами Мафекинга. Конан Дойл работал врачом в южноафриканском полевом госпитале. Эдгар Уоллес и Редьярд Киплинг были на юге Африки военными корреспондентами. Там родились и стихи, ставшие потом песней: «День-ночь, день-ночь — мы идем по Африке...»

Пожалуй, и еще какие-то приметы той войны уцелели в нашей памяти. Но все равно, разве сейчас, после двух мировых войн, можно себе представить, как потрясла людей первая большая война нашего века?

ПЕРВАЯ БОЛЬШАЯ ВОЙНА XX ВЕКА

На рубеже прошлого и нынешнего столетий это было крупнейшее событие в мире. Многие считали, что именно оно завершило уходящий век и ознаменовало наступление нового, совсем иного столетия.

Потрясение было особенно острым потому, что столь крупных войн не было уже около четверти

века — после франко-прусской и русско-турецкой. А тут с одной только английской стороны сражалось несколько сот тысяч солдат. Армады британских кораблей утюжили Атлантику, перевозя эти несметные полчища, а с ними — горы железа и пороха.

Новинки военной стратегии и тактики, изобретения военной техники за два-три десятилетия — все это впервые проходило проверку в боях. И генеральные штабы многих стран сразу же направили своих представителей на поля сражений, боясь, не приведи бог, упустить что-нибудь.

А изобретений и нововведений оказалось множество. Защитный цвет хаки: кто теперь помнит, что он появился в ту войну, как и многие другие способы маскировки? Впервые в боевых условиях был применен бездымный порох, впервые в массовом масштабе — автоматическое оружие, пулеметы, так же как и шрапнель, разрывные пули дум-дум, взрывчатое вещество лиддит; впервые использованы на войне полевой телеграф и кинокамера.

Изменились и боевые порядки войск — атака сомкнутыми колоннами уступила место расчлененному строю.

Теперь окопы и колючая проволока кажутся чуть ли не извечными спутниками войн. А система концентрационных лагерей — такая, увы, распространенная в XX веке? Все это идет оттуда. Конечно, масштабы были потом далеко превзойдены, но для тех времен более двадцати тысяч бургских женщин и детей, погибших в этих лагерях, — тоже цифра трагическая.

Поражаться приходится, как мало уроков извлекли из той войны европейские генеральные штабы. Вот вроде бы весь мир узнал о пулеметах — ведь это уже не война с идебелами! Но узнать-то узнал...

Военачальники европейских армий все равно не осмыслили до конца, что такое пулеметный огонь. Потребовалась мировая война.

Казалось бы, после тех трансваальских сражений уже невозможны прежние кавалерийские атаки — в тяжелых доспехах, какими бы красивыми они ни были. Но вот воспоминания генерала Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Находясь в Париже, он 3 августа 1914 года, в день объявления войны, выглянул из окна и «не поверил своим глазам». Выступали в поход кирасиры, всадники, «закованные в средневековые кирасы... наполеоновские каски со стальным гребнем, из-под которых спускался на спину всадника длинный черный хвост из конского волоса». Правда, кирасы и шлемы были покрыты для маскировки парусиновыми чехлами.

Каким контрастом с этими доспехами, наследием рыцарских времен, был треск пулеметов — они уже в тот вечер стреляли по германскому цеппелину над Парижем.

«Судьба этого несчастного полка, — писал Игнатьев, — была, конечно, предрешена». Эту-то французскую гвардейскую конницу заставили атаковать немецкие позиции. И пулеметный огонь косил ее ничуть не милосерднее, чем ндебелов в 1893-м. Трагедия постигла и самые привилегированные кавалерийские полки русской гвардии. В августе 1914-го они пошли в атаку на германские пулеметы и орудийные батареи. Сколько аристократических семей России облачились после этого в траур...

Европе понадобится собственный опыт, собственные трагедии. Только после этого изменят и тактику кавалерии, а самих конников переоденут в мундиры цвета хаки, как и всю армию...

Биографы Родса любили повторять, что тогда, на исходе прошлого столетия, он не ждал войны, не верил, что она начнется. Льюис Мичел писал, что, хотя еще за несколько месяцев до начала военных действий «подавляющее большинство колонистов считало войну неизбежной, остается совершенно непонятным, почему Родс продолжал высказывать противоположное мнение».

Но даже приводимые тем же Мичелом сведения говорят о том, что поведение Родса было вполне понятным. Вот хотя бы его телеграмма Альфреду Бейту: «Помните, что Крюгер, если наше правительство останется твердым, в конце концов уступит. Надо только продолжать приготовления как можно более открыто. Ничто не заставит Крюгера стрелять».

Одному из английских министров Родс говорил:

— До каких пор вы будете разрешать Крюгеру дурачить вас? Он ведь только блефует, и, будьте уверены, если вы примените военную силу, он сразу же сдастся.

Может быть, Родс и впрямь думал, что кровавой бойни не будет? Что стоит припугнуть буров, и они сразу же сдадутся? Но ведь он сам всячески привлекал внимание английского правительства к оборонительным приготовлениям Трансвааля, к тому, что Крюгер тайно ввозил из Германии крупновские пушки и маузеровские винтовки. Что же, он не подозревал, что пушки начнут стрелять? И что на британские требования Крюгер — как это и произошло 9 октября 1899 года — может предъявить свой ультиматум, требуя, чтобы Англия прекратила военные приготовления?

Как показала война, начавшаяся после ультиматума Крюгера, вся Великобритания — и правительство, и военные, да и просто публика — недооцени-

вали буров, их желание и умение отстоять независимость. За некомпетентность и преступную безответственность властей и генералов, как всегда, расплачивался кровью народ.

На Родсе лежала особая вина. Уж он-то должен был знать буров. И набег Джемсона дал ему такой урок!

Ну, а главное — если бы даже в течение последних месяцев или последнего года перед войной Родс ничего не делал, все равно она была результатом его политики — чтобы включить всю Южную Африку в Британскую империю.

Даже последний важный поступок Родса перед войной служил этой цели.

БУРЕВЕСТИК

Вот ведь загадка. С началом войны вся Европа бушевала, негодовала против Англии, но ни одно правительство так ничего существенного и не сделало. Дальше проклятий в газетах дело не шло.

И главное, Германия. Не истекло и четырех лет после телеграммы Вильгельма Крюгеру. Сколько шума она наделала. Кайзер тогда прямо дал понять, что готов вмешаться, если буры сами не справятся. А теперь? Этот же кайзер уже на второй месяц войны отправился в одну из воюющих стран. В столь любимый им Трансвааль? Нет, совсем нет. В ненавистную Англию.

Может быть, кайзером овладел прилив нежности к его бабушке, королеве Виктории? Нет, избытком родственных чувств он не страдал.

Тогда, может быть, воинственный император проникся идеями Гаагской конференции, первой в

истории человечества международной конференции по разоружению? Она состоялась только что, летом 1899 года.

Нет. Конференция заседала, речи произносились, а кайзер писал, разумеется не для печати: «В своей практике я буду и дальше полагаться только на Бога и острый меч. И *(нецензурное слово)* мне на все решения».

Значит, кайзер снова, теребя усы и бряцая саблей, решил самолично вступить за буров?

Нет, он приехал по другим делам. Он и не думал защищать Трансвааль.

Как же это объяснить?

...Одиннадцатого марта 1899 года, ровно за семь месяцев до начала англо-бурской войны, в Берлине состоялась встреча Родса с кайзером Вильгельмом и рейхсканцлером Бюловом. Аудиенция, а затем обед. Поводом к приезду Родса в Берлин был вопрос о прокладке телеграфа и железной дороги от Кейптауна до Каира. Почти на всем своем протяжении они могли идти по британским владениям, но в одном месте цепь этих владений прерывалась Германской Восточной Африкой. Разрешение Вильгельма и хотел получить Родс.

Но это было лишь поводом к встрече. С кайзером Родс говорил о широких перспективах мировой политики, всячески стараясь отвлечь его взгляд от Южной Африки, да и вообще от Африки. Для этого рисовал Вильгельму богатства и красоты Передней Азии, Ближнего Востока и тихоокеанских островов.

Историки очень по-разному пишут об этой встрече. Вот мнение Хальгартена, крупнейшего специалиста по истории германского империализма до первой мировой войны. «...Родс как политик был уже мертв. Его хищное лицо расплылось от шампан-

ского и сода-виски; тем, кто принимал его в Берлине, он показался опустившимся крестьянином-колонистом или в лучшем случае неряшливым эксцентричным англичанином, и ему не могли простить, что вопреки этикету он явился к кайзеру в простой визитке».

А вот что писал в Москве академик Федор Аронович Ротштейн. Родсу оказали «блистательный прием... И кайзер и Бюлов приняли его чрезвычайно тепло, а первый пришел от него в восторг». Ротштейн сравнил отношение кайзера к Родсу с его тогдашним отношением к русскому министру иностранных дел Муравьеву. Через три месяца после визита Сесила Родса, в июне 1899-го, Муравьев написал в Берлин, что «Россия примирится» с усилением влияния Германии в Малой Азии, если Германия со своей стороны «недвусмысленно признает исторические права России на Босфор». Возле слов «Россия примирится» кайзер написал: «...у меня этот номер не пройдет. Руки по швам и стоять смирно, господин Муравьев, когда вы говорите с германским императором!»

«Какая разница в тоне по сравнению с обращением к Родсу», — отметил Ротштейн. Там ведь: «Дорогой господин Родс. Вы верно угадали мою мысль!»

И Хальгартен и Ротштейн пользовались примерно одними и теми же свидетельствами. Кто же судит вернее?

Обратимся к главному свидетелю — канцлеру Бюлову. «Сесил Родс должен был производить большое впечатление на каждого непредубежденного человека. В нем не было ничего показного, все отличало спокойную силу. Он держал себя вполне естественно, ни в какой мере не напыщенно. Перед императором он стоял почтительно, но без всякого

волнения или хотя бы стеснения. Широкими штрихами он набросал перед Его Величеством свой проект английской железной дороги Капштадт — Каир. Глаза императора блеснули...»

Родс сумел расположить к себе кайзера и шуткой. Вильгельм вспомнил о своей телеграмме Крюгеру в связи с набегом Джемсона. Родс сказал:

— Я отвечу Вам, Ваше Величество, очень коротко. Это была величайшая ошибка в Вашей жизни, но Вы в то же время оказали мне самую большую услугу, какую только один человек может оказать другому. Я был капризным ребенком, и Вы захотели высечь меня. Ну, а мой народ тоже был готов высечь меня за мои капризы, но, поскольку начали делать это именно Вы, они решили: «Нет уж, это наше собственное дело». В результате англичане невзлюбили Вас, а я так и остался невысеченным!

Кайзеру, очевидно, манеры Родса пришлись по душе. Он простил Родсу и совершенно недопустимый вид — тот пришел даже не в визитке, а в обычном фланелевом костюме. И вообще вроде бы немислимое поведение. Кажется, Родс, посмотрев на часы, сказал:

— Ну, до свидания. Я должен идти. Пригласил несколько человек к ужину.

И все же (а может быть, именно поэтому?) Вильгельм тогда-то и произнес фразу, которую потом часто цитировали:

— Если бы у меня был такой премьер-министр, как Вы, я стал бы величайшим государем в мире.

Родсу кайзер тоже понравился. В последнем завещании Родс выделил пять стипендий в Оксфорде на его личное усмотрение.

Но оставим в стороне личные впечатления императора и рейхсканцлера. Оценку Хальгартена опро-

вергает уже сам факт, что Родса пригласили в Берлин. Это после того, как из-за набега Джемсона его прокляла вся официальная Германия. Прошло лишь три года, и кайзер принимает его как ни в чем не бывало. К тому же Родс прибыл как сугубо неофициальное лицо, никаких полномочий от правительства не имел, говорил только от своего имени.

Конечно, многое в Родсе должно было импонировать кайзеру. Глобальность замыслов. Расистский подход к мировой политике. Ведь в рассуждениях о господстве высшей расы над миром эту высшую расу Родс нередко именовал англотевтонской.

И Вильгельм видел, что, высказывая эти идеи, Родс не был одиночкой. Джозеф Чемберлен уже после начала войны с бурами, 30 ноября 1899 года, публично заявил: «...в своей основе характер тевтонской расы по существу очень мало отличается от характера англосаксонской расы... и если союз между Англией и Америкой является могущественным фактором для дела мира, то новый тройственный союз между тевтонской расой и двумя великими ветвями англосаксонской окажет еще большее влияние в будущем мире».

Рассуждения о расовом превосходстве были Вильгельму близки. С его именем оказалась тогда тесно связана идея о «желтой опасности», хотя ее по-разному высказывали и другие политики, идеологи и философы тогдашней Европы.

Вильгельм еще в 1895 году поручил немецкому художнику Г. Кнакфуссу нарисовать по своему наброску аллегорическую картину. Она должна была, как говорил кайзер, воззвать к объединению Европы для отпора «желтой опасности», для защиты христианства от наступления буддизма, язычества и варварства. На картине в женских образах представ-

лены Германия, Франция, Россия, Австрия, Англия и Италия. Они взирают на полыхающий горизонт, откуда надвигается, лежа на драконе, громадный Будда, ужасающий своим спокойно-бесстрастным видом. Даже несколько десятилетий спустя американский историк писал: «Картина была настолько зловещей, что заставляла задуматься даже самых невозмутимых».

Идея о «желтой опасности» понадобилась Вильгельму для оправдания захватов в Китае. Была и другая конкретная цель. Не случайно, сделав несколько экземпляров картины, он первый из них послал Николаю II. Как Родс хотел занять кайзера Ближним Востоком, так кайзер царя — Дальним. Но идея о противостоянии рас и сама по себе была присуща Вильгельму не меньше, чем Родсу. Кстати, Родс не раз говорил, что в свою Родезию он никогда не пустит иммигрантов из Китая.

И все-таки этого было мало для блестящего приема, оказанного Родсу в Берлине, и уж тем более для нейтрализации Германии в надвигавшейся англо-бурской войне.

Подоплека была в заметной перемене политики Германии. Конечно, Берлин не перестал считать Южную Африку лакомым куском. В середине 1899-го немецкий капитал там достиг девятисот миллионов марок. В южноафриканском горном деле были и деньги Дармштадтского банка, вкладчиком которого состоял сам кайзер

Но германское правительство все яснее понимало, что без крупного флота участие в серьезных конфликтах далеко за океаном невозможно и что вообще сохранять и тем более укреплять влияние в таких далеких краях, как Южная Африка, можно только не вступая в открытый конфликт с Англией. В 1896-м те-

леграмма Вильгельма Крюгеру с намеком на возможность военной поддержки буров была авантюрой.

Теперь, через три года, кайзер не хотел такой авантюры. И когда в одном из посланий российско-го министра С. Ю. Витте он усмотрел предложение несколько ужесточить политику по отношению к Англии, то написал: «Теперь, когда Англия мобилизована, готова, вооружена для борьбы и стала сильнее, чем когда бы то ни было, он хочет организовать антианглийскую лигу... Слишком поздно, сударь! Теперь я уже не хочу!» Написал это меньше чем за три месяца до встречи с Родсом.

И главное, к тому времени все больше вызревали планы немецкой экспансии на Ближнем Востоке. Только что, в конце 1898-го, Вильгельм посетил Стамбул и Иерусалим. В Дамаске побывал на могиле Саладина и объявил себя, как это делали многие политики до и после него, лучшим другом мусульман: «...триста миллионов мусульман во всем мире... могут быть уверены, что император всегда будет их другом».

Потому-то глаза кайзера и заблестели, когда Родс сказал ему, что будущее Германии — это Месопотамия, Евфрат и Тигр, и Багдад, город калифов. Вильгельм понимал, что ему предлагается сделка. Согласись он не мешать плану телеграфа и железной дороги Кейптаун — Каир, и англичане не станут особенно мешать его плану железной дороги Берлин — Багдад. И дадут Германии закрепиться на архипелаге Самоа в Тихом океане.

Имел ли Родс полномочия на совершение такой сделки? Верительных грамот у него не было, но немцы их и не требовали.

Роль трансваальского золота для Англии становилась все значительнее. Благодаря этому золоту уже

не повторялся денежный кризис, поразивший Англию в 1890-м. Тогда, перед лицом финансовой катастрофы, Английский банк вынужден был идти на крайнюю меру — просить заем у Французского банка. Благодаря же трансваальским рудникам запас золота в Англии в первой половине девяностых годов возрос почти в два раза.

Поэтому правящие круги Англии готовы были пойти на многое, чтобы предохранить этот источник золота от любых случайностей. И свою решимость Англия не скрывала. Она давала понять другим державам: остерегайтесь наступать на любимую мозоль.

Чтобы видеть все это, кайзеру и рейхсканцлеру не нужно было от Родса каких-то официальных полномочий.

Ну, а Родс по возвращении в Лондон несколько раз встречался с премьером Солсбери и с лордом казначейства Бальфуrom, человеком влиятельным в правительстве и в парламенте.

Устные договоренности Родса были через несколько месяцев закреплены официальными соглашениями. Английское правительство отдало Германии в архипелаге Самоа два острова, столь желанных кайзеру. А германские власти договорились с компаниями Сесила Родса о прокладке телеграфного кабеля и железной дороги Кейптаун — Каир через Германскую Восточную Африку.

Вопрос о Ближнем Востоке был, конечно, намного сложнее. Тут Родс больше подогревал надежды Вильгельма, чем помогал их осуществлению.

Для Родса главным результатом была, наверно, инструкция, которую дал германской печати рейхсканцлер Бюлов 20 сентября 1899 года, за три недели до англо-бурской войны. В инструкции рекомендовалось не восстанавливать Англию против Германии.

«Наша пресса должна позаботиться, чтобы в трансваальском кризисе ее тон был спокойным и деловым».

У Родса были все основания сказать на внеочередном общем собрании пайщиков «Привилегированной компании» 2 мая 1899 года: Вильгельм «встретил меня наилучшим образом и оказал мне, через посредство своих министров, всевозможную поддержку».

Так Родс добивался германского нейтралитета на случай войны. Бюлов писал, что Родс появился в Берлине как «буревестник перед бурей». Это был триумф Родса. Но, должно быть, последний в его жизни.

КОЛЬ КРОВЬ — ЦЕНА ВЛАДЫЧЕСТВУ

Почти полвека, с Крымской войны, Англия не вела боевых действий, в которых ей приходилось бы нести большие потери. Для двух-трех поколений британцев стало привычным, что на полях битв вдали от родины умирают лишь немногие. И мало кто думал, что изменит это схватка с какими-то бурами.

С объявлением войны, 11 октября 1899 года, Лондонская биржа устроила шумную манифестацию. Начали с того, что громогласно объявили несостоятельным должником президента Крюгера и повесили над входной дверью его чучело. Потом затанули национальный гимн и ура-патриотическую «Вот солдаты королевы». Затем решили, что одна из фирм ведет себя недостаточно патриотично, и, когда появился ее представитель, его со свистом и улюлюканьем окружили и принялись бить. Ну, а дальше уже — всеобщая потасовка.

Джон Голсуорси был современником этих событий и передает их дух удивительно верно — с того самого момента, как навстречу Сомсу Форсайту на Трафальгар-сквер несется орава газетчиков.

— Экстренный выпуск! Ультиматум Крюгера! Война объявлена!

И начинаются пересуды на «семейной бирже» Форсайтов.

— Но каково, эта ужасная неблагодарность буров. После всего, что для них сделано, посадить д-ра Джемсона в тюрьму — миссис Мак-Эндер говорила, он такой симпатичный. А сэра Альфреда Милнера послали для переговоров с ними — ну, это же умница. И что им только нужно, понять нельзя!

— Мы сейчас только что говорили, что за ужас с этими бурами. И какой наглый старикашка этот Крюгер!

Одна только Джун возражает:

— Наглый? А я считаю, что он совершенно прав. С какой стати мы вмешиваемся в их дела? Если он выставит всех этих ойтландеров, так им и надо! Они только наживаются там.

Но Джун сразу же получает отпор:

— Как? Вы, значит, бурофилка?

Джеймс, самый старый из Форсайтов, такой вроде бы осторожный в делах, тут радуется, что английское правительство не уклонилось от войны.

— Я боялся, что они отступят, увильнут, как тогда Гладстон. На этот раз мы разделаемся с ними.

Сомс, сидя в ресторане, слышит, что какие-то люди, по виду литераторы или артисты, сочувствуют бурам и ругают английское правительство. И он, при всей своей сдержанности, бросает:

— Подозрительная у вас там публика.

У Форсайтов боевое настроение.

— Вперед, Форсайты! Бей, коли, стреляй!

В Оксфорде два молодых отпрыска этого respectable семейства устроили драку из-за того, что один другого обозвал бурофилом: ему показалось, что тот недостаточно бурно приветствовал тост «К черту буров!».

Затем оба, подзадориваемые друг другом и всеобщим пылом, записались добровольцами. В своих мечтах они мчались по просторам Трансвааля, палили без промаха, а буры рассыпались во все стороны, как кролики. Но... Один из них не дожил даже до первого боя, умер от дизентерии.

А что скажет о бурах дворецкий Форсайтов?

— Ну, что же, сэр, у них, конечно, нет никаких шансов, но я слышал, что они отличные стрелки. А у меня сын... Я думаю, что его теперь пошлют туда.

Дворецкий тревожился не напрасно. Тысячи и тысячи молодых англичан найдут смерть вдали от дома. Останкам юноши из рода Форсайтов, может быть, и оказали почести, да и то вряд ли, не до того было. Ну, а тысячи других?

Без гроба, так, в чем был, его

Зарыли и ушли.

Лишь Африка вокруг него,

Холмы пустынь вдали;

Чужие звезды над его

Могилою взошли.

Война обернулась для англичан не так, как многие из них думали. Грянула «черная неделя», когда британские войска терпели поражения на всех фронтах. Да и вообще первые месяцы — сплошные поражения. Военные действия шли не на территории бурских республик, а в английских владениях.

Бурские войска вторглись в Капскую колонию, в Наталь, даже в Бечуаналенд.

Выяснилось, что у буров, этих «неграмотных мужланов», даже винтовки лучше, чем у англичан. Крюгер тайком закупил в Германии маузеровские винтовки, как и другое первоклассное оружие. Английские винтовки системы «Ли-Метфорд» явно уступали им. И, чем особенно возмущались в Англии, Крюгер сделал закупки на британские деньги — на средства, собранные с ойтландеров в виде налога.

Буры сразу окружили три города в разных частях Южной Африки — Кимберли, Ледисмит и Мафепинг. Осада длилась много месяцев.

Британия до конца испила чашу унижения. Какое-то «грязное мужичье» из месяца в месяц держит в блокаде англичан, и войска королевы Виктории не могут прорвать кольцо! Давно уже англичанам не приходилось слышать, чтобы соотечественники оказывались в таком положении.

Коль кровь — цена владычеству,
Коль кровь — цена владычеству,
Коль кровь — цена владычеству,
То мы уплатили с лихвой.

Зато когда удалось снять осаду!..

Узнав об освобождении одного из городов, биржевики не только пили и горланили, но, забравшись друг другу на плечи и распевая «Вот солдаты королевы», этакими всадниками объезжали Лондонскую биржу. Празднество было такое, что на следующий день один из дельцов проснулся в незнакомом доме, другой — в будке на окраине города, будучи уверен, что это его спальня. Третий добрался до дому, но обнаружил в карманах неизвестно как оказавшиеся там дамские чулки, детскую погремушку, клоч во-

лос, должно быть из чьей-то бороды, и даже суповую разливательную ложку... Обо всем этом в назидание потомству повествует вышедшая в Лондоне «История биржи».

Рассказал о тех днях и Голсуорси... Сомс вышел на улицу и «попал в толпу, которая произвела на него впечатление чего-то совершенно невероятно-го, — орущую, свистящую, пляшущую, кривляющуюся, охваченную каким-то неудержимым весельем толпу, с фальшивыми носами, с дудками, с грошовыми свистульками, с какими-то длинными перьями и всяческими атрибутами полного идиотизма».

По существу, настроение этих людей мало чем отличалось от настроения самого Сомса. Но может быть, именно это и раздражает его, оскорбляет его респектабельность.

«Мафекинг! Ну, да, конечно, Мафекинг отбит у буров! Но боже! Разве это может служить оправданием? Что это за люди, откуда они, как они попали в Вест-Энд? Его задевали по лицу, свистели в уши... Какой-то малый сшиб с него цилиндр, так что он еле водрузил его на место. Хлопушки разрывались у него под самым носом, под ногами. Он был потрясен, возмущен до глубины души, он чувствовал себя оскорбленным. Этот людской поток несся со всех сторон, словно открылись какие-то шлюзы и хлынули подземные воды, о существовании которых он, может быть, когда-нибудь и слышал, но никогда этому не верил».

Тут-то, во время этой вакханалии, Форсайт и понял, насколько чужда, отвратительна и страшна ему народная стихия — всякая, любая. Даже та, что служит его же интересам.

«Так это вот и есть народ, эта бесчисленная масса, живое отрицание аристократии и форсайтизма. И это,

о боже, Демократия! Она воняла, вопила, она внушала отвращение! В Ист-Энде или хотя бы в Сохо — но здесь, на Риджент-стрит, на Пикадилли! Куда смотрит полиция? Дожив до 1900 года, Сомс со всеми своими форсайтскими тысячами ни разу не видел этого котла с поднятой крышкой и теперь, заглянув в него, едва мог поверить своим обожженным паром глазам. Все это просто невообразимо! У этих людей нет никаких сдерживающих центров, и они, кажется, смеются над ним; эта орава, грубая, неистовая, хохочущая — и каким хохотом! Для них нет ничего святого! Он не удивился бы, если бы они начали бить стекла».

...Но война не кончилась с освобождением трех осажденных городов. Не кончилась она и 5 июня 1900 года, когда пала столица Трансвааля Претория. Постепенно переходя в партизанскую и все больше изматывая английскую армию, она длилась еще почти два года, до мая 1902-го.

Только вылазки из засады.

Только бой под покровом тьмы,

Только гибнут наши отряды,

Только сыты по горло мы!

...Великая и гордая Англия мечтала только об одном — пусть наконец эти люди, чьи фермы сожжены, чьи жены и дети отправлены в концлагеря, пусть они согласятся на мир! И вынуждена была прельщать их почетными условиями.

В самой Британии ура-патриотический запал, казалось бы такой неиссякаемый, со временем улетучивался. Недовольство войной росло по всей стране. Жарко обсуждались выходившие одна за другой брошюры: «Убью ли я своего брата?», «Правы ли мы?»...

Сколько английских Томми проклинали войну!
Этого не мог не отразить даже Киплинг.

Причины дезертирства без труда
Поймет солдат. Для нас они честны.
А что до ваших мнений, господа, —
Нам ваши мненья, право, не нужны.

Люди викторианской Англии, нравы викторианской Англии, гордыня викторианской Англии — все это уходило не под гром фанфар. Умерла во время войны и сама королева Виктория. «Вдова», как окрестил ее Киплинг.

«Все продолжительное царствование, бывшее почти непрерывным рядом успехов для Англии на всех поприщах, завершилось так печально. Не могла не страдать королева, сознавая, как во всемирном недобрении несправедливой войны пало нравственное обаяние Великобритании, а в неудачах ее войск погиб ее политический престиж».

И причиной тому — тысячи похоронок с юга Африки.

Половина из нас до сих пор лежит
Там, где Вдова угощала.

ОТ ЛЬВА ТОЛСТОГО ДО НИКОЛАЯ II

За войной на юге Африки следил весь мир.

«Буры и все «бурское» интересуется теперь решительно все слои общества: и в великолепной гостиной, и в редакции газеты, и в лакейской, и даже в извозчикьем трактире только и слышны разговоры о бурах и африканской войне». Так говорилось в 1900 году в брошюре, изданной в Санкт-Петербурге, за тысячи и тысячи верст от трансваальского фронта.

Да разве только в трактирах, лакейских и гостиных? Николай II писал своей любимой сестре Ксении: «Я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю ее подробности в английских газетах от первой до последней строчки...»

Мир сочувствовал бурам, маленькому Давиду, героически бившемуся с огромным Голиафом. Бурам простили все, забыли обо всем, за что их так корил Марк Твен. Не задумывались, что буры угнетали африканцев. Африканцев еще не научились считать за людей.

Видели только одно: большой напал на маленького и маленький бьется изо всех сил. Буры стали символом свободолюбия, отваги, самопожертвования.

Комитеты помощи бурам создавались во многих странах. Ромен Роллан посвятил бурской войне драму «Наступит время». Родса и Чемберлена осудил Анатоль Франс.

Сочувствие бурам приводило к осуждению Англии. Ее осуждали чуть ли не все — от мала до велика. И больше всего клеймили Родса. Войну считали торжеством его политики, а его — главным виновником. Так было повсюду. В петербургской «Ниве» говорилось: «Родс был главным виновником англо-бурской войны». В «Одесских новостях»: «Единственный истинный виновник южноафриканской войны — «капский Наполеон».

Побывав у Льва Толстого в начале января 1900 года, корреспондент одной из петербургских газет писал: «О своих работах граф говорил вообще неохотно, но едва речь зашла о Трансваале и англо-трансваальской войне, великий старик оживился, глаза его заблестели.

— Знаете ли, до чего я доходил... — сказал он. — Утром, взяв в руки газету, я страстно желал всякий раз прочесть, что буры побили англичан».

А вот слова Толстого, переданные другим его собеседником.

— Знаю, — сказал он, как бы извиняясь за невольное нарушение своего религиозно-нравственного принципа, — не следовало бы мне радоваться победам буров и огорчаться их поражениям, они ведь как раз с оружием в руках убивают английских солдат, но ничего с собой поделать не могу. Радуюсь, когда читаю о поражениях англичан, — даже как-то на душе веселее становится.

Английские социалисты публично осуждали собственное правительство. Вильгельм Либкнехт, Август Бебель, Жан Жорес, ван Коль и другие лидеры западной социал-демократии поддерживали их трудную борьбу. Ленин в газете «Искра» тоже осудил «теперешнюю войну англичан с бурами».

В Трансвааль ехали добровольцы из Франции, Германии, Голландии, Америки, Болгарии, Италии...

Сестры милосердия из Петербурга выхаживали раненых под Питермарицбургом, а кронштадтские ветераны оказались под Капштадтом, как у нас называли тогда Кейптаун. На стороне буров сражался молодой инженер Владимир Семенов — потом, в тридцатых годах, он стал главным архитектором Москвы. И грузинский князь Нико Багратиони. Отставной подполковник Евгений Максимов после гибели французского графа Вильбуа де Марея возглавил в Трансваале отряд добровольцев, приехавших из разных концов Европы.

Даже через несколько десятилетий, уже на склоне лет, Маршак вспоминал, как в детстве он играл с соседскими мальчишками в войну буров и англичан. А Эренбург — как он «сначала написал письмо бородатому президенту Крюгеру, а потом, стацив у матери десять рублей, отправился на театр военных действий». Но его поймали и вернули.

Паустовский в своей чудесной повести о детстве и юности писал: «Мы, дети, были потрясены этой войной. Мы жалели флегматичных буров, дравшихся за независимость, и ненавидели англичан. Мы знали во всех подробностях каждый бой, происходивший на другом конце земли... Мы зачитывались книгой «Питер Мариц, молодой бур из Трансвааля».

Но не только мы — весь культурный мир с замиранием сердца следил за трагедией, разыгравшейся в степях между Ваалем и Оранжевой рекой, за неравной схваткой маленького народа с могучей мировой державой».

Разумеется, бывало и так, что симпатия к бурам шла больше от англофобии. Бывала и прямая спекуляция на этих симпатиях: напоминаниями о чужих бедах отвлечь внимание собственного народа от его невзгод и тягот. Этот прием, старый, как мир, использовался тогда и властями Российской империи.

Льва Толстого, судя по многим его высказываниям, тревожило, что симпатии к бурам связаны были с неприязнью ко всему английскому.

Марк Твен несколько лет жил в Англии, а за три года до войны был в Южной Африке — и в бурских республиках, и в английских колониях. Британский империализм он страстно критиковал, но при этом искренне горевал, видя падение престижа Англии. В одном из писем он выразил это весьма необычно для тех времен: «Как наша цивилизация ни жалка, она все же лучше подлинного варварства, а посему мы должны поддерживать ее, распространять и (публично) хвалить. Поэтому мы не имеем права осуждать сейчас Англию и обязаны надеяться, что она победит в этой войне, ибо ее поражение и падение означало бы непоправимое несчастье для шелудивого человечества. Естественно, что я за Англию. Но

она глубочайшим образом не права, Джо, и все (просвещенные) англичане знают это».

И просвещенные англичане — просто честные люди, не поддавшиеся опьянению шовинизмом, — оправдали надежды Марка Твена. А сэр Харкорт, которого Андре Моруа назвал последним гигантом либерализма восьмидесятых годов, говорил о бурской войне:

— Крымская война была ошибкой, а эта — уже преступление.

А о Родсе, который во время процесса о набеge Джемсона так старался его разжалобить, старик сказал:

— По-моему, так лучше бы всего дать ему треуголку, пару простых штанов и отправить на остров Святой Елены.

ЕГО ВОЙНА?

Известие об ультиматуме Крюгера застало Родса в Кейптауне. Вечером того же дня, 9 октября, он выскользнул из дома и, стараясь быть незамеченным, сел в поезд, идущий в Кимберли.

Почему он так сделал? Ни один из биографов Родса толком на это не ответил, да, кажется, никто даже и не задался этим вопросом. Кто-то написал, что Родс несколькими днями раньше, еще до войны, объявил, что он туда едет в связи с какими-то делами. А кто-то счел, что во время войны Родсу и полагось быть в столице своего алмазного королевства.

Ну, допустим, он не думал, что попадет в ловушку. Но ведь все равно, уезжая из Кейптауна, он оказывался вне центра событий. Решения британской стороны в этой войне должны были приниматься в

Кейптауне или идти из Лондона через тот же Кейптаун. Родс сразу же ставил себя в положение, когда он не мог влиять на события. Он — человек действия и еще раз действия!

Может быть, он поехал, чтобы показать, что никакие внешние события, даже война, не заставят его менять принятые решения? Или он считал, что война не продлится и нескольких дней? Возможно, он боялся, что в Кейптауне с ним и с его мнением не станут считаться в той мере, как ему хотелось бы, и это будет ежечасно оскорблять его самолюбие. Или втайне надеялся, что его хватятся, поймут, что без него нельзя.

Так ли он думал, кто знает. Во всяком случае, он вряд ли предвидел, как развернутся события. Не только он, никто вообще не ждал, что первый период войны пройдет при явном превосходстве буров.

Поезд, на который сел Родс, оказался последним, прибывшим в Кимберли. Буры сразу же отрезали и окружили город.

Появлению Родса жители города не обрадовались. Он был для буров исчадием ада, и его присутствие в Кимберли обостряло нависшую над городом опасность, могло ожесточить буров, усилить их стремление захватить и без того ненавистную им алмазную столицу, порождение английской алчности.

Еще 4 октября, видя приближение войны, мэр Кимберли от лица горожан послал Родсу телеграмму с просьбой отложить приезд. А один из жителей Кимберли обратился к Родсу с этой просьбой еще раньше, 1 октября: «Вы ведь знаете, что буры считают Вас первопричиной всего зла и что надвигающаяся война они тоже отнесут на Ваш счет».

Родс оказался заперт в Кимберли на 124 дня, больше чем на четыре месяца. Правда, Джемсон был на еще бóльший срок заперт в Ледисмите, а полков-

ник Баден-Пауэл, оказавший такие услуги Родсу во время восстания ндебелов и шонов, — в Мафекинге.

Всесильной «Де Бирс» принадлежало в Кимберли все. Отряды волонтеров, защищавших город, состояли из ее рабочих и служащих. Продовольственные склады, лошади, повозки — все было собственностью «Де Бирс». Женщины и дети прятались от бурских снарядов в шахтах «Де Бирс». Один из инженеров этой компании сумел во время осады даже сконструировать крупное артиллерийское орудие. Его называли «Длинный Сесил», и оно било по бурам снарядами с надписью «Привет от С. Д. Родса».

Считая себя полновластным хозяином Кимберли, Родс вел себя соответственно. Публично игнорировал начальника гарнизона, подполковника Кекевича, нарушал его приказы, оскорблял его. Не зная военного дела, во многом мешал организовать продуманную оборону.

Во время осады Родса вряд ли можно было упрекнуть в отсутствии храбрости. Но раздражительность, вспыльчивость и нетерпимость в его характере становились все сильнее. Он писал резкие письма английским генералам, упрекал, что они медлят с освобождением Кимберли. Дошло до того, что Кекевич вынужден был пожаловаться высшему командованию и пригрозить Родсу арестом.

...15 февраля 1900 года английские войска заставили буров отойти от Кимберли.

Каким героем, должно быть, чувствовал себя Родс! Каких почестей, какого поклонения и восхищения ожидал. И как человек, вынесший 124-дневную осаду, и как политик, видевший во всей этой войне результаты своих многолетних страданий.

Но там, в осаде, он был изолирован от мира в течение бурных четырех месяцев, когда определилось

отношение к этой войне и во всем мире, и в самой Англии. Не знал, что престиж Англии упал, как никогда, и что на Британских островах война становилась все менее популярной.

Родс не мог всего этого знать в своем заблокированном городе алмазов. Да при его характере, манере мышления и эгоцентризме ему это и не легко было бы понять. И уж совсем трудно было представить, какие обвинения обрушивались на его голову.

Во французском журнале «Рир» появились карикатуры, где Родс с торжествующим видом разгуливал среди гор трупов английских солдат. А в кейптаунские газеты «С. А. ньюс», «Кейп аргус» и другие приходили письма, в которых его, Родса, объявляли виновником бесчисленных жертв войны, сравнивали с Нероном, называли войну его ужасным триумфом.

Английские социал-демократы напоминали, что они еще до войны постоянно разоблачали действия Сесила Родса и что в журнале «Социал-демократ» Эдуард Эвелинг, муж одной из дочерей Карла Маркса, опубликовал статью «Разбойник Сесил Родс и его «Привилегированная компания». Когда Конан Дойл своими книгами стал защищать действия Родса, он сразу получил отповедь в вышедшей в Лондоне брошюре «Кровь и золото в Южной Африке. Ответ д-ру Конан Дойлу».

Как было Родсу осознать, что правителям Англии приходилось учитывать эти настроения?

Родс видел все в ином свете. В Кимберли он чувствовал себя запертым в клетке. Вместо того чтобы управлять ходом войны, давать указания фельдмаршалам, был обречен пререкаться с каким-то безвестным подполковником, начальником маленького гарнизона.

Но вот, наконец, освобождение. Долгожданный момент, когда Томми Аткинсы своей кровью заста-

вили буров снять осаду. И сразу же разочарование, как ледяной душ.

На командные высоты войны его не пускают. Ему ничего не поручают, в его услугах не нуждаются.

Какой страшной несправедливостью казалось ему все это. Идет его война. Но обходятся без него. А в левых газетах пишут даже, что другим приходится расхлебывать кашу, которую заварил он. Ему припоминают его слова, поступки, но не так, неверно, несправедливо, извращенно.

До сознания Родса его новое положение дошло не сразу. Поначалу он пытался бурно включиться в политическую жизнь. Осада в Кимберли была снята 15 февраля, а уже через неделю, 23-го, он выступил с программной речью на собрании пайщиков «Де Бирс». Он говорил, какой должна стать Южная Африка, объединившись под британским флагом после завершения бурской войны.

По этой речи видно, как энергично он ринулся снова на политическую сцену.

Тут-то он и написал фразу, которую потом, после его смерти, цитировали чаще любых других его слов. Больше того, она стала пропагандистским кредо всей британской колониальной политики и в этом качестве десятилетиями печаталась на обложках журналов и других изданий Южной Африки, Родезии и самой Англии.

Фраза эта зачастую приводилась в таком виде: «Равные права всем цивилизованным людям к югу от Замбези». Трактовали ее впоследствии расширительно: равные права всем цивилизованным людям не только в Южной Африке, а повсеместно. Назвали даже «принципом Сесила Родса».

Несколькими годами раньше он с предельной ясностью выразил свое отношение к европейски об-

разованным африканцам: «Ученый негр — крайне опасное существо».

Политические лозунги нередко меняют смысл под влиянием обстоятельств. Так произошло и тут. В речи, произнесенной 23 февраля 1900 года, Родс упомянул не «цивилизованных», а «белых». Одно слово, а смысл сказанного иной. Фраза была рассчитана на буров. Родс надеялся привлечь на свою сторону хоть какую-то часть бурского населения. Он снова стал добиваться их доверия, которого всегда домогался и которое сам же разрушил набегом Джемсона.

Но формулировка о равных правах только для белых вызвала возмущение среди метисов — цветного населения Капской колонии. А именно в это время, в связи с бурской войной, английские власти особенно настойчиво заявляли о либерализме, даже демократизме своей колониальной политики, противопоставляли ее открытому расизму бурских республик, утверждали, что Англия борется за человеческие права небелых, попранные бурами.

Ассоциация цветных избирателей послала Родсу номер газеты «Истерн провинс геральд» с текстом его выступления и задала вопрос, как же понимать фразу о правах. Вот тогда-то Родс и изменил свой первоначальный лозунг. Он вернул газету, написав на полях: «Мой девиз — равные права каждому цивилизованному мужчине, живущему южнее Замбези. Кто может считаться цивилизованным? Каждый — как черный, так и белый, — если он достаточно образован, чтобы написать свое имя, а также обладает недвижимой собственностью или заработком. И конечно, не бродяга».

Через десять лет вся эта история была воспроизведена в кейптаунской газете «АПО», которую издавали цветные.

Самому Родсу эта фраза дала политический капитал только посмертно. Тогда же, при жизни, даже этот ход не помог ему восстановить утраченное место на официальной сцене.

Какие-то знаки внимания он, разумеется, получал. Приветствия. Даже от мусульманской общины города Кимберли. Но разве об этом он мечтал...

Родс стал метаться. Приехав из Кимберли в Кейптаун, он почти сразу же отплыл в Англию, а оттуда вскоре опять вернулся в Африку, но не в те страны, где шла война и куда, казалось бы, его должно было тянуть. Нет, он отправился на несколько месяцев путешествовать по Родезии. И в июне, когда в Капской колонии возник правительственный кризис и произошел раскол между министрами, которых Родс когда-то «выводил в люди», он у себя в Родезии даже постарался быть вдали от телеграфа, чтобы не слышать неприятных вестей.

Но в октябре 1900-го он все-таки снова приехал в Кейптаун, снова выступил с речью. Вероятно, он ясно осознал, что весь мир видит в нем виновника войны, неожиданно оказавшейся такой кровавой. Должно быть, поэтому он и обратился к аудитории со словами:

— Вы все время слышите, что эту войну вызвал вот такой-то или такой-то. Я скажу вам подлинную причину войны.

И он возложил вину... на нескольких депутатов капского парламента.

К этому времени Родс уже и сам, кажется, перестал претендовать на крупную политическую роль. Честолюбие было непоправимо уязвлено, и это пагубно сказывалось на здоровье. Так в отступающих войсках болезней и недомоганий всегда больше.

Друг и душеприказчик Родса писал: «У него уже

не было иллюзий. Дело его жизни фактически подошло к концу».

Следующий, 1901 год в неожиданных и не очень оправданных поездках: Кимберли, Булавайо, Мафепинг, опять Кимберли. Потом Англия, Италия, Египет. В начале 1902-го — Англия и сразу же опять Кейптаун.

Все вокруг должно было казаться ему несправедливым и даже непонятным. Сколько бы еще ни упрямилась бура, придется им идти на мир. А мир — это значит объединение бурских республик с английскими колониями, создание южноафриканской федерации в составе Британской империи. То, к чему он, Родс, стремился столько лет, ради чего жил. И враги помнят это, не прощают.

А собственная страна, Англия, — разве она благодарна ему? В такой мере, как того заслужил?

И другая несправедливость. Столько было событий, в которых он, Родс, лично не участвовал, не рисковал жизнью, не разделял всех тягот, и все же их связывали с его именем, его считали героем. Так было в войне с ндебелами, в 1893-м, и в походе пионеров, в 1890-м. А тут? Он четыре месяца был в осаде, кругом грохотали снаряды. И если бы Кимберли пал, буры могли его просто растерзать. Так разве не должны все вокруг понимать это, ценить?

Но нет, ничуть не бывало.

Для одних герои этой войны — бурские генералы. Луис Бота, новый трансваальский главнокомандующий, преемник старого врага, Пита Жубера. Или Девет. Из Оранжевой. Его фотографиями полны газеты всего мира. Деларей. Ему приписывают изобретение траншей, этих щелей в земле, где мож-

но прятаться от шрапнели. Чуть не побратались когда-то с Делареем, внуков его крестил... Но все это — до злополучного набега... Из-за Деларея и из-за таких, как он, и схватили тогда доктора Джима...

Да даже Крюгер. Армию его громят, столицу заняли, пришлось ему бежать в Европу, а он все в героях. Ну, кайзер Вильгельм его, слава богу, в Германию не пустил. Но Франция-то, Франция! Весь Марсель высыпал встречать его. Банкет на четыреста персон устроили. Всюду только и разговоров, что о нем, о его окладистой бороде, черном сюртуке, о его неизменной трубке. Да о том, что Библия у него всегда в руках. И лицо его почему-то всем кажется добродушным.

А сами-то! Ведь и о бурах толком ничего почти не знают. Прибыли мальгаши на Парижскую выставку, так их приняли за буров, кричали: «Да здравствуют буры!»

И все равно речи Крюгера идут в Марселе под гром аплодисментов. Потом так же бурно в Лионе, потом — в Дижоне. Кто-то даже сравнил этот триумф с тем, как Наполеон, покинув Эльбу и высадившись на юге, победно шествовал по Франции.

На знаменитой Парижской выставке 1900 года в центре внимания — экспонировавшаяся там бурская ферма. Парижане спрашивают друг у друга:

— Ты видел ферму?

А какой-то Эдмон Ростан, уроженец Марселя, еще молодой, но, говорят, уже известный, написал даже стихи «Гимн Крюгеру»:

Когда ты в городе моем сошел на берег,
Все знали, что ты побежден, — никто не верил
И я, как все, затрепетал — Старик! Воитель!
Ты в моем сердце встречен был как победитель.

А какой каскад насмешек французы обрушивают на него, Сесила Родса. В журнале «Рир» Джон Буль говорит Родсу:

— Теперь понятно. Величественные деяния — это кровь других людей.

Ну, это все у тех, кто не любит Англию и болеет за буров.

А соотечественники? Они-то кого выбирают себе героями?

Пожалуйста — лорд Робертс. Прозвище — Бобс. Фельдмаршал, командующий...

Краснорожий чародей —

...Крошка Бобс...

В ад пойдет с ним всяк, кто цел, —

Веришь, Бобс?

Что ж, он в своем деле не последний. Но и лошадей таких рослых тоже выбирает не зря. Как величествен верхом! Не разглядишь, какой он маленький и что ему уже под семьдесят.

Или Китченер... Холодными глазами его восторгаются, а что лицо зачастую брезгливое — не замечают. Да, начальник штаба у самого Робертса, а вскоре — и на месте Робертса... Как любили они, Родс и Китченер, ранним утром проехаться верхом по лондонскому парку... Как это было недавно! И давно...

Но Китченер, как и Робертс, дослужившись до высоких воинских званий, воевал ведь пока только с азиатами и африканцами. Правда, Китченер повидал и франко-прусскую войну. Но тогда ему было только двадцать, и у французов он был просто добровольцем...

Посмотрим еще, смогут ли они довести дело до конца... Конечно, под их началом сражаются и части, которые дрались в Крымскую кампанию, под Балаклавой, да с той-то поры воды утекло немало...

Сколько пишут о Киплинге! Как создал отряд волонтеров, как навещал раненых, как собирал деньги для солдатских семей, как отдавал на войну гонорары за свои стихи и поэмы!

И вокруг Баден-Пауэла создали шумиху. Ну, бедняга, пожалуй, заслужил. Его все-таки держали в осаде почти на сто дней дольше. На этот маленький Мафекинг буры выпустили двадцать тысяч снарядов! Бог с ним...

...Но вот хоть этот молоденький репортер Уинстон Черчилль, сын того недотепы, что ездил по Родезии в 91-м... Ну, бежал из плена. Ну, назначили буры за его голову 25 фунтов. Не ахти как высоко оценили. Но вернулся в Лондон этот мальчишка — львом сезона стал, в парламент сразу выбрали!

Даже его тетка, леди Сара, и та ходит в героинях, и только потому, что сумела пробраться в осажденный Мафекинг к своему мужу, офицеру.

Газетных восторгов на всех хватает...

А его, Родса, никому не приходит в голову считать героем! К нему относятся как к тому мавру, который сделал свое дело и которому остается только уйти.

На самом деле, конечно, было не совсем так, а может быть, и совсем не так. Правители Англии не собирались делать из Родса козла отпущения. Но сделать его героем этой войны было трудно — слишком многие видели в нем виновника потоков лившейся крови.

Да и сам Родс подставлял себя под удары. Анекдотические рассказы о его распрях с военными во время осады Кимберли не составили ему славы.

А потом еще скандал из-за счета, который «Де Бирс» предъявила британскому казначейству. Речь

шла об убытках, понесенных компанией во время осады Кимберли. Счет был на триста тысяч фунтов. И даже такие:

За венок, возложенный на могилу убитого офицера 19 ф. 10 ш

За наем кеба для корреспондентов, находящихся при компании... 20 ф.

Посыльным, доставлявшим из Моддеррифира в Кимберли газеты для Сесила Родса .. 788 ф.

За доставку письма Родса в Мафекинг... 25 ф.

Правительство вернуло счет с намеком, что надо бы совесть иметь. Но компания не прекратила своих домогательств, она лишь сократила их до 54 641 фунта 4 шиллингов 9 пенсов. Один из депутатов — ирландец — сделал в палате общин запрос по поводу этого счета, огласив возмутительные, с его точки зрения, требования компании.

Могло это способствовать популярности Родса? Он, всегда чувствовавший настроения публики, теперь вредил себе. Да еще как!

Несколькими годами раньше сам бы прекрасно понял, что такие поступки совершенно недопустимы, во всяком случае до той поры, покуда не кончилась война и страсти не поостыли. Теперь — нет. Не понимал. Может быть, сам себя убеждал, что Кимберли отстояли нанятые им волонтеры. А если так, то вроде бы можно...

Но настроения вокруг были иные. Понять это и тем более смириться он никак не мог.

И ВЕК, СЧИТАЙТЕ, ПРОЖИТ

Я дал свое имя громадной Родезии, и
двести или триста лет мое имя там сохра-
нится, меня будут помнить

Родс

Все в этом мире очень кратковременно
Жизнь, слава, достижения — все преходяще

Родс, незадолго до смерти

Шла война, которую весь мир считал его вой-
ной. А он не находил себе ни места, ни дела. Что его
заставляло метаться? Действительно определенные,
конкретные неудачи? Или самое гнетущее — разлад
с самим собой?

Может быть, он впервые стал подводить итоги
своей жизни, оценивать совершенное. Казалось бы,
как много сумел сделать...

Но не то, не так! Не пришел «конец всем вой-
нам», о котором Родс наивно писал еще в первом
политическом завещании. Да и сами англичане —
нация, которой он готовил столь блестящее буду-
щее, — разве они оправдали его надежды?

Тоску о несбывшемся он, конечно, познал. Задумался ли тогда и над какими-то другими сторонами жизни, кроме деловых и политических? Вedomо ли было ему чувство, которое почему-то с насмешкой именуют мировой скорбью? Посещали ли его те мысли, о которых писал Салтыков-Щедрин: «Знал я, сударь, одного человека, так он куда не понимал — благоденствовал, а понял — удавился!»

Родс оказался на склоне своей карьеры, да и жизни, довольно рано, в сущности лет с сорока-трех — с набега Джемсона. Но сознание этого пришло позднее. Как же он осмысливал тогда свое прошлое?

Создается впечатление, что возвыситься над своими действиями, посмотреть на них со стороны ему было трудно. Из него не вышло бы ни Талейрана, ни Фуше, ни лукавого византийца Прокопия Кесарийского, который, утверждая официальные политические догмы, втихомолку писал свою «Тайную историю».

Многие биографы Родса называют его натурой цельной, подчеркивая тем самым, что его никогда не терзали сомнения. Похвала ли это? С античных времен известно, что человек соткан из противоречий и именно во внутренней борьбе рождается его духовная ценность.

Всю сознательную жизнь Родс держался примерно одних и тех же взглядов. Да действительность не так уж во многом заставляла его их пересматривать. Ведь то, что он проповедовал, английские власти шаг за шагом претворяли в жизнь! Но делали это уже не его руки, он не чувствовал себя напрямую режиссером событий. Отсюда и обиженность, и мнительность.

Бывшему премьер-министру, бывшему члену Королевского тайного совета поневоле приходилось становиться в позу человека, хотя и обойденного, оскорбленного, но все же не унижающего себя жалобами и пререканиями.

Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Эти киплинговские заповеди появились уже вскоре. И их примерял к себе каждый, правый и виноватый. Они и составлены были так, чтогодились каждому. А Родсу могло казаться, что они обращены прямо к нему. Еще за год-полтора до смерти Родс физически чувствовал себя сравнительно сносно, многим говорил об этом, да это и видно было. Но его снедала тоска человека, оставшегося не у дел. Конечно, есть алмазные россыпи, есть золотые прииски, есть Родезия. Да разве это те масштабы, о которых он мечтал...

Последний удар был нанесен ему совсем неожиданно.

ЖЕНЩИНА ВТОРГЛАСЬ И В ЕГО ЖИЗНЬ

Родс не любил женщин и избегал их. К нему нельзя отнести стихи Киплинга, которые так понятны мужчинам на самых разных широтах (не потому ли молодой Константин Симонов когда-то перевел их?)

Жил-был дурак. Он молился всерьез
(Впрочем, как Вы и Я)
Тряпкам, костям и пучку волос —
Все это пустою бабой звалось,
А дурак ее звал Королевой Роз
(Впрочем, как Вы и Я).

Но все же и в его жизнь вторглась женщина. И заставила тратить попусту нервы, время и деньги, метаться с одного края света на другой, не дав взамен ни тепла, ни покоя, ни радости. И Родс, умевший расправляться с другими так безжалостно и ловко, спасовал перед нею.

...Как часто политики, ученые, писатели недобрым словом поминали женщин, весь талант которых в том и состоит, чтобы распространять сплетни, злословить, плести интриги в околоторческой или околполитической среде. Интриги дамские, но, может, потому-то и действенные.

Александр Блок когда-то с горечью писал в своем дневнике: «Они нас похваляют и поругивают, но тем пьют нашу художественную кровь. Они жируют, мы спиваемся. Всякая шавочка способна превратиться в дракончика... Они спихивают министров... Это от них так воняет в литературной среде, что надо бежать вон, без оглядки». Кто же они, эти бестии? «Патронессы, либералки, актриски, прихлебательницы, секретарши, старые девы, мужние жены, хорошенькие кокоточки — им нет числа».

Что же за женщина встала на пути Родса? Княгиня Екатерина Радзивилл, полька, уроженка Петербурга. С. Ю. Витте, знавший ее молодой, писал: «...я встречал очень интересную особу — княгиню Радзивилл; эта княгиня Радзивилл была очень красивая собою... Впоследствии оказалась большою авантюристкой». Она сумела произвести впечатление даже на двадцатилетнего гусарского лейтенанта Уинстона Черчилля, хотя была старше его на шестнадцать лет. Черчилль нашел ее очаровательной и вместе с тем крайне эксцентричной.

Княгиня умела выбирать поклонников пожилых, но влиятельных. Витте писал о ее связи с генерал-

адъютантом Черевиным, который был не только начальником охраны Александра III, но и одним из самых близких к нему придворных. «...Она попросту жила с Черевиным, а поэтому имела некоторое влияние в петербургском обществе, так как этот Черевин был влиятельным человеком, а вследствие этого и княгиня Радзивилл могла оказывать некоторое влияние. После смерти Черевина у нее обнаружались не вполне чистые дела, и она переехала в Англию». Витте связывал ее имя и с Иваном Алексеевичем Вышнеградским, министром финансов.

Не исключено, что Витте попутал что-нибудь, как он приписал ей потом и роман с Родсом. Впрочем, Родс был далеко, в домашних же, петербургских делах Витте, как известно, разбирался неплохо. И что до «не вполне чистых дел» в Петербурге, то они у княгини действительно были. Ей пришлось покинуть Северную Пальмиру, когда обнаружилось, что в подвале ее дома, и вроде бы не без ее ведома, обосновались преступники, занимавшиеся всякого рода подделками.

Родса княгиня встретила в 1896-м, когда ей было уже тридцать восемь. Познакомились они в Лондоне, на обеде у редактора «Таймса». И решила обедневшая аристократка подобраться к деньгам миллионера: женить его на себе, влюбить в себя — все равно, лишь бы добиться своего. Правда, молодость миновала, и с ней ушло обаяние. Но зато появился опыт, и княгиня взялась за холостого миллионера умело и энергично. Начала с восторженного письма — как изумительно вел себя Родс в комиссии по делу о набеge Джемсона! Потом попросила советов, куда лучше вкладывать деньги, — ведь она так беспомощна в делах... Вкладывать-то было, собственно, нечего, капиталов почти не осталось.

Шел 1899 год, на юге Африки сгущались военные тучи. Первого июля Родс сел на корабль, плывший из Лондона в Кейптаун. Странное совпадение — княгиня оказалась на том же пароходе и с первого же дня стала соседкой Родса за обеденным столом в салон-ресторане.

О чем они говорили? Она горько жаловалась на жестокости и издевательства мужа, между делом сообщила, что разведена (хотя развод состоялся лишь через несколько лет). Однажды, когда они прогуливались по палубе, картинно упала ему на грудь.

К концу долгого плавания ей удалось добиться приглашения бывать в Хруте Скир. И она сумела извлечь максимум выгоды из этого, став своим человеком в доме.

Роман? Нет, не вяжется это как-то со всей жизнью и обликом Родса. Дело, видимо, в том, что княгиня с пониманием обсуждала самое для Родса животрепещущее — политические дела. Изобразила такую приверженность замыслам Родса, что сумела войти в доверие. Умело льстила. Могла к месту завести речь о своих связях с аристократией всей Европы. И намекнуть, что связи эти — к услугам Родса.

Знакомства у княгини действительно были. У человека с фамилией Радзивилл их не могло не быть: родственниками Радзивиллов были даже Стюарты, английские короли. Эту громкую фамилию, как и титул княгини, она носила по мужу, князю Вильгельму Радзивиллу, офицеру прусской армии, за которого вышла пятнадцатилетней девушкой. Но и ее девичья фамилия — Ржевусская — тоже открывала перед ней многие двери.

Ее отец, Адам Ржевусский, был флигель-адъютантом Николая I, генералом, одно время военным комендантом Петербурга. Его первая жена, урож-

денная Лопухина, была фавориткой Александра I. Брат его, Генрих, жил в Польше и стал известным писателем. Сестра Адама, вдова графа Ганского, жила на Украине и вышла замуж за Бальзака (или, как говорилось в церковной актовой книге города Бердичева, где состоялось венчание, за «помещика французского Краз Гонората Бальзака, юношу 50 лет, имеющего урядовое дозволение матери на вступление в этот брак с Евою Ганскою, уроженкою Ржевусскою»).

В доме Ржевусских в Одессе в пушкинские времена находился салон Каролины Собанской. Пушкин бывал у нее, был в нее влюблен, посвятил ей «Что в имени тебе моем?..», «Все кончено. меж нами связи нет...», «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Как наше сердце своенравно!...»...

Сколько же возможностей открывала перед Екатериной такая родословная! Петербург, Берлин, Вена, Лондон — в молодости она всюду чувствовала себя как рыба в воде среди космополитическо-аристократической знати.

Было у княгини и еще одно достоинство, которое могло показаться Родсу полезным. Она бойко владела пером. Правда, к моменту знакомства с Родсом этот ее талант еще не проявился во всем блеске. Это уже потом на европейские книжные рынки хлынул поток ее сочинений о русском и других европейских дворах.

О жизни последних Романовых, например, многие на Западе судили по ее пухлым томам. Какие названия! «Интимная жизнь последней царицы», «Тайны русского двора», «Упадок и крах России. Секретная история великого падения», «Николай II, последний из царей», «Распутин и русская революция».

Княгиня долго жила в Берлине, и вот из-под ее пера появились: «Разочарование кронпринцессы, или История любви и семейной жизни Цецилии, бывшей германской кронпринцессы», «Германия при трех императорах». Бывала в Вене. Отсюда — «Австрийский двор изнутри». Во Франции — «Франция без вуали»... Книги выходили на английском, французском, немецком, даже шведском.

Она была отнюдь не бесталанна. Умела находить информацию. Одной из первых, еще в 1921 году, рассказала, как появились «Протоколы сионских мудрецов». Оказалось, что, когда она жила в Париже, у нее бывал литератор М. Головинский. Он показывал ей тетрадь с текстом «Протоколов» и хвастался, что написал это по заданию Рачковского, начальника русской заграничной охраны. А тот хотел создать жу-пел «жидомасонства».

Все это было потом. Но и ко времени знакомства с Родсом одно из ее литературных упражнений уже наделало шума в Европе. В октябре 1883-го во французском журнале «Нувель ревю» появился очерк о высшем берлинском обществе. В нем высмеивались кайзер, рейхсканцлер и двор. Ко двору Вильгельма I молодая княгиня действительно была допущена и описала его со знанием дела. Берлинский свет встревожился. Гольштейн, один из руководителей немецкой дипломатии, возмущался «ядовитостью» статьи и гадал, кто же мог быть ее автором.

Даже в изданной спустя много десятилетий, уже в 1957 году, книге известного западногерманского историка Хельмута Рогге «Гольштейн и Гогенлоэ» сказано: «Подлинный автор сенсационной статьи, которая потом в виде книги вышла под псевдонимом граф Поль Василий, так до сих пор и не установлен».

А это был псевдоним княгини Радзивилл. Она подписала так множество своих книг и статей. Весь этот шум в Берлине она наделала, когда ей было всего двадцать пять.

Свое перо она готова была предоставить в распоряжение Сесила Родса. К тому же она сразу пере-знакомилась с ведущими южноафриканскими политиками — Яном Хофмейером, верховным комиссаром Милнером и другими. И начала демонстрировать Родсу свой главный дар — умение плести интриги. Явно предлагала поставить этот дар ему на службу.

Смысл ее игры сводился к тому, чтобы, подогрев честолюбие Родса, снова втянуть его в борьбу за пост премьер-министра и убедить, что победа возможна лишь при ее содействии.

Потом началась война. Пока Родс был заперт в Кимберли, княгиня оставалась в Кейптауне и отнюдь не дремала. Неустанно обрабатывала капских политиков, писала письма в Лондон известным журналистам и парламентариям. Увещевала, уговаривала, убеждала: для процветания британской нации необходимо поставить Родса у власти в Южной Африке, как только кончится война.

Казалось бы, все это должно было нравиться Родсу. Ан нет! Еще до начала войны он стал избегать встреч с княгиней. Должно быть, ее назойливая активность настораживала его и раздражала. Он, видимо, быстро понял, что она опутывает его своими сетями.

Когда Родс вернулся в Кейптаун после осады Кимберли, княгиня снова изо дня в день стала появляться в Хруте Скир к завтраку. В какой-то мере из-за ее назойливости Родс и отправился в Англию, про-быв в Кейптауне лишь месяц. Княгиня последовала

было за ним, но, узнав об этом в Лондоне, он вернулся в Южную Африку.

Княгиня попала в беду. Деньги иссякли, кредиторов не было. Но она нашлась. Связалась и тут с людьми, занимавшимися подделкой драгоценностей, и ей сделали фальшивые дубликаты бриллиантов. Настоящие она заложила. Надела фальшивые, а потом заявила полиции, что они украдены. Их оценили в пятьдесят тысяч фунтов — громадную по тем временам сумму. Если бы мошенничество удалось, княгиня была бы на время спасена. Но обман раскрылся. Тогда она объявила, что обручена с Родсом и что он якобы даже помогал ей развестись с мужем. Полиция замяла дело. Хозяин гостиницы был менее стоворчив и выгнал беспокойную постоялицу. Настоящие бриллианты тем временем были проданы с аукциона и куплены ее зятем князем Блюхером.

Она стала ждать возвращения Родса из его поездки по Родезии. Как ни странно, вернувшись в Кейптаун в ноябре 1900-го, Родс помог ей деньгами. И потом помогал еще полгода. Правда, часть денег пошла на создание журнала «Все более великая Британия». Княгиня издавала такой журнал, хотя и недолго — с июня по август 1901-го.

Но все-таки почему Родс давал ей деньги? Она была ему явно неприятна. Быть может, сыграло свою роль то, что княгиня, едва оправившись, снова принялась за старые политические игры: снова льстила, вербовала сторонников, пыталась побудить Родса к восстановлению былых связей с Хофмейером и другими лидерами капских буров, чтобы он добился их поддержки в борьбе за пост премьер-министра будущей «объединенной Южной Африки».

В какие-то моменты ей, вероятно, удавалось снова разбудить его честолюбие. Но захватить его на-

долго такие мечтания уже не могли — слишком он был надломлен.

Вскоре полиция выяснила, что один из знакомых княгини, уже сидевший в тюрьме за подделки, шлет ей письма с нарочитыми упоминаниями о ее якобы несметных богатствах в России. Эти письма она показывала Родсу как свидетельства своей кредитоспособности.

Любопытно, что в России какая-то собственность у нее все же была, даже в самые тяжелые моменты ее денежных затруднений. Чтобы убедиться в этом, вовсе не нужны были фальшивые письма. Достаточно взять справочник «Весь Петербург» за начало нынешнего века. Там сказано, что княгиня Екатерина Адамовна Радзивилл владеет домом номер 3 по Дмитровскому переулку в центре Петербурга. Этот довольно большой дом, кстати, стоит и по сей день (хотя переулок и близлежащие улицы сильно пострадали от бомбежек в конце 1941-го). Вероятно, была у княгини и другая собственность, но, как отмечает один из биографов Родса, почему-то «ее имущество было трудно реализовать, превратить в деньги».

Княгиня бравировала дружбой с премьер-министром Солсбери и другими политиками, которых она в лучшем случае едва знала. Появились еще и подделанные ею телеграммы.

А потом тот же знакомец из уголовного мира подделал для нее подпись самого Родса на довольно крупных векселях. В августе 1901-го газете «Кейп аргус», пайщиком которой был и Родс, пришлось предостеречь читателей от фальшивых векселей за его подписью.

Княгиня пошла на шантаж: дала понять, что владеет документами, компрометирующими Родса, Милнера и Чемберлена. Родс встревожился больше

других. Во всяком случае, очевидно, именно он был инициатором процесса против княгини.

Делом о фальшивых векселях Родса занялся самый известный в Южной Африке сыщик — Джордж Истон, и на проведенном им расследовании потом учили молодых детективов. Княгине же предъявили двадцать четыре обвинения в подделках и других махинациях. 29 ноября 1901 года ее арестовали. Ей удалось освободиться под залог. Первое, что она сделала, — снова заявила, что у нее есть компрометирующие Родса документы. Часть своих подделок попыталась приписать врачу Шольцу, который часто бывал в Хруте Скир, а жену его ославил любовницей Родса. У врача нервы оказались слабыми — он внезапно умер от разрыва сердца.

В начале 1902-го Родса вызвали на ее процесс в качестве свидетеля. Он был в это время в Лондоне. Чувствовал себя плохо, а на юге Африки стояло изнуряющее жаркое лето. Свои показания мог дать и в Лондоне, но все же отправился в Кейптаун. Прийти в суд для дачи показаний уже не смог. Давал их в постели, не мог даже подняться. А самого суда не дождался. Умер за месяц до него.

В апреле 1902-го княгиню приговорили к двум годам тюрьмы. Выйдя на свободу, она все же сумела сделать деньги на Родсе — не на живом, так хоть на мертвом. Написала о нем главу в своих воспоминаниях, изданных в 1904 году, а потом и целую книгу «Сесил Родс».

Эти воспоминания получили тогда довольно широкую известность. Привлекли они и внимание Витте. Нетвердо помня имя Родса и путая все перипетии, он все же был убежден, что с каким-то англичанином, владельцем золотых рудников в Африке, у княгини была связь.

...Махинации этой дамы стерлись бы в памяти людей, но напомнил о ней один из наиболее читаемых в последние десятилетия авторов — Андре Моруа. Он вынужден был из-за нее написать приложение к своему известному роману «Прометей, или Жизнь Бальзака». Дело в том, что через два десятилетия после смерти Родса она сфабриковала особенно нашумевшую подделку: «Неизданные письма госпожи Ганской». Больше того, она объявила, что существует архив жены Бальзака, неизвестный исследователям, и что он будет опубликован в 1957 году. Немало хлопот доставила она бальзаковедам, отняла время и силы и у Моруа. Пришлось ему разбираться в ее подделках. И уж как он честил эту «ужасную Екатерину»! Разоблачал одну ее фальсификацию за другой.

«Желая обмануть американских бальзаковедов, княгиня Радзивилл, говоря о себе, заявляет, что она провела свое детство и юность под кровлей и под покровительством госпожи де Бальзак. Это тоже неверно. Екатерина Ржевусская родилась в Санкт-Петербурге 30 марта 1858 года, то есть в то время, когда ее тетка окончательно покинула родину».

Моруа пришел к выводу, что неудача замыслов княгини поживиться за счет Родса привела ее к аферам в бальзаковедении. После суда и кейптаунской тюрьмы муж, наконец, развелся с нею. «Родные отреклись от нее, в Европе она была дискредитирована, в Южной Африке обещана, и тогда эта бурная натура решила попытать счастья в Северной Америке. В Соединенных Штатах она нашла многочисленное племя почитателей Бальзака и задумала обратить в звонкую монету престиж своего происхождения из рода Ржевусских».

В книге о Родсе, изданной в 1953 году, Моруа упоминал княгиню лишь вскользь. Зато в книге о Бальзаке припомнил ей и Родса. «В целях мести и обогащения она с дьявольским терпением научилась подражать почерку Родса... Авантюристка, способная подделать подпись Сесиля Родса, конечно, была способна написать «Неизданные письма госпожи Ганской».

Но несмотря на убийственные разоблачения, эти фальшивки нет-нет да и воскресают на страницах книг и журналов. Даже в 1979 году журнал «Спиктейтор», считающийся весьма солидным изданием, снова рассказал читателю, что жила-была Екатерина, которую «воспитала мадам Ганская, вдова Бальзака».

А в чем-то обманулся и сам Моруа, хоть он-то вроде понимал, что «в жизни Екатерины Радзивилл все сплошная ложь и выдумка». В «Прометее» он с удовлетворением сообщил читателям, что ему все-таки удалось в справочнике «Готский альманах» за 1929 год найти ее последний адрес: Ленинград, Литовка, дом 63.

Адрес, конечно, неверный. Сама ли она снабдила справочник такими сведениями, или это просто ошибка всемирно известных издателей, но в СССР этой даме, конечно, делать было ровным счетом нечего. Умерла она в Нью-Йорке, зарабатывала на жизнь, обучая американцев правилам хорошего тона. И не так уж много не дожила до назначенного ею 1957 года.

Даже своей смертью она запутала историков. В разных справочниках и исторических трудах дают разные даты ее кончины. В одном южноафриканском биографическом словаре назван 1930 год, в другом — май 1941-го. На самом деле — 12 мая 1945-го.

Она, племянница Бальзака, участница аристократических скандалов прошлого века, стала современницей героев и героинь светской хроники наших дней. Вот хотя бы девушка по имени Ли, которая тоже вышла замуж за одного из Радзивиллов и потом тоже попыталась обменять его на миллионера, только не южноафриканского, а греческого. Не Родса, а Онассиса. Старшая сестра Жаклин удержала ее от пагубного шага... и вышла за Онассиса сама. Эта старшая сестра, известная как Джеки Кеннеди-Онассис, при жизни Екатерины Радзивилл была уже шестнадцатилетней.

...Должно быть, не от хорошей жизни растратила себя княгиня на интриганство и шантаж. Семья не получилась. Не идеальной была она, видимо, женщиной для семейной жизни. Да и «муж же ее был совершенно ничтожнейший человек», писал Витте. От этого мужа родила она несколько детей, но такой, видно, у нее был характер, что не заняли они большого места в ее жизни. Были любовники, все больше престарелые, да и сходилась она с ними, судя по всему, не от большой любви.

И вот интриганство, сплетни, скандалы и заняли место чего-то настоящего, чего ей, как всякой женщине, наверно, хотелось. А может быть, впрочем, и нет?

...Почему же Родс, поняв все, так долго переписывался с нею, давал ей деньги? И даже, рискуя жизнью, приехал из Англии на ее процесс?

Теперь-то мы знаем, что шантажировать его ей было нечем. Если бы у нее имелись хоть какие-то документы, которыми она его пугала, они бы наверняка увидели свет. Ведь у княгини была масса воз-

возможностей издать их: после смерти Родса она прожила еще — шутка сказать! — сорок с лишним лет. Целую жизнь. Конечно, если бы у нее были тайные материалы о нем, она бы их опубликовала.

Чего же боялся Родс? Может, он думал, что княгиня могла что-то найти, часто бывая в Хруте Скир и без стеснения заглядывая в его личные комнаты? Для шантажа ведь не надо оснований, документов. Нужно только уметь грозить: разоблачениями, связями, сплетнями, мало ли чем...

Наверно, Родсу было чего бояться. И нервы сдавали. Не тот уж он был. Да и привык он бороться с мужчинами. Перед женщиной, которая сама атаковала, ничем не брезгуя, он спасовал.

...Материалы к этой книге обнаруживались подчас неожиданно. Сидя как-то у своего старшего друга, писателя Владислава Михайловича Глинки, в его «барской» квартире на Миллионной, возле Зимнего дворца, я рассказывал ему историю Родса и Екатерины Радзивилл. Всеведущий Глинка терпеливо выслушал, а потом лукаво спросил:

— А знаете ли вы, кому принадлежал когда-то этот дом, номер одиннадцать, где мы с вами сейчас сидим? Не знаете? Так вот, его хозяйкой была Же-ребцова, вторая жена Адама Ржевусского, мачеха этой самой вашей княгини. Так что отсюда, может, и начинался путь этой злодейки к вашему Змею Горынычу, как бишь его, Сесилу Родсу.

Мне оставалось еще раз подивиться, какими непредсказуемыми хитросплетениями полна история человеческих судеб и как неожиданно она связала фешенебельную Миллионную с кейптаунским дворцом Сесила Родса.

По старому справочнику «Весь Петербург» я разыскал, какой же дом принадлежал женщине, ускорившей кончину Родса, а потом пошел туда, в Дмитровский переулок. В детстве я жил неподалеку, и в ноябре 41-го, в ленинградскую блокаду, переживал как-то бомбежку в подворотне этого дома. Но тогда и в голову не могло прийти, что буду потом по ветхой адресной книге разыскивать имя его бывшей владелицы.

В Варшаве я расспрашивал другую княгиню Радзивилл — Изабеллу — о ее родственнице. Заодно услышал немало интересного вообще о роде Радзивиллов и о тех, кто породнился с ним, вплоть до Джеки Кеннеди-Онассис. С удивлением узнал, что мою собеседницу и ее ближайшую родню уже после второй мировой войны судьба тоже бросала в Трансвааль, в предместье «Золотого города» — Йоханнесбурга, где Родс с помощью Джемсона пытался поднять мятеж. И где его преследовала «ужасная Екатерина».

ЛЕГКОЙ СМЕРТИ НАДО БЫ ПРОСИТЬ

Приезд на процесс княгини стал для Родса последним путешествием. В сорок восемь лет он уже был стар и слаб. На пароходе задышался даже в роскошной каюте. Ему устроили постель на столе в штурманской рубке, но во время бури он упал и сильно разбился.

В Кейптауне его едва узнавали. Потухшие глаза, бесформенное обрюзгшее лицо, безжизненная кожа, всклокоченные волосы. Да и сам он, очевидно, чувствовал быстрое угасание. Должно быть, с удовлетворением вспоминал, что заранее, годом-дву-

мя раньше, увековечил себя для потомства — долгими часами позировал художникам, принимая величественные позы римских патрициев.

Может быть, Родс уже ощущал приближение смерти. Он написал Джеймсу Роуз-Инну, своему давнему политическому оппоненту: «Я, как, наверное, и каждый, старея, понимаю, насколько я глуп — ведь все, что стояло между нами, так ничтожно».

В 1902 году февраль и март — конец южноафриканского лета — оказались в Кейптауне необычайно жаркими. Как всем сердечникам, Родсу не хватало воздуха, каждый вдох давался с трудом. Ему стало так плохо, что он не смог жить в Хруте Скир и поселился в коттедже на берегу Индийского океана. Но и там приказал сломать стену, чтобы воздух проходил свободно, и положить много льда — охлаждать этот воздух. Изо дня в день в течение двух недель слуги были наготове, чтобы запрячь экипаж — Родс думал отправиться в Драконовы горы: там было холоднее, — но приказа так и не последовало. Вместо этого Родс решил поехать в Англию: там начиналась весна. Отъезд был назначен на 26 марта. В этот день его и не стало.

О скольких людях говорили: первую половину жизни тратил здоровье, чтобы добыть деньги, а вторую — тратил деньги, чтобы сохранить хоть немного здоровья. Родс оказался среди тех, кто сперва мечтал о господстве над миром, а потом — лишь о глотке воздуха.

Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надо бы просить

Врачи, да и все вокруг, видели, что дни его сочтены, и ждали кончины со дня на день. Потом широко ходила легенда, что последними его словами были:

— Так много еще надо сделать и так мало сделано.

В действительности он сказал менее помпезно и куда естественнее для умирающего:

— Переверните меня.

Он завещал похоронить себя в Родезии, в скалах Матопос, где когда-то вел переговоры с вождями ндебелов. Называл это место «Вид на мир» — с высоких скал открывались необозримые просторы. Говорил:

— Это не новая идея, я просто подражаю Моселекатсе (Мзиликази. — А. Д.). Я нашел его сидящим в пещере и взирающим на величие Матопос.

Там и соорудили гробницу. На могильной плите в соответствии с завещанием написали: «Здесь покоятся останки Сесила Джона Родса». Ничего больше, нет даже дат рождения и смерти. Родс считал это ненужным — говорил, что его будут помнить.

Судя по сообщениям тогдашней английской печати, тысячи ндебелов участвовали в похоронной процессии: шли за гробом, который везли на пушечном лафете, и встречали тело Родса зулусским приветствием: «Байете!» Что ж, может быть, и так — чего только не бывало в истории!

В Англии журналист Стед высказал широко распространенное тогда мнение, что со смертью Родса «англосаксонскую расу покинула самая крупная личность, оставшаяся после смерти Виктории». Он написал также, что бывали люди куда богаче Родса — Карнеги, Рокфеллер, Астор, но они использовали свои богатства главным образом для прямых финансовых целей. Родс же стал первым «миллионером-монархом в современном мире» — и его примеру последуют другие.

Смерть Родса отметили по всему миру. В некро-

логах старались найти и подчеркнуть что-то хорошее: о мертвых — или хорошо, или ничего. За бурскую войну Родса осуждали, но порабощение миллионов африканцев еще не встречало широкого осуждения.

Русское посольство в Лондоне доносило Санкт-Петербургу: «Последовавшая 13 (26) марта смерть Сесила Родса свела в могилу одного из наиболее выдающихся деятелей современной Великобритании. Событие это... произвело в Англии и ее колониях огромное впечатление, и столбцы всех газет, без различия политического направления, были наполнены сведениями о последних минутах жизни великого авантюриста, воплощавшего в себе идеалы и стремления английского империализма...»

В России статьи о нем появились не только в центральных газетах, но и в провинции.

«В страшных мучениях, от тяжелого недуга скончался «южноафриканский Наполеон» Сесил Родс», — сообщил журнал «Нива».

«Одесские новости»: «Англия лишилась одного из самых выдающихся политических деятелей своих, человека большого ума и необыкновенной энергии, всю свою богатую приключениями жизнь посвятившего делу возвеличения своей родины, хотя и весьма своеобразно понимавшего это величие и добивавшегося его еще более своеобразными методами».

Родс хотел, чтобы возле его гробницы создали пантеон «родезийцев». И в 130 метрах от нее воздвигли мемориал майору Вильсону и его отряду, погибшему во время преследования Лобенгулы. Мону-мент соорудили в греческом стиле — в соответствии с указанием Родса. Сделали его огромным: каждая из бесчисленных гранитных плит весила десять

тонн. У подножья написали все имена и строку из поэмы Киплинга: «Никто не остался в живых». А в 1920 году туда же перевезли из Англии останки «доктора Джима».

Так и после смерти эти люди оказались вместе — в земле, такой далекой от их родных мест. Каждый из них умирал с верой, что принес благо этому краю.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ

Последнее, шестое завещание Сесила Родса, вскрытое после его смерти, содержало не только последнюю волю о том, где и как его похоронить. Родс долго думал над этим завещанием, обсуждал его с Ротшильдом, Бейтом, Седом, Милнером... Подписал он этот документ 1 июля 1899 года, в день, когда в последний раз отплывал из Лондона в Южную Африку накануне бурской войны. Но дополнение сделал 12 марта 1902 года, всего за две недели до смерти.

Шестое завещание, как и предыдущие, было политическим. Цель оставалась прежней: расширение Британской империи и ее влияния в мире. Но отношение к методам изменилось — не прошел зря урок, полученный в результате набега Джемсона. Собственно, еще и до набега близкие Родсу люди старались отговорить его от идеи создания тайного ордена. Они считали, что огласка такого проекта неизбежно скомпрометировала бы Родса в глазах всего мира. А избежать огласки, разумеется, не удалось бы.

Такие доводы постепенно действовали на Родса. К тому же опыт учебы в Оксфорде наглядно показал ему, что есть и другие, менее явные, но отнюдь не менее действенные методы. Эти влияния видны уже

в завещаниях 1892 и 1893 годов. Но шок от набега Джемсона заставил Родса в корне переосмыслить вопрос о способах достижения главной цели.

В последнем завещании нет даже упоминания о секретном обществе. Его место заняли стипендии в Оксфорде, о которых Родс столько думал в последние годы жизни. Мысль о воспитании через Оксфорд будущих распространителей его идей вытеснила собою проект организации тайного ордена.

При этом Родс недвусмысленно объявил в последнем волеизъявлении, что дело не просто в распространении образованности и научных знаний, а в воспитании людей, преданных «всемирному союзу англоговорящих народов». Он поручал душеприказчикам отбирать кандидатов не только по приверженности к академическим знаниям. Стипендиаты «не должны быть книжными червями». Надо быть спортсменами, хорошо играть в футбол, крикет и подобные игры, обладать мужеством, твердостью характера.

Одного из душеприказчиков он инструктировал: «Вы должны также отобрать лучших студентов и направить их в разные части мира, чтобы они распространяли в колониях имперскую идею; при этом лучше, если они будут не женаты, потому что дети и другие домашние заботы обычно мешают высоким помыслам».

В сущности, Родс выдвигал здесь те же требования, что и к членам так и не созданного тайного союза. Это понятно. Ведь цели перед его оксфордскими стипендиатами ставились такие же. Да и человеческий материал намечался тот же: младшие сыновья, они-то в первую очередь и нуждаются в стипендиях.

Стипендий Родс выделил немало. При этом не забыл и идею сближения «англотеvтонской расы».

Германскому императору предоставил право ежегодно распределять пять стипендий среди выпускников немецких школ.

В завещании разъяснил: пять стипендий в год при трехлетнем обучении означают, что в первый год будут учиться пять студентов, во второй — десять, а начиная с третьего — пятнадцать.

Подавляющее большинство мест он выделил Британской империи и Соединенным Штатам. Для английских владений — шестьдесят шесть, для Соединенных Штатов — по две стипендии на каждый штат. Английские владения — Родс перечислил их — это Южная Африка, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Бермудские острова и Ямайка.

Иными словами, почти исключительно «белые» доминионы и колонии. И когда Родс писал, что никого из кандидатов нельзя отвергнуть по расовому или религиозному признаку, под словом «расовые» он подразумевал, конечно, «национальные». Родс имел в виду белых — буров и франкоговорящих канадцев.

Но — ирония судьбы! — в дальнейшем душеприказчики Родса, вернее, преемники его душеприказчиков в связи с переменами в мире стали трактовать завещание в буквальном смысле слова. И по стипендиям Родса в Оксфорд стали попадать люди всех цветов кожи.

К нашему времени завещание Родса дало университетское образование уже почти шести тысячам человек. Среди них — известные ученые, нобелевские лауреаты. Государственные деятели, премьер-министры ряда англоязычных стран. Крупные бизнесмены. Писатели. Роберт Пенн Уоррен, автор романа «Вся королевская рать». Два участника заговора против Гитлера — их казнили в 1944-м и 1945-м. Американские сенаторы, члены Верховного суда

США. Дин Раск, государственный секретарь в правительстве Кеннеди. Родсовским стипендиатом был и президент Билл Клинтон. В конце 1997 года он поручил Сьюзен Райс, тоже бывшей родсовской стипендиатке, отвечать за политику США в Африке — назначил ее помощником государственного секретаря по Африке.

Стипендиатом Родса был и Абрахам Фишер, бурский аристократ, внук премьер-министра бывшей Оранжевой республики. Он стал лидером революционного подполья. И в шестидесятых годах был осужден властями Южной Африки на пожизненное заключение.

...Родсу не исполнилось и 49 лет, но трудно представить его дожившим до мировой войны, до двадцатых или тридцатых годов нашего века. А ведь немало ровесников и людей его поколения не только жили, но и вполне «вписались» в новые времена. Бернард Шоу, родившись тремя годами позднее Родса, дожил до 1950-го, Сидней и Беатриса Уэбб — до середины 1940-х. Джон Гобсон, один из самых яростных критиков Родса, — до 1940-го.

Армиями первой мировой войны командовали Гинденбург, Жоффр, Китченер, все старше Родса, и его ровесник — Брусилов. Петен, герой первой мировой войны и позор второй, был всего на три года моложе Родса и умер в 1951-м.

И в мировой политике это поколение держалось еще долго. Бальфур, Асквит, «Тигр» Клемансо, Томаш Масарик — все они были старше Родса, а их именами пестрели газеты двадцатых годов.

Буквально всем, с кем так или иначе связывалось имя Родса, судьба подарила куда более долгую

жизнь. Джемсон и Хофмейер прожили на полтора десятка лет больше Родса; Солсбери, Киплинг и Конан Дойл — на два с половиной; Чемберлен и Крюгер — на три десятка; королева Виктория и лорд Розбери — на три с половиной. Даже Лобенгула жил на десять лет больше.

А секретарь Родса Филипп Джордан умер в мае 1961 года.

Родс не изведal старческих превращений, ощущений, немощей.

Время его миновало быстро — это было так очевидно. В британскую политику приходили другие люди. Дело не в том, лучше они или хуже, моложе или старше, — они просто были другими.

В год смерти Родса английским премьером стал Бальфур. Он был старше Родса на пять лет. К его восьмидесятилетию, в 1928 году, в «Таймсе» появился сонет-поздравление:

В перчатке мягкой жесткая рука,
Он знал: закономерны разрушенья,
И, равнодушный к злобе и добру,
На гниль и тлен взирая свысока,
Он чувствовал тогда лишь наслажденье,
Когда работу превращал в игру.

О Родсе так бы никто не сказал. Во многом можно его заподозрить, но не в бесстрастности. Свое дело он делал пылко, отдаваясь ему целиком и принимая его абсолютно всерьез. И английские барды воспевали его совсем не так, как Бальфура.

Та эпоха длилась двадцать пять — тридцать лет. С 1870-х до начала нашего века. Деятельность Родса пришлась как раз на эти годы. Он был плоть от плоти тех сил, что делили, кромсали на куски целые континенты.

Но время это кончалось. К началу XX-столетия мир уже был поделен. Англо-бурская война стала завершением этого раздела.

Вместе с эпохой, как часто бывало в истории, ушел и человек, ставший ее олицетворением.

Зенит могущества Британской империи, самой большой империи в истории человечества, связан с именем Родса, но так ли уж надолго она его пережила? Теперь, оглядывая весь ее путь, можно сказать: как же быстро она распалась...

Герберт Уэллс в 1921 году считал, что через сто лет уже не будет Британской империи. Райдер Хаггард резко осудил его за такой пессимизм. Но события шли быстрее прогнозов.

Прошло лишь сорок лет после смерти Родса, и его младший современник Уинстон Черчилль драматически воскликнул:

— Я стал первым королевским министром не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи.

Но все же Черчиллю пришлось сыграть эту роль. И еще при его жизни Дин Ачесон, государственный секретарь США — страны, которую Родс еще так недавно мечтал вернуть в состав Британской империи, меланхолично заметил:

— Великобритания потеряла империю и пока еще не может найти свое место в этом мире.

Последней среди крупных британских колоний добилась независимости страна, завоеванная Родсом, — Южная Родезия. В 1980-м, отдав свое последнее распоряжение — спустить английский флаг, последний губернатор лорд Сомс провозгласил: этот акт «завершает многотомную историю нашей страны: книгу Империи».

...Великий Шелли, соотечественник Родса, когда-то написал сонет о найденном в пустыне обломке древней статуи:

И сохранил слова обломок изваянья:

«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!

Взгляните на мои великие деянья,

Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»

Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...

Пустыня мертвая... И небеса над ней...

Сколько изваяний постигла такая судьба... Большинство памятников Родсу оказались недолговечными. Те, что были поставлены в Северной Родезии (теперь Замбии), сняты в середине шестидесятых. В Южной Родезии (теперь Зимбабве) — в начале восьмидесятых.

В Южно-Африканской Республике пока стоят.

ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Мыс Доброй Надежды, мы с доброй надеждой
Тебя покидали Но ветер крепчал

Борис Поплавский

Кто-то сказал, что выводы — это место в тексте, где вы уже устали думать. И все же — на какие мысли может навести судьба этого человека? Должно быть, на самые разные.

Как часто меняются взгляды на историю! Кому, как не нам, в России, знать это. Николай II был сперва царь-батюшка, потом — изверг, теперь — мученик, скоро, кажется, его объявят святым. Так нам ли удивляться переменам в оценках Сесила Родса!

ТАК В ЧЕМ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ФЕНОМЕН РОДСА?

Один из его приверженцев говорил: «Было что-то магическое в самом имени Сесил Родс, оно излучало магнетизм, как и он сам». Я уже приводил мнение Конан Дойла: «Это странный, но поистине ве-

ликий человек, могущественный вождь с грандиозными мечтами, слишком великий, чтобы быть эгоистичным, но и чересчур решительный, чтобы быть особенно разборчивым в средствах, — человек, которого не измерить нашими привычными человеческими мерками, такими мелкими для него». И Киплинг — о том же:

Послушник мечты, что его вела,
Которой нам не понять .

Этот образ гипнотизировал не только его соотечественников. Андре Моруа издал восторженное жизнеописание Родса. Освальд Шпенглер в своих пророчествах «Заката Европы» видел в Родсе знамение грядущего. В его схеме мировой истории Родс оказался «посредине между Наполеоном и людьми насилия ближайшего столетия».

Почему же это имя оказалось окружено таким ореолом?

Как понять ушедшего из жизни человека? Любого. Даже самого близкого тебе, того, кто, казалось бы, понятней всех других? Анна Ахматова писала: «Отцы и деды непонятны». Борис Пастернак уверял:

Повесть наших отцов,
Точно повесть
Из века Стюартов,
Отдаленней, чем Пушкин,
И видится
Точно во сне.

Как воссоздать исторический фон прошлого? Даже если знаешь все доступные документы, видел улицы, вдыхал запах тех мостовых. Как это в «Фаусте»?

Не трогайте далекой старины.

Нам не сломать ее семи печатей.

Томас Карлейль считал, что толковое жизнеописание — столь же редко, как и толком прожитая жизнь. Андре Моруа поправил его, сказав, что толковое жизнеописание встречается куда реже, чем толком прожитая жизнь. Самому Моруа, мастеру биографического жанра, тоже удавалось далеко не все. И среди биографий, вышедших из-под его пера, книга «Сесил Родс» оказалась не лучшей.

К тому же есть люди, о которых писать особенно трудно. Среди них и те, кто в разные времена вершили судьбами народов, государств. Судить об этих людях по их словам? Так зачастую слова им нужны были как раз, чтобы скрывать свои мысли. По делам? Они окружали свои дела глубокой тайной. В их жизнь вплелись секреты государств, политических партий, гигантских хозяйственных механизмов. И чем важнее эти тайны, тем теснее связаны с мировыми катаклизмами, тем сложнее их раскрыть.

А как понять те идеи, которые в наше время отторгнуты, стали стереотипом вредоносного?

Сейчас трудно представить, что у создания империй, у завоевания колоний была своя романтика, и еще какая. Была своя мораль, своя добродетель. Что они завораживали людей. Только европейцев? Не только. Разве в Азии не создавались империи?

У этой романтики и этой морали были свои кумиры. Каким ореолом были окружены имена французских генералов Лиотэ и Галлиени, немца Карла Петерса, англичан Гарри Джонсона, лорда Лутарда, генерала Гордона... Но даже в самой Великобритании никого не поставили рядом с Родсом. Только в его

честь, только его именем были названы обширные страны. Были политики, которых именовали строителями Британской империи, но только Родса — ее отцом.

Так в чем же все-таки феномен Сесила Родса?

Отчасти дело, наверно, в том, что он объединил в себе множество образов. Промышленник. Финансист. Завоеватель. Идеолог. Политик и государственный деятель — премьер-министр и член Королевского тайного совета. И даже дипломат. Родс выступал на каждом из этих поприщ и на каждом преуспел.

Его имя в Великобритании, да и в других европейских странах было символом успеха. В его удачах видели не везение карточного игрока, ловко сорвавшего банк, а результат действий человека, увлеченного созиданием. Строительство железных дорог, телеграфных линий, городов. Это не испанские конкистадоры, которые грабили, ничего не создавая.

Окружить имя Родса почитанием оказалось легче и из-за того, что он по происхождению не принадлежал к аристократам и богачам. Пробился своими силами, своей энергией, целеустремленностью. Сделал карьеру не благодаря учебе в Оксфорде, а наоборот, попал в Оксфорд благодаря сделанной карьере. Так что его можно было выдавать чуть ли не за человека из народа.

В Родсе можно было видеть человека, шедшего наперекор официальным кругам с их бюрократической инертностью и равнодушием к ярким идеям. Ведь одно дело — захваты, осуществляемые непосредственно правительством, с нескончаемыми дебатами в парламенте и обсуждением бюджетных ассигнований. Простому налогоплательщику эта говорильня казалась зачастую лишь казенной рутинной и

не вызывала ничего, кроме скуки, а то и протеста. Особенно в Великобритании, где в отношении к властям всегда чувствовались скептицизм и недоверие.

Совсем другое, когда призыв исходит от мечтателя, романтика. Он открывает новое Эльдorado и вдохновенно призывает соотечественников «освоить» новые земли во имя величия родины, нации, на благо отсталых народов и всего дела цивилизации. И кладет к ногам отечества несметные богатства этих краев.

Он, Родс, представал радетелем за дело Британии: ради ее величия работал и сражался в дебрях и пустынях, под палящим солнцем, подстерегаемый бесчисленными опасностями, не жалея здоровья и самой жизни. Они же, чиновники, покрываются жирком в уютных лондонских кабинетах и думают о продвижении по службе и привилегиях.

У правящих кругов Англии создание такого образа не вызывало протеста. Наоборот, поощрялось: оно помогало облагораживанию имперской политики.

Родс, как, может быть, никто другой, воплотил в себе имперский дух времен раздела мира. Его сознательная жизнь — с приезда в Африку в 1870-м до смерти в 1902-м — совпадает с периодом этого дележа. Те идеи составляли смысл его существования. Он фанатично верил в дело, которому служил, и отдавал ему всего себя, все свои недюжинные способности. Умел заразить других своими идеями, вдохновить своим примером. Умел проявить и мужество.

Он не был оратором. Говорил фальцетом. Артикуляция речи оставляла желать лучшего. Мог бросить собеседнику:

— Ну, сформулируйте же, что я хотел сказать!

И все-таки в нем была внутренняя сила, заставлявшая людей слушать и подчиняться. В наши дни о нем сказали бы: харизматическая личность.

Он, наверно, мог бы добиться большего, если бы не так торопился, если бы умел ждать. Но тут дело не только в его нетерпеливом характере. Предсказание врача, который дал ему еще в молодости только шесть месяцев жизни, висело над ним, как дамоклов меч.

Годы на алмазных копиях тоже давали о себе знать. Да и всегдашнее напряжение. Сердечные приступы. Вот он и торопился.

Он вызывал изумление даже у тех, кто его безусловно осуждал. Вот хотя бы Оливия Шрейнер. Вряд ли кто-нибудь так яростно обличал Родса, как эта ничего не боявшаяся женщина. Но кем он был для нее? Не авантюристом, не нуворишем. Нет, скорее Мефистофелем. Он ей казался великим даже в своих злодеяниях. Она писала: «Я поясню свой взгляд на Сесила Родса такой притчей. Представьте себе, что он умер, и, конечно, черти явились, чтобы увлечь его в ад, которому он принадлежит по праву. Но оказалось, что он так велик, что не может пролезть ни в двери, ни в окна, и пришлось поневоле взять его на небо».

А как оценивали его действия в тогдашней России? Не журналисты, а политики? Российский генеральный консул в Великобритании в 1899 году направил в Петербург донесение об итогах деятельности «Привилегированной компании» за десять лет. Он назвал их «быстрыми и, с экономической точки зрения, несомненно блестящими результатами». Перечислил: сооружено более трехсот миль железнодорожных путей, создано семь городов, построена обширная сеть телеграфных линий, привлечены посе-

ленцы. Но вместе с тем набег Джемсона и «восстание туземцев» показали «несостоятельность и даже ненадежность компании».

Чем вызвана такая в большой мере положительная оценка, несмотря на резкую англофобию в правящих кругах России тех лет?

А с кем генконсул мог сравнивать Родса, на каком фоне давал ему оценку? С кайзером Вильгельмом II, который напутствовал немецких моряков, отправляя их в 1900 году в Китай?

— Пощады не давать! Пленных не брать! Убивайте, сколько сможете! Как тысячу лет назад, когда гунны во главе с королем Атиллой заслужили славу, которая и сейчас в легендах и сказках вызывает ужас, так слово «германец» должно ужасать Китай в следующую тысячу лет. Вы должны действовать так, чтобы китаец уже никогда не посмел косо посмотреть на германца.

В 1904-м по приказу того же Вильгельма южноафриканский народ гереро был загнан в безводную пустыню Калахари. Численность гереро уменьшилась, как полагают, с 60—80 тысяч до 15—16 тысяч. Когда кайзеру сказали, что его действия не соответствуют христианской морали, он, по словам канцлера Бюлова, «сначала вытаращил глаза, а затем пришел в раздражение» и презрительно бросил, что христианские заповеди к язычникам и дикарям не относятся.

Генконсул мог сравнить Родса и с американским президентом Мак-Кинли, который объяснял войну 1898 года против Испании христианской моралью.

«Я каждый вечер, до самой полуночи, расхаживаю по Белому дому и не стыжусь признаться вам, господа, что я не раз опускался на колени и молил Всемогущего Бога направить меня и просветлить

мой разум. В одну ночь мне пришли в голову следующие мысли — я сам не знаю как: ...для нас не остается ничего иного, как взять Филиппинские острова, воспитать, поднять и цивилизовать филиппинцев и привить им христианские идеалы, ибо они наши собратья по человечеству, за которых также умер Христос».

Это был мир Сесила Родса. Жестокий век, жестокая мораль. Правда, много ли в истории было жестоких времен?

В записных книжках Николая Бердяева есть такая мысль: «Всякий человек, проникнутый целостной идеей и желающий ее осуществить во что бы то ни стало — создать великую империю, осуществить великую революцию, выиграть великую войну, — легко превращается в дикого зверя». Эта мысль не оставляла Бердяева. Она появляется у него снова: «Любовь к идее может вести к равнодушию, безжалостности и даже ненависти к человеку».

Можно отнести это к Родсу? Наверно, факты, приведенные в книге, вызовут у разных читателей разные ответы. Зависит от того, с кем вы будете их сравнивать и какими мерками мерить.

ВИКТОРИАНСТВО И СЕКС

Я застал еще восторженные оценки Родса — и в конце сороковых, и позднее. Свою дипломную работу «Захват Родезии» я защищал в 1953-м, когда Великобритания отмечала столетие со дня рождения Родса. В цвет британских владений еще была окрашена большая часть карты мира. Чтобы поклониться гробнице Родса, в горы Матопос поднялись пять тысяч человек. Долгий путь из Англии проделали и

королева Елизавета, тогда еще молодая, и королева-мать. Было провозглашено создание нового колониального объединения: Федерация Родезии и Ньясаленда.

Это был последний всплеск почти безоговорочного преклонения перед Родсом.

Разумеется, похвалы Родсу звучали и позднее. Гарри Оппенгеймер в 1971-м, открыв серию «Лекций памяти Родса» в университете Родса в Грейамстауне, в ЮАР, сказал, что Родс и такие, как он, вытащили Африку из пучины тирании и хаоса. Лорд Сомс, последний губернатор Южной Родезии, на церемонии провозглашения ее Республикой Зимбабве в 1980-м заявил, что Родс заложил основу «девяностолетнего экономического прогресса, развития науки и государственного порядка, с одной стороны, просвещения и к тому же распространения английского языка — с другой». Но такие оценки не идут в сравнение с тем славословием, что было прежде.

А вот в середине девяностых в оценках Родса стали звучать не просто новые, а совсем уж неожиданные ноты.

Раньше спорили о том, как Родс стал королем алмазов и золота, как ему удалось создать в Африке собственную империю и как он смог оказать такое влияние на политику Англии и ее общественное мнение. Теперь — все больше о сексуальной стороне его жизни.

В декабре 1994 года Т. Б. Балпин, автор популярных книг по истории Южной Африки, написал в газете «Кейп таймс», что Родс был кастрирован еще семнадцатилетним, из-за сифилиса. В таком ключе о Родсе вроде бы еще не говорили. Но подобными сенсациями газеты любят поднимать свой тираж. Распалив воображение читателей, редакция «Кейп

таймс» решила, наверно, их успокоить и запросила специалистов. Мне раньше не случалось высказываться на такие темы. Но пришлось. И под заголовком «Ученые: Родс не был евнухом» появилось опровержение: «Профессор Давидсон, который с 1948 года изучает жизнь Родса и написал его биографию, сказал, что он никогда не встречал свидетельств, будто у Родса был сифилис или что его кастрировали».

В викторианской Англии на любые темы, связанные с сексом, были наложены табу. Теперь о нем и о его влиянии на характер личности не рассуждают только ленивые. Если академик Тарле в своей книге не упоминал даже любовных похождения Наполеона, то сейчас авторы книги «Тайны сексуальной жизни знаменитых людей» делятся с читателями и подозрениями о его гомосексуальных наклонностях, и уверенностью, что он в 42 года уже был импотентом. Кейптаунский хирург Кристиан Барнард, прославившийся первыми операциями по пересадке сердца, в своих воспоминаниях не считал зазорным живописать похождения с Джиной Лоллобриджидой и другими женщинами. Об интимной жизни принца Уэльского и принцессы Дианы каких только пересудов не возникало. В 1997-м были посмертно опубликованы письма Симоны де Бувуар о сексуальных способностях ее мужа, Жана Поля Сартра.

В конце 1997-го волна разоблачений выплеснулась и на Гёте. Казалось бы, его многочисленные романы досконально изучены биографами, и вроде бы общеизвестно, что в 74 года он влюбился в молоденькую Ульрику фон Леветцов. Теперь немецкий журналист Карл Хуго Пруйс издал книгу о нем как гомосексуалисте, не любившем женщин, и даже

счел это основанием, чтобы вообще низвергнуть авторитет великого поэта: «Мы должны сбросить его с мраморного пьедестала и разрушить фальшивые мифы о нем, созданные ветхозаветной наукой».

В 1996 году завершилась работа над телевизионным многосерийным 8-часовым фильмом «Родс». Он сделан под эгидой Би-Би-Си. Сколько споров вызвал этот сериал! Привлекли и меня. В сентябре 1996-го — звонок из Би-Би-Си.

— Считаете ли вы, что у Родса были сексуальные отношения с представителями своего пола и, главное, с детьми?

Вопрос чем-то даже развеселил: вспомнилось, как в «Розе Бургер» Родс выведен пожирателем женских сердец. Ответил:

— При всем уважении к Би-Би-Си удивляюсь, почему вы начали именно с этого вопроса. Разве главная задача историка — ворошить грязное белье, вынюхивать, что Родс делал в постели? Если вы имеете в виду, что он был равнодушен к женщинам, — согласен. Если считаете, что у него была скрытая склонность к гомосексуализму, — тоже согласен. Но я не видел ни одного свидетельства, что у него были такого рода отношения с кем-либо. И уж тем более с детьми.

И добавил (интервьюер, кажется, усмотрел в ответе насмешку):

— Я смотрел воспоминания и архивные документы. Но, может быть, сценарист имел доступ к таким сверхсекретным документам, до которых меня не допускали?

Что и говорить, влияние сексуальной жизни на характер и поведение чрезвычайно важно. Но если нет ни одного факта, достойно ли мусолить эту тему? Неужели роль Родса в истории Британской

империи действительно определялась типом его сексуальности?

Интервьюер задал тогда и другой вопрос:

— Считаете вы Родса отцом политики апартхейда?

Не уверен, что и тут мой ответ пришелся по вкусу:

— Вы, наверно, имеете в виду, что Родс ввел в округе Глен-Грей одну из мер будущей политики апартхейда. Это так. Но апартхейд — разветвленная система. Ее разработали через полвека после смерти Родса и потом еще долгие годы дополняли и дополняли. Так что если Родс — отец апартхейда, то кто тогда Малан, Фервурд, Форстер? Почему же апартхейд связан с их именами? Конечно, Родс был расистом. Но если каждого расиста считать отцом апартхейда, почему не начать с древних греков или римлян?

Вскоре позвонили мне из южноафриканского еженедельника «Мейл энд гардиен». Расспрашивали не о сексе, а о политике. Под конец спросили:

— А звонили вам из Би-Би-Си?

— Да.

— Когда?

— Дней десять назад.

— Значит, после того, как сделали фильм?

— Да.

И в статье, опубликованной в «Мейл энд гардиен» после этого разговора, появилась насмешливая фраза: «Странно, что Би-Би-Си обратилась за консультацией не до того, как взялась делать фильм, а постфактум».

Фильм вызвал множество «зачем?». Зачем, например, все серии начинаются с княгини Радзивилл? Только потому, что в фильме должна быть

женщина? Но в жизни Родса княгиня появилась лишь за два-три года до его смерти.

Многие зрители сочли, что буры выведены глуповатыми, англичане — двуличными, зато черные африканцы — умны, честны и открыты.

Почему я тут пишу об этом фильме? Потому что миллионы зрителей смотрели его. И миллионы еще посмотрят.

СЕСИЛ РОДС И НЕЛЬСОН МАНДЕЛА

В 1996-м в Южной Африке вышла книга под названием «Родс». Она бы, вероятно, не привлекла особого внимания — биографий Родса издано много. Но дело в том, что ее написал Энтони Томас, автор сценария телевизионного сериала. Очевидно, книга — результат работы над фильмом. И вышла большим тиражом.

То, что в фильме дано художественными средствами, в книге автор старается объяснить. Он собрал все негативное, что можно найти о Родсе (дело нетрудное!), прибавил намеки на гомосексуализм, привел исторические параллели, которые ему кажутся оправданными, — и все это подал как сенсацию.

Он сравнил Родса с Гитлером и Герингом. Родс «напоминает нам о связях и деяниях, которые лучше забыть», и поэтому памятники следует убрать не только в Африке, но и в Англии. Даже мемориальную доску в городке Бишопс Стортфорд, где Родс родился.

Вместе с тем автор считает Родса «блестящей харизматической личностью». Единственным, кому было по силам еще в прошлом столетии совершить великое дело: «он мог бы вдохновить и повести за

собой африканцев, африканеров, цветных и всех остальных» по тому пути, по которому Южная Африка пошла в наши дни, «получив второй шанс» — уже во главе с Нельсоном Манделой.

Но если Родса можно сравнить с Гитлером, то как же он мог бы повести Южную Африку ее нынешним путем? И как его сравнивать с Манделой? Как вообще сопоставлять людей таких разных исторических эпох! Когда Ленина сравнивали с Петром Первым, Сталин с возмущением сказал, что любые исторические параллели опасны, а данная — бессмысленна. С этим трудно не согласиться.

И главное, возможно ли было в прошлом веке сделать то, что и в конце XX столетия оказалось отнюдь не просто.

Книга полна таких несоответствий. Автор убеждает читателей, что Родс так же точно мог бы выступать против империализма, как он выступал за, если бы ему было выгодно. Но доказательств этому не дает.

Автор — не историк. Взгляды его на Родса, по его словам, возникли как протест против традиций его семьи, где Родс был кумиром. Книгу свою он посвятил Манделе, который использовал «шанс», упущенный Родсом.

Прости, читатель, мою эмоциональность. Но книга, как и фильм, вызвала у меня чувство протеста. Мне все время приходили в голову сопоставления. Наши отечественные авторы — как их понуждали подчиняться политической конъюнктуре! Запись в дневнике Всеволода Иванова: «Когда я думаю о смерти, то самое приятное — думать, что уже никакие редакторы не будут тебе досаждать, не потребуются переделки и не нужно будет записывать какую-то чепуху, которую они тебе говорят».

И ведь так было не только при советской власти. Традиции-то вековые. Двести лет назад, в 1796-м, 16 сентября, матушка Екатерина издала указ «об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг, об учреждении ценсур». Павел I во многом перечил матери, но в этом был с ней единомышлен. Его указ от 18 апреля 1800 года: «Так как через вывезенные из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданских законов и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, в государство наше, равномерно и музыку...»

Вспомнить об этом, и у каждого автора — боль. У меня меньше, чем у многих. И все же. Полвека назад, когда я писал студенческую работу о Родсе и Родезии, в СССР изучение истории Африки не считалось политически актуальным. Заведующий кафедрой, услышав о теме, скривился:

— Я думал, что вы толковый студент, а вас занесло в археологию.

В начале семидесятых я предложил одному из московских издательств выпустить книгу о Родсе. Ответили:

— Советскому читателю нужны книги о прогрессивных деятелях, а не о таких, как этот ваш Родс.

Если какой-то государственный деятель был не по вкусу тогдашней политической конъюнктуре, сравнение с Гитлером, Герингом или Геббельсом если и не навязывалось, то очень поощрялось.

Но это у нас. И тогда. А фильм и книга о Родсе делались в Англии, и теперь. Той традиции, что у нас, не было и вроде бы нет. Так почему же автор сценария и книги сравнивает Родса с Гитлером? И зачем посвящает книгу Нельсону Манделе? Манде-

ла, несомненно, заслуживает уважения, но посвятить ему книгу о Родсе — не странно ли? Если книгу о Николае II посвятить Сталину, Хрущеву или Брежневу? Как-то неловко. Как-то не по-джентльменски. Отдает заискиванием перед властями держащими.

В России даже в тяжелые цензорские годы Булат Окуджава показывал пример творческой свободы:

Как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить.

И тут тоже была традиция. Пушкин в николаевское время решился написать о своей «Истории Пугачева»: «Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, по крайней мере я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мысли».

Это и есть долг историка: не угождать ни властям, ни настроению публики. Но трудно это. Требуется и независимости, и мужества.

Английский историк Джордж Шепперсон утверждал, что еще не существует объективной, вполне достоверной биографии Родса.

— Я обращаюсь к грядущему биографу, который возьмет на себя громадный труд и, совершив великое путешествие по бесчисленным источникам, известным и неизвестным, письменным и устным, находящимся во многих странах, даст нам подлинно значительное исследование о Сесиле Родсе, великом викторианце, создателе и разрушителе империй, заговорщике и просветителе. Такое исследование, несмотря на уже почти столетнее изучение Родса, все еще необходимо нам, если мы хотим понять важнейшие черты прошлого, настоящего и будущего Евро-

пы, Америки и, разумеется, Африки... Об этом человеке написаны миллионы слов, но он все еще остается загадкой.

Шепперсон сказал это в 1983 году в «Лекции памяти Родса» в университете Родса в Грейамстауне. Думал ли он тогда, что совсем скоро в фильме и в книге, подготовленных в его собственной стране, Родса будут мерить совсем иными мерками. А узнав, мог бы, наверно, добавить с горечью:

И наши прошлые святыни —
Для них — пустые имена.

ТЫ ТОПЧЕШЬ ПРАХ ИМПЕРИИ — СМОТРИ!

Последствия распада империй все больше дают о себе знать и на постсоветском пространстве. Появляются и такие возгласы:

«Русские и чеченцы, русские и азербайджанцы, русские и грузины, русские и узбеки, русские и арабы, русские и негры — нации абсолютно некомплементарные. Это означает, что наши интересы всегда будут прямо противоположны, а любое приближение друг к другу на расстояние ближе пистолетного выстрела будет восприниматься как вызов». Этой уверенностью Николай Лысенко, лидер Национально-республиканской партии России, поделился в 1994-м с читателями журнала «Молодая гвардия».

Раньше таких настроений не было? Были. Историки и политологи — те, конечно, кто жил с открытыми глазами, — хорошо это знали. Но, пел Высоцкий:

Не то чтобы не знаю, —
рассказывать нельзя.

В конце 1991-го прекратилась цензура. «Легко быть смелым, если разрешили», — сказал другой поэт. Вот все это и вышло на поверхность. Хорошо это или плохо? Наверно, уж лучше наружу, чем за пазухой.

Эти настроения воплощаются в реальную политику. Они отражаются на нашей участи и скажутся на участи наших детей.

А у их истоков — великие империи. Какой же ужасный вред они принесли человечеству! И только ли вред?

Относится это лишь к чужим империям? Или к нашей тоже?

«Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости... и в несокрушимости меча его». Это сказано в 1881 году, как раз когда Родс выступал с идеей непобедимости и несокрушимости Британской империи. Но это не его слова. Многозначием я заменил слова: «белого царя». Эта фраза написана Достоевским в его «Дневнике писателя». Профессор Казбек Султанов напомнил ее в «Независимой газете». Заодно бросил упрек в возрождении имперских настроений сегодня — Говорухину, Солженицыну, да и не только им. Что уж говорить о призыве Жириновского вымыть сапоги в Индийском океане.

Как еще отзовется имперское прошлое на всем человечестве? И на нас, на нашей стране. Британия и другие империи распались раньше нашей. Важны для нас их уроки? И если да, то какие?

А они поразительно многообразны и противоречивы.

В Кейптаунском университете неподалеку от Центра российских исследований находится Центр африканских исследований. Его директор, профес-

сор Махмуд Мамдани в 1997 году через кейптаунские газеты призвал всех читать книгу Франца Фаннона «Проклятием заклеянные», изданную в начале шестидесятых годов. Она посвящена бывшим колониальным странам, прежде всего африканским. Их население автор и считал проклятием заклеянным, хотя в коммунистическом гимне эти слова, как известно, обращены к пролетариату. Фаннон клеймил Европу: она столетиями душила подавляющее большинство человечества во имя своего прословутого «духовного превосходства».

Жан Поль Сартр пытался привлечь внимание к этой книге еще тогда. Написал к ней предисловие: «Европейцы, откройте книгу, вчитайтесь! Сделав несколько шагов в ночном мраке, вы выйдете к костру, вокруг которого сгрудились незнакомые вам люди. Подойдите к ним, прислушайтесь к их разговору. Они говорят о том, что́ им предстоит сделать с вашими конторами, с наемниками, их охраняющими... Их освещает и обогревает огонь, но это не ваш огонь. Вы держитесь от него на почтительном расстоянии... оглядываетесь, дрожите от холода. Смена ролей».

Сартр принадлежал к европейской интеллигенции, которая в конце пятидесятых и в начале шестидесятых остро испытала чувство вины за преступления своих империй.

Но в бывших метрополиях не вполне угасла и ностальгия по былому имперскому величию, по людям, поднявшим над половиной мира европейские флаги.

А в мире бывших колониальных и зависимых стран преступлениями империй и евроцентризмом объясняют теперь и недоверие к ценностям европейской культуры, и идеализацию своего доколони-

ального прошлого, и афроцентризм, и востокоцентризм, и «антирасистский расизм».

Афроамериканец Луис Фаррахан, глава партии «Нация ислама», провозгласил: «Белые обязаны не только признать свою вину перед черными, но и искупить ее».

Борьба против наследия империй приобретает разные формы. Иди Амин, диктатор Уганды в семидесятых годах, именовал себя «победителем Британской империи». Но расправлялся не с ней, а с десятками тысяч своих сограждан. Президент Танзании Джулиус Ньерере сказал о нем:

— С тех пор как Амин захватил власть, он убил больше людей, чем Смит в Родезии. Он убил больше, чем Форстер в Южной Африке. Но в Африке есть тенденция не замечать, когда один африканец убивает других африканцев. Если бы Амин был белым, свободная Африка приняла бы множество резолюций, осуждающих его. Черная кожа теперь становится индульгенцией на убийство братьев африканцев.

Та империя, для создания которой Родс так много сделал, превратилась сперва в Британское содружество наций, а затем — в Содружество. В него входят 52 государства, почти треть государств мира. Больше полутора миллиардов человек. Во многих из этих стран, да и в Содружестве в целом, kloкочут самые разнообразные противоречия, как и во всем мире. Но из этого объединения никто не рвется. Даже Мозамбик туда вступил, хотя никогда английским не был. Южно-Африканскую Республику выгнали, так она постаралась вернуться. Нигерии грозят изгнанием, а она хочет остаться.

Родс оказался причастен и к строительству Содружества. Стипендии в Оксфорде, которым он от-

дал свое баснословное по тем временам состояние, не только дали образование уже почти шести тысячам студентов из разных частей мира. Совместная учеба стала одним из кирпичиков в создании Содружества.

Понимал ли это сам Родс хоть в какой-то мере?

Райдер Хаггард считал, что к концу дней Родс разуверился во многом, что он сотворил за свою недолгую, но бурную жизнь. Наверно, что-то и ему самому уже показалось не только ошибочным, но и преступным. Так что, отдав состояние на стипендии, он, может быть, и замаливал грехи, и заглядывал в будущее.

* * *

Работая над этой книгой, я стремился не забывать истину, такую на первый взгляд простенькую: нельзя к людям прошлого применять законы политики и морали сегодняшнего дня. Был рад, что из моих ответов еженедельнику «Мейл энд гардиен» редакция выделила слова: «Рассуждая о Родсе, надо помнить нравы того времени».

А тем, кто крушат памятники прошлого, хочу еще раз пожелать — быть лучше, чище и, главное, гуманнее тех, чьи памятники они свергают.

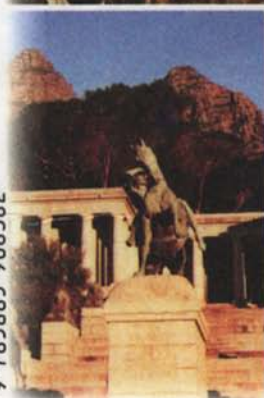
СОДЕРЖАНИЕ

В Кейптауне и в Ленинграде	5
В чем тайна его могущества?	12
Что нас толкает в путь?	17
В семнадцать лет	23
В стране зулусов	27
В чаду алмазной лихорадки	33
Один из десятков тысяч	38
Ваше благородие, госпожа Удача	41
Парадокс?	45
Рождение «Де Бирс»	50
Имперские мечты	55
Символ веры	57
В духе масонов и иезуитов?	61
Знамение времени	63
Мы, люди практичные... ..	67
Путь в глубь Африки	73
Королевство алмазов и золота	79
Схватка за корону	80
Полмили ада	87
К алмазам — еще и золото!	94
Страна Офир между Замбези и Лимпопо	99
Африканский правитель тех времен	100
Подлинное имя — зулусы	113
Трудолюбивое и искусное племя	120
Какими же видел их Родс?	124

Между «Великой белой королевой» и африканским вождем	127
Так создавали «сферу влияния» сто лет назад	130
А так добивались «концессий»	134
И так вели переговоры	139
Африканцы открывают Европу	153
Послушать бы их рассказы!	161
Англия — хамелеон, а я муха	173
Свое государство, свой герб, свой флаг	175
«Привилегированная компания»	178
Ни у какой другой не было Родса	187
Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог... ..	192
Его пионеры	195
День-ночь, день-ночь — мы идем по Африке	198
Еще одно Эльдorado	205
Разочарования	210
Отец Уинстона Черчилля	215
И еще одна «концессия»	220
Пулеметы «максим» — впервые	224
Евангелие от Луки	225
Почему ваши люди убивают моих людей?	229
Байете!	238
Резонанс	243
Его звездные часы	248
На родине	250
А в Африке?	261
В его дворце	268
Заговор против буров	275
Набег Джемсона	277
И раскаты грома	286
Все тайное становится явным	290
101 год спустя	306
Родезия против Родса	308
Жизнь в центре его империи	310
Восстание	315
Ради таких мгновений стоит жить?	323
Крах или только срыв?	332
Миллионер чувствует себя Иовом	333
Гибель соперника-союзника	335
Вы еще вспомните мои слова!	338
Киплинг, Райдер Хаггард и Конан Дойл	347

Трансвааль в огне	360
Первая большая война XX века	361
Буревестник	365
Коль кровь — цена владычеству	373
От Льва Толстого до Николая II	379
Его война?	383
И век, считайте, прожит	395
Женщина вторглась и в его жизнь	397
Легкой смерти надо бы просить	411
Последняя воля	415
Взгляд из Москвы	422
Так в чем же все-таки феномен Родса?	422
Викторианство и секс	429
Сесил Родс и Нельсон Мандела	434
Ты топчешь прах империи — смотри!	438

Африка Киплинга, Буссенара, Хаггарда...
Неизведанные дебри, невиданные звери.
Богатейшие в мире алмазные копи, золотые прииски...
Все это связано с именем Сесила Родса,
который создавал в Африке Британскую империю.
Его имя носили две страны – Южная и Северная Родезия.
Через созданную Родсом компанию «Де Бирс» и сейчас
идут на мировой рынок российские алмазы.
Что же это за человек, который, по словам М. Твена, был
«архангелом с крыльями – для одной половины мира
и дьяволом с рогами – для другой»?
Об этом пойдет рассказ в книге.

ISBN 5-88590-838-9

ЧЕЛОВЕК – ЛЕГЕНДА